МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1796—1828).

ВРЕМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕДОРОВНЫ.

Е. Лихачевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1796—1828).

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

(1796—1828).

ВРЕМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ӨЕДОРОВНЫ.

Е. Лихачевой.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.



(2033)



I.

Указъ Императора Павла I Императрицѣ Маріи начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ. — Пожертвованіе Императрицы Обществу. — Пожертвованія великихъ княгинь и княженъ. — Первыя распоряженія Императрицы по Обществу. — Приведеніе въ порядокъ хозяйственной части. — Увеличеніе средствъ на его содержаніе. — Инструкція должностнымъ лицамъ. — Приготовленія къ первому при Императрицѣ пріему въ Общество. — Предложеніе Совѣта сократить число воспитанницъ. — Проектъ Императрицы о переустройствѣ всей организаціи Общества. — Увеличеніе числа вакансій на благородной половинѣ для дворянскихъ дѣтей и уменьшеніе числа мѣщанскихъ. — Указъ Императора Павла и ассигнованіе имъ суммы на содержаніе прежняго числа мѣщанскихъ воспитанницъ. — Измѣненіе системы Императрицы Екатерины II по женскому образованію. — Личныя свойства характера Императрицы Маріи. — Ея молодость, воспитаніе и образованіе. — Объясненіе характера реформъ, предпринятыхъ Императрицею Маріею въ женскомъ образованіи и воспитаніи. — Выдѣленіе женскаго образованія изъ общей системы воспитанія и образованія русскаго юношества въ отдѣльную часть. — Первый выпускъ изъ Общества при Императрицѣ Маріи. — Награды воспитанницамъ. — Смерть Делафонъ. — Новая начальница Пальменбахъ. — Члены Совѣта. — Составленныя Императрицею правила пріема въ Общество. — Измѣненіе первоначальной цѣли его учрежденія. — Стоимость содержанія воспитанницы на благородной и на мѣщанской половинахъ. — Пенсіонерки особъ царской фамиліи и частныя. — Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ. — Кассетная сумма. — Добавленіе отпускаемой изъ государственнаго казначейства суммы на содержаніе Общества. — Нарушеніе правилъ пріема предписанныхъ Императрицею Маріею. — Дочери купца на благородной половинѣ по повелѣнію Императора Павла. — Классныя дамы.

Императрица Екатерина II умерла въ 1796 году, 6-го ноября, а 12-го, т.-е. шесть дней спустя, послѣдовало собственноручное повелѣніе Императора Павла Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ „начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ“ [1].

---

[1]) П. Собр., XXIV, 17543.

При жизни Екатерины, Марія Ѳедоровна не принимала участія въ дѣлахъ Общества и, кажется, даже не посѣщала его. Но на другой же день послѣ указа, которымъ Общество ввѣрялось ей, Императрица Марія выразила ему свое сочувствіе, приславъ Совѣту, за собственноручною подписью, увѣдомленіе о томъ, что она „жалуетъ черезъ сіе Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15-ти тысячъ рублей ежегодно, а именно по пяти тысячъ каждую треть, для употребленія по предписаніямъ Ея Величества, да сверхъ того для раздачи воспитанницамъ сего Общества, которыя при выпускѣ изъ онаго будутъ имѣть нужду въ таковой помощи“ [1]). Вслѣдъ затѣмъ въ Совѣтъ поступили письменныя извѣщенія отъ великихъ княгинь: Елизаветы Алексѣевны и Анны Ѳедоровны и великихъ княженъ: Александры, Елены, Маріи, Екатерины и Анны Павловенъ, что онѣ на такихъ же основаніяхъ, какъ Императрица, жалуютъ Обществу: первая по шести тысячъ рублей ежегодно, вторая по четыре, а другія по три тысячи каждая [2]). Эти суммы, также какъ и 15 тысячъ, пожертвованныя Императрицею Маріею, должны были состоять въ вѣдѣніи одного изъ членовъ Совѣта и послужили основаніемъ къ такъ называемому „кассетному“ капиталу Общества [3]).

Ознаменовавъ свое вступленіе въ управленіе Обществомъ щедрою благотворительностью по отношенію къ воспитанницамъ, Императрица Марія немедленно приступила къ личному, непосредственному ознакомленію съ дѣлами Общества и сразу проявила необычайную дѣятельность. Она не только сама вошла въ мельчайшія подробности хозяйства, но пригласила къ тому и великихъ княженъ, поручивъ каждой изъ нихъ завѣдываніе разными частями классовъ, о состояніи которыхъ онѣ должны были представлять ей „рапорты“. Въ первые мѣсяцы не проходило дня, чтобы Совѣтъ не получалъ отъ Императрицы повелѣнія, а иногда ихъ бывало и по нѣскольку въ день. Въ нихъ она входила во всѣ мелочи хозяйства; по ея распоряженію никто изъ служащихъ въ Обществѣ не могъ быть принятъ или уволенъ безъ ея вѣдома и позволенія; она приказала, чтобы съ поставщиками были за-

[1]) *Лядовъ.* Историческій очеркъ столѣтней жизни Имп. Восп. Общ. бл. дѣвицъ и С.-Петерб. Александровскаго училища. 1864, стр. 24.

[2]) Архивъ IV отд. Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи.

[3]) Этотъ капиталъ, увеличиваясь ежегодными взносами особъ императорской фамиліи и частныхъ лицъ, 32 года спустя послѣ его основанія, въ годъ смерти Императрицы Маріи (въ 1828 г.) составлялъ 1.289.315 р. асс. (50-лѣтіе IV отд. Собств. Его И. Вел. Канц. Хроника вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ. По порученію начальства составилъ Н. Селезневъ. С.-Петербургъ, MDCCCLXXVIII, стр. 8).

ключены контракты на болѣе выгодныхъ условіяхъ, „о которыхъ —сказано въ повелѣніи Императрицы отъ 28-го декабря—и съ другими въ присутствіи первыхъ изъясняться и если такія условія не будутъ приняты нынѣшними поставщиками, то объявить имъ, что по окончаніи срока, контрактъ съ ними не будетъ возобновленъ". Повелѣнія Императрицы касались такихъ даже мелочей, какъ открыванія форточекъ въ спальняхъ воспитанницъ, исправленія матрацовъ, замѣны веревочныхъ переплетовъ въ кроватахъ досками, замѣны въ лазаретахъ каменныхъ половъ деревянными, отдѣленія больничнаго бѣлья и всѣхъ лазаретныхъ принадлежностей отъ бѣлья и принадлежностей здоровыхъ воспитанницъ и т. п. Императрица сама осмотрѣла тюфяки и бѣлье мѣщанскихъ воспитанницъ, велѣла его пополнить и предупредила, что сама позаботится о бѣльѣ для старшихъ воспитанницъ благородной половины [1]).

Бывшій при Екатеринѣ театръ Императрица Марія велѣла передѣлать въ спальни и увеличила число классныхъ комнатъ двумя новыми.

Послѣ смерти Екатерины обнаружились въ Обществѣ безпорядки, особенно по хозяйственной части. Сумма долговъ его простиралась до 72.611 рублей; обнаружилась и растрата лицомъ, бывшимъ въ одно время кассиромъ, экономомъ и секретаремъ Общества. Растраченную сумму Императрица покрыла изъ своихъ средствъ, но велѣла раздѣлить эти три должности такъ, чтобы каждую исполняло особое лицо, и всѣ трое представляли бы ежемѣсячные подробные отчеты правительницѣ, которая вносила ихъ въ Совѣтъ, а Совѣтъ долженъ былъ представлять ихъ самой Императрицѣ, „безъ точнаго повелѣнія которой—сказано въ протоколѣ Совѣта [2])—эконому не производить чрезвычайныхъ расходовъ". Денежныя суммы должны были храниться экономомъ, кассиромъ и секретаремъ, за печатью каждаго изъ нихъ, приходныя деньги вноситься въ кассу, а расходныя выписываться „вприсутствіи всѣхъ трехъ". Императрица сама назначила экономомъ Муравьева, которому „по особливой къ нему довѣренности Императрицы" казначей и секретарь Совѣта должны были—какъ сказано въ протоколѣ 2-го декабря 1796 г.—„оказывать приличное его чину и званію почтеніе, а въ дѣлахъ и повиновеніе". Всѣмъ остальнымъ, находящимся при Обществѣ чинамъ, Импе-

---

[1]) Протоколы Совѣта 22, 27 и 28 ноября, 2, 20 и 30 декабря 1796 (Арх. В. О. бл. д.).

[2]) 27 ноября 1796 г.

ратрица объявила, что „хотя она совершенно довольна ихъ усердіемъ, ревностью и исправностью, но, до полученія точныхъ свѣдѣній о хозяйствѣ и другихъ частяхъ, не можетъ одобрить состоянія помянутыхъ чиновъ, а сдѣлаетъ это черезъ годъ, когда увидитъ такое же съ ихъ стороны рвеніе къ должности“.

Ознакомившись съ хозяйственною частью Общества, Императрица сообщила Совѣту, что „по ея мнѣнію“ (въ такой формѣ она дѣлала всѣ свои указанія), „основанному на примѣченныхъ разныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, открывшихся въ Обществѣ, оно легко, по прекращеніи оныхъ, можетъ содержаться настоящими своими доходами, съ прибавкой къ нимъ 22-хъ тысячъ вмѣсто 44-хъ, о которыхъ поднесенъ былъ Совѣтомъ докладъ Императрицѣ Екатеринѣ“; если же черезъ годъ окажется, что 22-хъ тысячъ мало, то тогда, а не прежде, Императрица будетъ ходатайствовать у государя, „котораго—сказано въ сообщенномъ Совѣту мнѣніи Императрицы—достаточное къ сему Обществу благоволеніе доказано уже назначеніемъ Ея Величества Главною Общества Начальницею... Совѣтъ — говорится дальше — конечно удостовѣрится, что и во всей суммѣ не будетъ отказа, если о томъ учинится вторичное представленіе. Но Ея Императорское Величество уклоняется отъ онаго единственно по той причинѣ, чтобы не подать повода другимъ, таковымъ же учрежденіямъ, равное съ Обществомъ на благотвореніе Его Императорскаго Величества право имѣющимъ, представлять лишнія и для государства тягостныя прошенія“. [1]).

Эти 22 тысячи рублей ежегодной прибавки на содержаніе Общества были даны Императоромъ Павломъ въ томъ же 1796 году [2]), и кромѣ того, по докладу же Императрицы Маріи отъ 19-го декабря 1796 г., Павелъ велѣлъ уплатить изъ государственнаго казначейства долги Общества въ суммѣ 73.215 р. 68½ к. [3]).

Приводя въ порядокъ хозяйственную часть, Императрица Марія въ то же время давала инструкціи Совѣту и по учебной и воспитательной. Одною изъ первыхъ ея заботъ былъ выборъ надзирательницъ, классныхъ дамъ и учителей. „Такъ какъ главный успѣхъ въ преподаваніи юношеству воспитанія — сказано въ инструкціи 1796 года—зависитъ отъ строгаго, порядочнаго и безпристрастнаго выбора особъ обоего пола“, то Императрица предписала Совѣту дѣйствовать при этомъ съ особой осторожностью.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 27-го ноября 1796 г.

[2]) П. Собр. Т. XXIV, 17679.

[3]) *Лядовъ*. Историч. очеркъ, стр. 25.

Желающія поступить надзирательницами и классными дамами должны были, согласно инструкціи, лично представить начальницѣ „ясныя и ни малѣйшему сомнѣнію не подверженныя“ доказательства о своемъ званіи, поведеніи и способности къ исполненію этихъ обязанностей. Начальницѣ предписывалось разсматривать эти доказательства въ присутствіи нѣкоторыхъ дамъ при Обществѣ находящихся и пользующихся ея довѣріемъ; „купно“ съ ними начальница должна была собрать всѣ нужныя о кандидаткѣ свѣдѣнія и справки и если они окажутся въ ея пользу, то призвать кандидатку къ себѣ и въ присутствіи тѣхъ же дамъ „учинить ей разные, до воспитанія дѣвицъ и до пригодныхъ имъ знаній, относящіеся вопросы и пригласить ее являться къ себѣ чаще, дабы въ короткомъ обращеніи и въ разговорахъ съ начальницею и съ прочими дамами лучше узнать ея нравъ, образъ мыслей и способности“. По окончаніи такого испытанія начальница должна была представить Совѣту, подписанное ею и всѣми дамами, удостовѣреніе въ томъ, что онѣ признали кандидатку способною занять желаемое ею мѣсто. По полученіи такого удостовѣренія, Совѣтъ обязанъ былъ самъ собрать о кандидаткѣ справки и, „хотя бы онѣ оказались несогласными съ отзывомъ начальницы и классныхъ дамъ“, представить обо всемъ Императрицѣ.

Точно также предписывалось инспектору поступать при назначеніи учителей, приглашая къ участію въ выборѣ кандидатовъ нѣкоторыхъ изъ состоявшихъ уже на службѣ Обществу и пользовавшихся довѣріемъ инспектора учителей.

Въ слѣдующемъ, 1797, году предстоялъ выпускъ воспитанницъ, поступившихъ въ 1785 году и пріемъ новыхъ. Заявленій отъ желающихъ отдать дѣтей въ Смольный было уже въ 1796 г. такъ много, что Императрица заранѣе поручила члену Совѣта, Завадовскому, „придумать какъ поступить при наборѣ въ разсужденіи настоящихъ тѣсныхъ Дома обстоятельствъ и большого числа сверхкомплектныхъ воспитанницъ“. По этому поводу Совѣтъ представилъ Императрицѣ подробный докладъ [1]), въ которомъ излагалъ, что число всѣхъ воспитанницъ доходитъ до 503; изъ нихъ на благородной половинѣ 318 и дворянскихъ же на мѣщанской—50; мѣщанокъ—135. Въ этомъ числѣ показано пенсіонерокъ 39 на благородной и 6 на мѣщанской половинѣ. Совѣтъ предлагалъ принять въ 1797 году только однѣхъ благородныхъ воспитан-

[1]) О причинахъ, приведшихъ хозяйство Общества въ тяжелое положеніе (Арх. IV отд. С. Е. В. Канц.—Учрежденія Восп. О. 1797—1820. XII). Протоколъ Сов. 20-го декабря 1796 (Арх. В. О. бл. дѣв.).

ницъ, и то не 50, а 45, ибо пять уже приняты по повелѣнію Екатерины и по просьбамъ разныхъ лицъ. Кромѣ того Совѣтъ полагалъ принимать на будущее время не по пяти пенсіонерокъ Штакельбергъ, а по три, такъ какъ процентовъ съ ея капитала недостаточно на содержаніе прежняго числа. „Тогда,—говорилъ Совѣтъ, — вмѣстѣ съ новопринятыми, во всемъ Обществѣ будетъ 425 комплектныхъ воспитанницъ, ибо 72 изъ 503 будутъ выпущены въ мартѣ 1797 года".

Такимъ образомъ вмѣсто 440, опредѣленныхъ Уставомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Учрежденіемъ особливаго училища, да 20 пенсіонерокъ Штакельбергъ, Совѣтъ предполагалъ сократить при будущемъ пріемѣ число комплектныхъ воспитанницъ до 425, а пенсіонерокъ Штакельбергъ—до 12. Изъ первыхъ, по его предположенію, было бы 290 дворянскихъ и 135 мѣщанскихъ воспитанницъ. „Да изъ нихъ—писалъ Совѣтъ о мѣщанскихъ—въ третьемъ возрастѣ есть такія, которыхъ по лѣтамъ прилично бы выпустить въ будущемъ году". Тогда, вмѣстѣ съ пенсіонерками, за которыхъ платили изъ Кабинета и изъ кассетной суммы по 300 р. въ годъ за каждую, во всемъ Обществѣ, послѣ пріема въ 1797 году, было бы, по разсчету Совѣта, 466 воспитанницъ, „т.-е. 6 лишнихъ".

Отлагая преобразованіе воспитательной части Общества и быта воспитанницъ до предстоявшаго въ 1797 году новаго пріема, Императрица еще до наступленія его сдѣлала распоряженіе, въ которомъ намѣтила нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ будущихъ своихъ преобразованій. „По участію пріемлемомъ мною—писала она Совѣту 30-го декабря 1796 года—въ жребіи всѣхъ воспитанницъ безъ изъятія, Обществу благородныхъ дѣвицъ принадлежащихъ, желаю, чтобы отъ Совѣта подносимы были мнѣ списки сиротамъ, съ показаніемъ ихъ имѣнія и у кого оно подъ опекою". Она велѣла тогда же Совѣту сообщить списки вновь принятыхъ благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, съ показаніемъ имени, отчества, чина, званія, мѣста пребыванія ихъ родителей, инспектриссамъ и класснымъ дамамъ, „дабы въ разговорахъ съ воспитанницами онѣ могли преподать имъ нужныя свѣдѣнія объ ихъ семействахъ и нечувствительнымъ образомъ приготовить къ ожидающему ихъ послѣ выпуска жребію" [1]). Такъ поступать должны были инспектриссы и классныя дамы по отношенію и къ находившимся уже въ Обществѣ воспитанницамъ.

Результатомъ двухмѣсячнаго ознакомленія Императрицы Маріи

---

[1]) Протоколъ 30-го декабря 1796 г.

со всѣми частями Общества былъ присланный ею 4-го января 1797 года на разсмотрѣніе Совѣта, составленный ею самою, проектъ переустройства всей организаціи Общества. Посылая Совѣту свой проектъ при письмѣ, написанномъ по-французски [1]), Императрица высказывала въ послѣднемъ свой взглядъ на воспитаніе, какое должно даваться въ Обществѣ, на цѣль, которой оно должно служить, на способы осуществленія этой цѣли.

„Движимая горячимъ желаніемъ отвѣчать благодѣтельнымъ намѣреніямъ Императора,—пишетъ она Совѣту,—я развила въ настоящемъ письмѣ мои мысли, которыя отдаю на ваше сужденіе и приму съ благодарностью всякое данное вами указаніе; ибо предлагаю вамъ эти измѣненія не изъ пустого самолюбія, но единственно изъ желанія добра и ради исправленія злоупотребленій, по различнымъ обстоятельствамъ вкравшихся въ Домъ, а равно изъ желанія усугубить пользу, которая можетъ быть извлечена изъ этого прекраснаго учрежденія. Я держусь своихъ мыслей и дорожу ими лишь постольку, поскольку надѣюсь путемъ ихъ достигнуть такой цѣли; но всякое указаніе, всякое размышленіе съ вашей стороны, которое могло бы вести къ еще бо̀льшему благу, будетъ принято съ истиннымъ чувствомъ признательности.

„Прежде всего я предлагаю измѣнить пріемный возрастъ дѣтей, какъ благородныхъ, такъ и мѣщанскихъ. Мы принимаемъ ихъ пяти лѣтъ; въ этомъ нѣжномъ возрастѣ главнымъ образомъ нуженъ физическій уходъ, а въ большомъ заведеніи нельзя доставить каждому ребенку такой уходъ, какой у него былъ бы въ родительскомъ домѣ, даже изъ самыхъ бѣдныхъ: ибо мать, старшая сестра, прислуга, присматривали бы за нимъ однимъ, а живя у насъ, въ Обществѣ, на долю каждаго изъ дѣтей приходится лишь его часть изъ общихъ заботъ и ухода. Переходы по корридорамъ въ различное время дня даже опасны зимою для маленькихъ дѣтей. Это я вижу на опытѣ, ибо въ послѣдніе дни почти цѣлый классъ заболѣлъ и четверо или пятеро были даже въ лазаретѣ. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что пятилѣтній ребенокъ не можетъ извлечь никакой пользы отъ ученія; опасно, скажу даже, жестоко требовать хоть какого-нибудь прилежанія отъ этихъ малютокъ въ столь нѣжномъ возрастѣ, когда ихъ физическій организмъ долженъ слагаться и когда, муча ребенка ученіемъ, нельзя достигнуть въ мѣсяцъ того, что съ нимъ же, когда ему будетъ восемь лѣтъ, можно сдѣлать въ одинъ день.

---

[1]) Учрежденія В. Общ. 1797—1820. XII (Арх. IV отд.).—*Лядовъ*. Истор. очеркъ. Приложеніе.

Но еще болѣе важная причина побуждаетъ меня къ такимъ перемѣнамъ; вотъ она: принимая дѣтей пяти лѣтъ и отдаляя ихъ отъ родителей, они не сохраняютъ никакого воспоминанія о тѣхъ, кому обязаны жизнью. Уваженіе, дочерняя любовь—эти чувства имъ неизвѣстны и впослѣдствіи они становятся чувствами привитыми. Поэтому возвращеніе въ родительскій домъ, вмѣсто того, чтобы быть желаннымъ и счастливымъ, для такого ребенка страшно, ибо онъ не могъ сохранить никакого воспоминанія о счастіи и наслажденіяхъ, даваемыхъ родительскими ласками; если же, напротивъ, мы будемъ брать ребенка восьми или девяти лѣтъ, то воспоминаніе о родительскомъ домѣ никогда уже не изгладится изъ его памяти и онъ будетъ сердечно желать возвращенія къ родителямъ. Беря ребенка восьми и девяти лѣтъ и проводя его черезъ три класса, стало быть посвящая ему девять лѣтъ заботъ, его воспитаніе, казалось бы, должно вполнѣ закончиться. Что касается мѣщанокъ, я предлагаю оставлять ихъ въ Домѣ всего шесть лѣтъ, принимать 11-ти, проводить черезъ два всего класса и выпускать ихъ 17-ти лѣтъ. Мнѣ кажется, что этого времени достаточно для воспитанія мѣщанокъ; въ немъ слѣдуетъ ограничиться сообщеніемъ имъ основательнаго знанія нашего языка, хорошо на немъ выражаться, правильно писать, дать имъ совершенное познаніе религіи, обучить ихъ ариѳметикѣ, чтобы онѣ могли вести приходо-расходныя книги по своему хозяйству, выучить ихъ всѣмъ возможнымъ рукодѣліямъ и дать имъ свѣдѣнія по хозяйству; таково, мнѣ кажется, должно быть воспитаніе мѣщанокъ вообще./ Но еслибы нѣкоторыя изъ нихъ обнаружили такое расположеніе, которое давало бы надежду на то, что онѣ способны принести Дому больше пользы пріобрѣтеніемъ познаній, съ которыми могли бы поступить потомъ въ классныя дамы, то этимъ немногимъ избраннымъ мѣщанкамъ я предложу позволить присутствовать въ классахъ благородныхъ дѣвицъ для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ познаній, и этихъ можно бы оставлять въ Домѣ даже послѣ выпуска, чтобы онѣ имѣли возможность еще болѣе приготовиться къ предназначаемому мною имъ положенію. Я оставляю всего два класса для мѣщанокъ, считая это достаточнымъ для предполагаемой цѣли, и перехожу къ классамъ благородныхъ дѣвицъ. Полагая принимать ихъ девяти лѣтъ, я совершенно уничтожаю кофейный классъ, состоявшій всего изъ пяти—восьми-лѣтнихъ дѣтей: такимъ образомъ я пріобрѣтаю одинъ классъ на благородной и два на мѣщанской. Я говорю въ прилагаемой къ моему письму запискѣ, какое я думаю сдѣлать употребленіе изъ этихъ трехъ классовъ; поэтому

здѣсь я только разовью причины, по которымъ считаю столь важнымъ отдѣлить благородныхъ дѣвицъ отъ мѣщанскихъ, и затѣмъ коснусь подробностей той разницы, какую такое измѣненіе должно произвести въ расходахъ и въ помѣщеніи.

„Признаюсь, что вижу большія неудобства въ смѣшеніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими, ибо несомнѣнно, что обязанности и назначеніе послѣднихъ во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ обязанностей и назначенія благородныхъ дѣвицъ; поэтому смѣшивать ихъ въ воспитаніи значитъ вредить обѣимъ; ихъ отношенія совершенно различны и пріобрѣтеніе талантовъ и пріятныхъ для общества искусствъ, которое существенно въ воспитаніи благородной дѣвицы, становится не только вреднымъ, но пагубнымъ для мѣщанки, ибо это ставитъ ее внѣ своего круга и заставляетъ искать опаснаго для ея добродѣтели общества. Если же, напротивъ, воспитаніе благородныхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ мѣщанскими приноровить къ ограниченному плану, необходимому для послѣднихъ, то потеря для первыхъ становится очевидною.

„Стало быть, непремѣнно надо ихъ раздѣлить. Дворянство и мѣщанство оба имѣютъ одинаковое священное право на благодѣянія Монарха, на заботы, которыя мы къ нимъ прилагаемъ, но каждое въ своей сферѣ. Предлагаемымъ мною планомъ, не увеличивая количества дѣтей, опредѣленнаго узаконеніями Дома, я однако удвояю пользу института, принимая и выпуская сто благородныхъ дѣвицъ, и остаюсь въ предѣлахъ узаконеній Дома, оставляя пріемы и выпуски для 50 мѣщанокъ.

„Я опредѣляю число благородныхъ дѣвицъ въ 300 (теперь ихъ 300, включая сюда 50, воспитывающихся съ мѣщанками), а мѣщанокъ въ 100. Слѣдовательно, всѣхъ дѣтей будетъ только 400. Узаконенія дозволяютъ намъ 440, но я оставляю 40 мѣстъ открытыми для пенсіонерокъ, которыя даже полезны Дому. Разница въ расходѣ будетъ состоять лишь въ содержаніи 50-ти благородныхъ дѣвицъ, воспитывающихся съ мѣщанками; теперь онѣ будутъ содержаться какъ и другія благородныя дѣвицы; также въ увеличеніи числа классныхъ дамъ, что, очевидно, необходимо. На первый взглядъ Муравьевъ полагаетъ нужнымъ увеличеніе расходовъ на 8—10 тысячъ рублей. Хорошее состояніе Дома, всѣ долги котораго будутъ уплачены, запасы бѣлья, одежды и пр. (на что будутъ употреблены деньги, данныя на уплату украденныхъ Боголюбовымъ) будутъ сдѣланы въ самомъ непродолжительномъ времени; доходы, благодаря милости Государя, увеличились на 22.000 рублей, экономія, которая будетъ введена въ совершенствѣ, все это позволяетъ предполагать, что опредѣленные для

Дома доходы могутъ быть достаточными для покрытія этихъ чрезвычайныхъ расходовъ; но въ противномъ случаѣ, особая касса, которую наши дѣти и я основали, доплатитъ излишекъ расходовъ. Хотя я вполнѣ признаю, что дворянство имѣетъ первое право на благодѣянія Государя и что увеличить число благородныхъ воспитанницъ значитъ существенно споспѣшествовать благу государства, сознаюсь, однако, что я упрекала бы себя въ ограниченіи числа мѣщанскихъ, еслибы не имѣла намѣренія основать сиротскій институтъ, хотя, впрочемъ, несомнѣнно также, что возвращая родителямъ каждые три года по 50 мѣщанскихъ воспитанницъ, государство ничего не теряетъ отъ моихъ распоряженій".

Письмо Императрицы Совѣту оканчивалось слѣдующими словами: „Если вы одобрите мой планъ, то я представлю его на одобреніе и рѣшеніе Государя, и послѣ того мы поступимъ согласно его священной волѣ. Мои желанія будутъ исполнены, если мнѣ удастся при всякомъ случаѣ доказывать чувства послушанія Его Величеству Государю и материей привязанности, которую я питаю къ его подданнымъ, и сколько я постоянно буду счастлива, если мнѣ удастся содѣйствовать благу государства, которому я обязана своимъ счастіемъ!"

Въ своемъ докладѣ государю, Императрица Марія мотивировала необходимость принимать дѣтей въ болѣе позднемъ возрастѣ, нежели тотъ, въ которомъ ихъ до того принимали, тѣмъ, что „нравственное воспитаніе не будетъ подвергаться всѣмъ опасностямъ и неудобствамъ, происходящимъ отъ пріема ихъ въ Общество въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Нравственность въ нихъ утвердится, ибо, оставляя позже родительскій домъ, привязанность къ оному успѣетъ вкорениться навсегда въ нѣжныя сердца ихъ". Необходимость увеличить число благородныхъ воспитанницъ Императрица доказывала тѣмъ, что пріемъ каждые три года лишь по 50-ти благородныхъ дѣвицъ не соотвѣтствуетъ многочисленности россійскаго дворянства; что умножившіяся просьбы со стороны дворянъ о пріемѣ ихъ дѣтей въ Общество и были причиною того, что Совѣтъ въ послѣдніе годы принялъ много сверхкомплектныхъ и, кромѣ того, помѣстилъ 50 благородныхъ дѣвицъ на мѣщанскую половину. „Справедливость требуетъ,—писала Императрица въ докладѣ Павлу [1]), — чтобы число мѣщанокъ, которыхъ по Уставу положено болѣе, нежели благородныхъ, было ограничено, ибо Общество учреждено преимущественно для дворянокъ... Убѣ-

---

[1]) Докладъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. 1797 (Учрежденія В. Общ. б. дѣв. 1797—1820, XII).

жденіе въ сей истинѣ и денежныя затрудненія побудили Совѣтъ предложить мнѣ, чтобы при первомъ наборѣ совсѣмъ не принимались мѣщанки. Но такъ какъ Вы недавно заплатили долги Дома и прибавили сумму на его ежегодные расходы, и прискорбно сердцу моему было бы лишить даже и на сей разъ мѣщанокъ выгоды, то, надѣясь, что хозяйство впредь будетъ ведено лучше и, стало быть, можно будетъ содержать еще нѣсколько мѣщанокъ, я рѣшилась предложить, чтобы теперь принять ихъ двадцать, а не пятьдесятъ".

Предложенныя Императрицею измѣненія въ Обществѣ заключались въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) принимать благородныхъ дѣвицъ 8-ми и 9-ти лѣтъ, мѣщанскихъ — 11-ти и 12-ти; первыхъ оставлять въ Обществѣ 9, вторыхъ — 6 лѣтъ; 2) при предстоящемъ пріемѣ принять благородныхъ дѣвицъ 50, мѣщанскихъ 20; 3) благородныхъ дѣвицъ раздѣлить на три, мѣщанскихъ на два возраста, а каждый возрастъ на два отдѣленія; 4) черезъ три года „и такъ впредь" принимать по 100 благородныхъ и по 50 мѣщанскихъ воспитанницъ. „Тогда черезъ 9 лѣтъ — писала Императрица — сверхкомплектныя дѣвицы выйдутъ и въ каждомъ возрастѣ будетъ по 100 благородныхъ, а всего въ трехъ возрастахъ ихъ будетъ 300; въ каждомъ возрастѣ мѣщанскихъ дѣвицъ будетъ по 50, а въ обоихъ возрастахъ ихъ будетъ 100. Всего же въ Обществѣ будетъ 400 воспитанницъ; остающіяся 40 мѣстъ будутъ предоставлены для пенсіонерокъ благородныхъ и мѣщанскихъ.

Такимъ образомъ, по новому плану Императрицы Маріи, дворянству предоставлялось—вмѣсто прежнихъ 50-ти вакансій при каждомъ пріемѣ—100; кромѣ того, „число ихъ—говорилось въ докладѣ Императрицы — чрезъ то еще умножится, что выпуски будутъ каждыя 9 лѣтъ, а не 12... Для мѣщанокъ — прибавляла она—я намѣрена завести особливое учрежденіе и съ этой стороны мѣщанство обезпечится".

Павелъ утвердилъ докладъ Императрицы 11 января 1797 г.; но онъ не согласился на такое уменьшеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ, какое предлагалось въ докладѣ, и выразилъ волю, чтобы ихъ было не 100, а 200. На содержаніе прибавленныхъ имъ 100 мѣщанокъ Императоръ велѣлъ ежегодно выдавать изъ государственнаго казначейства сумму, которую Совѣтъ опредѣлилъ въ 16.769 р. 80 к.

Сообщая объ этомъ Совѣту [1]), Императрица писала, что

[1]) Протоколъ 15 января 1797.

„такъ какъ теперь мѣщанокъ 121 [1]), то она предложила государю только въ нынѣшній пріемъ принять 50, а потомъ каждые три года принимать ихъ по 100“.

Измѣненія въ устройствѣ Общества, введенныя новымъ планомъ Императрицы Маріи, касались не однѣхъ внѣшнихъ его сторонъ; они въ существѣ измѣняли систему, которою Екатерина руководствовалась при учрежденіи воспитанія всего русскаго юношества. Задача Екатерины заключалась въ томъ, чтобы перевоспитать весь народъ на началахъ, ею самою начертанныхъ. Эту задачу она возложила на государство, понимая, что какъ бы ни была сильна верховная власть, она не можетъ предписать родителямъ воспитывать своихъ дѣтей именно такъ, а не иначе, и, тѣмъ менѣе, услѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ предписаній въ семьяхъ. Руководствуясь такою общею, государственною идеею, было цѣлесообразно, чтобы воспитаніе дѣтей начиналось съ возможно ранняго возраста. Тридцатидвухлѣтній опытъ обнаружилъ невыполнимость такого воспитанія въ большомъ учебномъ заведеніи, и очень можетъ быть, что еслибы Екатерина прожила дольше, то она сама нашла бы нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ выполненія своей системы. Хотя русское общество въ 34 года царствованія Екатерины сдѣлало значительные успѣхи въ просвѣщеніи, но сознаніе въ необходимости и пользѣ послѣдняго проникло далеко не во всѣ слои общества, которое, говоря вообще, еще нуждалось въ руководительствѣ и поощреніи къ образованію.

Сдѣлавшись Императрицею, Марія Ѳеодоровна не призвана была управлять государствомъ; ей не было и поводовъ проводить въ своихъ начинаніяхъ государственныя цѣли. Но и по своимъ личнымъ качествамъ и наклонностямъ, по складу своего ума, она не была способна къ общимъ, широкимъ полетамъ мысли. Въ этомъ она представляла совершенную противоположность Екатеринѣ. За то она обладала качествами, отсутствовавшими у послѣдней, отсутствіе, впрочемъ, которыхъ у самодержавной императрицы, какою была Екатерина, не составляло недостатка, а скорѣе было достоинствомъ. Отличительными чертами Императрицы Маріи были: добросовѣстное вниканіе въ мельчайшія подробности даннаго дѣла, аккуратность, любовь и способность къ водворенію во всемъ порядка и экономіи, привычка къ личному, неустанному труду. Не задаваясь широкими планами, она, въ предѣлахъ пря-

[1]) Какимъ образомъ случилось, что число мѣщанскихъ воспитанницъ ко дню доклада, когда еще не было выпуска, уменьшилось съ 135, показанныхъ Совѣтомъ въ декабрѣ 1796 г., до 121, изъ протоколовъ его не видно.

мой, ближайшей цѣли того дѣла, которое брала на себя, была въ высшей степени способна обезпечить ему успѣхъ.

Эту способность она проявила и въ дѣлѣ женскаго воспитанія и образованія съ первой, можно сказать, минуты, какъ оно ей было ввѣрено. Но именно въ такомъ дѣлѣ и должны были наиболѣе проявиться ея личные вкусы и взгляды, отвѣчавшіе врожденнымъ ея даннымъ, развитымъ и укрѣпленнымъ всею ея жизнью, обстановкою и воспитаніемъ, до пріѣзда въ Россію.

Выроставшая при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ, среди многочисленной семьи, всѣ члены которой были связаны между собою теплыми чувствами взаимной привязанности, воспитанная матерью въ сантиментальномъ духѣ Руссо и въ строгихъ нравственныхъ правилахъ, съ дѣтства пріученная къ повиновенію и точному исполненію семейныхъ обязанностей, порядку, бережливости, а также къ соблюденію внѣшнихъ правилъ строгаго этикета, котораго особенно придерживалась ея мать, Марія Ѳеодоровна привыкла выше всего ставить семейныя начала; привитые ей въ семьѣ принципы и взгляды, закрѣпленные въ ея душѣ авторитетомъ родительской власти, навсегда запечатлѣлись въ ея умѣ и характерѣ; они отразились и на всей послѣдующей общественной ея дѣятельности въ Россіи.

Образованіе, которое она получила, было гораздо основательнѣе того, какое было дано Екатеринѣ. Мать Маріи Ѳеодоровны была женщина просвѣщенная; но какъ послѣдовательница Руссо и притомъ еще нѣмка, она, давая образованіе дочери, придерживалась взгляда, что развитіе сердца и семейныхъ добродѣтелей должно занимать въ воспитаніи женщины первое мѣсто [1]). Въ тетради, куда она заносила свои и чужія мысли, на первомъ листѣ стояло слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное: „Philosophie des femmes“:

„Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu'une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfants,
Faire aller son ménage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie“ [2]).

---

[1]) Свѣдѣнія, касающіяся дѣтства и воспитанія Маріи Ѳеодоровны, взяты, главнымъ образомъ, изъ ея біографіи, составленной Е. С. Шумигорскимъ (Р. Арх. 1889, № 9, стр. 5—59).

[2]) Нехорошо, и по многимъ причинамъ, чтобы женщина изучала и пріобрѣтала слишкомъ обширныя познанія. Воспитывать въ добрыхъ нравахъ дѣтей, вести хозяйство, имѣть наблюденіе за прислугой, блюсти въ расходахъ бережливость—вотъ въ чемъ должно состоять ея ученіе и философія (Е. С. Шумигорскій, стр. 9).

Марію Өедоровну обучали французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, закону Божію, исторіи, географіи, геометріи, и впослѣдствіи миѳологіи [1]). Всѣ эти предметы преподавались ей, согласно принятому въ то время въ высшихъ кругахъ обычаю, на французскомъ языкѣ [2]), и судя по отчетамъ, которые въ своихъ письмахъ къ родителямъ Марія Өедоровна, будучи еще дѣвочкой, давала имъ о своихъ урокахъ и занятіяхъ, науки преподавались ей такъ, что онѣ не могли способствовать развитію ума и самостоятельнаго мышленія въ ученицѣ, которая отличалась и тутъ, какъ во всемъ, что она дѣлала, самымъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ урокамъ. Въ курсъ ученія входило также преподаваніе морали. Гувернантка Маріи Өедоровны, г-жа Боркъ, писала для нея „прелестныя"—какъ выражалась Марія Өедоровна въ одномъ изъ своихъ писемъ къ родителямъ—наставленія, которыя она должна была переводить на французскій языкъ... „Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я — говоритъ Марія Өедоровна — переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ" [3]).

Сравнивая эти строки съ тѣмъ, какъ Екатерина, по ея разсказамъ, относилась къ урокамъ пастора Вагнера и о чемъ думала во время его уроковъ, ярко обрисовывается разница въ свойствахъ ума обѣихъ ученицъ: самостоятельность мысли и ума Екатерины, пассивная методичность у Маріи Өедоровны.

Въ эти же ранніе годы она привыкла и къ упражненіямъ въ благотворительности. Подруга ея ранней молодости, г-жа Оберкирхъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: „сколько разъ я видѣла, какъ молодыя принцессы отказывались отъ какой-либо прихоти, чтобы помочь бѣдному семейству" [4]). Марія Өедоровна, по словамъ Оберкирхъ, всюду сопровождала свою мать и, какъ справедливо думаетъ Шумигорскій, вѣроятно оказывала вниманіе только что тогда учрежденному въ „Этюпѣ" (монбельярскомъ имѣніи родителей Маріи Өедоровны, гдѣ она жила передъ своимъ отъѣздомъ въ Россію) сиротскому дому, въ которомъ воспитывались 12 дѣвочекъ [5]), и которому ея отецъ и мать покровительствовали.

Всѣ эти подробности до извѣстной степени объясняютъ ха-

---

[1]) Шумигорскій. Р. Арх. 9, стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

[3]) Тамъ же, стр. 39.

[4]) Тамъ же, стр. 51.

[5]) Тамъ же, стр. 52.

рактеръ реформъ, которыя Императрица Марія ввела на первыхъ же порахъ своего начальствованія надъ Обществомъ. Ранній пріемный возрастъ дѣтей лишалъ ихъ родительской ласки и ухода, семейныхъ радостей и привязанностей. Она предложила принимать ихъ не пяти и шести лѣтъ, какъ было до нея, а восьми и девяти. Но она не отмѣнила закрытую систему воспитанія въ Обществѣ, и въ сущности измѣненіе пріемнаго возраста дѣтей, остававшихся девять лѣтъ вдали отъ своихъ родителей и семействъ, мало помогало сохраненію въ нихъ семейныхъ воспоминаній; дѣти все-таки становились чуждыми людямъ и средѣ, въ которой имъ потомъ приходилось жить.

Разстройство денежныхъ дѣлъ Общества и безпорядки въ его хозяйствѣ должны были также поразить Императрицу, привыкшую соблюдать во всемъ порядокъ и экономію; это было вторымъ мотивомъ къ переустройству Общества, выставленнымъ въ ея докладѣ Императору Павлу.

Третій мотивъ—неудобство, проистекающее, по мнѣнію Императрицы, отъ смѣшенія въ воспитаніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими,—исходилъ, можетъ быть, столько же изъ внутреннихъ ея побужденій, сколько изъ внѣшнихъ; методическому уму Маріи Ѳедоровны непріятно было видѣть этотъ „непорядокъ“ въ устройствѣ Общества.

Екатерина, не менѣе чѣмъ Марія Ѳедоровна, любила дворянство и неоднократно въ теченіе своего царствованія доказала эту любовь. Но, обладая въ высшей степени искусствомъ соблюдать достоинство своего сана и любя такое качество въ другихъ, она была человѣкомъ-философомъ и очень мѣтко объяснила причину своего „аристократизма“ графу Сегюру. Прощаясь съ нимъ передъ его отъѣздомъ во Францію въ 1789 году, она ему сказала: „что до меня касается, я останусь аристократкой, это уже мое ремесло“ [1]). Она и во всѣхъ своихъ реформахъ держалась господствовавшаго въ ея время принципа сословности, но иногда отступала отъ него, особенно въ дѣлѣ образованія, думая, вѣроятно, что оно не можетъ кому бы то ни было принести вреда. При ней дѣти мѣщанскаго происхожденія воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ даже вмѣстѣ, при совершенно и во всемъ одинаковыхъ условіяхъ съ кадетами, большинство которыхъ принадлежало къ самымъ знатнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Точно также она одобрила преобразованіе, сдѣланное въ Обществѣ коммиссіею народныхъ училищъ, которая почти во всемъ

[1]) Р. Арх. 1866, стр. 1597. М. Ѳ. Шугуровъ. О запискахъ графа Сегюра.

сравняла программу ученія на благородной половинѣ съ мѣщанскою.

Очевидно, Екатерина, отличая дворянство отъ другихъ сословій, какъ привилегированное въ служебномъ и общественномъ положеніи, не считала нужнымъ рѣзко ставить грани въ томъ, что касалось внутренняго міра человѣка, и думала, что чѣмъ ея подданные всѣхъ сословій будутъ образованнѣе и воспитаннѣе, тѣмъ больше пользы отъ этого будетъ государству.

При всей добротѣ своего сердца, Марія Ѳедоровна по своему характеру [1]) и отчасти вслѣдствіе усвоенныхъ ею въ дѣтствѣ привычекъ оставалась неизмѣнно вѣрна тому кодексу понятій, въ которомъ была воспитана и даже въ мысляхъ не допускала уклоненій отъ него. Предлагая государю сократить число мѣщанскихъ воспитанницъ болѣе чѣмъ на половину противъ положеннаго Екатериною, она высказала намѣреніе вознаградить мѣщанство устройствомъ для него сиротскаго дома. Но дѣлая исключеніе для тѣхъ изъ мѣщанскихъ воспитанницъ, которыя оказались бы способными къ наукамъ, она заранѣе опредѣляетъ въ письмѣ къ Совѣту, что это будутъ „немногія" и „избранныя". И для этихъ избранныхъ она ставитъ особую служебную практическую цѣль ихъ образованія—готовиться въ классныя дамы для Общества.

Новымъ планомъ Императрицы Маріи воспитаніе и образованіе русскихъ женщинъ было поставлено на практическую почву и въ прямомъ, тѣсномъ смыслѣ отъ этого выиграло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выдѣлилось изъ общей для всего русскаго юношества системы воспитанія и образованія въ особую, совершенно отдѣльную, съ особыми, спеціальными женскими цѣлями часть, не стоявшую въ связи съ общими задачами государства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Въ февралѣ 1797 года предстоялъ выпускъ 68-ми благородныхъ и 13-ти мѣщанскихъ воспитанницъ, а лѣтомъ—пріемъ по новымъ уже правиламъ. По видимому этотъ первый, при Императрицѣ Маріи, выпускъ прошелъ по обычной программѣ; въ протоколахъ Совѣта не сохранилось никакихъ о немъ подробностей кромѣ постановленія о присужденіи наградъ благороднымъ воспитанницамъ и о выпускѣ изъ третьяго мѣщанскаго возраста (тогда всѣхъ возрастовъ было еще четыре), т.-е. не подлежавшаго выпуску, 10-ти воспитанницъ „въ разсужденіи ихъ лѣтъ", при чемъ Совѣтъ поста-

[1]) Бывшій личный секретарь Императрицы Маріи, баронъ А. Николая, говоритъ о ней: „она требовательна, несносна, несправедлива, иногда даже высокомѣрна, какъ вы не можете себѣ представить" (*Е. И. Гаршинъ.* Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія. „Истор. Вѣстникъ", 1882, апрѣль, стр. 135).

новилъ, что тѣ изъ мѣщанокъ, у которыхъ „родители далеко или сироты, могутъ быть опредѣлены въ службу Общества“ [1]). При выпускѣ 1797 года было выдано всего 18 наградъ и 27 похвальныхъ листовъ. По повелѣнію Императора Павла, послѣдовавшему черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Екатерины, шифры должны были впредь выдаваться съ вензелемъ Императрицы, а на медаляхъ изображенъ портретъ Императора на одной сторонѣ, а на другой надпись: „посѣти виноградъ сей“ вмѣсто бывшей при Екатеринѣ: „тако созрѣваютъ“ [2]). Кромѣ знаковъ отличія, 22-мъ воспитанницамъ благороднымъ и одной мѣщанской было дано и денежное вознагражденіе, всѣмъ поровну, по 500 р. каждой.

Щедрыя награды были даны при этомъ выпускѣ четыремъ инспектриссамъ, прослужившимъ въ Обществѣ 30 лѣтъ; имъ, еще до выпуска, по указу Павла вслѣдствіе доклада Императрицы, было дано по 200 душъ крестьянъ съ землею и предоставлено право, если пожелаютъ, жить въ зданіи Общества на полномъ его содержаніи [3]). Кромѣ того имъ были пожалованы при выпускѣ знаки отличія—банты съ надписью „за труды“ для ношенія ихъ на лѣвой сторонѣ груди; этимъ знакамъ, учрежденнымъ впервые Императрицею Маріею, была присвоена пенсія въ 300 руб. въ годъ [4]). Всѣ четыре инспектриссы были иностранки: одна француженка, Дешанъ, и три нѣмки: Роштокъ и двѣ сестры Зильберъейзенъ. Изъ классныхъ дамъ были также награждены тѣ, которыя оставляли службу въ Обществѣ; имъ назначили ежегодную пенсію въ 100 рублей каждой, „изъ чрезвычайной, учрежденной Императрицею Маріею“, суммы. Учителямъ было увеличено жалованье, въ видѣ столовыхъ денегъ, по 240 р. въ годъ каждому.

Бывшая съ основанія Общества сначала правительницею, а съ 1786 года начальницею, Делафонъ, еще 22-го ноября 1796 г. была пожалована Павломъ въ статсъ-дамы, а въ день его коронаціи, 5-го апрѣля 1797 г., получила малый крестъ св. Екатерины; она умерла 11-го августа того же года, 80-ти лѣтъ отъ роду [5]); на ея мѣсто Павелъ, именнымъ указомъ 11-го августа, назначилъ исправлявшую обязанности помощницы начальницы, полковницу Пальменбахъ (урожденную баронессу Черкасову), „съ присвоеніемъ ей по сему мѣсту титула превосходительства“.

---

[1]) Протоколы Совѣта 22 и 24 февраля 1797 г.

[2]) Протоколъ 2 декабря 1796 г.

[3]) Протоколъ 30 января 1797 г.

[4]) Протоколъ 27 февраля 1797 г.

[5]) *П. Ѳ. Карабановъ.* Статсъ-дамы русскаго двора въ XVIII столѣтіи („Р. Стар.“, 1871, январь).

Членами Совѣта, по назначенію Павла тотчасъ же послѣ смерти Екатерины, были: генералъ-адъютантъ С. Плещеевъ, Завадовскій, Соймоновъ, Храповицкій; четверо послѣднихъ были въ Совѣтѣ и раньше и только одинъ, Плещеевъ, былъ назначенъ Павломъ.

Немедленно послѣ выпуска начались приготовленія къ пріему. Императрица собственноручно написала правила, въ которыхъ главными пунктами были слѣдующіе: „1) чтобы принимаемыя въ сіе Общество были изъ родовъ дворянскихъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей, *ибо главный предметъ при учрежденіи сего Общества состоялъ въ томъ, чтобы доставить настоящему бѣдному россійскому дворянству способы къ воспитанію дѣтей своихъ и къ облегченію черезъ то своего состоянія*"; 2) при разбирательствѣ поданныхъ прошеній не взирать ни на какую просьбу или одобреніе, а держаться твердо и непоколебимо сего предписанія; 3) обязать родителей взять назадъ своихъ дѣтей по окончаніи курса, ибо случается, что родители не являются за ними [1]).

Мотивы, приведенные Императрицею къ первому пункту этихъ правилъ, служатъ яснымъ подтвержденіемъ того, что цѣль Екатерины при основаніи Общества—смягченіе нравовъ путемъ воспитанія и образованія русскаго юношества—была оставлена тотчасъ послѣ ея смерти, а государственная, общественная идея, руководившая Екатериною, была замѣнена цѣлями сословными и благотворительными.

Прошеній о пріемѣ дочерей со стороны дворянъ поступило 324; но, по повелѣнію Императрицы, 16 вакансій были заранѣе предназначены для „отличившихся высшихъ чиновниковъ"; остальныхъ велѣно было баллотировать, при чемъ Совѣтъ самъ постановилъ держаться правила „не принимать двухъ сестеръ заразъ или только-что выпущенныхъ".

Мѣщанскихъ прошеній было подано, по донесенію Совѣта Императрицѣ, меньше 50-ти и Совѣтъ просилъ ея разрѣшенія принять „наравнѣ съ мѣщанствомъ и разныхъ званій нижнихъ служителей придворной службы".

Въ „Учрежденіи особливаго училища для малолѣтнихъ дѣвушекъ" не были съ точностью опредѣлены чины родителей, дочери которыхъ имѣли право поступать въ училище. Такъ какъ со второго же пріема, въ 1767 году, не оказалось достаточнаго числа воспитанницъ изъ мѣщанскаго сословія, то Совѣтъ положилъ тогда

---

[1]) Протоколъ Совѣта, 9 іюня 1797 г.

принимать дѣтей „разнаго званія". Изъ какихъ именно слоевъ общества набирались при Екатеринѣ воспитанницы на мѣщанскую половину — на это въ протоколахъ Совѣта нѣтъ указаній. Но передъ пріемомъ 1797 года, при Императрицѣ Маріи, Совѣтъ представилъ ей списокъ чиновъ, дочери которыхъ принимались въ мѣщанское училище. Въ спискѣ были офицеры „статской и придворной службы, не происходившіе изъ родовъ дворянскихъ, купцы, священники, медики, лекаря, учителя, художники". Императрица велѣла принимать только дочерей мѣщанъ, купцовъ и художниковъ. Когда же такихъ явилось къ пріему всего 29, то она согласилась на предложеніе Совѣта принять въ число 50-ти— и дочерей „священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, регистраторовъ, протоколистовъ, канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копіистовъ, коммиссаровъ, сержантовъ, магазинныхъ вахтеровъ, архиваріусовъ, актуаріусовъ, бухгалтеровъ, капраловъ и придворныхъ нижнихъ служителей" [1]). Подходящихъ подъ эти требованія явилось 131, и Совѣтъ выбралъ изъ нихъ „по лѣтамъ и докторскому осмотру" 54, которыхъ и подвергъ баллотировкѣ. Принятіе каждой воспитанницы подписывалось самою Императрицею, по повелѣнію которой сорокъ благородныхъ воспитанницъ, остававшихся на мѣщанской половинѣ отъ прежнихъ пріемовъ, были переведены на благородную, и кромѣ того девять мѣщанскихъ „больныхъ и слабыхъ" исключены изъ Общества [2]).

По разсчету Совѣта, стоимость каждой воспитанницы, считая не только ея содержаніе, но и вензеля, аттестаты при выпускѣ, содержаніе экипажей, кухонной посуды и пр., была въ 1797 году опредѣлена: на благородной половинѣ въ первомъ, младшемъ возрастѣ, по 218 р. въ годъ, во второмъ—въ 220 р., третьемъ—234 р. и четвертомъ—272 р. На мѣщанской—100 и 104 рубля. За пенсіонерокъ особъ царской фамиліи выдавали изъ Кабинета и изъ „Комнаты" по 300 р. на каждую, а частныя и въ 1797 году, какъ было при Екатеринѣ, платили различно и принимались во всякое время въ возрастѣ „по лѣтамъ". Съ 1798 года Высочайшимъ повелѣніемъ была уравнена и возвышена на обѣихъ половинахъ плата, одинаковая для всѣхъ воспитанницъ, комплектныхъ и пенсіонерокъ — до 503 р. 16¾ коп. на благородной половинѣ и до 203 р. 78¼ коп. на мѣщанской [3]). Для покрытія отчасти и этого расхода на своихъ пенсіонерокъ, Императрица велѣла члену Совѣта, Плещееву, отпускать изъ ввѣрен-

[1]) Протоколъ Совѣта 4 іюля 1797 г.

[2]) Протоколъ 4 ноября 1797 г.

[3]) Протоколъ 8 марта 1798 г.

ной ему „кассетной“ суммы, вдобавокъ къ суммѣ на содержаніе Общества, еще по 10.000 р. въ годъ, да на прибавку жалованья служащимъ по 6.635 р. ежегодно.

Средства Общества увеличились еще тѣмъ, что, по докладу Императрицы, Императоръ Павелъ повелѣлъ въ 1798 году „вдобавокъ къ прошлаго года пожалованнымъ 22 тысячамъ рублей отпускать изъ остаточнаго казначейства остатокъ въ 22 тысячи ежегодно, а изъ Кабинета—за содержаніе воспитывающихся благородныхъ и мѣщанскихъ—5.086 рублей“.

При размѣщеніи воспитанницъ по ихъ происхожденію на разныя половины Общества, Императрица строго держалась предписанныхъ ею правилъ и безпрестанно подтверждала Совѣту, чтобы онъ допускалъ на благородную половину лишь дочерей „родовъ безпрекословно дворянскихъ“.

Въ первые два года нарушеній этого правила не было; но въ 1798 году Императоръ Павелъ изъявилъ волю, чтобы три дочери умершаго купца Филатьева были переведены съ мѣщанской половины изъ старшаго возраста и среди курса на благородную [1]). Это былъ первый и единственный, съ основанія Общества, примѣръ, что дочери купца были допущены на благородную половину; этимъ нарушалось и другое правило—не принимать въ Общество заразъ двухъ сестеръ, и даже тѣхъ, сестры которыхъ только-что изъ него выпущены.

Составъ классныхъ дамъ при Императрицѣ Маріи также измѣнился. При Екатеринѣ, какъ начальница, такъ и большинство классныхъ дамъ—были француженки. Теперь стали приглашать преимущественно нѣмокъ: Фриштъ, Эйлеръ, Нейдгардъ, Шликъ, Штренге, Одевальдъ, Надервальдъ, Винклеръ, Эллерманъ, Киль, Гитербокъ и др.

---

[1]) Протоколъ Совѣта 8 марта 1798 г.

II.

Указъ Императора Павла о начальствованіи Императрицы Маріи надъ Воспитательными Домами въ Петербургѣ и Москвѣ.—Пожертвованіе имъ Императрицы.—Цѣль учрежденія этихъ Домовъ и ихъ устройство.—Смертность среди приносимыхъ дѣтей. — Безпорядки въ администраціи. — Планъ Императрицы переустройства Домовъ.—Ограниченіе числа питомцевъ и питомицъ.—Программа ихъ обученія.—Характеръ реформъ Императрицы.—Отмѣна дарованной Екатериною питомцамъ и питомицамъ Домовъ привилегіи.—Отраженіе этой мѣры на мѣщанскихъ воспитанницахъ Общества. — Основаніе Сиротскаго училища (Маріинскій институтъ) для сорока бѣдныхъ сиротъ на личныя средства Императрицы.—Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ.—Докладъ князя Куракина. — Обязанности кавалерственныхъ Дамъ ордена св. Екатерины. — Пожертвованія Императрицы, великихъ княгинь и княженъ на училище для бѣдныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.—Его доходы.—Дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, основанное Императоромъ Павломъ (Павловскій институтъ).—Положеніе о немъ.—Права воспитанницъ по окончаніи курса.—Измѣненіе характера отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ сословій. — Взносъ въ кассу училища восьмой части получаемаго бывшими его воспитанницами жалованья.—Примѣненіе этого правила къ Воспитательнымъ Домамъ.—Обезпеченіе судьбы воспитанницъ всѣхъ заведеній.—Практическій Акушерскій институтъ въ Москвѣ.—Училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ; его цѣль и средства.—Гатчинскій сельскій Воспитательный Домъ. — Проектъ Императрицы учредить пять женскихъ училищъ въ губерніяхъ.—Александровское училище въ Москвѣ, его средства.—Принятіе Императрицею Маріею въ свое вѣдѣніе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома.—Прежняя его организація.—Суммы на его содержаніе.—Данныя ему Императрицею „Учрежденія".—Основаніе французскихъ классовъ въ Воспитательныхъ Домахъ. — Повивальный институтъ въ Петербургѣ.—Измѣненіе правилъ пріема на мѣщанскую половину Общества.—Военное отдѣленіе.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Увеличеніе вакансій во всѣхъ заведеніяхъ для дочерей военнаго дворянства.—Пріемный возрастъ воспитанницъ.—Принятіе Императрицею подъ свое покровительство харьковскаго института. — Училище для солдатскихъ дочерей. — „Учрежденіе" для нихъ.—Училища для дочерей черноморскаго флота.—Положеніе, данное имъ Императоромъ Николаемъ.—Тѣлесныя наказанія.—Раздѣленіе женскихъ учебныхъ заведеній на категоріи по происхожденію воспитанницъ.—Новыя правила пріема на мѣщанскую половину Общества. — Денежныя сред-

ства женскихъ учебныхъ заведеній.—Пожертвованныя Императрицею Маріею суммы. — Пенсіонные капиталы. — Пожертвованія разныхъ лицъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ и на содержаніе пенсіонерокъ.—Награды воспитанницамъ.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Итоги суммъ, отпускавшихся при Императрицѣ Маріи разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ изъ государственнаго казначейства. — Итоги денежныхъ пожертвованій самой Императрицы.

Преобразовывая Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Императрица Марія въ то же время была занята переустройствомъ и другого, ввѣреннаго ей, заведенія. 2-го мая 1797 г. Императоръ Павелъ именнымъ указомъ Сенату объявилъ: „Какъ по волѣ Нашей, Ея Императорское Величество, Наша любезнѣйшая супруга, изъ человѣколюбія, сроднаго Ей, и желая споспѣшествовать общему добру, пріемлетъ на Себя главное начальство надъ Воспитательными Домами, въ обоихъ престольныхъ городахъ Нашихъ учрежденными, со всѣми принадлежащими къ нимъ заведеніями, то вслѣдствіе сего и повелѣваемъ: попечителю оныхъ относиться, въ чемъ надлежитъ, къ Ея Величеству: впрочемъ, что касается до Опекунскихъ Совѣтовъ и до употребленія капиталовъ на пользу сего заведенія, поступать по изданнымъ о томъ установленіямъ“ [1]).

Императрица Марія начала свое управленіе и тутъ, какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, тѣмъ, что на другой же день послѣ указа пожертвовала „изъ собственныхъ доходовъ 9,000 рублей въ пользу дѣтей у кормилицъ находящихся“ [2]) и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же приступила къ преобразованію Воспитательныхъ Домовъ.

Цѣль ихъ учрежденія Екатериною заключалась въ призрѣніи незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя по генеральному плану Воспитательнаго Дома предназначались для образованія изъ нихъ въ будущемъ „третьяго чина“ или средняго сословія въ Россіи, т.-е. изъ нихъ должны были образовываться ученые, художники, ремесленники, актеры. Съ первыхъ же лѣтъ учрежденія Воспитательнаго Дома обнаружилось важное препятствіе къ осуществленію главной его цѣли — огромная смертность среди приносимыхъ дѣтей, обусловленная какъ тѣмъ, что между дѣтьми были такія, которыя доставлялись въ Домъ уже слабыми, такъ и

---

[1]) П. Собр. Т. XXIV, 17952.

[2]) Монографіи учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи. Приложеніе къ изданію: „Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1828—1878“. MDCCCLXXX, стр. 208. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ.

главнымъ образомъ трудностью пріискать кормилицъ для такого большого количества дѣтей и организовать хорошій уходъ за ними. Для противодѣйствія злу, во все время царствованія Екатерины принимались различныя мѣры; но количество умиравшихъ дѣтей все-таки было очень велико [1]). Тѣхъ, которыя выживали, воспитывали въ Домѣ до возраста, когда ихъ можно было обучать ремесламъ и художествамъ, которымъ ихъ и обучали или въ самомъ Домѣ, или отдавая въ ученіе къ искуснымъ мастерамъ. Въ это же время они учились чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики и закону Божію. Такое обученіе давалось одинаково, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ; послѣднихъ учили женскимъ рукодѣліямъ и мастерствамъ до 19-ти-лѣтняго возраста, послѣ чего онѣ поступали или въ услуженіе къ частнымъ лицамъ, или отпускались на собственное пропитаніе [2]).

Въ 1794 году, еще при Екатеринѣ, велѣно было „преподавать наученіе повивальному искусству двѣнадцати выбраннымъ изъ здѣшняго (петербургскаго) Дома воспитанницамъ“ въ родильномъ госпиталѣ, при которомъ, въ 1784 году, на средства Ив. Ив. Бецкаго, было учреждено училище повивальнаго искусства и операторства [3]).

Вступивъ въ управленіе Воспитательными Домами, Императрица Марія прежде всего обратила вниманіе на громадную смертность среди приносимыхъ дѣтей, на „неудовлетворительность даваемаго питомцамъ воспитанія и образованія, поразительныя злоупотребленія въ администраціи и въ распоряженіи капиталами“ и 17-го декабря 1797 года представила на утвержденіе Императора Павла новый планъ организаціи Дома и воспитанія питомцевъ. „Хотя въ Планѣ Воспитательныхъ Домовъ — говорила она въ своемъ докладѣ—число приносимыхъ младенцевъ не ограничено, ниже науки и художества, къ усовершенствованію ихъ опредѣленныя, но тѣмъ не менѣе такая неограниченность составляетъ одну изъ причинъ какъ большихъ денежныхъ затратъ, такъ и незначительности успѣховъ питомцевъ въ наукахъ. При множествѣ наукъ не могло быть достаточно присмотра за занятіями питомцевъ, а потому и не замѣчено, чтобы кто-либо изъ питомцевъ

---

[1]) Въ годъ основанія Восп. Дома было принято 523 дѣтей, изъ которыхъ умерло 424, т.-е. 81,07%. Въ 1796 году, годъ смерти Екатерины, дѣтей было доставлено 1763; изъ нихъ умерло 210, т.-е. 11,91%. Монографія. Приложеніе, стр. 28—29.

[2]) Монографія. Приложеніе, стр. 4.

[3]) Учрежденія С.-Петербургскаго и Московскаго Воспитательныхъ Домовъ. 1797—1803. VI. Именной списокъ благотворителямъ, оказавшимъ усердіе подаяніемъ къ Воспитательному Дому (Арх. IV отд. С. Е. В. канц.).

по наукамъ, художествамъ и ремесламъ сдѣлался извѣстнымъ“ [1]). Поэтому она предлагала: ограничить число обоего пола воспитывающихся въ Домѣ 500-ми въ каждой изъ столицъ; остальныхъ приносимыхъ въ Домъ младенцевъ отдавать въ казенныя государевы деревни благонадежнымъ и добраго поведенія крестьянамъ на воспитаніе, съ цѣлью пріучить питомцевъ правиламъ сельскаго домоводства; мальчиковъ оставлять у крестьянъ до 18-ти-лѣтняго возраста, дѣвочекъ—до 15-ти лѣтъ. Въ Домѣ должны были воспитываться лишь совершенно слабыя дѣти, требовавшія непрестаннаго ухода. По достиженіи такими дѣтьми шести лѣтъ, ихъ предписывалось обучать: отъ шести до девяти лѣтъ—чтенію, писанію на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, катехизису, рукодѣліямъ. „Отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ дѣти—сказано въ „Планѣ для воспитанія 500 младенцевъ въ каждой столицѣ, на пять возрастовъ раздѣленныхъ“ [2]),—усовершаются въ языкахъ, продолжаютъ катехизисъ и начинаютъ обучаться ариѳметикѣ и россійской географіи; они упражняются и въ разныхъ рукодѣліяхъ и ремеслахъ. Въ четвертомъ возрастѣ, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, ихъ обучаютъ познанію закона Божія и нравоученію; они продолжаютъ ученіе ариѳметики, языковъ, географіи, рисованію—поколику сіе нужно для разныхъ рукодѣлій и вышиванія. Наконецъ, въ пятомъ возрастѣ, отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, продолжаютъ ученіе закона Божія и нравоученіе, усовершаются въ хирургіи, ариѳметикѣ, географіи и рисованіи, а равномѣрно въ начатыхъ ремеслахъ, какъ воспитанники, такъ и воспитанницы“.

Докладъ Императрицы былъ утвержденъ Императоромъ Павломъ 24-го декабря 1797 года.

Въ этомъ планѣ преобразованія Воспитательныхъ Домовъ выступаютъ тѣ же преобладающія черты характера Императрицы Маріи, которыя она проявила при преобразованіи и Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. „Образованіе изъ питомцевъ городского сословія не соотвѣтствовало уже болѣе видамъ правительства“, говорится въ Монографіи учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи [3]). Измѣняя первоначальную цѣль Воспитательныхъ Домовъ, Императрица Марія прежде всего имѣла въ виду: поставить воспитаніе и образованіе питомцевъ на практическую почву, обезпечить будущность питомцевъ и сократить расходы по Домамъ. Въ ея докладѣ государю было сказано, что дѣти отнынѣ будутъ воспитываться единственно съ цѣлью обра-

[1]) Установленіе по Восп. Домамъ. § 2 (Арх. IV отд.).

[2]) Установленіе по Восп. Домамъ. Монографія. Приложеніе, стр. 212—213.

[3]) Приложеніе, стр. 53.

зовать изъ нихъ ремесленниковъ, полезныхъ государству; но если бы среди нихъ оказался такой, который „былъ бы рожденъ счастливѣе другихъ, и коего геній показывалъ бы намѣреніе возвыситься надъ обыкновеннымъ уровнемъ", такихъ Императрица предлагала помѣщать въ одну изъ академій, „дабы онъ имѣлъ возможность развить талантъ или науку, къ которой у него проявится призваніе" [1]). Эти слова относятся очевидно къ мальчикамъ; о судьбѣ дѣвочки, у которой проявился бы талантъ или способности къ наукѣ, въ докладѣ ничего не сказано. О воспитаніи вообще въ Воспитательныхъ Домахъ, Императрица Марія говоритъ: „Я откинула отъ этого воспитанія все, что клонится лишь къ блеску. Я направила его единственно къ основательности, къ совершенному знанію нашей религіи, къ нравственности и къ наукамъ, необходимымъ для ремесленника". Она далѣе перечисляетъ и выгоды, которыя должны произойти отъ воспитанія большей части дѣтей въ деревняхъ: „Эта выгода — сказано въ докладѣ—будетъ рости больше и больше, и будетъ дѣйствительною, потому въ особенности, что наши питомцы, сдѣлавшись хорошими земледѣльцами (людьми, въ коихъ имперія нуждается), обработаютъ земли, остающіяся пустыми, усилятъ доходность этихъ земель, станутъ чрезъ то истинно полезными отечеству и вознаградятъ своими трудами за все, чѣмъ они обязаны государству". Въ заключеніе доклада Императрица говорила: „Съ помощію предлагаемыхъ преобразованій можно надѣяться, что это учрежденіе процвѣтетъ и принесетъ пользу государству, для котораго до сего времени составляло только прибавленіе тягостей".

Въ числѣ предложенныхъ Императрицею мѣръ по Воспитательному Дому утверждена Императоромъ Павломъ и отмѣна одной изъ важнѣйшихъ привилегій, дарованныхъ Екатериною воспитанницамъ. Въ состоявшемся, вслѣдствіе доклада Императрицы Маріи, 23-го декабря 1797 года „Установленіи по Воспитательнымъ Домамъ" сказано (п. е.): „по существу Воспитательныхъ Домовъ всякая воспитанница, выходящая замужъ за крѣпостного, приносила мужу и дѣтямъ своимъ отъ крѣпости свободу; но поелику время доказало, что таковая привилегія была поводомъ различнымъ спорамъ и тяжбамъ между помѣщиками и освободившимися такимъ побочнымъ образомъ людьми, нерѣдко доставляя крѣпостнымъ вящія выгоды, виновницъ оной повергая въ нищету и презрѣніе и не только затруд-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе IV отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Хроника вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, стр. 14.

няло, но и препятствовало замужеству ихъ, въ отвращеніе такого злоупотребленія хотя выходъ въ замужество воспитанницамъ за крѣпостныхъ людей и не запрещается, но свобода сохранится лично ей одной, при всегдашнемъ со стороны Воспитательнаго Дома ей покровительствѣ. Мужъ же ея свободою не пользуется, а остается по прежнему крѣпостнымъ тому, кому принадлежитъ, а по немъ и дѣти не выходятъ изъ собственности того помѣщика". [1]).

Хотя это постановленіе касалось Воспитательныхъ Домовъ, но оно отразилось и на воспитанницахъ мѣщанскаго училища, къ которымъ стали его произвольно примѣнять, что впослѣдствіи повело за собою ограниченіе и имъ данной Екатериною привилегіи [2]).

Не довольствуясь двумя ввѣренными ей заведеніями, Императрица Марія 26-го іюня 1797 года открыла на свои средства Сиротское училище для сорока бѣдныхъ сиротъ, дочерей купцовъ и ремесленниковъ, вообще мѣщанъ, священниковъ, нижнихъ служителей канцелярскихъ и придворныхъ, за исключеніемъ дѣтей военныхъ, имѣющихъ офицерскій чинъ. Кромѣ сорока штатныхъ воспитанницъ, полагалось десять пенсіонерокъ Императрицы (по 250 р. за каждую), по ея назначенію, „преимущественно изъ дочерей своихъ придворныхъ лакеевъ и другихъ придворныхъ служителей, не имѣющихъ офицерскаго чина, даже еслибы эти не были сиротами" [4]). Это училище въ 1800 году переименовано въ Маріинскій институтъ [5]). Оно было первымъ, осно-

---

[1]) Им. указъ 23-го декабря 1797 г.

[2]) Въ 1806 году такое примѣненіе было запрещено именнымъ указомъ Сенату (П. Собр. Т. XXIX, 22004), но въ 1808 году состоялся другой указъ (П. Собр. Т. XXX, 22830), которымъ „въ предупрежденіе на будущее время всякихъ споровъ и недоразумѣній" предписывались слѣдующія общія правила: 1) если въ данномъ крѣпостному человѣку отъ помѣщика на женитьбу дозволеніи именно и точно не будетъ означено, что вступленіе въ бракъ съ воспитанницею мѣщанскаго училища ему дозволяется, тогда женитьба его, хотя бы бракъ совершенъ былъ въ установленномъ порядкѣ, не даетъ женившемуся никакого права на свободу, а оставаться ему въ прежнемъ его состояніи и укрѣпленіи; вышедшей же за него воспитанницѣ пользоваться только личною ея свободою, не сообщая оной ни мужу, ни дѣтямъ; 2) но если крѣпостной человѣкъ представитъ данное ему отъ помѣщика точное и ясное дозволеніе женитьбы не только на вольной вообще, но именно на воспитанницѣ мѣщанскаго училища, то по женитьбѣ дѣлать его отъ помѣщичьяго владѣнія свободнымъ и обязывать избрать родъ жизни.

[3]) Уставъ Маріинскаго Института 1811 г., § 3 (Архивъ управленія заведеніями, состоящими подъ покровительствомъ государыни великой княгини Елены Павловны. № А. 32).

[4]) П. Собр. Т. XXVI, 19654.

ваннымъ самою Императрицею Маріею, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ.

5-го апрѣля 1797 года утверждено Императоромъ Павломъ „Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ" [1]). Въ немъ (ст. 29-я) сказано: „Долгъ всѣхъ въ обще и каждаго особо члена Кавалерскаго Общества въ томъ состоитъ, чтобъ свято хранить и исполнять обязанности вѣры Христіанской; а какъ любовь къ ближнему есть одна изъ верховнѣйшихъ сихъ обязанностей, то и возлагается на кавалеровъ попеченіе о разныхъ Богу угодныхъ и обществу полезныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ именуются главнѣйшія: воспитательные домы въ Москвѣ и въ Санктъ-Петербургѣ, Московскій Инвалидный домъ съ Екатерининскою больницею; заведеніе въ обѣихъ столицахъ пристанищъ для бѣдныхъ обоего пола особъ; попеченіе и надзираніе въ столицахъ за всѣми полезными заведеніями для призрѣнія неимущихъ, за исключеніемъ военныхъ и морскихъ госпиталей, сохраняя каждому изъ сихъ заведеній опредѣленные имъ доходы и присвоенныя имъ права и преимущества и раздѣливъ оныя по названіямъ классовъ орденскихъ, причислить по тѣмъ къ церквамъ ихъ, выставя на нихъ и знаки оныхъ наименованій" [2]).

Для составленія командорственныхъ имѣній, которыя должны были раздаваться кавалерамъ россійскихъ орденовъ, Императоръ Павелъ велѣлъ отдѣлить изъ государственныхъ экономическихъ имѣній 50.000 душъ крестьянъ и отпускать по 54.000 р. ежегодно изъ государственныхъ доходовъ [3]). Ордену св. Великомученицы Екатерины, учрежденному Императрицею Екатериною I [4]), было назначено 3.400 душъ для раздачи кавалерамъ большого креста, и 3.000 душъ — малаго.

Въ октябрѣ того же года Павелъ утвердилъ представленный

---

[1]) П. Собр. Т. XXIV, 17908.

[2]) Включеніе въ кругъ обязанностей кавалеровъ россійскихъ орденовъ попеченія о богоугодныхъ заведеніяхъ, къ числу которыхъ принадлежали тогда и учебныя, было впервые сдѣлано Петромъ I въ проектѣ Устава ордена св. Андрея Первозваннаго. 1720 г. Въ § 1 сказано: „А какъ университеты, гимназіи и училища почитаются вертоградомъ Церкви и гражданства, то и кавалерамъ надлежитъ помогать Нашему доброму намѣренію и смотрѣть, дабы оныя были учреждены какъ можно лучше и по инструкціи Нашей содержаны и управляемы съ хорошимъ успѣхомъ". (Историческій очеркъ россійскихъ орденовъ и сборникъ основныхъ орденскихъ статутовъ. Составлено по порученію Его Сіят. Канцлера росс. имп. и царскихъ орденовъ, Ген.-Адъют., Графа И. И. Воронцова-Дашкова. Спб. 1891, отд. 2. стр. 11).

[3]) П. Собр. Т. XXIV, 17908, 17925.

[4]) См. *Е. Лихачева.* Мат. для ист. женск. образ. въ Р. 1086—1796, стр. 63.

ему генералъ-прокуроромъ и казначеемъ Ордена Всероссійскаго, княземъ Куракинымъ, докладъ, въ которомъ опредѣлялись обязанности кавалеровъ, и повелѣлъ „по всѣмъ имѣніямъ, въ командорства розданнымъ, учредить поземельный денежный зборъ, который могъ бы равняться съ половиною оброчнаго дохода отъ того имѣнія, каждому командору въ полученіе дозволеннаго". При этомъ было предписано, чтобы взносъ отъ командоровъ производился изъ дозволенныхъ имъ доходовъ, а „не особо полагать на души въ командорства отданныя" [1]).

Относительно обязанностей дамъ ордена св. Екатерины князь Куракинъ говорилъ: „не отчуждая Дамъ и кавалерственныхъ Дамъ ордена именованія св. Екатерины отъ христіанскихъ подвиговъ, волею Монарха и собственными состраданіями предписываемыхъ, не счелъ, однако, я нужнымъ вводить ихъ во всѣ общественныя съ другими Кавалерами обязанности; но приличнѣе быть ввѣренну ихъ попеченію особому заведенію и для того обязанностію класса сего наименованія считаю удобнымъ учрежденіе пристанища благороднымъ дѣвицамъ, безъ родни, имѣнія и призрѣнія, нерѣдко въ жертву пороковъ остающимся. Должностью Дамъ и кавалерственныхъ Дамъ класса сего наименованія св. Екатерины по сему случаю будетъ наблюденіе за исполненіемъ учрежденія, опредѣленнаго попеченію ихъ установленія. Главнѣйшія же онаго правила состоять должны въ томъ, чтобы 1) пріемъ дѣвицъ назначить съ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ правила ихъ коловратною нравственностью испорчены бы быть не могли; 2) учредить упражненіе ихъ къ той цѣли, чтобы служить онѣ могли къ собственному и всегдашнему ихъ во всякой перемѣнѣ состоянія благополучію; 3) устроить правила о приданномъ награжденіи для тѣхъ, кои поведеніемъ своимъ сдѣлаются того достойными".

На первоначальное устройство „пристанищъ" князь Куракинъ предложилъ брать въ кавалерское общество единовременно со всѣхъ кавалеровъ „отъ времени вступленія на престолъ Императора Павла донынѣ и впредь получающихъ ордена": по 400 р. съ Андреевскихъ, по 300 р. съ Екатерининскихъ 1-го класса, и по 200 р. 2-го, по 200 р. съ Александровскихъ, по 100 р. съ Анненскихъ 1-й степени и по 60 р.—2-й. „А на ежегодное содержаніе пристанищъ — писалъ онъ — всеконечно не будетъ отяготительно, но паче съ Монаршею Вашего Императорскаго Величества волею и съ сострадательными сердцами отличныхъ людей сообразно и согласно, есть ли каждый получившій и впредь

---

[1]) Им. указъ 27 окт. 1797 г. П. Собр. Т. XXIV, 18225.

получить имѣющій командорственное имѣніе, часть изъ доходовъ онаго назначить и удѣлить заблагоразсудитъ". Въ заключеніе князь Куракинъ говорилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что кавалеры и до воцаренія Павла пожалованные „не возжелали бы соревновать толь похвальнымъ подвигамъ своихъ сотоварищей"; а потому онъ полагалъ предоставить каждому опредѣлить какую кто единовременную или ежегодную сумму дать можетъ. Въ надзираніи за богоугодными и обществу полезными заведеніями должны были участвовать всѣ кавалеры, изъ среды которыхъ каждые четыре года выбиралось бы для этого нѣсколько человѣкъ.

Первою на этотъ призывъ откликнулась Императрица Марія. 8-го ноября, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ утвержденія Императоромъ Павломъ доклада князя Куракина, она извѣстила послѣдняго, что „въ силу Высочайше конфирмованныхъ постановленій, до Богоугодныхъ заведеній относящихся, россійскаго ордена 2-го класса или наименованія св. Великомученицы Екатерины кавалерственныя Дамы должны заниматься воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ. Я, какъ Гроссъ-мейстерина сего ордена, почитаю долгомъ моимъ показать примѣръ въ подвигахъ столь похвальныхъ и отечеству полезныхъ, а потому для вящаго въ оныхъ успѣха опредѣляю на училище для таковыхъ дѣвицъ учреждаемое изъ собственныхъ моихъ доходовъ по 4.500 рублей ежегодно".

Въ тотъ же день подобныя извѣщенія были присланы: отъ великой княгини Елизаветы Алексѣевны, которая, по званію діакониссы ордена, опредѣлила свой ежегодный взносъ въ 5.500 рублей; великой княгини Анны Ѳедоровны и великихъ княженъ: Александры, Елены, Маріи, Екатерины и Анны Павловенъ, которыя по званію кавалерственныхъ дамъ обязались вносить по тысячѣ рублей въ годъ каждая.

На эти средства и было открыто 25-го мая 1798 года, въ Петербургѣ, училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, на 60 воспитанницъ, принятыхъ по представленіямъ кавалерственныхъ дамъ, и наименованное училищемъ ордена св. Екатерины [1]). Въ концѣ года, въ виду выяснявшейся недостаточности 16.000 р. въ годъ на его содержаніе, Императоръ Павелъ, именнымъ указомъ 4-го октября 1798 года, повелѣлъ отпускать ему изъ доходовъ, со всѣхъ командорствъ собираемыхъ, по 8.000 р. ежегодно, „такъ какъ—сказано въ указѣ—орденъ св. Екатерины не въ состояніи содержать институтъ доходами, собираемыми съ командорственныхъ имѣній своего ордена по причинѣ малаго числа оныхъ" [2]).

---

[1]) Учрежденія училища ордена св. Екатерины, XXIII (Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. Т. XXV, 18687.

Такимъ образомъ въ первый же годъ царствованія Императора Павла число женскихъ учебныхъ заведеній увеличилось двумя институтами. Въ 1798 году къ нимъ прибавился третій, основанный Императоромъ сначала, какъ отдѣленіе Императорскаго военно-сиротскаго Дома, а впослѣдствіи какъ особый институтъ, наименованный въ 1829 году Павловскимъ. Это учрежденіе было вызвано докладомъ особой, образованной при военной коллегіи, по повелѣнію Императора, коммиссіи о положеніи солдатскихъ школъ при гарнизонныхъ полкахъ въ 1797 году. 23-го декабря 1798 года Императоръ утвердилъ докладъ, представленный ему коммиссіею, состоявшею изъ Наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, генерала отъ инфантеріи Лэмба, генерала отъ кавалеріи Палена и генералъ-лейтенанта барона Аракчеева [1]).

По „Положенію о военно-сиротскомъ Домѣ", воспитываемое въ немъ „юношество" раздѣлялось на два отдѣленія: 1-е—для благородныхъ дѣтей, 2-е—для дѣтей солдатскихъ и въ каждомъ изъ отдѣленій должны были воспитываться отдѣльно другъ отъ друга мальчики и дѣвочки. Число дѣтей въ Домѣ полагалось неограниченное, безъ различія вѣроисповѣданій; пріемный возрастъ для всѣхъ дѣтей въ оба отдѣленія и обоего пола опредѣлялся одинаковый, не старѣе 11-ти лѣтъ.

Въ 1-е отдѣленіе принимались дѣти „по достаточнымъ доказательствамъ о дворянствѣ и неимуществѣ" какъ дворянъ, такъ и штабъ и оберъ-офицеровъ. Предметы обученія, за исключеніемъ геометріи и военныхъ наукъ, которыя должны были преподаваться только мальчикамъ, были одни и тѣ же на мужской и женской половинахъ: законъ Божій „по рожденію родителей", русскій и нѣмецкій языки, на которыхъ дѣти должны были умѣть не только читать и писать, но и говорить, грамматика и переводы съ обоихъ языковъ, ариѳметика, исторія, географія, рисованіе. Мальчикамъ эти предметы положено было преподавать „не въ такомъ видѣ, чтобы другихъ обучать могли, но чтобы сами познаніями пользоваться умѣли". Для дѣвочекъ такого ограниченія не было сдѣлано и, напротивъ, въ § 14 „Положенія" сказано: „для поощренія въ прилежности къ наукамъ, оказывающія успѣхи могутъ употребляемы быть къ наставленію въ своихъ познаніяхъ прочихъ дѣвицъ, въ случаѣ неприсутствія или болѣзни учителя въ классахъ, и таковымъ предъ прочими оказывать особливое уваженіе" [2]).

---

[1]) П. Собр. Т. XXV, 18793.

[2]) На мужской половинѣ, очевидно по образцу Сухопутнаго кадетскаго корпуса, Положеніемъ (§ 5) дозволялось выбирать 50 изъ лучшихъ воспитанниковъ 2-го отдѣ-

Учебная программа женскаго 2-го отдѣленія была шире мужской программы того же отдѣленія. Воспитанницы должны были обучаться: закону Божію, русскому языку, чтенію, письму и грамматикѣ (на мужской половинѣ только чтенію и письму), ариѳметикѣ (на мужской половинѣ лишь „сколько нужно, чтобы умѣть обыкновенныя дѣлать выкладки“) и рисованію (на мужской не полагалось)—сколько нужно „рукодѣльницамъ, преимущественно же рукодѣліямъ и искусствамъ полу ихъ приличнымъ“. Обученіе рукодѣліямъ входило въ программу и 1-го отдѣленія, но тамъ воспитанницъ должны были обучать этому учителя или „мастера“; а солдатскихъ дочерей предписывалось отдавать „для окончательной выучки въ ученіе, съ пользой Императорскому военно-сиротскому Дому“. Воспитанницы 2-го отдѣленія должны были, кромѣ того, обучаться съ 12-ти лѣтъ „подъ присмотромъ назначаемаго директоромъ человѣка, на поварнѣ ко всѣмъ работамъ“; также предписывалось пріучать ихъ къ разнымъ подробностямъ домашней экономіи (§ 15 Положенія).

По достиженіи воспитанницами обоихъ отдѣленій 16-ти лѣтъ, родители могли брать ихъ къ себѣ, но лишь въ томъ случаѣ, „буде содержать ихъ могутъ благопристойно“. Если же—сказано въ § 16—родители окажутся не въ состояніи дать содержаніе своей дочери („что и предполагать должно о многихъ, поелику Домъ сей учреждается для бѣдныхъ и сиротъ“), тогда она остается въ вѣдомствѣ Императорскаго военно-сиротскаго Дома и, получая годовые паспорты отъ начальства, вступаетъ съ оными по желанію своему въ услуженіе въ партикулярный извѣстный домъ на урочное время съ договоромъ, а изъ условленнаго жалованья обращаетъ восьмую часть въ пользу Императорскаго военно-сиротскаго Дома“.

Въ случаѣ еслибы воспитанницѣ представилась, по окончаніи курса ученія, возможность выйти замужъ „за достойнаго по своему состоянію жениха, то чинить сіе—сказано въ Положеніи—съ вѣдома главнаго Дому начальства, отъ котораго получать о честномъ поведеніи и знаніяхъ аттестатъ, съ изображеніемъ въ ономъ для каждаго отдѣленія особо преимуществъ, каковыми за благо усмотрѣно будетъ предоставить имъ пользоваться, и по разсмотрѣніи главнаго начальства опредѣлять денежное приданое

ленія и обучать ихъ въ однихъ классахъ съ благородными дѣтьми тѣмъ наукамъ, „къ которымъ имѣютъ способность“. Эти 50 солдатскихъ воспитанниковъ предназначались къ занятію впослѣдствіи мѣстъ—сначала помощниковъ учителей, а потомъ, „когда въ наукахъ утвердятся“, на учительскія вакансіи какъ въ самомъ Домѣ, такъ и при гарнизонныхъ училищахъ.

изъ экономическихъ суммъ Дома и тогда уже дѣвица становится отъ сего Дома отдѣленною и независимою".

Наконецъ, тѣхъ воспитанницъ, которыя „оказали бы особливыя въ познаніяхъ или рукодѣліяхъ способности", Положеніемъ (§ 18) разрѣшалось оставлять въ Домѣ для присмотра за дѣтьми или „для обученія оныхъ въ пріобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ въ званіи учительницъ, съ полученіемъ жалованья, которое уже остается въ полномъ ихъ распоряженіи".

Въ Положеніи о военно-сиротскомъ Домѣ узаконены новыя для воспитанія дѣвицъ цѣли, а также введено новое начало, существенно измѣнявшее характеръ отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ классовъ общества. При Екатеринѣ образованіе и воспитаніе во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ давалось дѣтямъ и юношеству даромъ, безъ всякаго съ ихъ стороны впослѣдствіи возврата хотя бы части истраченныхъ государствомъ на ихъ воспитаніе денегъ. Это и понятно, если имѣть въ виду цѣль, съ которою тогда воспитывалось и образовывалось юношество. Послѣ смерти Екатерины, взамѣнъ этой, общей, государственной цѣли, была поставлена личная, въ интересахъ самихъ воспитываемыхъ, которымъ получаемое ими воспитаніе и образованіе должно было обезпечивать средства къ существованію; тогда должно было измѣниться и отношеніе къ нимъ правительства. Поэтому „Положеніемъ" (§ 16) воспитанницы военно-сиротскаго Дома обязывались по поступленіи на мѣсто въ частный домъ отдавать восьмую часть своего жалованья въ пользу заведенія, въ которомъ онѣ получили воспитаніе.

Примѣненіе этого начала было сдѣлано Императрицею Маріею по отношенію и къ Воспитательнымъ Домамъ. По поводу нѣкоторыхъ измѣненій, которыя она признала нужнымъ сдѣлать въ утвержденномъ Императоромъ Павломъ въ декабрѣ 1797 года ея планѣ преобразованія Домовъ, она, въ новомъ докладѣ, указала на то, что до сихъ поръ всѣ работы питомцевъ обоего пола продавались въ ихъ пользу, безъ всякой прибыли Дому, „хотя питомцы снабжены отъ Дома всѣмъ необходимымъ", и предложила, чтобы съ 1-го января 1799 года „изъ вырученныхъ питомцами обоего пола работъ составлять основной капиталъ и вносить въ сохранную казну на приращеніе въ пользу Воспитательнаго Дома, дабы вѣрно знать, сколь далеко такая прибыль простираться можетъ, и замѣнитъ ли со временемъ издержки, на воспитаніе дѣтей чинимыя" [1]).

---

[1]) П. Собр. Т. XXV, 18804.

Назначеніе бывшихъ воспитанницъ Смольнаго на мѣста учительницъ примѣнялось еще при Екатеринѣ, но такія назначенія были случайными; теперь для воспитанницъ военно-сиротскаго Дома обезпечивалась законодательствомъ профессія учительницы, хотя и въ ограниченномъ кругѣ того заведенія, въ которомъ онѣ сами получили воспитаніе.

Обнаружившееся съ перваго же года управленія Императрицы Маріи женскими учебными заведеніями стремленіе дать практическое направленіе ученію и воспитанію въ нихъ—причемъ рядомъ съ общественною пользою, и даже на первомъ планѣ, стояло желаніе обезпечить будущую судьбу воспитанницъ—проявилось и при учрежденіи ею цѣлаго ряда институтовъ и училищъ. Строго придерживаясь началъ сословности, съ мельчайшимъ раздробленіемъ вновь основываемыхъ женскихъ учебныхъ заведеній по категоріямъ происхожденія и званія воспитанницъ, Императрица, послѣ основанія сиротскаго училища для дочерей мѣщанъ и придворныхъ служителей, и училища ордена св. Екатерины для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, почти каждый затѣмъ годъ открывала новые женскіе институты и училища, или преобразовывала и расширяла основанные ранѣе.

Съ 1785 года существовалъ въ Петербургѣ, при родильномъ госпиталѣ, Акушерскій институтъ, состоявшій въ вѣдѣніи Опекунскаго Совѣта подъ названіемъ „училище для акушерокъ“ [1]). Въ немъ еще при Екатеринѣ, съ 1794 года, обучались акушерству, какъ уже выше было сказано, двѣнадцать воспитанницъ изъ питомицъ петербургскаго Воспитательнаго Дома и, кромѣ того, допускались постороннія лица обоего пола [2]). Въ 1800 году Императрица Марія поручила экстраординарному профессору акушерства при московскомъ университетѣ, Рихтеру, составить проектъ „Практическаго Акушерскаго Института“ въ Москвѣ. Медицинская коллегія не одобрила проекта Рихтера, который полагалъ сохранить существовавшій въ петербургскомъ училищѣ порядокъ обученія въ будущемъ институтѣ какъ акушерокъ, такъ и медицинскихъ студентовъ. Коллегія нашла, что пребываніе подъ одною кровлею, хотя и въ отдѣльныхъ комнатахъ, студентовъ и большого числа лицъ женскаго пола, въ томъ числѣ и ученицъ, „предо-

---

[1]) *Чистовичъ.* Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. 1883, стр. 521.

[2]) Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 1794 года записано, что, по повелѣнію Императрицы, въ московскомъ и петербургскомъ родильныхъ госпиталяхъ должны были обучаться повивальному искусству по два человѣка студентовъ изъ лѣкарскихъ школъ, находящихся при госпиталяхъ (Монографіи. Приложеніе, стр. 235).

судительно, ненадежно и соблазнительно“ [1]). Рихтеръ исключилъ изъ проекта все, что касалось сближенія половъ, и тогда Императрица Марія назначила его директоромъ института; но она не согласилась даже на его просьбу позволить ему обучать новыхъ воспитанницъ у себя на дому два раза по два часа въ недѣлю, вмѣстѣ съ ввѣренными ему медицинскою коллегіею для обученія „бабушками“ и, напротивъ, предписала „отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не обучать воспитанницъ новаго заведенія съ прочими воспитанницами въ Домѣ, отъ коихъ онѣ совершенно должны быть отдѣлены“ [2]). Въ институтъ должны были приниматься воспитанницы не моложе 16-ти лѣтъ, умѣющія по крайней мѣрѣ читать и писать на родномъ языкѣ.

Практическій институтъ въ Москвѣ былъ открытъ для десяти штатныхъ воспитанницъ 1-го января 1801 года на 20.000 р., пожертвованныхъ въ 1771 году Демидовымъ петербургскому родильному госпиталю и переведенныхъ, по распоряженію Императрицы Маріи, въ московскій Воспитательный Домъ „для заведенія при ономъ института Повивальнаго искусства“ [3]).

Въ слѣдующемъ году Императрица Марія собственноручно составила планъ (на французскомъ языкѣ) училища ордена св. Екатерины въ Москвѣ на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовало петербургское училище того же ордена. Въ рескриптѣ отъ 24-го апрѣля 1802 года на имя оберъ-камергера князя Голицына, котораго она назначала членомъ Совѣта будущаго училища, Императрица писала: „Симъ выборомъ, уповаю, сдѣлала я удовольствіе всему московскому дворянству, въ пользу коего въ особенности сіе училище заводится“ [4]).

Въ данномъ ею Совѣту будущаго училища указѣ, Императрица опредѣлила цѣль его учрежденія такъ: „первый и главный предметъ есть распространеніе способовъ къ хорошему воспитанію между недостаточнымъ россійскимъ дворянствомъ“. Поэтому

---

[1]) *Чистовичъ*. Приложеніе, CCLXXXII.

[2]) Учрежденія Моск. Восп. Дома, 1797—1826, IX. О практическомъ институтѣ для повивальнаго искусства при Имп. Восп. Домѣ учреждаемомъ. § 5. (Арх. IV отд.).

[3]) Рескриптъ Баранову 24 іюля 1800 г. Распоряженіе о переводѣ этихъ денегъ въ Москву тамошнему родильному госпиталю было сдѣлано еще въ 1784 году Бецкимъ, который взамѣнъ пожертвованныхъ Демидовымъ 20.000 р. внесъ такую же сумму изъ собственныхъ средствъ на содержаніе петербургскаго родильнаго госпиталя, о чемъ упомянуто и въ рескриптѣ Императрицы Баранову.

[4]) Историческая записка о московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ. Составлена по имѣющимся въ канцеляріи мѣстнаго Совѣта документамъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ члена онаго по хозяйственной части. Москва. 1875, стр. 13.

Совѣту было предписано принимать дочерей дворянскихъ или такихъ родителей, чины которыхъ даютъ и дѣтямъ дворянское достоинство. „Бѣдность — сказано въ указѣ — даетъ первѣйшее право на призрѣніе при пріемѣ. Особенно бездостаточныя сироты, отца или матери лишенныя“. Пріемный возрастъ былъ опредѣленъ сначала отъ десяти до одиннадцати, а потомъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Московское училище ордена св. Екатерины было основано, по примѣру петербургскаго, на 60 штатныхъ воспитанницъ, дочерей оберъ-офицерскаго званія, на средства, дарованныя Императоромъ Александромъ I, который назначилъ училищу по 18.000 р. ежегодно и 3.000 р. единовременно, на первоначальные расходы, изъ государственнаго казначейства; кромѣ того Императрица и другіе члены императорской семьи назначили отъ себя, для ежегоднаго взноса училищу, сумму, составившую въ общей сложности 17.000 р., что вмѣстѣ съ 18.000 р., пожалованнымп государемъ, обезпечивало училищу 35.000 р. ежегоднаго дохода [1]). Для помѣщенія его Императрица подарила московскому училищу еще раньше ею пріобрѣтенный бывшій Инвалидный домъ [2]). Училище было открыто 10-го февраля 1803 года.

Въ 1802 же году Императрица, желая улучшить воспитаніе принесенныхъ въ Воспитательный Домъ и розданныхъ по деревнямъ дѣтей, учрежденіемъ „такихъ мѣстъ, гдѣ бы ихъ порядочно воспитывали и обучали элементарнымъ предметамъ“, открыла на свой счетъ въ Гатчинѣ Сельскій Воспитательный Домъ на 700 „и болѣе“ младенцевъ обоего пола отъ двухъ до десяти лѣтъ [3]).

Въ этихъ пяти существовавшихъ лишь въ столицахъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ могли получать образованіе 600 штатныхъ воспитанницъ и кромѣ того допускались пенсіонерки.

Еще въ 1802 году Императрица, въ собственноручно написанномъ планѣ будущаго училища въ Москвѣ, говорила государю:

[1]) Императрица Марія перечисляетъ, въ представленномъ ею на утвержденіе Императора Александра планѣ, пожертвованныя императорскою семьею суммы. „Вы позволили, любезный сынъ, — говоритъ она въ „Планѣ“ — поставить Васъ во главѣ жертвователей -18.000 р. Ваша супруга, моя любезная невѣстка, одушевленная, какъ и Вы, усердіемъ къ общему благу, и желая содѣйствовать ему, назначаетъ 2.000 р. Ваши добрыя сестры, Марія, Екатерина и Анна, желая также участвовать въ общеполезномъ дѣлѣ, жертвуютъ по тысячѣ рублей каждая, всего 3.000 р. Вашъ братъ Константинъ, проникнутый такимъ же усердіемъ, жертвуетъ 3.000 р. Ваши братья Николай и Михаилъ пожертвовали по тысячѣ рублей каждый—2.000 р. Что касается меня, то я назначаю 6.000 р.“ (Истор. зап. стр. 5 и 6).

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Монографія. Приложеніе, стр. 240.

„Множество просьбъ объ опредѣленіи дѣтей въ Общество благородныхъ дѣвицъ и въ Институтъ св. Екатерины служитъ доказательствомъ, что не смотря на благодѣянія покойнаго Императора, который пріемъ дѣвицъ въ Общество увеличилъ вдвое, назначивъ вмѣсто 50-ти принимать 100 благородныхъ дѣвицъ, и вмѣсто 50-ти мѣщанскихъ дѣвицъ также 100, и учредилъ Институтъ св. Екатерины для 60-ти дѣвицъ съ дозволеніемъ сверхъ того принимать и пенсіонерокъ, — всѣ эти заведенія не удовлетворяютъ потребностямъ недостаточнаго дворянства обширной Имперіи, находящагося не въ состояніи давать своимъ дѣтямъ надлежащее воспитаніе, которое впослѣдствіи должно составлять ихъ богатство и приданое. Ваше столь живое, столь глубокое желаніе составить счастіе народа, который Васъ любитъ въ настоящемъ и надѣется получить все, чего имѣетъ столько права ожидать отъ Васъ въ будущемъ, обязываютъ меня предложить Вамъ и представить на Ваше рѣшеніе планъ воспитательнаго заведенія для малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, которое будетъ отдѣленіемъ здѣшняго Института св. Екатерины и точною его копіей во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи, учрежденномъ единственно для недостаточнаго дворянства, ученіе и всѣ занятія дѣвицъ, какъ Вы сами видѣли, приноровлены къ ихъ будущему положенію, такъ какъ большая часть изъ нихъ, при недостаткѣ родителей, должны будутъ въ самихъ себѣ находить всѣ средства къ существованію собственными трудами, или къ оказанію помощи родителямъ, занимаясь воспитаніемъ своихъ младшихъ сестеръ. Учрежденіемъ, по моему предложенію, Института въ Москвѣ, Вы, любезнѣйшій сынъ, приблизитесь еще на шагъ къ одному изъ тѣхъ предметовъ общаго блага, которое имѣется въ виду, и Вы облегчите способы къ распространенію воспитанія, и, можетъ быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ представится возможность заняться учрежденіемъ подобнаго заведенія въ одной изъ Вашихъ губерній; такимъ образомъ, увеличивая число заведеній всегда по одному и тому же плану, Вы будете имѣть счастіе осуществить и развить благотворные виды Вашей бабки и Вашего родителя“ [1])...

Мысль объ учрежденіи женскихъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ по видимому тогда уже занимала Императрицу Марію и возможность осуществить эту мысль казалась ей близкой. 18-го ноября 1803 года Императрица писала неизвѣстному лицу: „такъ какъ вы извѣщены, любезный графъ, о проектѣ основать институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ“... Въ этомъ письмѣ она

[1]) Истор. зап., стр. 3 и 4.

просила графа справиться о помѣщеніи будущаго института, „разсчитаннаго на 60 воспитанницъ“, также пріискать директриссу, классныхъ дамъ и „вообще все что нужно“ [1]). При этомъ она говорила, что помѣщеніе института должно быть на столько велико, чтобы можно было сразу принимать и пенсіонерокъ, такъ чтобы общее число воспитанницъ простиралось до восьмидесяти.

Въ 1804 году Императрица представила государю записку, въ которой предлагала учредить „постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пять училищъ для женскаго пола: три для благородныхъ и два для мѣщанокъ“. Первыя три Императрица полагала учредить въ Казани, Кіевѣ и „впредь назначенномъ городѣ“, а послѣднія два—въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Посылая копію своей записки Совѣту Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Императрица извѣщала его, что государь выразилъ ей изустно согласіе на осуществленіе ея намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ волю, чтобы „тѣмъ скорѣе сдѣлать сему первое начало немедленно въ Москвѣ“ [2]). Вслѣдствіе этого Императрица сообщила государю свои соображенія „о производствѣ въ дѣйствіе послѣдняго (т.-е. училища для мѣщанокъ въ Москвѣ), которое послужитъ правиломъ для всѣхъ прочихъ“. На ежегодное содержаніе училища, полагая въ немъ 80—90 воспитанницъ, Императрица, „основываясь на опытѣ“, назначала 24 тыс. рублей. „А такъ какъ—писала она—эта сумма составляетъ 6% съ капитала въ 400.000 рублей, то лучшимъ средствомъ обезпеченія навсегда сего заведенія въ вѣрности дохода, безъ дальнѣйшаго отягощенія государственнаго казначейства, было бы внести единожды капиталъ въ 400.000 рублей на вѣчное время въ сохранную казну Воспитательнаго Дома, которая съ него и будетъ производить училищу по 6%“. Для облегченія же казначейства во взносѣ „столь знатнаго“ капитала, Императрица просила государя повелѣть министру финансовъ занять 400.000 р. изъ сохранныхъ казенъ обоихъ воспитательныхъ домовъ поровну, на восемь лѣтъ на обыкновенныхъ условіяхъ и присвояя капиталъ училищу, оставить его въ сохранной казнѣ на вѣчное обращеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица сообщала Совѣту Общества, что управленіе вновь учреждаемымъ училищемъ будетъ ввѣрено Совѣту московскаго училища ордена св. Екатерины, а предполагаемыя три училища для благородныхъ и одно мѣщанское будутъ состоять въ вѣдомствѣ Совѣта Общества благородныхъ дѣвицъ.

---

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1803 (Арх. IV отд.).

[2]) Протоколъ Совѣта 29 янв. 1804 г.

Перестройка дома, назначеннаго для помѣщенія будущаго мѣщанскаго училища въ Москвѣ, нѣсколько замедлила его открытіе, которое совершилось лишь въ 1805 году, 30-го августа [1]). Новое училище, согласно предписаннымъ 12-го іюня 1805 года Императрицею правиламъ, назначалось для: а) такихъ изъ офицерскихъ по воинской, статской или придворной службѣ дочерей, которыя по чину родителей не могутъ поступить въ Екатерининскія училища; б) дочерей мѣщанъ, записанныхъ въ гильдіи котораго либо города; в) дочерей священниковъ и г) дочерей медиковъ и лѣкарей, не имѣющихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ; позднѣйшимъ повелѣніемъ 28-го іюля того же года, допускались еще дочери учителей и художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина [2]). Въ 1807 году это училище было переименовано въ Александровское; повелѣніе объ этомъ было дано 12-го декабря, „яко дня рожденія Его Императорскаго Величества“.

Изъ предположенныхъ Императрицею пяти училищъ было учреждено лишь одно, хотя Императрица велѣла уже купить въ Казани для будущаго института мѣсто на такъ называемомъ Арскомъ полѣ [3]) и пріискивала для него классныхъ дамъ [4]). Тогда же былъ составленъ проектъ общаго для всѣхъ институтовъ плана [5]).

Почему не были открыты другія проектированныя женскія учебныя заведенія—неизвѣстно. Но въ 1807 году Императрица Марія взяла подъ свое начальство женскую половину военно-сиротскаго Дома, отдѣленную отъ мужской въ особое училище подъ названіемъ „дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома“ [6]). До этого времени обѣ половины, мужская и женская, помѣщались въ одномъ зданіи, подаренномъ графомъ Воронцовымъ, и состояли подъ общимъ для всего Дома управленіемъ директора, подполковника Гена, въ лицѣ котораго въ военно-сиротскомъ Домѣ сосредоточивались тѣ обязанности, которыя въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ лежали на Совѣтѣ. Церковь, классы и столовыя были общіе для мальчиковъ и дѣвочекъ; въ классахъ послѣднія сидѣли на переднихъ скамейкахъ, а мальчики—на заднихъ [7]).

---

[1]) Истор. зап., стр. 169. Александровское училище.

[2]) Тамъ же, стр. 159. 172.

[3]) Докладъ Императрицы 8 февраля 1828 (Арх. IV отд. Докладной реэстръ. 1828).

[4]) Переписка по Екат. инст. 1805 (Арх. IV отд.).

[5]) Черновой его сохранился въ бумагахъ IV отд.

[6]) Им. указъ 11 апрѣля 1807 (П. Собр. XXX, 22509).

[7]) Изъ воспоминаній о прожитомъ И. Р. Тимченко-Рубана („Историч. Вѣстникъ“, 1890, май).

Въ 1804 году былъ первый выпускъ воспитанницъ перваго пріема; ихъ выпускали въ разное время, ибо по Положенію 1798 года воспитанницы должны были оставаться въ Домѣ до 16-ти лѣтъ. При выпускѣ имъ выдавались свидѣтельства [1]); въ нихъ отмѣчались сдѣланные ими успѣхи въ наукахъ, программа которыхъ была расширена въ 1802 году введеніемъ въ нее французскаго языка [2]).

Однако, по словамъ Императрицы Маріи въ представленной ею въ 1807 году государю запискѣ [3]), воспитаніе, какое до тѣхъ поръ давалось въ женскомъ отдѣленіи, было „по видимому совершенно пренебрежено... Взрослыя дѣвицы — писала Императрица—совершенно ничего не знаютъ, и даже въ рукодѣліяхъ, женщинамъ свойственныхъ, лишь немного... Учителя ходятъ неправильно, священника не было пять послѣднихъ мѣсяцевъ... Можно было, сказавшись родственникомъ, взять воспитанницу на неопредѣленное время, и потомъ привезти ее обратно. Воспитанницъ никуда не могли помѣщать, ибо онѣ ничего не знаютъ и по причинѣ ихъ „mauvaise tenue". Поэтому многія изъ взрослыхъ остаются въ Институтѣ".

Еще до принятія начальствованія надъ женскимъ отдѣленіемъ военно-сиротскаго Дома, Императрица поручила начальницамъ Смольнаго монастыря и училища ордена св. Екатерины, г-жамъ Адлербергъ и Брейткопфъ, вмѣстѣ съ инспектриссами отправиться въ военно-сиротское женское отдѣленіе экзаменовать четырнадцать воспитанницъ, назначенныхъ ею для помѣщенія въ пепиньеръ Общества. Впечатлѣніе, вынесенное начальницами о воспитанницахъ отдѣленія, было не въ пользу ихъ воспитанія. „Не только потому, что у нихъ дурныя манеры (mauvaise tournure), и даже не потому, что у нихъ мало познаній (peu de connaissances), мы

---

[1]) Въ выданномъ 31 декабря 1804 г. свидѣтельствѣ было сказано: „отъ Императорскаго Военно-сиротскаго дома находившейся въ ономъ въ числѣ благородныхъ воспитанницъ отставного подпоручика Лошкарева дочерѣ дѣвицѣ Прасковьѣ въ томъ, что будучи еще опредѣленною 1797 г. февраля 12 дня въ сей домъ, обучалась закону Божію, россійскому, нѣмецкому и французскому чтенію и Письму, граматикѣ, исторіи, географіи и Рисовать такъ же Вышивать разными шелками и золотомъ и при хорошемъ поведѣніи оказывала во всѣмъ томъ желаемый успѣхъ". Подписалъ: Директоръ Государственной Военной Коллегіи ея Експедиціи о военно-сиротскихъ учрежденіяхъ членъ отъ Арміи Генералъ-Маіоръ, орденовъ... кавалеръ Веймарнъ (Переписка по дѣвичьему училищу военно-сиротскаго Дома. Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. XXVII, 20131.

[3]) Sur l'Institut des Orphelines de Militaires. Записка, представленная Императрицею государю и одобренная имъ 17 февраля 1807 г. (Учрежденія Павловскаго Института, 1807—1855, XVIII, Арх. IV отд.).

принуждены—писала Брейткопфъ Императрицѣ—умолять Ваше Величество не давать ихъ намъ; но главнымъ образомъ то воспитаніе, которое онѣ получили, приводитъ насъ въ трепетъ при мысли, что мы смѣшаемъ ихъ съ нашими ангелами, ибо такъ слѣдуетъ назвать нашихъ воспитанницъ въ сравненіи съ тѣми... Да и сами онѣ, по видимому, не пожелаютъ идти въ наши Дома, правила которыхъ имъ покажутся слишкомъ строги́ми, а удовольствія, доставляющія нашимъ воспитанницамъ столько счастія, скучными въ сравненіи съ тѣми, которыми онѣ прежде пользовались у себя и пользуются теперь у своихъ родителей, у которыхъ проводятъ дни, недѣли и мѣсяцы" [1]). Адлербергъ также нашла, что у воспитанницъ военно-сиротскаго Дома „нѣтъ женственности и нравственности". [2]).

Вообще, объ этомъ времени, до 1807 года, между начальствующими лицами „дѣвичьяго училища" сохранилось печальное воспоминаніе; въ ихъ сообщеніяхъ Императрицѣ о прошломъ училища безпрестанно употребляются выраженія: „le temps malheureux", „les mauvaises impressions du temps passé". Директрисса, иностранка Васмутъ, оставленная Императрицею въ этой должности, доносила ей, что прежде цѣлыми годами въ отдѣленіи совсѣмъ не бывало уроковъ и жаловалась на то, что воспитанницы говорятъ между собою по-русски. „Надѣюсь — писала она [3]),—что въ будущемъ году мнѣ удастся совершенно искоренить въ нихъ дурную привычку говорить между собою по-русски, и что я буду имѣть удовольствіе слышать ихъ говорящими по-французски". Сама Васмутъ плохо писала по-русски, какъ это видно изъ представляемыхъ ею Императрицѣ „щетовъ въ гардиропъ Его Императорскаго Величества военно-сиротскаго дома дѣвичьяго отдѣленія отъ Директризы Елизаветы Антоновны Васмутъ" [4]).

Принимая отдѣленіе подъ свое начальство, Императрица, въ запискѣ государю отъ 17-го февраля 1807 года, просила его: 1) назначить для содержанія училища по 25.000 р. въ годъ, кромѣ провіанта и одежды воспитанницамъ, отпускавшимся прежде изъ военной Коллегіи; 2) выдавать изъ Кабинета вдобавокъ къ получаемымъ изъ военно-сиротскаго Дома 200 р. на приданое воспитанницамъ: перваго отдѣленія по 300 р., а второго—по 200 р.

---

[1]) Письмо Брейткопфъ Императрицѣ Маріи 19 апрѣля 1806 г. (Переписка по Ек. Инст. Арх. IV отд.).

[2]) Переписка по Восп. Общ. бл. дѣв. 1806 (Арх. IV отд.).

[3]) Переписка по дѣв. уч. в.-сир. Дома. Письмо Васмутъ 31 декабря 1807 года.

[4]) Переписка. Письмо 30 окт. 1807.

„ибо—писала Императрица—съ тѣхъ поръ какъ дѣвичье училище отдѣлено отъ Дома, ему прекращена выдача суммы на приданое воспитанницамъ, которымъ прежде отпускалась изъ капитала въ 150.000 р. сберегательной кассы Дома“ и 3) разрѣшить заемъ изъ сохранной казны Воспитательнаго Дома 25.000 рублей для покупки смежнаго съ училищемъ дома. Всѣ эти предложенія были одобрены Императоромъ Александромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Императрицы, а для покупки дома государь разрѣшилъ сдѣлать заемъ въ 30.000 р. подъ обязательство министра финансовъ на счетъ государственнаго казначейства [1]).

Вслѣдъ затѣмъ были утверждены представленныя Императрицею „Учрежденія дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома“ и штатъ его. Согласно новому „Учрежденію“, училище предназначалось исключительно для „законныхъ дочерей военной службы недостаточныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ до подполковничьяго чина включительно и нижнихъ, чиновъ, за исключеніемъ всякаго другого состоянія“ [2]). Преимущественно должны были приниматься сироты и тѣ, у отцовъ которыхъ нѣтъ иного достатка, кромѣ жалованья, „а особливо коихъ отцы убиты въ сраженіяхъ“. Воспитанницы по прежнему дѣлились на два отдѣленія, по 50-ти въ каждомъ. Первое — для благородныхъ, штабъ и оберъ-офицерскихъ дочерей или и нижнихъ служителей, но изъ дворянъ. Второе—для военныхъ, морскихъ и сухопутныхъ, нижнихъ служителей не изъ дворянъ. Пріемный возрастъ опредѣлялся — не моложе семи и не старше одиннадцати лѣтъ.

Въ постоянныхъ заботахъ о воспитанницахъ ввѣренныхъ ей заведеній Императрица Марія, Высочайшимъ повелѣніемъ Опекунскимъ Совѣтамъ, 29-го декабря 1808 года, объявила: „Имѣя непрестанно въ виду лучшее устроеніе будущаго жребія воспитанницъ и изысканіе средствъ соединить ихъ благосостояніе съ пользою общею, Я между прочимъ обратила вниманіе свое на недостатокъ, ощущаемый внутри государства, особливо родителями посредственнаго состоянія, въ хорошихъ наставницахъ для воспитанія дѣтей и вознамѣрилась по возможности отвратить сей недостатокъ, или сдѣлать оный меньше чувствительнымъ, посредствомъ приготовленія къ сему званію нарочитаго числа воспитанницъ обоихъ Домовъ. Для достиженія сего предмета надобно способнѣйшимъ изъ нихъ дать лучшее въ отношеніи къ наукамъ и художествамъ воспитаніе, нежели какое теперь получаютъ, и снабдить

---

[1]) 22 марта 1807 г. Учрежденія Павловскаго Института.

[2]) П. Собр. Т. XXX, 22512.

ихъ познаніями и талантами, почитаемыми нынѣ необходимо нужными для благовоспитанія дѣвицы. А какъ тѣмъ самымъ открывается воспитанницамъ путь къ устроенію будущаго ихъ счастія, то излишнія на сей предметъ издержки достаточно вознаградятся успѣхомъ сего новаго постановленія. Основываясь на этихъ разсужденіяхъ, повелѣваю: 1) учредить постепенно въ обоихъ Воспитательныхъ Домахъ по два отдѣльныхъ класса, каждый изъ 25-ти дѣвицъ; сверхъ закона Божія, ариѳметики, россійскаго и нѣмецкаго языковъ, чистописанія и рисованія, преподавать имъ еще французскій языкъ, исторію, географію, музыку, танцы и рукодѣлія такъ, чтобы не только сами во всѣхъ знаніяхъ и рукодѣліяхъ были свѣдущи, но и могли обучать ввѣренныхъ имъ дѣтей; 2) немедленно пріискать хорошихъ учителей во всѣхъ предметахъ; 3) младшіе классы устроить изъ способнѣйшихъ воспитанницъ одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, чтобы знали читать и нарочито писать по-русски и по-нѣмецки и первыя четыре правила ариѳметики; въ эти классы не брать пенсіонерокъ извѣстныхъ родителей или родственниковъ имѣющихъ, ибо они неохотно оставятъ столицы; 4) эти 25 воспитанницъ будутъ въ первомъ классѣ три года; 5) послѣ публичнаго экзамена ихъ перевесть во второй классъ и вмѣсто нихъ принять въ первый новыхъ 25; 6) во второмъ классѣ первые два года должны продолжаться лекціи, а третій годъ — для повторенія всего, чтобы воспитанницы пріучились сами объяснять, что знаютъ, и послѣ того дѣлать публичный экзаменъ для обоихъ классовъ, каковый потомъ уже каждые три года возобновлять; 7) назначенныя къ выпуску 25 дѣвицъ могутъ оставаться еще одинъ годъ въ Домѣ; онѣ раздѣляются по возрастамъ, однѣ для обученія младшихъ воспитанницъ, другія опредѣляются для повторенія уроковъ, или упражненія въ музыкѣ или танцованіи; 8) послѣ экзамена публиковать въ вѣдомостяхъ о выпускѣ 25-ти дѣвицъ для опредѣленія въ наставницы, затѣмъ пріискивать имъ мѣста, разсматривая предложенія родителей, и когда найдутся мѣста хорошія и надежныя, условія выгодныя, представлять мнѣ объ отдачѣ такой воспитанницы и по моемъ утвержденіи ей выдавать вѣчноувольнительное свидѣтельство; такая воспитанница первые пять лѣтъ состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ Опекунскаго Совѣта и можетъ всегда просить его заступленія, но она не можетъ въ теченіе пяти лѣтъ перемѣнить мѣста безъ вѣдома Совѣта; 9) надзоръ за ученіемъ сихъ 50-ти отдѣльныхъ воспитанницъ въ Петербургѣ поручается инспектору надъ классами, а въ московскомъ Домѣ—надзира-

телю при латинскихъ классахъ, впредь до опредѣленія инспектора" [1]).

Эти классы были названы французскими, можетъ быть въ отличіе отъ нѣмецкихъ, въ которыхъ воспитанницы Воспитательныхъ Домовъ приготовлялись въ няньки и повивальныя бабки.

Еще въ 1805 году, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, государь разрѣшилъ отпустить изъ суммъ, на строеніе по государству опредѣленныхъ, 13.355 рублей по смѣтѣ, представленной Императрицею Маріею „на отстройку при одномъ изъ флигелей Воспитательнаго Дома для Повивальнаго института и ежегодной, по распоряженію Ея Величества, суммы на содержаніе его изъ суммъ медицинскихъ" [2]). Въ 1811 году въ этомъ флигелѣ Императрица открыла повивальный институтъ на средства, составившіяся изъ капитала Бецкаго въ 20.000 р., пожертвованныхъ имъ петербургскому родильному госпиталю и обращавшемуся въ сохранной казнѣ, и другого имъ же пожертвованнаго отъ имени „неизвѣстнаго" [3]) капитала въ 36.115 рублей на „основаніе вѣчнаго заведенія училища искусству повивальныхъ бабокъ и акушерству" [4]). Оба капитала, обращавшіеся въ сохранной казнѣ, составляли въ 1811 году сумму въ 60.793 р. Изъ нея и должно было содержаться въ Петербургѣ повивальное училище, основанное на двѣнадцать воспитанницъ за счетъ Воспитательнаго Дома, увеличенное въ 1816 г. еще восемнадцатью воспитанницами на средства министерства полиціи [5]). Ихъ назначали изъ непричисленныхъ къ классамъ питомицъ Воспитательныхъ Домовъ по выбору акушера и съ собственнаго согласія, и обучали нѣмецкому языку для того, чтобы онѣ могли поступать въ повивальный институтъ [6]).

Въ 1814 году измѣнены правила пріема на мѣщанскую половину Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и основано,

---

[1]) Латинскіе классы были открыты при Воспитательныхъ Домахъ въ 1806 году, для лучшихъ питомцевъ, которые освобождались отъ обученія ремесламъ и должны были обучаться наукамъ, съ цѣлію поступленія впослѣдствіи въ медицинскую Академію (Учрежденія Пет. и Моск. Восп. Домовъ 1804—1817, VII).

[2]) П. Собр. Т. XXVIII, 21.659.

[3]) Въ именномъ спискѣ благотворителей, оказавшихъ усердіе подаяніемъ къ воспитательному дому, значится: „1784 г. мая 2-го 20.000 р. Демидовымъ, что велѣно перевести въ Москву, а въ Петербургѣ содержать на иждивеніи неизвѣстнаго, на что и сумма назначена 20.000. 29 октября. Отъ неизвѣстнаго 36.115 р. Обѣ сіи суммы зачтены изъ капитала Его Высокопревосходительства при жизни его, Марта 1794 г." (Учрежд. Пет. и М. В. Д. 1797—1803, VI).

[4]) Монографіи. Приложеніе. 234.

[5]) Тамъ же, 235.

[6]) Начало Спб. Сиротскаго института (Арх. IV отд.).

какъ особенное на этой половинѣ, отдѣленіе—военное. Это преобразованіе было вызвано тѣмъ, что послѣ войны „умножилось число воинскихъ чиновниковъ, нуждающихся въ пособіи къ воспитанію дочерей". Поэтому Императрица предложила государю свой планъ, который и былъ имъ одобренъ 28-го августа 1814 года [1]). Предложеніе Императрицы состояло въ томъ, чтобы на предстоящій въ 1815 году наборъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ мѣщанскомъ училищѣ, „въ которомъ—писала она государю—принимаются также дочери оберъ-офицеровъ, которые не изъ дворянъ, половина штатныхъ 100 мѣстъ въ каждое изъ сихъ заведеніе составляющихъ, предоставить исключительно дочерямъ военныхъ чиновниковъ сухопутныхъ и морскихъ, какъ въ дѣйствительной службѣ находящихся, такъ и отставныхъ, и симъ способомъ въ пріемъ 1815 года можно будетъ призрѣть до 100 такихъ дѣвицъ". А какъ — говорится далѣе въ запискѣ Императрицы — въ такъ называемомъ мѣщанскомъ училищѣ дочери военныхъ чиновниковъ не изъ дворянъ принимаются теперь лишь до капитанскаго чина отцовъ, а дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, простирающее пріемъ до подполковничья чина, не довольно обширно для умноженія числа дѣвицъ, увеличеніе же онаго влекло бы за собою немаловажныя издержки: поэтому почитаю я удобнѣе вмѣсто того пріемъ въ мѣщанское училище распространить до полковничьяго чина, составляя изъ дочерей военныхъ чиновниковъ, впредь въ сіе училище поступающихъ, особливое Отдѣленіе, подъ названіемъ Военнаго, которое отъ прочихъ мѣщанскаго училища воспитанницъ отличено будетъ цвѣтомъ платья и прибавленіемъ танцованія къ предметамъ ученія. Но такая перемѣна одежды, требуя ежегодной постройки новаго платья, вмѣсто заведеннаго для прочихъ мѣщанскихъ воспитанницъ хозяйственнаго употребленія остающейся отъ благородныхъ дѣвицъ одежды и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ танцованіемъ увеличится нѣсколько расходъ сего заведенія, сей прибавочный расходъ легко замѣненъ быть можетъ, еслибы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть отпускать въ Общество благородныхъ дѣвицъ изъ военнаго вѣдомства провіантъ натурою на 100 человѣкъ на томъ основаніи, какъ отпускается для дѣвичьяго отдѣленія Военно-сиротскаго дома". Такое же постановленіе было утверждено государемъ и по петербургскому училищу ордена св. Екатерины, въ которомъ половина всѣхъ штатныхъ мѣстъ, т.-е. 15 при каждомъ наборѣ, была предостав-

---

[1]) П. Собр. Т. XXXII, 25662.

лена дочерямъ военныхъ чиновниковъ. На подлинномъ докладѣ Императрицы, Императоръ Александръ сдѣлалъ надпись: „съ чувствительною признательностью пріемлю сіи новыя, столь полезныя распоряженія Вашего Императорскаго Величества“.

Тогда же были утверждены и новыя правила пріема въ Общество, мѣщанское училище и петербургское училище ордена св. Екатерины. Въ первомъ 50 мѣстъ, въ томъ числѣ считая три для финляндскихъ дворянъ, должны были при каждомъ пріемѣ замѣщаться исключительно дочерьми военныхъ чиновниковъ, которые либо изъ дворянъ, или чиномъ не ниже полковника; а другія 50 (въ томъ числѣ также три для Финляндіи)—дочерьми другихъ дворянъ или чиновниковъ по гражданской службѣ, чины не ниже пятаго класса имѣющихъ.

На мѣщанской половинѣ Общества должны были оставлять при каждомъ пріемѣ 50 мѣстъ для дочерей военныхъ чиновниковъ не изъ дворянъ, имѣющихъ чины отъ прапорщика до подполковника включительно, а 50 мѣстъ—для дочерей гражданской и придворной службы чиновниковъ, въ классныхъ чинахъ, ниже восьмого класса состоящихъ, со включеніемъ камердинеровъ императорской фамиліи, штабъ-офицерскаго чина не имѣющихъ, также дочерей учителей, лѣкарей, аптекарей и художниковъ, чиновъ не имѣющихъ или состоящихъ въ чинахъ ниже восьмого класса, для дочерей священниковъ и дьяконовъ, купцовъ, записанныхъ въ гильдіи и мѣщанъ.

Если отецъ поступившей въ военное отдѣленіе дѣвицы имѣлъ при ея пріемѣ чинъ подполковника, а потомъ былъ произведенъ въ полковники, то новыми правилами разрѣшалось переводить его дочь въ Общество благородныхъ дѣвицъ, если тамъ будетъ вакансія, соотвѣтственная ея возрасту.

Въ училищѣ ордена св. Екатерины—15 мѣстъ, изъ которыхъ одно предоставлялось для Финляндіи, при каждомъ пріемѣ должны были замѣщаться „единственно дочерьми военныхъ чиновниковъ не ниже арміи капитана, а 15—дочерьми другихъ дворянъ или чиновниковъ по гражданской службѣ, состоящихъ въ классныхъ чинахъ не ниже восьмого класса“. Изъ 100 штатныхъ мѣстъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, также изъ 100 въ мѣщанскомъ училищѣ, предписывалось замѣщать по баллотировкѣ лишь по 90 въ каждомъ, баллотируя отдѣльно дочерей военныхъ и дочерей гражданскихъ родителей. А по десяти мѣстъ въ каждомъ изъ заведеній, и именно по пяти каждаго „разбора“, слѣдовало оставлять вакантными, для замѣщенія ихъ „по встрѣчающимся въ трехлѣтіе между наборами чрезвычайнымъ

случаямъ, заслуживающимъ особеннаго уваженія". Точно также, еслибы не оказалось 45 воспитанницъ при пріемѣ въ военное отдѣленіе, то незанятыя вакансіи должны были оставляться „для встрѣчающихся случаевъ".

Пріемный возрастъ былъ оставленъ прежній, т.-е. въ Общество могли поступать тѣ, которыя ко времени пріема имѣли не менѣе восьми лѣтъ, а также недостигшія десяти; тотъ же возрастъ полагался для военнаго отдѣленія, а для мѣщанскаго училища—не моложе одиннадцати и не старше двѣнадцати лѣтъ. Но Императрица предоставила себѣ право „при каждомъ пріемѣ въ пользу дочерей военныхъ чиновниковъ распространять нѣсколько предѣлъ узаконеннаго возраста, если число мѣстъ, въ сравненіи съ числомъ представленныхъ къ пріему дѣтей, то позволитъ" [1]).

Кромѣ открытыхъ самою Императрицею Маріею или отданныхъ въ ея управленіе женскихъ учебныхъ заведеній, она приняла подъ свое покровительство харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, основанный въ 1817 году.

По мысли же Императрицы Маріи возникли въ 1820 году два училища для солдатскихъ дочерей при гвардейскихъ полкахъ. Въ „Учрежденіи" такихъ училищъ, одобренномъ Императоромъ Александромъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Императрицы 19-го марта 1820 г. [2]), она объясняла, что о судьбѣ солдатскихъ сыновей заботится самъ государь, а „на участь дочерей еще не обращено вниманія", ибо въ военно-сиротскомъ отдѣленіи воспитывается всего лишь 50 дочерей нижнихъ чиновъ. Поэтому Императрица полагала нужнымъ открыть нѣсколько училищъ, „каждое по близости двухъ или болѣе полковъ Петербургскаго гарнизона" и постепенно открывать ихъ до тѣхъ поръ, пока весь петербургскій гарнизонъ будетъ раздѣленъ на округи и въ каждомъ округѣ будетъ по училищу. Въ послѣднихъ дѣти не должны были жить, а только приходить для ученія и работъ. Всѣ заботы объ этомъ возлагались „Учрежденіемъ" на администрацію училища, а родители должны были пещись объ одеждѣ, пищѣ и чистотѣ посылаемыхъ въ школу дѣтей. „За симъ послѣднимъ предметомъ — сказано въ § 2 Учрежденія—надзирать будутъ и въ училищѣ и коль скоро дѣвушка придетъ неумытая, нечесанная и неопрятная, о томъ сдѣлано будетъ родителямъ замѣчаніе, а въ случаѣ повторенія дано будетъ знать начальнику". Въ училищѣ дѣти должны были обучаться: элементарнымъ предметомъ по ланкастерской

---

[1]) П. С. XXXII, 25062.
[2]) П. С. XXXVII, 28207.

методѣ, обученіе которой ввѣрялось одной изъ питомицъ Воспитательнаго Дома [1]). Все бѣлье и чулки для полковъ округа должны были со временемъ, когда ученицы школъ научатся работать, изготовляться ими за плату по заранѣе опредѣленной цѣнѣ.

Солдатскія дочери принимались въ училища отъ пяти до шестилѣтняго возраста и выпускались лишь по достиженіи восемнадцати лѣтъ; тѣмъ изъ нихъ, родители которыхъ по уважительнымъ причинамъ не могли взять къ себѣ дочь, или которымъ, по признанному начальствомъ училища неодобрительному ихъ поведенію, дочь не могла быть ввѣрена, начальство было обязано пріискать приличное мѣсто. Но и по достиженіи восемнадцати лѣтъ дозволялось тѣмъ, кто изъ выпускаемыхъ пожелалъ бы продолжать ученіе, приходить въ училище.

Всѣ училища с.-петербургскаго гарнизона поручались Комитету Правленія, составленнаго изъ назначенныхъ государемъ генераловъ. Назначеніе лица, которому было бы ввѣрено главное начальство надъ всѣми заведеніями, Императрица, собственноручно составившая „Учрежденіе“ для училищъ солдатскихъ дочерей, предоставила государю, а онъ просилъ Императрицу взять эту обязанность на себя. Въ Комитетѣ долженъ былъ присутствовать также генералъ-инспекторъ всѣхъ училищъ, назначаемый государемъ. Ближайшій надзоръ за училищемъ возлагался на смотрительницу—„женщину пожилыхъ лѣтъ, почтеннаго поведенія, свѣдущую въ женскихъ рукодѣліяхъ“; въ помощницы ей назначались двѣ питомицы Воспитательнаго Дома, „искусныхъ въ Ланкастерскомъ методѣ преподаванія, отличныхъ въ женскихъ рукодѣліяхъ, а особливо поведеніемъ“.

Забота обо всемъ относящемся до училищъ возлагалась главнымъ образомъ на генералъ-инспектора; а полки, составляющіе округъ и „пользующіеся благодѣяніемъ училища“, должны были поручать выбранному ими чиновнику снабженіе училища всѣмъ нужнымъ для его содержанія, т.-е. квартирой въ казенномъ домѣ или, за неимѣніемъ таковой, въ наемной, отопленіемъ, освѣщеніемъ, матеріалами для рукодѣлій, также суммой для жалованья смотрительницѣ, священнику и прислугѣ. Онъ же долженъ былъ вести всю отчетность по училищу для представленія ея Коми-

[1]) Ланкастерская метода была введена съ 1819 года въ особыхъ школахъ при Воспитательныхъ Домахъ и кромѣ того въ Петербургѣ существовали двѣ школы для взаимнаго обученія, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. Эти школы пользовались покровительствомъ и значительной денежной поддержкой со стороны правительства. (П. С. XXXVIII, 29211. 29308).

тету, а послѣдній былъ обязанъ ежемѣсячно представлять Императрицѣ.

При выпускѣ, ученицамъ должны были выдаваться награды, или „въ платьяхъ состоящія, или убора, книги и другой полезной вещи", или денежныя, изъ особой для того назначенной суммы и часть выручки отъ продажи изготовленныхъ ученицами во время ихъ пребыванія въ училищѣ работъ. Двѣ другія части назначались: одна въ пользу училища, а другая—на покупку матеріала для будущихъ работъ. Цѣль, съ которою основывались училища солдатскихъ дочерей, опредѣлялась въ „Учрежденіи" такъ: „сдѣлать изъ ученицъ добрыхъ хозяекъ и работницъ, честныхъ, добродѣтельныхъ и трудолюбивыхъ, способныхъ ко всякимъ домашнимъ услугамъ и упражненіямъ".

На первый разъ Императрица предлагала государю открыть училище для полковъ лейбъ-гвардіи семеновскаго, егерскаго и московскаго, въ которыхъ число всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста простиралось до 190. Оно и было открыто въ 1820 г.; тремя годами позже было открыто второе училище, а въ 1826 г. —еще два, для дочерей черноморскаго флота, въ Севастополѣ и Николаевѣ. Послѣднія учреждены уже при Императорѣ Николаѣ, почти на такихъ же началахъ, какъ и петербургскія, съ тою разницею, что управленіе ими сосредоточивалось въ лицѣ главнаго командира черноморскаго флота и двухъ Комитетовъ, состоящихъ также изъ женъ служащихъ въ портѣ, но съ утвержденія Императрицы. Въ каждомъ изъ этихъ училищъ полагалось по 100 дѣвочекъ не старше десяти и не моложе шести лѣтъ Въ изданномъ для нихъ „Положеніи" почти буквально повторено „Учрежденіе" Императрицы Маріи; но есть нѣкоторыя отступленія отъ послѣдняго. Въ § 16 „Положенія" сказано: „въ крайнихъ случаяхъ нельзя не допустить, по сущей необходимости, тѣлесныхъ исправительныхъ средствъ, именно розгою. Но употребленіе сего средства должно быть дѣлаемо съ строгою осмотрительностью въ необходимости онаго. А потому и дѣлать оное не иначе какъ съ согласія одной дамы, члена Комитета и черезъ старшую смотрительницу училища съ сохраненіемъ всевозможной благопристойности и умѣренности". Лучшихъ и наиболѣе нуждающихся ученицъ училищъ черноморскаго флота „Положеніе" разрѣшало оставлять въ заведеніи помощницами смотрительницъ, съ обязательствомъ прослужить въ немъ десять лѣтъ, „исключая случаевъ замужества".

Изъ приведеннаго здѣсь перечня женскихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Императрицею Маріею, или принятыхъ ею подъ

свое покровительство, можно убѣдиться, какъ обширна была ея дѣятельность по женскому образованію. Для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія, занимаемаго родителями дѣвочки, Императрица учреждала особыя заведенія съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія и особымъ устройствомъ.

Но принадлежность къ тому или другому сословію не была единственнымъ условіемъ помѣщенія дочерей въ любое, предназначенное для дворянъ или мѣщанъ, учебное заведеніе. Такъ какъ общественное положеніе не всѣхъ дворянъ одинаково, а также и между лицами мѣщанскаго происхожденія могли быть заслуженные люди, чинъ которыхъ обусловливалъ имъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ, нежели простыхъ мѣщанъ, то предназначенныя для этихъ сословій женскія учебныя заведенія подраздѣлялись на мельчайшія категоріи, съ подробнымъ перечисленіемъ тѣхъ, кто не только по происхожденію, но по чину, профессіи и общественному положенію имѣлъ право помѣщать въ нихъ своихъ дочерей.

Для „родовыхъ дворянъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей“ первоначально предназначалось Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ [1]). Въ 1803 году Императрица предложила государю принимать на благородную половину и дочерей полковниковъ и статскихъ совѣтниковъ, хотя бы они были и не изъ природныхъ дворянъ. Это было узаконено въ 1814 году, когда было разрѣшено помѣщать туда и дочерей чиновниковъ, которые „хотя не изъ дворянъ, но имѣютъ чины по военной службѣ не ниже полковника, а гражданской или придворной—не ниже пятаго класса, т.-е. статскаго совѣтника“ [2]). Съ 1827 года, при Императорѣ Николаѣ было снова постановлено принимать только изъ „природныхъ дворянскихъ родовъ, отцы которыхъ, не имѣя чиновъ полковника или статскаго совѣтника, записаны въ 1-ю, 2-ю и 3-ю части родословной книги“ [3]). Штатныхъ вакансій въ Обществѣ полагалось 300, изъ

[1]) Правила пріема въ Общество, собственноручно начертанныя Императрицею Маріею Ѳедоровною. 1797 (Учр. Общ. бл. дѣв. 1767—1820, XII).

[2]) П. Собр. Т. XXXII, 25662.

[3]) Арх. IV отд. Бумаги по Восп. Общ. 1827. — Родословная книга россійскаго дворянства распредѣлена по 6-ти ступенямъ: въ 1-ю часть книги, по дворянской грамотѣ, включены всѣ пожалованные въ дворянское достоинство „дипломомъ, гербомъ и печатью“, а также тѣ роды, которые могутъ доказать свое дворянство до 100 лѣтъ; во 2-ю — военное дворянство по оберъ-офицерскому чину; въ 3-ю — восьмиклассное дворянство по чинамъ; въ 4-ю—иностранное дворянство; въ 5-ю—титулованные роды княжескіе, графскіе, баронскіе или иные; въ 6-ю — древніе, настоящіе благородные

которыхъ 150 съ 1814 года принадлежало исключительно военному дворянству.

Въ училище ордена св. Екатерины могли быть помѣщаемы дочери „бѣдныхъ, природныхъ дворянъ какихъ бы чиновъ они ни были, или чины которыхъ даютъ дѣтямъ дворянское достоинство, т.-е. до капитана арміи включительно и восьмого класса службы гражданской“ [1]). Штатныхъ вакансій въ каждомъ изъ училищъ было по 60-ти; но въ петербургскомъ 30 изъ нихъ предназначалось съ 1814 года исключительно для военнаго дворянства. Для военнаго же дворянства и вообще военныхъ чиновъ было тогда основано особое отдѣленіе при мѣщанскомъ училищѣ и отведена половина всѣхъ вакансій на благородной половинѣ Общества и въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины; для военныхъ же чиновъ исключительно назначалось и дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома, на 100 воспитанницъ, изъ которыхъ 50 мѣстъ принадлежали военному дворянству.

Всего для дворянъ, родовыхъ или выслуженныхъ, въ четырехъ предназначенныхъ имъ столичныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было 470 штатныхъ вакансій, изъ которыхъ 230 принадлежали военному дворянству, имѣвшему, кромѣ того, право наравнѣ съ другими дворянами помѣщать своихъ дочерей на общихъ основаніяхъ въ Общество и оба училища св. Екатерины.

Для лицъ недворянскаго происхожденія существовали: мѣщанская половина Воспитательнаго Общества, отдѣленіе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома, Маріинскій институтъ и Александровское московское училище. Первое, при самомъ своемъ учрежденіи въ 1765 году подъ названіемъ училища „для малолѣтнихъ дѣвушекъ“, со второго же пріема въ 1767 году утратило первоначальный характеръ своего назначенія. Въ 1800 году Совѣтъ, вѣроятно желая удовлетворить достаточно къ этому времени выяснившимся желаніямъ Императрицы, предложилъ ей принимать дочерей „офицеровъ статской и придворной службы, кои, не происходя изъ родовъ дворянскихъ, состоятъ по воинской службѣ въ чинахъ оберъ-офицерскихъ до капитана, а въ статской и придворной до восьмого класса, также дочерей купцовъ, священниковъ, медиковъ, лѣкарей, учителей, художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина“ [2]). На этомъ до-

роды, коихъ доказательства дворянскаго достоинства за 100 лѣтъ и выше восходятъ; благородное же ихъ начало покрыто неизвѣстностью [illegible]

[1]) Повелѣнія Имп. Маріи Совѣту петербургск. [illegible] Екатерины [illegible] 8 авг. 1802 г. (Арх. IV отд. Переписка по Ек. уч. [illegible] 19).

[2]) Докладъ Совѣта 12 авг. 1802 г. (Арх. IV отд.).

кладѣ Совѣта Императрица собственноручно сдѣлала приписку: „и дочерей камердинеровъ, выслужившихся до капитанскаго чина, докторскихъ, лѣкарскихъ, профессорскихъ состояній“; а потомъ, по ея же повелѣнію, 50 мѣстъ изъ ста были назначены для дочерей „придворныхъ гофъ-фурьеровъ, камердинеровъ, метрдотелей, малыхъ офицеровъ до капитанскаго чина, докторскихъ, лѣкарскихъ, профессорскихъ, а другія 50—для мѣщанскихъ дочерей“. Первымъ перечисленнымъ въ этомъ повелѣніи званіямъ было сдѣлано облегченіе и относительно возраста дѣтей разрѣшеніемъ „допустить въ мѣщанское училище и меньше па полгода чѣмъ одиннадцать лѣтъ только дочерей чиновныхъ, т.-е. имѣющихъ чины“. На этотъ разъ, какъ нарочно, мѣщанскихъ дочерей было представлено къ пріему 208, т.-е. въ четыре раза болѣе положеннаго штатнаго числа, а чиновныхъ, которыхъ Совѣтъ долженъ былъ и баллотировать отдѣльно отъ мѣщанскихъ, всего 47. Поэтому Совѣтъ писалъ Императрицѣ: „неравенство таковое не понравится публикѣ и выйдутъ тутъ многіе толки и негодованія. Не смѣшать ли на сей разъ всѣхъ и баллотировать не различая состояній? Щастіе опредѣлитъ каждому его жребій [1]). Тогда, послѣ тщательной сортировки, были исключены: „арапка, которой чернота лица показываетъ происхожденіе отъ негра“, другая дѣвочка „изъ роду армянъ, которые никогда еще не были принимаемы въ Общество“, еще одна „за дурное поведеніе отца“. Кромѣ того были исключены, на основаніи общаго и для благородной половины правила, сестры тѣхъ, которыя уже воспитываются въ Обществѣ „яко хотящія Монаршею милостью сугубо пользоваться, заграждая путь еще неучаствовавшимъ“, также такія, „коихъ ростъ даже доказываетъ девять лѣтъ“, и наконецъ одна, уже внесенная въ списокъ принятыхъ, Марія Фарафонтьева „за обманъ матери ея да и въ предосторожность прочимъ не отваживаться впредь на таковое предпріятіе, которая по докторскому осмотру оказалась очень слаба“ [2]). Но и за всѣми исключеніями этотъ пріемъ на мѣщанской половинѣ состоялся не изъ однородныхъ сословій, къ чему такъ стремилась Императрица; въ числѣ принятыхъ были дочери придворныхъ лакеевъ, унтеръ-мастеровъ, служителей Воспитательнаго Дома — и штабъ-лекаря; башмачниковъ, портныхъ, конюховъ — и протопоповъ; подмастерьевъ — и учителей; почтальоновъ — и подпоручиковъ, нотаріусовъ и т. д.

¹) Донесеніе Совѣта Императрицѣ (Арх. IV отд.).

²) Донесеніе Совѣта 23 авг. 1800 г. (Арх. IV отд.). На донесеніи собственноручная надпись Императрицы: „совершенно справедливо и апробовано“.

Дочерей профессоровъ совсѣмъ не было представлено къ пріему 1800 года.

Передъ пріемомъ 1806 года были изданы новыя правила для помѣщенія въ мѣщанское училище; должны были приниматься: 1) такія изъ офицерской по воинской, статской или придворной службѣ дочерей, которыя по чину родителей не могутъ поступить въ Екатерининскія училища; 2) дочери мѣщанъ, записанныхъ въ гильдіи котораго либо города; 3) дочери священниковъ и 4) дочери медиковъ и лекарей, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина [1]). Въ этомъ пріемѣ изъ 112 представленныхъ дѣтей по баллотировкѣ было принято 88, въ числѣ которыхъ было всего девять собственно мѣщанскихъ дочерей; остальныя принадлежали къ низшему выслуженному дворянству и чиновничеству. Кромѣ того, по повелѣнію Императрицы, съ 1806 года должны были безъ баллотировки приниматься на обѣ половины Общества, также и въ другія женскія учебныя заведенія, дочери вдовъ, живущихъ во вдовьихъ домахъ, только-что тогда учрежденныхъ [2]).

Съ 1809 года въ пріемѣ на мѣщанскую половину Общества произошла новая перемѣна. Въ одномъ изъ предшествовавшихъ этому пріему писемъ къ начальницѣ Общества, Адлербергъ, Императрица высказала неудовольствіе на то, что одна изъ бывшихъ воспитанницъ мѣщанскаго училища, по выходѣ изъ него, поступила въ театральную школу, сдѣлалась танцовщицей и танцовала въ Павловскѣ. „Вотъ прекрасные плоды воспитанія,—пишетъ Императрица,—надо строже выбирать воспитанницъ и надѣяться, что родители принятыхъ будутъ лучше выбирать поприща для блага своихъ дѣтей“ [3]). Въ другомъ письмѣ она высказываетъ Адлербергъ желаніе, чтобы при баллотировкѣ на мѣщанскую половину былъ доступъ „только лучшимъ классамъ“, и выражаетъ удовольствіе, что „у дѣтей и у привезшихъ ихъ родственниковъ и родителей приличный видъ“. Съ 1812 года пріемъ на мѣщанскую половину сталъ производиться строже. Изъ 258 представленныхъ дѣтей было допущено къ баллотировкѣ лишь 142. Такъ какъ явилось очень много желавшихъ помѣ-

[1]) Начертаніе правилъ для училища мѣщанскихъ дѣвицъ. 12 іюля 1805 (Учрежденія Общ. благор. дѣв., 1767—1820. XII).

[2]) Вдовьи Дома были учреждены „отъ Воспитательныхъ Домовъ“; туда имѣли право поступать, кромѣ вдовъ офицеровъ, и „всякая женщина или дѣвица, прослужившая при Обществѣ и другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ безпорочно 20 лѣтъ и болѣе въ званіи классной дамы; также тѣ, кто по выслугѣ классною дамою 10 или болѣе лѣтъ, уволены съ пенсіею, составляющею не менѣе 150 р., т.-е. платы за содержаніе во Вдовьемъ Домѣ“ (Протоколъ Совѣта, 20 авг. 1809 г.).

[3]) Арх. IV отд. Переписка по Общ. бл. дѣв. 1809.

стить своихъ дочерей, то было отказано всѣмъ, кто хоть однимъ днемъ былъ моложе одиннадцати или старше двѣнадцати лѣтъ; также не велѣно было принимать дочерей дьяконовъ, канцеляристовъ, подмастерьевъ и т. п., потому „что они не въ офицерскихъ чинахъ"; а съ 1814 года, когда при мѣщанскомъ училищѣ было образовано военное отдѣленіе, большинство воспитанницъ училища стало составляться изъ дочерей низшихъ чиновниковъ военной и гражданской службы, или личныхъ дворянъ [1]).

Такимъ образомъ училище, при основаніи названное мѣщанскимъ, мало-по-малу превратилось въ учебное заведеніе для низшаго дворянства и чиновничества. Положенное Екатериною штатное число воспитанницъ, 240, предназначавшееся для мѣщанскихъ дочерей, уменьшилось при Императрицѣ Маріи до 100, и то съ натяжкою, ибо въ число 50-ти мѣстъ при каждомъ пріемѣ, оставленныхъ ею для мѣщанъ, въ большинствѣ и преимущественно, принимались дочери не мѣщанъ, а низшихъ чиновниковъ. Этимъ осуществилось то, что Императрица Марія предлагала Императору Павлу въ 1797 году и на что онъ тогда не далъ своего согласія.

На основаніи правилъ 1805 года для мѣщанскаго училища при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ было учреждено и московское Александровское училище, на 80 воспитанницъ. Такъ какъ второе отдѣленіе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома было преобразовано Императрицею Маріею въ исключительно военное, то собственно для мѣщанъ существовало при ней лишь одно женское учебное заведеніе—Маріинскій институтъ на 40 штатныхъ воспитанницъ.

Императрица Марія придавала такое большое значеніе самому точному распредѣленію воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній по чинамъ ихъ отцовъ, что, желая устранить малѣйшія въ этомъ отношеніи ошибки, обдумывала заранѣе способы предупредить могущія быть недоразумѣнія. Въ 1802 году Совѣтъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины донесъ ей, что при пріемѣ въ это училище онъ отказалъ двадцати одной изъ представленныхъ дѣвочекъ, „отцы которыхъ имѣютъ степени статской службы, приносящія имъ только личное дворянство, а на происхожденіе отъ благороднаго колѣна не предъявили никакихъ доказательствъ...; нельзя—писалъ Совѣтъ—принимать за удостовѣреніе того, что они носятъ названіе благородныхъ фамилій, ибо нерѣдко простолюдины называются знатнымъ родомъ". Въ отвѣтъ на это доне-

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Совѣта В. О. бл. дѣв. 1842 (Арх. IV отд.).

сеніе Императрица написала члену Совѣта, Завадовскому, письмо слѣдующаго содержанія: „Нахожу нужнымъ, между нами, въ особливой откровенности, объясниться, что я по содержанію онаго (донесенія Совѣта) совѣтовалась съ государемъ, и между нами положено: лучше принимать только до капитанскаго по арміи чина... Въ указѣ Императора Петра I сказано: всѣ дослужившіеся въ арміи оберъ-офицерскихъ чиновъ, суть дворяне; также и дѣти ихъ, рожденныя въ сихъ чинахъ... Слѣдовательно подлежало бы подробному разбирательству, а иногда и великому сомнѣнію: дѣйствительно ли онѣ родились когда отцы ихъ имѣли оберъ-офицерскіе чины? Тоже и капитанскія дѣти; но съ ними легче избѣгнуть тѣ неудобства, весьма важныя, которыя предстоятъ съ нижними. Въ теченіе опредѣленнаго къ воспитанію времени родственники капитанскаго чина поступаютъ въ высшіе и пріобрѣтаютъ состояніе болѣе и болѣе сближающееся съ родомъ ихъ воспитанія. Напротивъ, низшіе капитанскаго чина въ столь бѣдномъ вообще находятся положеніи и столь долго должны ожидать ощутительнаго поправленія онаго многими одно за другими слѣдующими повышеніями, что тоже воспитаніе, вмѣсто пользы, нанесетъ имъ одно огорченіе, а дѣтямъ ихъ обратится въ сущее несчастіе по совершенной несходственности между воспитаніемъ дѣтей и состояніемъ родственниковъ. Я увѣрена, что вы все сіе найдете основательнымъ и въ прямомъ смыслѣ благотворенія" [1]).

Во все время своего управленія женскими учебными заведеніями, Императрица строго наблюдала за исполненіемъ предписанныхъ ею правилъ размѣщенія воспитанницъ по разнымъ институтамъ. На благородную половину Воспитательнаго Общества не принимали дѣтей, отцы которыхъ хотя и были записаны въ третью часть родословной книги, но по профессіи не подходили подъ требованія этой половины. Объ одной изъ такихъ дѣвочекъ Совѣтъ донесъ Императрицѣ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что ея отецъ „скульпторъ, слѣдовательно художникъ", а поэтому нельзя помѣстить его дочь вмѣстѣ съ благородными. При пріемѣ въ петербургское училище ордена св. Екатерины 1802 года Императрица велѣла вычеркнуть изъ списковъ дочь „нѣмецкаго комедіанта, который намѣренъ опять вступить въ нѣмецкую труппу". Дочерей докторовъ, хотя бы они были изъ дворянъ, помѣщали на мѣщанскую, а не на благородную половину, и только за годъ до

---

[1]) Письмо Императрицы Маріи графу Завадовскому 8-го августа 1802. Переписка по Екат. инст. 1802 (Арх. IV. отд.).

смерти Императрицы, въ пріемъ 1827 года, было разрѣшено принимать дочерей докторовъ медицины въ училище ордена св. Екатерины, на томъ основаніи, что „по Уставу медицинской Академіи 1808 года докторъ медицины состоитъ въ 8-мъ классѣ“.

Такъ же строго оберегали дворянскихъ дочерей отъ поступленія въ несоотвѣтствующее званію и положенію ихъ родителей заведеніе. На просьбу одного дворянина помѣстить его дочь въ Воспитательный Домъ, Императрица приказала отвѣтить, что принятіе въ Воспитательный Домъ дѣтей, „коихъ дворянскій родъ извѣстенъ, не соотвѣтствуетъ ни предмету сего заведенія, ниже должному дворянскому достоинству уваженію. Хотя тамъ, можетъ быть, и есть дворянскія дѣти, по бѣдности туда отданныя, но это происхожденіе ихъ неизвѣстно; для дворянъ же назначено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и училище ордена св. Екатерины“ [1]). Отецъ воспитанницы Общества на благородной половинѣ просилъ, по своимъ измѣнившимся денежнымъ обстоятельствамъ, перемѣстить дочь въ училище ордена св. Екатерины или въ военное отдѣленіе; Совѣтъ соглашался исполнить эту просьбу, но Императрица не согласилась, „потому что въ военное отдѣленіе нельзя помѣщать дѣтей, дворянство которыхъ доказано“. Тѣмъ не менѣе избѣжать ошибокъ въ этомъ отношеніи было невозможно,—и на благородную даже половину, какъ это обнаружилось гораздо позже, попадали солдатскія дочери; Совѣтъ отказывалъ баллотировать туда дочерей записанныхъ во вторую часть родословной книги отцовъ, а допускалъ записанныхъ въ первую только по ордену св. Анны 3-й степени [2]).

Изъ переименованныхъ здѣсь женскихъ учебныхъ заведеній только Воспитательное Общество, существовавшее уже 32 года до того, какъ оно поступило въ управленіе Императрицы Маріи, имѣло свой капиталъ, данный ему Екатериною; но еще при ея жизни обнаружилось, что процентовъ съ этого капитала недостаточно для покрытія всѣхъ расходовъ по Обществу, и за годъ до своей смерти Императрица Екатерина пожаловала 100.000 рублей для уплаты лежавшихъ на немъ долговъ. Послѣ ея смерти проценты съ капитала, уменьшившагося съ двухъ съ половиною милліоновъ до 1.589.800 р. 88½ к., составляли неполные 100.000 р. [3]). Въ 32-лѣтнее управленіе Императрицы Маріи Обществу были

[1]) Переписка по Общ. бл. дѣв. 1803 (Арх. IV отд.).

[2]) Письмо Вилламову Правителя канцеляріи Совѣта Общ. бл. дѣв., Камовскаго 1827 (Арх. IV отд.).

[3]) Учр. по В. О. бл. д. 1796—1820, XII. Штатъ В. О. бл. д. 1802 (Арх. IV отд.).

даны въ разное время и изъ разныхъ источниковъ значительныя суммы. Изъ государственнаго казначейства ему было выдано единовременно 529.190 р. 68½ к. [1]), и увеличено ежегодное содержаніе на 259.064 р. [2]); кромѣ того ему пожалована земля въ 30.770 кв. саженъ [3]). Обществу принадлежалъ и кассетный капиталъ, изъ котораго по повелѣніямъ Императрицы Маріи выдавались суммы для покрытія не только чрезвычайныхъ, но и нѣкоторыхъ текущихъ расходовъ. Кассетный капиталъ, основанный Императрицею въ 1796 году, въ 1820 году возросъ уже до такихъ размѣровъ, что проценты съ него превышали сумму ежегодныхъ взносовъ Императрицы и членовъ ея семьи [4]). Въ эту сумму собственно отъ Императрицы, вносившей по 15.000 р. въ годъ, поступило въ теченіе 32-хъ лѣтъ 480.000 р.; 5.000 р. единовременно внесены Императоромъ Павломъ. Изъ кассетнаго капитала производилась плата за пенсіонерокъ Императрицы не только въ Обществѣ, но и въ другихъ институтахъ, а въ 1817 г. былъ выдѣленъ изъ общей суммы и внесенъ въ государственную коммиссію погашенія долговъ капиталъ въ 412.500 р. асс. въ видѣ запаснаго капитала Общества, обращеннаго въ безсрочный долгъ въ суммѣ 500.000 р. [5]). Согласно распоряженію Императрицы, этотъ капиталъ долженъ былъ пополняться ежегоднымъ отчисленіемъ въ сохранную казну части экономическихъ остатковъ Общества; но, какъ обнаружилось уже послѣ ея смерти, Совѣтъ не только не могъ этого исполнять, а истратилъ еще къ 1828 году изъ прежде сбереженныхъ денегъ 200.000 р., такъ что въ годъ смерти Императрицы Маріи запасный капиталъ Общества составлялъ всего 224.872 р. [6]). Изъ кассетнаго же капитала, повелѣніемъ Императрицы 14-го іюля 1824 года, 100.000 р. асс. были отчислены въ пенсіонный капиталъ для служащихъ въ Обществѣ чиновниковъ, въ дополненіе къ 20.000 р., еще ранѣе съ этой цѣлью обращавшихся въ сохранной казнѣ, и 30.000 р. отчислен-

---

[1]) Въ этой суммѣ 70.000 р. были даны въ 1808 г. на исправленіе стараго монастырскаго зданія, признаннаго медиками вреднымъ для здоровья воспитанницъ (Прот. Сов. 13-го апр. 1809) и 330.266 р. на поправленіе дома для мѣщанскаго училища въ 1820 г. (Бумаги по Восп. Общ. 1821), а 128.924 р. въ 1796 и 1811 гг. на уплату долговъ и передержекъ (Докладъ Имп. Маріи 1811. Арх. IV отд.).

[2]) П. Собр. 17679.—Учр. В. О. бл. д. 1796—1820.—П. Собр. XXXII, 25362.—Прот. Сов. 25-го сент. 1816.—Выс. пов. 1820. — Вѣдомость о суммахъ. В. О. бл. д. 1840 (Арх. IV отд.).

[3]) Выс. пов. 8-го окт. 1814 (Прот. Сов. В. О.).

[4]) Прот. Сов. 6-го марта 1820.

[5]) Прот. Сов. В. О. 1817.

[6]) Учр. В. О. бл. д. 1820—1841. XIII. Бумаги по Общ. 1839.

ныхъ изъ остатковъ по экономіи отъ 1823 года. Хотя проценты съ этихъ 150.000 р. составляли 7.500 р. въ годъ и кромѣ того 8.000 р. ежегодно еще ранѣе были опредѣлены для раздачи пенсій [1]), но незадолго до своей смерти Императрица велѣла отчислить въ пенсіонный капиталъ еще 50.000 р. асс. [2]). Изъ кассетнаго же капитала, по Высочайшему повелѣнію, отчислено 30.000 р. въ пенсіонный капиталъ для вдовъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ Обществу.

Кромѣ того, Обществу принадлежали другіе капиталы, пожертвованные ему разными лицами съ опредѣленнымъ назначеніемъ—на содержаніе пенсіонерокъ, на выдачу наградъ воспитанницамъ, а также подаренные Обществу Императрицею изъ пожертвованныхъ ей на состоявшія подъ ея покровительствомъ заведенія. При Екатеринѣ на содержаніе пенсіонерокъ въ Обществѣ имѣлся только одинъ капиталъ, гофмейстерины Штакельбергъ, составлявшій въ 1795 году около 75.899 р. 65 к. Такъ какъ при Императрицѣ Маріи, вслѣдствіе возвышенія платы съ пенсіонерокъ, число пенсіонерокъ Штакельбергъ было сокращено съ 20-ти до 7-ми, а излишекъ накопившихся процентовъ присоединялся къ капиталу, то послѣдній къ 1830 году возросъ до 111.713 р. 20½ коп. [3]). Въ 1816 году вдова графа И. А. Безбородко пожертвовала Обществу 100.000 р. съ тѣмъ, чтобы половина этой суммы употреблялась на образованіе сиротъ или дочерей недостаточныхъ военныхъ чиновниковъ, а другая — на образованіе дочерей недостаточныхъ дворянъ по ея назначенію, а послѣ ея смерти „и на будущее время всегда по назначенію старшаго въ родѣ графа Кушелева-Безбородко". По распоряженію Императрицы Маріи извѣстная часть суммы ежегодныхъ процентовъ должна была отчисляться на выдачу при выпускахъ наградъ пенсіонеркамъ, которыхъ повелѣно называть пенсіонерками гр. Безбородко [4]). По назначенію же Императрицы Маріи въ Обществѣ должны были воспитываться три пенсіонерки на благородной и три на мѣщанской половинахъ изъ процентовъ на внесенный въ 1808 году Императрицею Елизаветою Алексѣевною въ с.-петербургскую сохранную казну капиталъ въ 108.285 р. асс. на содержаніе пенсіонерокъ имени умершей ея дочери, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; этимъ шести пенсіонеркамъ въ Об-

---

[1]) Учр. В. О. бл. д. 1820—1841. XIII.

[2]) Прот. Сов. 25-го сент. 1828.

[3]) Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Спб. 1884. Т. I, стр. 127.

[4]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, 137.

ществѣ должны были, изъ остатковъ отъ процентовъ, выдаваться и награды при выпускахъ: благороднымъ по 500 р., мѣщанскимъ по 100. Изъ 150.000 рублей, пожертвованныхъ въ 1820 году въ пользу состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы заведеній гофмейстериною А. Н. Нарышкиною, Императрица отдѣлила Обществу 35.000 рублей; на нихъ должны были содержаться двѣ пенсіонерки имени Нарышкиной на благородной половинѣ и имъ выдаваться при выпускѣ по 500 рублей [1]).

Собственно мѣщанскому училищу было сдѣлано въ 1807 году пожертвованіе въ 20.000 р. (ассигнаціями) митрополитомъ римско-католическихъ церквей, Сестренцевичемъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала нѣсколько воспитанницъ приготовлялись въ гувернантки для опредѣленія въ частные дома бѣлорусскихъ губерній [2]). По приказанію Императрицы Маріи въ этомъ училищѣ должна была воспитываться и пенсіонерка тульскаго купеческаго общества, которое, пожелавъ „ознаменовать событіе, вызвавшее восторгъ неописанный", т.-е. рожденіе великой княжны Елизаветы Александровны, „призрило супружествомъ двадцать неимущихъ дѣвицъ, наградивъ ихъ 50-ю рублями, искупило содержавшихся подъ стражею сочленовъ своихъ и опредѣлило 350 р. въ годъ на воспитаніе благорожденной сироты", назначеніе которой предоставило Императрицѣ [3]). Точно также вслѣдствіе недостаточности опредѣленной г-жею Баскаковою суммы, 300 р. въ годъ „на содержаніе неимущей благородной дѣвицы по Всемилостивѣйшему соизволенію Императрицы Маріи Ѳедоровны", для содержанія на благородной половинѣ, ее было положено содержать на мѣщанской, съ выдачею ей при выпускѣ 300 рублей [4]).

Награды воспитанницамъ при выпускахъ изъ Общества выдавались при Императрицѣ Маріи изъ процентовъ со 100.000 рублей, подаренныхъ ему съ этой цѣлью Екатериною. Кромѣ того, по повелѣнію Императрицы Маріи, изъ кассеты отчислялись каждые три года по 10.000 р. для наградъ выпускаемымъ съ благородной половины и по 1.000 р. для мѣщанскихъ воспитанницъ, и получалось для первыхъ по 5.000 руб., а для послѣднихъ по 3.000 р. отъ государя. Къ этимъ суммамъ присоединены пожертвованные въ 1805 году капитуломъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 2.000 р. „для раздачи при выпускахъ четыремъ луч-

---

[1]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, 138.

[2]) Тамъ же, 150.

[3]) Прот. Сов. 16 дек. 1806.

[4]) Сб. свѣд. Т. I, 151.

шимъ и бѣднѣйшимъ воспитанницамъ [1]), 8.000 р., пожертвованныхъ графомъ Н. П. Шереметевымъ „на награду или приданое бѣднымъ дѣвицамъ, выпускаемымъ изъ Общества и обоихъ училищъ ордена св. Екатерины“ [2]), и капиталъ дѣвицъ Еропкиныхъ, завѣщанный въ 1812 г. на выдачу при выпускахъ изъ Общества по 300 р. на одежду сиротамъ или совершенно бѣднымъ дѣвицамъ [3]). На содержаніе своихъ 50-ти пенсіонерокъ и пенсіонеровъ въ десяти разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Императрица Марія завѣщала капиталъ въ 429.388 р. 62 к. асс., предоставивъ выборъ пенсіонерокъ Совѣту Воспитательнаго Общества [4]).

При вступленіи Императрицы Маріи въ управленіе Обществомъ пенсіонерная плата равнялась 300 рублямъ на благородной половинѣ и 198 р. на мѣщанской; въ послѣднее десятилѣтіе ея управленія, съ 1821 года на благородной половинѣ платили по 1.100 р. за пенсіонерку, на мѣщанской—по 600 р.; стало быть, при ней эта плата увеличилась болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза и еще въ 1803 г. Императрица велѣла Совѣту покрывать „лишніе расходы изъ суммъ, получаемыхъ съ пенсіонерокъ“ [5]). Въ приходѣ на 1821 годъ разсчитывали на 150 пенсіонерокъ царской фамиліи и разныхъ особъ на благородной половинѣ и на 50 на мѣщанской; съ нихъ должна была получиться сумма въ 145.000 р., а всего прихода въ этомъ году предполагалось 475.683 руб. 80 коп. [6]). Такимъ образомъ къ концу жизни Императрицы Маріи пенсіонерная плата составляла нѣсколько менѣе одной трети всей суммы прихода. Сколько въ общемъ числѣ пенсіонерокъ за все время управленія Императрицы было своекоштныхъ, на это мы не встрѣтили въ имѣвшихся у насъ документахъ точныхъ данныхъ; по всей вѣроятности частныя пенсіонерки были включаемы въ общую группу пенсіонерокъ „разныхъ особъ“.

Доходы Общества, составлявшіе въ 1802 году 192.127 руб. 13 коп. [7]), въ годъ смерти Императрицы Маріи достигли до 960.868 р. [8]).

Основанный Императрицею Маріею, подъ названіемъ сиротскаго училища, Маріинскій институтъ все время при ея жизни

---

[1]) Прот. Сов. 25 іюля, 1805.

[2]) Сб. свѣд. Т. I. 136.

[3]) Тамъ же, 139. Выдача этихъ денегъ началась лишь съ 1828 г.

[4]) Тамъ же, 140.

[5]) Прот. Сов. 7-го іюля 1803.

[6]) Учр. В. О. 1820—1841. XIII. О прибавкѣ суммы Восп. Общ. бл. дѣв.

[7]) Учр. В. О. 1796—1820.

[8]) Прот. Сов. 25-го сент. 1828.

существовалъ на собственныя средства Императрицы. На его содержаніе выдавалось сначала по 18.000 рублей, а потомъ по 23.350 р. въ годъ и кромѣ того по 3.000 р. ежегодно на составленіе со временемъ капитала, на проценты съ котораго долженъ былъ содержаться институтъ. Послѣ смерти Императрицы, согласно выраженному ею въ духовномъ завѣщаніи желанію, институтъ, Высочайшимъ указомъ 6-го декабря 1828 года, былъ признанъ учрежденіемъ, принадлежащимъ государству [1]), а на его содержаніе Императрица завѣщала обращавшійся въ сохранной казнѣ капиталъ въ 804.469 р. 60 к. асс. [2]).

С.-петербургское училище ордена св. Екатерины, открытое 25-го мая 1798 года въ наемномъ помѣщеніи, мѣсяцъ спустя имѣло обезпеченный доходъ. Ему принадлежали доходы съ командорствъ ордена, въ московской губерніи съ 2.300 душъ — 5.175 р., въ петербургской съ 4.400 душъ—8.800 р. и кромѣ того 8.000 р. ежегодно отъ другихъ командорствъ [3]). Въ 1800 г. училище было переведено въ подаренный Императоромъ Павломъ Воспитательному Дому „итальянскій дворецъ", а въ 1806 году перешло въ собственный, нарочно для него выстроенный, обширный домъ. Главный источникъ дохода училища составляла пенсіонерная плата. Такъ какъ въ первые годы его существованія всѣ дамы ордена считали своею обязанностью имѣть своихъ пенсіонерокъ, то число послѣднихъ постоянно было велико и только въ 1820 г. былъ опредѣленъ ихъ комплектъ въ 223 пенсіонерки. Въ этомъ числѣ на средства капитула россійскихъ орденовъ воспитывалось съ 1803 года восемь пенсіонерокъ, „дочерей такихъ кавалеровъ, кои за собою имѣютъ не болѣе 100 душъ крестьянъ"; за нихъ капитулъ платилъ высшую, нежели вообще положенная въ училищѣ плата, а именно 650 рублей въ годъ вмѣсто 550 (въ 1810 г.) [4]).

Не смотря на постоянно полный комплектъ пенсіонерокъ въ училищѣ и на то, что первоначальная за нихъ плата по 441 р. 85 к. за каждую, постоянно увеличиваясь, къ 1824 году дошла до 900 р., средствъ училища недоставало для покрытія всѣхъ его расходовъ. Поэтому, ему было дано по докладамъ Императрицы изъ государственнаго казначейства 25.425 р. 77 к. единовре-

---

[1]) П. собр. 2-е. 2491.

[2]) Памятная книжка Мар. инст. въ С.-Петербургѣ, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Имп. Выс. гос. вел. кн. Екатерины Михайловны. С.-Пет. 1890.

[3]) Выс. указъ Имп. Павла. 4-го окт. 1798.

[4]) Для пенсіонерокъ капитула Императрица сдѣлала льготу, допустивъ ихъ къ пріему не отъ 10 до 12 л., какъ полагалось правилами училища, а отъ 8 до 14 лѣтъ.

менно на уплату долговъ и изъ того же источника на содержаніе по 27.000 р. ежегодно [1]). Въ 1820 г. Императрица отдѣлила училищу 10.000 р. изъ пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ въ пользу ея благотворительныхъ заведеній 30.000 р. [2]). Въ годъ смерти Императрицы училищу принадлежалъ капиталъ, изъ пожалованныхъ ею суммъ, въ 32.752 р. 97 к. сер. [3]).

Пожертвованныхъ училищу на содержаніе пенсіонерокъ капиталовъ было четыре: статсъ-дамы Головкиной въ 1803 г. 12.790 р. 75 к. [4]), князя Куракина въ 1807 г. 10.000 р., на содержаніе пенсіонерки имени барона Сердобина и выдачу ей 400 р. при выпускѣ [5]), отъ статсъ-дамы графини А. Браницкой въ 1821 г. 350.000 р. на содержаніе семи пенсіонерокъ по выбору Императрицы и выдачу имъ приданаго и отъ г-жи Жуковой 35.000 р. „на воспитаніе бѣдныхъ дѣвицъ въ училищѣ ордена св. Екатерины или въ Воспитательномъ Обществѣ" и выдачу имъ приданаго.

Свое пожертвованіе графиня Браницкая представила Императрицѣ при письмѣ отъ 21-го апрѣля 1821 года. Въ немъ она между прочимъ говорила, что дѣлаетъ это „въ знакъ благодарности за безчисленныя благодѣянія, полученныя отъ благотворительницы ея, блаженныя памяти покойной Императрицы Екатерины Алексѣевны". Предоставляя Императрицѣ Маріи выборъ пенсіонерокъ, графиня Браницкая изложила въ письмѣ желаніе, чтобы въ числѣ семи были три пенсіонерки „изъ Смоленской губерніи, фамилій Энгельгардтовъ и Потемкиныхъ), чтобы онѣ молились Всевышнему за покойную благотворительницу, которой симъ обязаны будутъ", чтобы оставались въ училищѣ не менѣе семи лѣтъ, „для того, чтобы болѣе успѣть въ наукахъ, что можетъ служить въ собственную ихъ пользу" [7]). Извѣщенная, по приказу Императрицы Маріи, о томъ, что—въ случаѣ возвышенія пенсіонерной платы—процентовъ съ 300.000 рублей окажется недостаточно для содержанія въ училицѣ семи пенсіонерокъ, гра-

---

[1]) П. собр. XXXII, 25312.—Переписка по уч. орд. св. Екатерины 1815 (Арх. IV отд.).—Журналы Сов. Екатерин. уч. (тамъ же).

[2]) Истор. зап. моск. уч., 187.

[3]) Сб. свѣд., 176.

[4]) Прот. Сов. В. О. и уч. орд. св. Ек. 21 апр. 1803.

[5]) Сб. свѣд., 164.

[6]) Графиня Александра Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, была племянница Потемкина.

[7]) Учр. С. Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII. Копія письма гр. Браницкой.

фиия Браницкая прибавила къ пожертвованному ею капиталу еще 50.000 р. асс.[1]).

Жукова также изъявила желаніе, чтобы пенсіонерки на жертвуемый ею капиталъ выбирались „преимущественно изъ рода Жуковыхъ и Энгельгардтовъ и не иначе, какъ по свидѣтельствамъ, даннымъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ томъ, что родители ихъ были и нынѣ есть, но воспитаніе и содержаніе дать имъ не въ силахъ“ [2]).

По распоряженіямъ Императрицы Маріи, въ училищѣ должны были содержаться три пенсіонерки имени великой княжны Елизаветы Александровны съ выдачею имъ при выпускѣ по 400 р.; отчислены 32.000 р. асс. изъ капитала А. Нарышкиной на содержаніе двухъ пенсіонерокъ ея имени и съ выдачею имъ при выпускѣ по 500 р. каждой. Изъ завѣщаннаго Императрицею на содержаніе своихъ пенсіонерокъ капитала должны были содержаться ея пенсіонерки и въ училищѣ.

На награды воспитанницамъ при выпускахъ получалось каждые три года отъ государя 4.000 р., изъ кассеты 3.000 р. и положенные по штату 3.000, всего 10.000 р.; на пенсіонерокъ капитула выдавалось изъ особаго капитала „кавалерскихъ дочерей“ [3]). Кромѣ того, награды выдавались изъ 8.000 р., пожертвованныхъ училищу вмѣстѣ съ Обществомъ, графомъ Шереметевымъ, и изъ 5.000 р., подаренныхъ училищу въ 1810 г. княгинею Щербатовою.

Московское училище ордена св. Екатерины было гораздо богаче петербургскаго. При его открытіи въ 1802 г. въ подаренномъ ему Императрицею домѣ, на перестройку этого дома и на первоначальные расходы было дано изъ государственнаго казначейства 30.000 р. единовременно и повелѣно выдавать ежегодно по 18.000 р. [4]), что вмѣстѣ съ 16.000 р. ежегодныхъ взносовъ Императрицы и членовъ ея семьи обезпечивало училищу доходъ въ 34.000 р. въ годъ. Такъ какъ по составленному Императрицею плану на содержаніе училища требовалось всего 28.000 р. въ годъ, то жертвуемые ею самою 6.000 р. Императрица назначила на составленіе запаснаго капитала училища. До 1826 года число пенсіонерокъ не было опредѣлено, но плата съ нихъ, по 438 р. 33 к. за каждую, въ 1806 году уже составляла болѣе половины всего дохода училища, а именно 47.000 р. Въ эту

---

[1]) Учр. С. Пет. уч. орд. св. Екат. XXIII.

[2]) Сб. свѣд., 172.

[3]) П. С. XXVIII, 21193.

[4]) Истор. зап. о моск. уч., 12, 15.

сумму входилъ взносъ отъ капитула россійскихъ орденовъ за 14 пенсіонерокъ.

Не смотря на постоянное возвышеніе пенсіонерной платы, дошедшей въ 1815 году до 700 рублей, доходовъ училища недоставало на его содержаніе, и по ходатайству Императрицы ему было назначено въ 1816 году пособіе изъ казны въ 3.4000 р. въ годъ [1]), а тремя годами позже, въ 1819 году, изъ казны же, по Высочайшему повелѣнію, выданы единовременно 30.000 р. на покупку смежной съ училищемъ дачи [2]). Наконецъ, уже при Императорѣ Николаѣ, въ 1826 году, было повелѣно выдать изъ казны 600.000 р. на постройку зданій для двухъ московскихъ училищъ [3]). Такимъ образомъ, кромѣ этой суммы, данной обоимъ училищамъ, московскому Екатерининскому было дано при Императрицѣ Маріи изъ государственнаго казначейства 60.000 р. единовременно и съ 1816 года выдавалось ежегодно по 52.000 р. [4]). Въ годъ смерти Императрицы училищу принадлежалъ капиталъ въ 485.761 р. 99½ к.; ежегодный доходъ его простирался до 215.928 р. 32¼ к., а расходъ—до 173.455 р. 10 к. [5]). По духовному завѣщанію Императрицы, училищу оставлены два капитала: одинъ въ 18.190 р. асс., другой въ 37.200 р. сер., „какъ даръ, въ вѣчную собственность, для употребленія процентовъ съ онаго на содержаніе сего училища и изъ нихъ по 1.000 р. въ годъ на составленіе резервнаго капитала“ [6]).

„На содержаніе одной, но бѣдной дворянки“ было сдѣлано единственное пожертвованіе въ 8.766 р. училищу въ 1810 г. княгинею Дашковою [7]). Императрица предоставила ему 10.000 р. изъ 30.000, пожертвованныхъ ей графомъ Шереметевымъ [8]), и двѣ трети продажной суммы завѣщаннаго также въ пользу благотворительныхъ ея заведеній имѣнія г-жи Хитрово [9]). По назначенію Императрицы, въ училищѣ должны были содержаться двѣ пенсіонерки на капиталъ Императрицы Елизаветы, съ выдачею имъ по 400 р. при выпускахъ, и двѣ имени А. Нарышкиной на 32.000 р., отдѣленныхъ съ этою цѣлью изъ общаго пожерт-

[1]) Истор. зап. о моск. уч., 70.

[2]) Тамъ же, 67.

[3]) Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Féodorowna aux tuteurs honoraires et aux supérieures des Instituts de Moscou. 2-e livraison. Lettres de Sa Majesté au Prince S. M. Galitzine, Moscou. 1885. Письмо 23 окт. 1826.

[4]) Выс. указы 27 окт. 1829 (Арх. IV отд.).

[5]) Ист. зап. о моск. уч., 69.

[6]) Сб. свѣд., 268.

[7]) Сб. свѣд., 267.

[8]) Истор. зап., 187.

[9]) Тамъ же, 66.

вованнаго Нарышкиною капитала съ выдачею этимъ пенсіонеркамъ по 500 р. при выпускахъ [1]). Кромѣ того еще въ 1807 году Императрица опредѣлила воспитывать въ училищѣ шесть сиротъ дворянокъ на завѣщанный въ 1798 г. графомъ Шереметевымъ капиталъ въ 200.000 р. на заведеніе „подъ управленіемъ московскаго опекунскаго Совѣта пристанища бѣднымъ и сиротамъ, отцовъ, матерей или благотворителей лишившихся и никакого пособія не имѣющимъ“ [2]). На оставленный Императрицею капиталъ должны были содержаться ея пенсіонерки и въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ.

Точно также не было пожертвованій училищу на выдачу наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. Награды выдавались имъ изъ 3.000 р., отпускавшихся съ 1802 года съ этою цѣлью изъ государственнаго казначейства, изъ суммъ экономическихъ и изъ кассеты. На выдачу наградъ были обращены, повелѣніемъ Императрицы, проценты съ 8.000 р., пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ для раздачи приданаго бѣднымъ дѣвицамъ [3]), а также завѣщанные еще въ 1797 году игуменомъ Симонтовскимъ 3.000 р. асс. „на выдачу 21-го апрѣля, яко день основанія Воспитательнаго Дома, при выходѣ въ замужство дворянокъ, сиротствующихъ дѣвицъ“ [4]). Изъ этого капитала, возросшаго за девять лѣтъ до 4.484 р., Императрица велѣла выдавать ежегодно 21-го апрѣля бѣднымъ дѣвицамъ дворянскимъ, а въ годы выпусковъ изъ московскаго училища ордена св. Екатерины „бѣднѣйшимъ изъ выпускаемыхъ дѣвицъ“, на томъ основаніи, что, „по смыслу завѣщанія, эта награда должна быть выдаваема какъ природнымъ дворянкамъ, такъ и тѣмъ, которыя по чину отца имѣютъ наслѣдственное дворянство“, и что „таковыхъ точно званій принимаются дѣвицы въ Екатерининское училище, да притомъ бѣдность придаетъ особливое право къ принятію въ оное“ [5]).

При учрежденіи московскаго Александровскаго училища, въ 1804 году, ему былъ данъ изъ суммъ государственнаго казначейства капиталъ въ 400.000 р., на проценты съ котораго оно должно было содержаться. Училище было открыто въ подаренномъ ему государемъ домѣ [6]) на перестройку котораго было прибавлено къ собственнымъ средствамъ училища 9.000 р. Съ

[1]) Сб. свѣд., 264, 268.
[2]) Истор. зап. о моск. уч., 30.
[3]) Тамъ же, 48.
[4]) Тамъ же.
[5]) Сб. свѣд. Т. I, 262.
[6]) Истор. зап., 167.

1812 года училище было переведено въ другой домъ, выстроенный на средства Воспитательныхъ Домовъ для московскаго вдовьяго Дома; постройка этого Дома обошлась въ 335.100 р., кромѣ стоимости земли, въ количествѣ 10.453 кв. саженъ [1]). На проценты съ своего капитала, 24.000 р., и на плату съ пенсіонерокъ по 225 р. за каждую, училище существовало до 1809 года, когда Совѣтъ, въ виду недостаточности этой суммы на покрытіе всѣхъ расходовъ и небольшого числа пенсіонерокъ, представилъ Императрицѣ объ уменьшеніи комплекта воспитанницъ съ 80-ти до 60-ти. Императрица не согласилась на это и прибавила изъ своихъ доходовъ по 1.000 р. въ годъ на содержаніе училища; она не согласилась также и на увеличеніе платы съ пенсіонерокъ. Въ слѣдующемъ году Императоръ Александръ назначилъ въ пособіе училищу по 3.000 р. ежегодно; затѣмъ въ 1811 году была увеличена пенсіонерная плата до 350 р., а въ 1815 году до 500 р. [2]). Не смотря на это, въ 1816 году, вѣроятно по ходатайству Императрицы, училищу было назначено ежегодное пособіе изъ государственнаго казначейства въ 27.000 р. [3]). Такимъ образомъ при Императрицѣ Маріи было дано училищу изъ казны единовременно 409.000 р. и ежегодно выдавалось по 27.000 р. Въ годъ смерти Императрицы расходъ училища равнялся 87.453 р. 83½ к., а доходъ—117.671 р. 10½ к. Кромѣ вѣчнаго капитала въ 400.000 р., ему принадлежалъ еще, обращавшійся въ сохранной казнѣ съ опредѣленнымъ назначеніемъ, капиталъ въ 68.835 р. 94 к. асс. [4]).

По духовному завѣщанію Императрицы, училищу оставлены капиталы въ 2.801 р. 44¾ к. и 3.000 р. „какъ даръ, въ вѣчную собственность“; изъ процентовъ, назначенныхъ на содержаніе училища, 500 р. должны были, согласно волѣ Императрицы, ежегодно отчисляться въ резервный его капиталъ [5]).

Пожертвованій московскому Александровскому училищу было одно, въ 3.000 р. отъ графини Головкиной, „на содержаніе училища“ [6]). Императрица предоставила ему одну треть продажной суммы за имѣнія Хитрово и 10.000 р. изъ 30.000, пожертвованныхъ графомъ Шереметевымъ на ея благотворительныя заведенія вообще. На содержаніе пенсіонерокъ купецъ Гусевъ съ сыновьями обязался вносить, съ 1805 года въ теченіе десяти лѣтъ,

---

[1]) Истор. зап., 171.
[2]) Тамъ же, 176.
[3]) Тамъ же, 186.
[4]) Тамъ же, 187.
[5]) Сб. свѣд., 290.
[6]) Истор. зап., 187.

по 3.000 р. ежегодно. Эти пенсіонерки, по распоряженію Императрицы, должны были назначаться изъ „сиротъ изъ купеческихъ или мѣщанскихъ дочерей, о выборѣ которыхъ сноситься съ думою“ [1]). По назначенію Императрицы, въ училищѣ должны были воспитываться двѣ пенсіонерки на 10.000 р., пожертвованныхъ въ 1808 году въ пользу ея благотворительныхъ заведеній камергеромъ Свистуновымъ [2]), шесть пенсіонерокъ на капиталъ М. Шереметевой, двѣ пенсіонерки имени великой княжны Елизаветы Александровны, съ выдачею имъ при выпускахъ по 200 р. каждой. Изъ оставленнаго Императрицею на своихъ пенсіонерокъ капитала, въ училищѣ также должны были содержаться ея пенсіонерки.

На награды воспитанницамъ Императрица опредѣлила въ 1808 году изъ своихъ доходовъ по 1.500 р. въ годъ.

Дѣвичье училище военно-сиротскаго Дома помѣщалось въ зданіи Воспитательнаго Дома; съ поступленіемъ его подъ покровительство Императрицы, этотъ домъ былъ проданъ за 225.000 р. [3]), а на покупку смежнаго съ нимъ мѣста было дано „подъ обязательство министра финансовъ на счетъ государственнаго казначейства“ 30.000 р. Училище содержалось на 25.000 р., отпускавшихся изъ военной коллегіи, и на 3.000 р., назначенныхъ Императрицею отъ себя. Кромѣ того военная коллегія давала училищу десятую часть экономическаго провіанта [4]). На эти средства, съ прибавкой 7.000 р., назначенныхъ государемъ въ 1816 г. къ ежегодной выдачѣ изъ государственнаго казначейства [5]), и платы съ пенсіонерокъ, существовало училище все время при Императрицѣ Маріи. Всего при ней ему было дано изъ казны 30.000 р. единовременно, и выдавалось ежегодно по 32.000 р. Первоначальная плата съ пенсіонерокъ—по 300 р. въ годъ въ первомъ отдѣленіи и по 250 р. во второмъ—была увеличена съ 1820 года до 450 и 350-ти рублей.

Награды воспитанницамъ, съ отдѣленіемъ дѣвичьяго училища отъ военно-сиротскаго Дома, выдавались отъ него по 200 и по 150 рублей, и кромѣ того изъ Кабинета государя по 300 р. воспитанницамъ перваго отдѣленія.

---

[1]) За это пожертвованіе Гусевъ получилъ отъ государя золотую медаль, а отъ Императрицы Маріи перстень, осыпанный брилліантами, и отзывъ, въ которомъ было сказано, что, „въ соотвѣтствіе его, Гусева, благотворительнаго намѣренія, капиталы сіи отдадутся для приращенія въ сохранную казну и будутъ называться „вкладомъ Гусевыхъ“ („Сѣв. Вѣстникъ“, 1805. Ч. VIII).

[2]) Ист. зап., 135.

[3]) Учр. Павл. И. 1807—1855. XVIII (Арх. IV отд.).

[4]) П. Собр. XXIX, 22509.

[5]) Письмо Имп. Маріи 18 сент. 1816 (Учр. Павл. И. 1807—1855).

На содержаніе пенсіонерокъ князь Долгорукій пожертвовалъ въ 1805 году 2.000 червонцевъ или 8.400 р. Изъ этой суммы должны были содержаться по одной пенсіонеркѣ въ каждомъ отдѣленіи. На 10 000 р., пожертвованныхъ княземъ Куракинымъ въ 1825 г., въ первомъ отдѣленіи было положено воспитывать одну пенсіонерку, съ выдачею ей награды при выпускѣ. Крупное пожертвованіе въ 50.000 р. было сдѣлано училищу въ 1826 г. графомъ Аракчеевымъ на содержаніе въ первомъ отдѣленіи пяти пенсіонерокъ, „дочерей чиновниковъ, служащихъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда, а за неимѣніемъ оныхъ, новгородскихъ дворянъ, разумѣя изъ военныхъ же чиновниковъ“ [1]).

Пожертвованіе графа Аракчеева сопровождалось слѣдующимъ письмомъ его, отъ 17-го апрѣля 1826 г., Императрицѣ Маріи:

„Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Марія Өеодоровна! По крайнѣ разстроенному моему здоровью, послѣдуя совѣту врачей, я долженъ былъ просить Всемилостивѣйшаго Государя Императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ. Его Величество Всемилостивѣйше снисходя на прозьбу мою изволилъ облагодѣтельствовать меня пожаловавъ 50.000 рублей на дорожныя мои издержки.

„Всемилостивѣйшая Государыня! я не имѣлъ еще ни время, ни случая заслужить сіе монаршее Благодѣяніе:—Оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу, моему отцу и благодѣтелю.

„Обезпечивъ ужъ издержки предпринимаемаго мною пути продажею бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилостивѣйше пожалованною мнѣ суммою.

„Я предназначаю сію сумму на доброе христіанское дѣло и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе святого имени и Благоговѣйное почитаніе памяти того, кто и за гробомъ чрезъ Августѣйшаго Брата, Благодѣтельствуетъ слугѣ Его вѣрному—Императора Александра Благословеннаго“.

Переименовавъ далѣе, изъ кого должны набираться пять пенсіонерокъ на проценты съ жертвуемыхъ имъ 50.000 рублей, графъ Аракчеевъ изъявлялъ желаніе, чтобы онѣ именовались пенсіонерками Императора Александра Благословеннаго. „Милостивое Вашего Императорскаго Величества Благоснисхожденіе—продолжалъ онъ далѣе—на всеподданнѣйшее прошеніе мое хотя нѣсколько усла-

---

[1]) Сб. свѣд., т. I, 210.

дитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣвшіяся въ моемъ сердцѣ—кончиною обожаемаго мною Государя, отца и Благодѣтеля. Праведная душа Александра Благословеннаго по благочестивой здѣсь жизни навѣрное предстоитъ нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей. Она подкрѣпляетъ всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи, здравіи и спокойствіи вашего Императорскаго Величества, толико драгоцѣнныхъ для удовольствія и облегченія Государственнаго Бремяни Царствующаго Императора. Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни вѣрноподданный графъ Аракчеевъ" [1]).

Желаніе жертвователя было исполнено, но въ Высочайшемъ повелѣніи 21-го апрѣля 1826 г. не сказано, чтобы пенсіонерки на капиталъ графа Аракчеева назывались пенсіонерками „Александра Благословеннаго" [2]).

Кромѣ этихъ пожертвованій на содержаніе пенсіонерокъ, Императрица Марія отдѣлила дѣвичьему училищу 22.000 р. изъ 150.000 капитала А. Нарышкиной, на содержаніе въ немъ двухъ пенсіонерокъ ея имени и выдачу имъ при выпускѣ по 500 р. каждой [3]).

По духовному завѣщанію Императрицы Маріи, изъ процентовъ съ оставленнаго ею капитала, въ дѣвичьемъ училищѣ должны были содержаться пенсіонерки въ каждомъ изъ его отдѣленій. Кромѣ того ею дано училищу 13.600 р. сер. [4]).

Подводя итогъ болѣе крупнымъ суммамъ, отпущеннымъ при Императрицѣ Маріи изъ государственнаго казначейства, а равно пожертвованныхъ самою ею и частными лицами пяти столичнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ ея покровительствомъ, оказывается, что, за 32 года ея управленія ими, было выдано изъ казны единовременно 1.653.616 р. асс. и выдавалось ежегодно по 537.064 р., включая сюда 140.000 р. асс., назначенные Императоромъ Александромъ въ 1816 году къ ежегодной выдачѣ на прибавку жалованья и пенсій начальствующимъ лицамъ всѣхъ пяти учебныхъ заведеній [5]).

Пожертвованій частныхъ лицъ было приблизительно на сумму 630.956 р., а съ присоединеніемъ капитала Императрицы Елизаветы Алексѣевны—739.241 р. Кромѣ того 180.000 р. были по-

---

[1]) Учрежд. Павл. И. 1807—1855.

[2]) Сб. свѣд., т. I, 210.

[3]) Сб. свѣд., т. I, 211.

[4]) Тамъ же, 221.

[5]) П. Собр. XXXIII, 26429.

жертвованы самой Императрицѣ Маріи въ пользу ея учрежденій, и ею распредѣлены между женскими учебными заведеніями.

Пожертвованныя самою Императрицею этимъ заведеніямъ суммы, включая сюда и завѣщанные имъ капиталы, составляютъ болѣе двухъ милліоновъ рублей, не считая кассетнаго капитала, въ которомъ ея взносы равны болѣе нежели трети всей его суммы. Кромѣ того Императрица давала изъ своихъ средствъ, различными на каждое изъ пяти столичныхъ заведеній суммами, въ общей сложности до 50.000 р. въ годъ, не считая платы за содержаніе ея пенсіонерокъ [1]).

---

[1]) Приведенныя цифры, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, представляютъ минимумъ дѣйствительно поступившихъ при Императрицѣ Маріи суммъ. Точныя свѣдѣнія о денежномъ положеніи женскихъ учебныхъ заведеній стали возможны лишь со времени введенія по учрежденіямъ вѣдомства смѣтной системы въ 1865 году. Хотя съ этого года въ смѣтахъ и показаны нѣкоторыя изъ суммъ, ассигнованныхъ или пожертвованныхъ и при Императрицѣ Маріи, но эти суммы переведены на серебро, а главное, въ смѣтахъ не показаны отпускавшіяся при ней изъ казны суммы, ибо, тотчасъ послѣ смерти Императрицы, отпускъ ихъ былъ прекращенъ повелѣніемъ Императора Николая.

III.

Уставъ 1804 года. — Отношеніе къ женскому образованію Императора Александра I.—Пожертвованія на мужскія и женскія учебныя заведенія. — Пожертвованіе тверскаго дворянства на женское учебное заведеніе.—Указъ Императора Александра о благотворительности. — Частная благотворительность.— Пожертвованіе камергера Свистунова. — Домъ Трудолюбія въ Петербургѣ (Елизаветинское училище). — „Положеніе", ему данное. — Измѣненіе цѣли его основанія; его средства.—Принятіе Дома подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Харьковское Общество благотворенія.—Харьковскій институтъ.—Уставы женскихъ институтовъ.—Уставъ харьковскаго института и его отличіе отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ Императрицы Маріи правилъ.— Доходы института.—Бытъ воспитанницъ.—Отчеты объ институтѣ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ".—Посѣщеніе института великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. — Посѣщеніе государя. — Принятіе института подъ покровительство Императрицы Маріи.—Торжественное открытіе харьковскаго института. — Отношеніе къ нему харьковскаго общества.—Пожертвованія.—Награды воспитанницамъ.—Измѣненіе програмны ученія.—Средства.—Измѣненіе устава.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Назначеніе учителямъ жалованья.—Расширеніе института.—Высочайшее повелѣніе приказамъ общественнаго призрѣнія о суммахъ на содержаніе института. — Завѣщанная ему Императрицею Маріею сумма. — Петербургское Патріотическое Общество Дамъ. — Пожалованіе ему 500.000 р. ежегодно Императоромъ Александромъ.—Пожертвованія особъ царской фамиліи.—Указъ объ оставленіи Общества подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Совѣтъ.—Женскія Патріотическія Общества въ Рязани и Москвѣ.—Средства Общества.—Училище для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей въ войну 1812 года (Патріотическій институтъ).—Частныя школы Патріотическаго Общества.—Принятіе Патріотическаго института подъ покровительство Императрицы Александры Θеодоровны.—Положеніе и штатъ 1827 года.—Суммы, опредѣленныя Императоромъ Николаемъ на содержаніе института.—Полтавскій институтъ.—Сравненіе его устава съ уставомъ харьковскаго. — Отношеніе полтавскаго дворянства къ институту.—Первый выпускъ.—Средства на содержаніе института.—Записка князя Репнина В. П. Кочубею о положеніи института.—Мнѣніе государя. — Суммы на содержаніе института изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и изъ государственнаго казначейства.—Дозволеніе принимать въ институтъ дочерей купцовъ 1-ой и 2-ой гильдій.—Положеніе 1828 года.—Дома Трудолюбія въ

Симбирскѣ (Елизаветинское училище) и Москвѣ (Елизаветинское училище).— Положеніе 1825 года. — Пожертвованія московскому Дому Трудолюбія. — Пожертвованіе помѣщицы М. Н. Родіоновой на учрежденіе института въ Казани.—Одесскій институтъ и его уставъ.

Въ 1804 году утвержденъ Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ. Этимъ уставомъ всѣ учебныя заведенія имперіи раздѣлялись на три рода училищъ: гимназіи, уѣздныя училища и приходскія: всѣ они, а также „и другіе, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, училища и пансіоны, находящіеся въ губерніяхъ", должны были состоять въ вѣдомствѣ и подъ управленіемъ университетовъ [1]). „Изъ сего исключаются— сказано въ § 2 устава—училища, состоящія въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, и тѣ, которыя по особливымъ обстоятельствамъ Высочайше ввѣрены иному Начальству". Къ числу послѣднихъ принадлежали и женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ и, въ большинствѣ случаевъ, подъ личнымъ управленіемъ Императрицы Маріи. Такимъ образомъ женское образованіе не должно было входить въ кругъ дѣйствій правительства, заботы котораго въ этомъ отношеніи, особенно по высшему и среднему образованію, были обращены исключительно на организацію мужскаго. Только относительно низшаго, новымъ уставомъ не дѣлалось такого разграниченія, ибо въ приходскія училища допускались „всякаго состоянія дѣти, безъ разбору пола и лѣтъ".

Такая постановка дѣла въ уставѣ можетъ быть и обусловливалась тѣмъ, что женское образованіе еще ранѣе 1804 года фактически выдѣлилось въ особую часть, и благодаря горячимъ заботамъ о немъ Императрицы, ея личному въ немъ участію, умѣнью организовать его, ея матеріальной поддержкѣ и усиленнымъ стараніямъ доставить управляемымъ ею женскимъ учебнымъ заведеніямъ обильныя денежныя средства, было поставлено въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ въ самыя благопріятныя для его развитія условія. Поэтому, можетъ быть, Императоръ Александръ I не принималъ въ этомъ дѣлѣ такого непосредственнаго участія, какое проявляли къ нему, не говоря уже объ Императрицѣ Екатеринѣ, даже Императоръ Павелъ. Александръ I не отказывалъ Императрицѣ въ щедрыхъ назначеніяхъ денежныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства, давалъ и лично отъ себя на устройство и нужды женскихъ институтовъ, но этимъ и ограничивалось его участіе въ дѣлѣ женскаго образованія.

Къ мужскому образованію Александръ I относился иначе. Когда

[1]) П. Собр. XXVIII. 21501.

тульское дворянство, поощряемое примѣромъ правительства, просило о разрѣшеніи устроить на свои средства „училище для воспитанія неимущихъ дворянъ“, государь выразилъ свое одобреніе дворянству, написавъ: „ни съ чѣмъ не сравню Я удовольствія видѣть въ самомъ началѣ Царствованія Моего, что вмѣсто тщетныхъ и разорительныхъ издержекъ, пышности и роскоши, обращаются избытки имуществъ на столь полезные предметы“ [1]). Онъ назначилъ училищу по 6.000 р. въ годъ изъ Кабинета и, соглашаясь чтобы новое училище было названо „Александровскимъ“, прибавилъ: „хотя не мышлю Я, чтобъ въ дѣлѣ общей пользы имя могло присоединить новое достоинство, но чтобы показать сколь много уважаю Я подвигъ дворянства къ сему заведенію“ [2]).

Такое отношеніе государя къ дѣлу образованія вызвало среди русскаго общества желаніе содѣйствовать ему щедрыми пожертвованіями, преимущественно на мужское образованіе. Примѣръ Императрицы Маріи вліялъ въ такомъ же духѣ въ интересахъ и женскаго; но пожертвованія на него всегда были значительно меньше тѣхъ, какія дѣлались въ пользу мужскаго.

Первое крупное пожертвованіе на женское образованіе было сдѣлано тверскимъ дворянствомъ. Въ 1805 году губернскій предводитель дворянства тверской губерніи представилъ министру внутреннихъ дѣлъ единогласное постановленіе тверскаго дворянства учредить въ Твери институтъ благородныхъ дѣвицъ. На устройство и содержаніе института дворянство просило разрѣшенія взять 80.000 рублей изъ 84.000 рублей дворянской суммы, обращавшейся въ тверскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія [3]), и 47.210 рублей, оставшихся отъ строенія казармы [4]), всего 127.210 рублей. Въ своемъ представленіи министру, предводитель говорилъ, что дворянство тверской губерніи, весьма многочисленное, „недостаточно, въ сравненіи съ другими, и, не взирая на то, весьма дѣятельно печется о воспитаніи дѣтей своихъ прилично ихъ званію“. Онъ прибавлялъ, что общественное постановленіе объ учрежденіи института „дополнили дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ тѣмъ, что если назначаемой суммы на заведеніе и содержаніе института мало, то всякій, по возможности, сдѣлаетъ

---

[1]) П. Собр., XXVI, 19984.

[2]) П. Собр., 20015.

[3]) Въ этой суммѣ—50.000 р. составляли возвращенную дворянству въ 1784 году Императрицею Екатериною сумму, истраченную имъ на устройство мужскаго училища для благородныхъ дѣтей. (П. Собр. Т. XXVIII, 21691).

[4]) Эта сумма также была возвращена дворянству Высочайшимъ повелѣніемъ 1801 года.

нужное пособіе". Предводитель сообщалъ и о томъ, что дворянство нашло уже помѣщеніе для будущаго института, признавъ всего удобнѣе и приличнѣе помѣстить его въ тверскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, игуменья котораго, „изъ усердія къ сему благоугодному намѣренію, жертвуетъ, какъ землею (9 десятинъ пашенной земли, удобной для строенія), такъ и новой церковью надъ святыми вратами, и вновь сооруженными каменными кельями, оставляя сіи послѣднія въ пользу института пока не выстроются нужныя для онаго зданія". Кромѣ того монахини изъявили желаніе „посвятить себя такому при институтѣ служенію, какое возложено быть можетъ на нихъ въ содѣйствіе къ пользѣ общественной". За все это онѣ испрашивали, чтобы институтъ былъ принятъ подъ покровительство и состоялъ подъ „собственнымъ начальствомъ Императрицы Маріи Ѳедоровны". Въ заключеніе предводитель дворянства выражалъ надежду, что „когда въ Твери учредится военное училище, на 120.000 р. на оное назначенныхъ и Институтъ на 127.210 р., тогда воспитаніе благородныхъ дѣтей обоего пола, равно для пользы общей важное, приведено будетъ въ справедливое уравненіе". Въ случаѣ Высочайшаго утвержденія предположеній тверскаго дворянства объ учрежденіи института, назначенная на него сумма должна была поступить въ полное распоряженіе Императрицы [1]).

Это предположеніе не осуществилось въ томъ видѣ, какъ желало тверское дворянство. Хотя опредѣленная имъ на институтъ сумма впослѣдствіи увеличилась и къ 1807 году составляла 146.067 р., но она показалась недостаточною на устройство и содержаніе цѣлаго института, и онъ въ Твери не былъ учрежденъ; а на проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала въ 1807 году открыто особое отдѣленіе, названное тверскимъ, для двадцати бѣдныхъ дворянокъ тверской губерніи, при московскомъ Екатерининскомъ училищѣ [2]).

Примѣръ, даваемый сверху, вліялъ на русское общество и въ другомъ отношеніи.

Гуманность и человѣколюбіе, проявленныя Императоромъ Александромъ I въ первые же годы вступленія на престолъ, его заботы о просвѣщеніи всѣхъ слоевъ русскаго народа, его филантропическія идеи и стремленія, вызвали въ средѣ русскаго общества желаніе содѣйствовать государю и въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ общей пользѣ, также къ облегченію страданій ближ-

---

[1]) П. Собр. XXVII, 21691.

[2]) Истор. зап. о моск. уч., 27.

няго. Такія стремленія Александръ I опредѣленно выразилъ при учрежденіи Человѣколюбиваго Общества въ указѣ 1802 года, которымъ общественная благотворительность, какъ особая вѣтвь государственнаго управленія, ввѣрялась камергеру Витовтову. „Чтобы показать,—сказано въ указѣ,—какъ близки къ сердцу Моему жертвы ожесточеннаго рока, Я беру подъ особливое и непосредственное покровительство Свое какъ вновь учреждаемое въ здѣшней столицѣ благодѣтельное Общество, такъ и всѣ другія, которыя, безъ сомнѣнія, по примѣру онаго размножатся между народомъ толико для Меня любезнымъ, на котораго природа изліяла всѣ земныя свои сокровища и одарила всѣми добродѣтелями, а особливо симъ небеснымъ вдохновеніемъ—помогать ближнему“ [1]).

Поощряемыя государемъ, стали возникать, рядомъ съ правительственными, общественныя и частныя благотворительныя учрежденія; усилилась и частная благотворительность. Послѣдняя проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ очень наивныхъ формахъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся Карамзинымъ, въ 1803 году было напечатано предложеніе „одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ согражданъ“, заключавшееся въ томъ, чтобы, по случаю столѣтней годовщины основанія Петербурга, учредить пріютъ „для злощастныхъ, кои въ молодыхъ лѣтахъ чрезмѣрными страстьми по физическимъ какимъ причинамъ или по вреднымъ навыкамъ вовлечены будучи въ гнусные пороки, сколь въ обществѣ дѣлаются нетерпимы, столь и самимъ себѣ пагубны“. Такое заведеніе авторъ предлагалъ назвать „нравочечебнымъ“ или „гостинницею Петровой... Соберемся,—писалъ онъ—изберемъ повѣренныхъ для сочиненія плана и штата для поднесенія государю“ [2]). Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 года помѣщено письмо женщины, которая предлагала обложить сборомъ въ пять процентовъ „всѣхъ, получающихъ жалованье“, въ пользу вдовъ и сиротъ [3]).

Съ учрежденіемъ Человѣколюбиваго Общества и попечительныхъ при немъ Комитетовъ о бѣдныхъ, пожертвованія стали стекаться въ эти Комитеты и дѣлались они съ самыми разнообразными цѣлями.

Камергеръ Свистуновъ, принося въ даръ Комитету свой домъ, обставилъ это пожертвованіе слѣдующими условіями. „Многочисленныя благотворенія—писалъ онъ—изливаемыя отъ щедротъ

[1]) П. С. XXVII, 20266.

[2]) „В. Европы“, 1803, № 7. Письмо къ издателю изъ Петербурга.

[3]) „Сѣв. Вѣстн.“, 1805, ч. V.

Монарха на бѣдныхъ, требующихъ различнаго рода помощи, должны возбудить въ каждомъ изъ его подданныхъ чувство благодарности и ревность содѣйствовать щедролюбивымъ Его намѣреніямъ. Нижеподписавшійся, преисполненъ будучи симъ чувствомъ, внимая побужденіямъ сердца своего съ полною довѣренностію обращается къ Попечительному Комитету всегда движимому духомъ Человѣколюбія и неусыпно пекущемуся объ участи нещастныхъ, обращается въ той надеждѣ, что искреннее приношеніе нѣкотораго достоянія его въ помощь бѣдности и въ награду добродѣтели, будетъ благосклонно припято и удостоится одобренія отъ сего благотворительнаго Общества... Нижеподписавшійся имѣетъ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ съ двумя садами на Васильевскомъ острову между 13 и 14 линіями, въ немъ жилъ до кончины своей почтенный Старецъ Отецъ, бывшій въ жизни своей примѣрно почтительнымъ Сыномъ къ своей матери... Нижеподписавшійся, съ благоговѣніемъ воспоминая отличныя Добродѣтели Отца своего, желалъ бы, чтобъ благочестивое жилище его пребыло навсегда обителію благотворенія; а цѣна сего дома возмездіемъ добрыхъ дѣтей средняго или бѣднаго состоянія, почитающихъ престарелыхъ своихъ родителей и пекущихся о нихъ привсѣмъ своемъ недостаткѣ; и для того проситъ Попечительный Комитетъ покровительствовать сему его намѣренію, взявъ Домъ сей въ свое вѣдомство и употребя его для какого-либо благотворительнаго заведенія... Нижеподписавшійся предлагаетъ означенный свой Домъ въ отдачу, слѣдовательно и въ полной распорядокъ Попечительнаго Комитета на слѣдующемъ Положеніи, а имянно: чтобъ въ теченіи 12-ти лѣтъ, щитая отъ времени врученія крѣпости Дома Попечительному Комитету, каждый годъ сумма одна тысяча рублей раздѣлена будучи на четыре участка, по разсмотренію Комитета выдаваема была добрымъ Сыновьямъ и дочерямъ недостаточнаго состоянія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ почтительнымъ обращеніемъ съ своими Родителями и попеченіемъ о ихъ старости заслужившимъ сію награду: которая въ то же время для нихъ будетъ поощреніемъ и подастъ нѣкоторое срѣдство пребывать въ сей добродѣтели. Кромѣ сего Нижеподписавшійся желая имѣть самъ нѣкоторое участіе въ семъ благотвореніи проситъ Попечительный Комитетъ позволить ему съ своей стороны, буде найдетъ достойныхъ дѣтей, представлять оныхъ для полученія опредѣляемой награды, которою по разсмотреніи Господами Членами Комитета представляемыхъ и удовлетворять"[1])...

---

[1]) Арх. Патріотическаго Института. Елизаветинское училище. I, 1, 3, 1810.

Этотъ домъ былъ принятъ Попечительнымъ Комитетомъ, который тогда же постановилъ: поправивъ домъ, отдать его для помѣщенія состоявшаго съ 1807 года въ вѣдѣніи Комитета Дома Трудолюбія. Выраженное Свистуновымъ желаніе, чтобы изъ доходовъ съ дома ежегодно, въ теченіи 12-ти лѣтъ, отдѣлялась тысяча рублей для наградъ двумъ добрымъ сыновьямъ и двумъ добрымъ дочерямъ, Комитетъ, относительно послѣднихъ, выполнялъ выдавая иногда наградную сумму бывшимъ воспитанницамъ Дома Трудолюбія [1]). Въ журналѣ Комитета 1814 года 8-го августа записано: „по представленію попечителя Политковскаго дѣвицамъ Екатеринѣ и Маріи Бахтинымъ, дочерямъ Надворнаго Совѣтника, съ престарѣлымъ Отцомъ во уваженіе почтительнаго обращенія ихъ съ своимъ родителемъ и попеченія о Его старости по 250 р. каждой изъ тысячи рублевой суммы ежегодно отдѣляемой на таковое вспоможеніе въ слѣдствіе положенія Комитета отъ 18-го мая 1810 года“.

Домъ Трудолюбія былъ основанъ въ Петербургѣ въ 1806 году подполковницею Гавриловой для 50-ти воспитанницъ, дочерей бѣдныхъ благородныхъ родителей. Эти 50 воспитанницъ были доставлены ей камергеромъ Витовтовымъ [2]), участіе котораго въ этомъ дѣлѣ указываетъ, что учрежденіе Дома Трудолюбія было задумано на началахъ благотворительности. Въ первый годъ Гаврилова дѣйствительно содержала Домъ на средства отъ продажи работъ воспитанницъ и на частныя пожертвованія. Но въ слѣдующемъ же году она обратилась съ просьбой о вспомоществованіи къ государю, который велѣлъ бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, князю Куракину, осмотрѣть заведеніе и, послѣ доклада князя, приказалъ выдать Гавриловой изъ Кабинета 3.000 р.; Императрица Елизавета Алексѣевна также пожертвовала 2.000 р. Но этихъ суммъ было недостаточно для содержанія Дома, такъ какъ частныхъ пожертвованій поступало очень мало, а за работы воспитанницъ въ два съ половиною года было выручено всего 5.070 р. Въ 1808 году, по новому докладу князя Куракина, государь велѣлъ заплатить изъ государственнаго казначейства долги Гавриловой и составить Положеніе для Дома Трудолюбія, который, какъ говорится въ докладѣ князя Куракина государю, „служитъ умноженіемъ числа благотворительныхъ Вашего Императорскаго Величества въ пользу юношества учрежденій“.

---

[1]) Арх. Патр. инст. Елизавет. училище. Выписки изъ журналовъ Попеч. Ком. 12 сент. 1810 и 8 августа 1814 г.

[2]) П. Собр. XXX, 23346.

Согласно новому Положенію, Домъ Трудолюбія предназначался для воспитанія 50-ти дѣвицъ, оставшихся въ бѣдности послѣ отцовъ штабъ и оберъ-офицерскаго чина. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы доставить возможность дѣвицамъ содержать себя трудами; поэтому обученіе должно было ограничиваться главнымъ образомъ женскими рукодѣліями. Но,—сказано въ § 3 положенія—„дабы не лишить ихъ и необходимо нужной степени просвѣщенія“, обучать: закону Божію, россійскому чтенію и письму, начальнымъ правиламъ ариѳметики и рисованію. Воспитанницы должны были поступать не моложе десяти и не старше пятнадцати лѣтъ; онѣ выпускались лишь по достиженіи 24-хъ-лѣтняго возраста. Положеніемъ допускались и пенсіонерки съ платою по 250 р. въ годъ.

Какъ учрежденіе благотворительное, Домъ Трудолюбія долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи Попечительнаго Комитета, входившаго въ составъ Человѣколюбиваго Общества и подъ главнымъ управленіемъ избираемаго Комитетомъ попечителя. На содержаніе Дома государь назначилъ 13.020 р., которые должны были ежегодно выдаваться изъ с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія, также изъ выручки отъ работъ воспитанницъ. Эта выручка должна была дѣлиться на двѣнадцать частей, изъ которыхъ двѣ назначались начальницѣ, одна—ея помощницѣ, пять—на содержаніе Дома, четыре—должны были вноситься въ банкъ на проценты и выдаваться воспитанницамъ при выпускѣ. Выручка отъ работъ пенсіонерокъ и остатокъ отъ ихъ платы должны были присоединяться къ суммѣ на содержаніе Дома Трудолюбія [1]).

Домъ Трудолюбія состоялъ въ вѣдѣніи Попечительнаго Комитета до конца 1816 года, когда онъ былъ переданъ въ вѣдомство организовавшагося въ концѣ 1812 года „Петербургскаго Патріотическаго Общества Дамъ“ [2]), состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны. „Сословію Патріотическихъ Дамъ“, какъ выразился въ письмѣ къ предсѣдательницѣ Общества, княгинѣ В. Репниной, предсѣдатель Попечительнаго Комитета, высокопреподобнѣйшій Криницкій, и былъ переданъ Домъ Трудолюбія 2-го августа 1816 года. Хотя характеръ этого заведенія долженъ былъ оставаться по прежнему благотворительнымъ, ибо по первоначальному, неосуществившемуся впрочемъ, плану, съ учрежденіемъ въ 1816 году Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, къ нему предполагалось присоединить и женское патріотическое Общество, но съ переходомъ

[1]) Указъ дек. 21, 1808 г. (Арх. Патр. инст., № 46).

[2]) Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго института. Составилъ Н. Макѣевъ, 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріот. института.

Дома Трудолюбія въ вѣдомство послѣдняго, характеръ этого учебнаго заведенія сталъ измѣняться. Въ 1817 году воспитанницъ обучали не однимъ элементарнымъ предметамъ, но и географіи, россійской грамматикѣ и исторіи [1]); начальница была нѣмка и говорила съ ними по-нѣмецки [2]).

За годъ до перехода въ вѣдѣніе женскаго патріотическаго Общества, кромѣ 50-ти штатныхъ воспитанницъ „благороднаго званія бѣдныхъ дѣвицъ“ въ Домѣ Трудолюбія было 24 пенсіонерки (изъ нихъ 7 своекоштныхъ), платившихъ по 250 р. въ годъ [3]), и не смотря на то, что эта плата, постоянно возвышаясь, дошла въ 1825 году до 450 р., въ этомъ году было 80 пенсіонерокъ. Плата съ нихъ покрывала двѣ трети всего расхода на содержаніе Дома; а такъ какъ получалось еще 13.020 р., отпускавшихся съ 1823 года изъ Кабинета, да отъ продажи работъ воспитанницъ выручалась извѣстная сумма, что въ сложности составило къ 1825 году 55.486 р. $61^1/_2$ к. [4]), то содержаніе Дома Трудолюбія не требовало отъ женскаго патріотическаго Общества никакихъ расходовъ.

До 1822 года Общество поручало управленіе Домомъ одной изъ своихъ дамъ; въ этомъ году Императрица Елизавета Алексѣевна взяла его въ свое управленіе. Извѣщая объ этомъ предсѣдательницу Общества, Императрица писала, что „права патріотическихъ дамъ къ этимъ заведеніямъ (и Патріотическому институту) остаются тѣ же, а всякая особенная перемѣна или важное обстоятельство будутъ доводимы до ихъ свѣдѣнія.. Поручаю Вамъ—прибавляла Императрица—увѣрить въ томъ сіе сословіе“ [5]).

Первоначальное назначеніе Дома Трудолюбія съ теченіемъ времени измѣнилось. Въ 1825 году въ немъ воспитывались не дѣти штабъ и оберъ-офицерскаго чина, какъ это было по Положенію 1808 года, а „дѣвицы разночиннаго состоянія“ [6]). Ихъ обучали элементарнымъ предметамъ и нѣмецкому языку, а пенсіонерокъ, по желанію, и французскому..

Пожертвованій Дому Трудолюбія поступало мало. Въ 1815 году бригадиръ князь Несвицкій завѣщалъ двадцати двумъ бѣднѣйшимъ

---

[1]) Арх. Патр. инст. Елиз. уч., № 11.

[2]) Алабьина. Воспоминанія институтки. Печатано съ Выс. Ея Имп. Вел. соизволенія. С.-Петербургъ, 1834.

[3]) Арх. Патр. и. Ел. уч., № 8.

[4]) Арх. Патр. и. Бюджетъ жен. патр. Общ., № 43.

[5]) Краткій ист. очеркъ образов. Патріот. инст.

[6]) Дѣла жен. патр. Общ. Засѣданіе 30 мая 1825 (Арх. Патр. инст.).

дѣвицамъ при выпускѣ изъ Дома на приданое по 100 р. каждой [1]). Это было единственное, кажется, пожертвованіе сдѣланное собственно Дому Трудолюбія. По назначенію Императрицы Елизаветы, изъ пожертвованныхъ на ея благотворительныя заведенія вообще суммъ, она опредѣлила на содержаніе Дома Трудолюбія 10.000 р., пожертвованныхъ графомъ Шереметьевымъ [2]), и 1.000 р. изъ 2.000 р., пожертвованныхъ бѣлогородскимъ купеческимъ обществомъ по случаю проѣзда Императора Александра и Императрицы Елизаветы черезъ Бѣлгородъ въ 1825 году [3]). Болѣе крупную сумму, 22.000 р., назначила Дому Трудолюбія комиссія по дѣламъ умершаго оберъ-шенка графа Головина. На проценты съ этого капитала должны были содержаться двѣ воспитанницы по назначенію Императрицы Елизаветы. Извѣщая объ этомъ предсѣдательницу Совѣта патріотическаго Общества, Императрица, въ рескриптѣ отъ 14-го февраля 1825 года, выразила желаніе, чтобы „воспитанницы на счетъ сего капитала были преимущественно благороднаго званія, чтобы онѣ принимались не моложе десяти лѣтъ и оставались въ Домѣ не свыше восьми лѣтъ“ [4]).

Послѣ смерти Императрицы Елизаветы, Императоръ Николай, указомъ 25 апрѣля 1827 года, повелѣлъ городу Петербургу отпускать Дому Трудолюбія по 25.000 рублей (асс.) ежегодно [5]), и отдѣлить изъ принадлежавшихъ Императрицѣ суммъ 10.000 р. на содержаніе одной пенсіонерки ея имени [6]). Кромѣ того была отчислена Дому, по повелѣнію Императора Николая, денежная сумма въ 500.000 р., за бриллiантовыя вещи, принадлежавшія покойной Императрицѣ и взятыя въ Кабинетъ государя [7]).

Впослѣдствіи, уже при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Домъ Трудолюбія былъ переименованъ, въ память Императрицы Елизаветы, въ Елизаветинское училище.

Благотворительныя заведенія возникали не въ одной столицѣ, но и въ провинціи. Въ концѣ 1811 года дворянство слободско-украинской губерніи основало въ Харьковѣ Общество благотворенія, членами котораго могли быть дворяне и другихъ губерній „безъ различія пола“. Общество было задумано на началахъ,

---

[1]) Сб. свѣд. о капит. вѣд. учр. Имп. Маріи. Т. I, стр. 193.

[2]) Арх. Патріот. института. Дѣла женскаго патріот. Общества, № 5.

[3]) Сборн. свѣд., т. I, 180.

[4]) Дѣла жен. патр. Общества (Арх. Патр. И.)

[5]) Журналъ Опек. Сов. учр. И. М. по С.-Пет. Присутствію (Арх. IV отд.).

[6]) Сборн. свѣд., т. I, 195.

[7]) Тамъ же, 205. Этихъ вещей по оцѣнкѣ поступило въ Кабинетъ на 1.315.555 р. (стр. 189).

объявленныхъ въ указѣ 16-го мая 1802 г., который и былъ напечатанъ цѣликомъ въ присланномъ издателю „Вѣстника Европы“ объявленіи объ учрежденіи Общества [1]). Цѣль послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы, „по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ, дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представится или Обществомъ откроется человѣкъ, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства“. Поэтому на вспоможеніе Общества благотворенія имѣли право: „1) лишившіеся имѣнія или потерпѣвшіе ущербъ въ ономъ отъ случаевъ несчастныхъ; 2) вдовы, имѣющія нужду въ призрѣніи и пропитаніи; 3) сироты, требующія воспитанія, опредѣленія въ службу или наученія какому-либо ремеслу; 4) несчастныя дѣвицы безъ путеводителей и въ бѣдности остающіяся и черезъ то могущія подвергнуться обольщенію и разврату; 5) страждущіе продолжительными болѣзнями и имѣющіе нужду въ присмотрѣ, пропитаніи и лѣченіи и однимъ словомъ всѣ тѣ несчастные, которые не отъ зазорнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи“ [2]). Членскій взносъ опредѣлялся не менѣе 25-ти рублей.

При утвержденіи устава Общества 19-го января 1812 года, ему было объявлено Монаршее благоволеніе, а Императрица Марія, въ рескриптѣ на имя губернскаго предводителя дворянства, высказала пожеланіе, чтобы „всѣ начинанія Общества на пользу страждущаго человѣчества увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ“ [3]).

Такъ какъ въ понятіе о призрѣніи входило тогда дѣло воспитанія и обученія юношества и въ особенности юношества женскаго пола, то одною изъ первыхъ заботъ новаго Общества, еще до оффиціальнаго его открытія, явилась забота объ удовлетвореніи этой потребности. Оно стало опредѣлять на свой счетъ мальчиковъ въ существовавшій тогда въ Харьковѣ при губернской гимназіи пансіонъ; но для дѣвочекъ не только въ Харьковѣ, а и въ сосѣднихъ съ нимъ губерніяхъ, не было въ то время ни одного общественнаго учебнаго заведенія [4]). На это обратилъ вниманіе одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества благотворенія, извѣстный впослѣдствіи малороссійскій писатель и общественный дѣятель, Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко. По его предложенію, Общество сначала открыло въ своемъ помѣщеніи школу, въ которую набирали дѣвочекъ „прямо съ моекъ и съ улицы“;

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1812, январь.

[2]) „Вѣстн. Европы“, 1811, декабрь.

[3]) „Украинскій Вѣстникъ“ на 1816 г. Харьковъ. Ч. I.

[4]) *Щелковъ*. Историко-статистическій опытъ. Харьковъ. 1881, стр. 44.

ихъ безплатно обучалъ учитель гимназіи. Скоро стали поступать въ Общество просьбы бѣдныхъ дворянъ о принятіи ихъ дочерей въ школу. Тогда она была переведена въ особый домъ, на которомъ сдѣлали надпись: „Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ Общества благотворенія" [1]).

Общество было оффиціально открыто лишь 29-го апрѣля 1812 года, и въ первомъ же своемъ засѣданіи объявило, что, „сверхъ другихъ распоряженій къ облегченію участи неимущихъ, оно обратило вниманіе и на дѣвицъ благородныхъ фамилій, по бѣдности лишенныхъ способовъ къ полученію образованія, приличнаго званію ихъ. Посему, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, и рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый случай двадцати дѣвицъ дворянскихъ фамилій изъ бѣднаго состоянія" [3]).

Сначала предполагалось воспитывать по двѣ дѣвицы изъ каждаго уѣзда харьковской губерніи. Съ этою цѣлью была открыта между дворянами подписка, по которой собрано 7.000 р.; этими деньгами Квитка и разсчитывалъ покрыть первоначальные расходы по институту. Тогда же было испрошено Высочайшее соизволеніе на его учрежденіе и на назначеніе Совѣта для управленія имъ. Самый актъ открытія института былъ подписанъ 27-го іюля 1812 года, въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи [3]).

Основывая женскіе институты, Императрица Марія не давала имъ уставовъ, предполагая, вѣроятно, что предназначенные для дворянъ должны быть устроены по образцу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а для мѣщанъ — по образцу мѣщанскаго училища при Обществѣ. Но харьковское Общество благотворенія составило для своего института и уставъ. Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся, чуть ли не въ первый разъ съ основанія русскаго государства, съ инціативой самого русскаго общества въ дѣлѣ женскаго образованія, и изъ составленнаго Обществомъ благотворенія устава знакомимся съ взглядами тогдашнихъ наиболѣе образованныхъ людей на воспитаніе и обученіе, какое должна получать женщина, на отрасли дѣятельности, какія признавались въ то время ей доступными, а также на отношеніе къ ней самого общества.

Мѣстами, главнымъ образомъ въ томъ, что касается правилъ воспитанія, уставъ харьковскаго Общества цѣликомъ взятъ изъ

---

[1]) *Щелковъ*, стр. 45.

[2]) Уставъ Института, учрежденнаго въ 1812 г. Совѣтомъ харьковскаго Общества благотворенія для воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣвицъ (Арх. IV отд.).

[3]) *Щелковъ*, 47.

устава Бецкаго; но въ немъ есть и отступленія отъ послѣдняго.

Харьковскій институтъ предназначался преимущественно для дворянъ, но въ него могли поступать и оберъ-офицерскія дѣти. Воспитанницы должны были оставаться въ институтѣ до замужества или „по полученіи достаточнаго образованія отпускаться въ благородные домы для обученія дѣтей, или къ родителямъ“. Общія распоряженія по институту были возложены на Совѣтъ; „но поелику—сказано въ уставѣ—правилами Общества предписано Совѣту имѣть свои засѣданія только разъ въ недѣлю“, то для непосредственнаго управленія институтомъ полагались попечитель и главная начальница; первому ввѣрялась хозяйственная и учебная часть, послѣдней — внутреннія распоряженія. Попечитель и главная начальница избирались Обществомъ и должны были засѣдать въ Совѣтѣ; поэтому, какъ члены Совѣта, они не получали жалованья. Каждый мѣсяцъ одинъ изъ членовъ Совѣта „по сношеніи въ томъ съ начальницею и попечителемъ“, долженъ былъ осматривать институтъ и доносить обо всемъ Совѣту, ибо Совѣтъ, „имѣя главное управленіе по дѣламъ Общества, обязанъ оному отчетомъ“ (§ 4). Отъ Совѣта зависѣло опредѣленіе и увольненіе служащихъ, которыхъ главная начальница и попечитель могли представлять ему, но „изъясняя при этомъ мотивы къ ихъ назначенію“. Кромѣ главной начальницы была еще другая начальница, служившая за вознагражденіе (1.000 р. асс. въ годъ).

Отличіе харьковскаго устава отъ устава Бецкаго относительно управленія институтомъ выразилось въ томъ, что не начальница, даже главная, была поставлена во главѣ заведенія, какъ это было во всѣхъ институтахъ, а напротивъ, ея роль была ограничена лишь внутренними распоряженіями; она не должна была вѣдать ни хозяйственной, ни учебной части заведенія; эти части были ввѣрены попечителю, избираемому Обществомъ.

Другое отличіе харьковскаго устава отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ, основанныхъ Императрицею Маріею правилъ, заключалось въ способѣ удостовѣренія въ правѣ на помѣщеніе той или другой дѣвочки. Въ столичные институты дѣти принимались по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ предводителями дворянства губерній. По харьковскому уставу (§ 2), на томъ основаніи, что институтъ предназначенъ для бѣдныхъ, „особые господа корреспонденты должны съ величайшею точностью освѣдомляться о состояніи тѣхъ, которыя желаютъ быть помѣщены“; они же должны были выдавать свидѣтельства по установленной формѣ. Только тамъ, гдѣ у Общества благотворенія не было корреспондента,

свидѣтельства могли выдаваться предводителями дворянства того уѣзда, въ которомъ жили родители дѣвочки.

Число воспитанницъ въ уставѣ не было опредѣлено, а должно было зависѣть отъ Совѣта „сообразно суммѣ и обстоятельствамъ". Дѣти принимались не моложе семи и не старше десяти лѣтъ.

Кромѣ даровыхъ воспитанницъ, содержимыхъ Обществомъ благотворенія, уставомъ допускались не только пенсіонерки, но — „дабы заведеніе сіе сдѣлать болѣе общественнымъ и облегчить способы къ содержанію института"—и полупенсіонерки, и даже приходящія. Это было существеннымъ отступленіемъ отъ принятой въ институтахъ, при ихъ основаніи, строго закрытой системы воспитанія, существовавшей уже почти полстолѣтія. Плата за пенсіонерку полагалась 500 р. въ годъ и кромѣ того каждая пенсіонерка должна была принести съ собою „запасъ бѣлья, платья, зимняго и лѣтняго, постель, книги, карандаши, матеріалы для рукодѣлія, серебряную ложку, пару ножей, 6 салфетокъ и къ тому еще чѣмъ заблагоразсудятъ родственники снабдить ее" [1]). Все это при выпускѣ воспитанницы возвращалось ей обратно.

Плата за полупенсіонерку не опредѣлялась уставомъ, а полагалась „по состоянію поручающихъ". Съ желающихъ обѣдать уставъ назначалъ „кромѣ за ученье еще 100 р. въ годъ... Въ великой бѣдности позволяетъ Совѣтъ приходить для ученья даромъ".

Очень важное отступленіе отъ существовавшихъ во всѣхъ институтахъ правилъ заключалось и въ допущеніи харьковскимъ уставомъ пенсіонерками и полупенсіонерками дочерей „и изъ купечества и другихъ званій кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго происхожденія" (Прим. къ § 6). Изъ того, что въ харьковскій институтъ допускались полупенсіонерки и даже приходящія, видно, что, по намѣреніямъ дворянства, институтъ долженъ былъ быть заведеніемъ не вполнѣ закрытымъ; но родители штатныхъ воспитанницъ обязывались уставомъ давать удостовѣреніе не только въ томъ, что они, отдавая свою дочь по доброй волѣ, „видя будущую дочерямъ пользу", ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ее, до окончанія наукъ, не будутъ; но, по желанію, они могли „препоручать дочерей въ Опеку Совѣта на всегда".

Система воспитанія харьковскаго устава ближе подходила къ системѣ Бецкаго, нежели къ той, какая постепенно установилась въ институтахъ, основанныхъ Императрицею Маріею. Въ обращеніи съ дѣтьми начальствующимъ лицамъ предписывалось, часто

---

[1]) Уставъ харьковскаго института, глава: Пенсіонерки.

въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ уставѣ Бецкаго, соблюдать кротость, благоразуміе и пр. Однакожъ харьковскій уставъ допускалъ и наказанія: лишать провинившихся прогулокъ съ другими воспитанницами, ставить въ уголъ и на колѣни, за особымъ столомъ, одѣвать въ штрафное платье. Правда, кромѣ этихъ, перечисленныхъ въ уставѣ, наказаній, другихъ, при обыкновенныхъ винахъ не полагалось и это даже прямо выражено: „больше сего нельзя безъ позволенія начальницы“; но допускалась другая, рѣшительная мѣра—исключеніе изъ института, „буде въ теченіе времени усмотрѣно будетъ, что которая нибудь изъ воспитанницъ, по тупости ума и понятію, окажется неспособною къ ученію наукамъ и рукодѣліямъ, или, что болѣе всего, не будетъ благонравна“. Исключеніе изъ института предоставлялось Совѣту „по совершенномъ удостовѣреніи“ въ томъ, что представленіе начальницы о такихъ свойствахъ той или другой воспитанницы справедливо.

Сношенія и даже разговоры съ служащими, также какъ и въ уставѣ Бецкаго, запрещались харьковскимъ уставомъ; но въ послѣднемъ, къ мотивамъ такого запрещенія, „что служащіе всегда бываютъ люди необразованные и грубые“, прибавлено, что надо дѣйствовать съ воспитанницами осторожно, „чтобы не поселить въ нихъ унижающихъ человѣка мыслей. Должно поселить въ нихъ о семъ понятіе справедливое, т.-е. что отъ обращенія съ ними (служащими) непримѣтнымъ образомъ займутъ у нихъ пріемы въ выговорѣ и обращеніи, которое отъ необразованности ихъ весьма несходно съ благовоспитанными людьми и потому неприлично и нетерпимо въ обществѣ, для котораго онѣ приготовляются“. Рядомъ съ этимъ, уставъ предписываетъ внушать воспитанницамъ, что „служители отъ вольнаго съ ними обращенія теряютъ къ намъ уваженіе, дѣлаются непослушны, а симъ заставляютъ насъ иногда терять терпѣніе и раздражаютъ насъ противъ себя“. Смотрительницамъ предписывалось не только не бранить служащихъ, но и не дѣлать имъ выговора при дѣтяхъ, „чтобы не пріучить ихъ къ грубому обращенію съ подчиненными“.

Вотъ какая путаница во взглядахъ на отношенія къ служащимъ, обусловленная вѣковою привычкой крѣпостного права, существовала тогда у лучшихъ даже людей, къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ Квитка. Такимъ образомъ, высказываясь противъ сословности и противъ строго закрытой системы воспитанія, харьковское дворянское общество отступало отчасти и отъ строго гуманныхъ началъ, положенныхъ Екатериною въ основаніе воспитанія русскаго юношества, и въ этомъ придерживалось той системы, которая во-

дворилась послѣ смерти Екатерины не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Образованіе воспитанницъ института было обусловлено въ уставѣ цѣлью, для которой онѣ предназначались; эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы дѣвицамъ „дать образованіе и нужныя въ обществѣ познанія, посредствомъ коихъ, по выпускѣ изъ института, могли бы онѣ опредѣлятьcя въ домы помѣщиковъ учительницами къ дочерямъ ихъ и въ случаѣ необходимости собственными трудами доставлять себѣ пропитаніе" [1]). Нужныя, по мнѣнію составителей устава, для этой цѣли науки были слѣдующія: законъ Божій, грамматическое знаніе русскаго языка въ чтеніи и письмѣ; ариѳметика, нужныя свѣдѣнія изъ географіи, исторіи, священной, всеобщей, отечественной и естественной; часть риторики. При преподаваніи закона Божія предписывалось „воздерживаться отъ всякихъ тонкихъ изслѣдованій о догматахъ... Въ правоученіи — сказано въ уставѣ — покажетъ священникъ общія должности человѣка и въ особенности должность женскаго пола во всѣхъ его отношеніяхъ". Ариѳметика должна была преподаваться преимущественно исчисленіями „въ головѣ", на примѣрахъ изъ „ежедневно случающихся въ жизни". Правила грамматики должны были изучаться практически при правописаніи. „Изъ географіи—сказано въ уставѣ — кромѣ русской, не будетъ особо преподаваться; но прежде чѣмъ начать исторію, слѣдуетъ дать понятіе о земномъ шарѣ и границахъ главнѣйшихъ городовъ, о горахъ и рѣкахъ разныхъ государствъ". Естественная исторія и физика „открываютъ величество и премудрость Творца и избавляютъ умъ человѣческій отъ суевѣрія; поэтому надо стараться, чтобы посредствомъ ихъ дѣвицы пріобрѣли достаточныя свѣдѣнія о всѣхъ естественныхъ дѣйствіяхъ: громѣ, молніи, дождѣ и пр.".

Достойно вниманія, что иностранные языки, которые въ образованіи женщины играли первенствующую роль при Императрицѣ Маріи, еще пожалуй болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ, не входили въ программу, составленную харьковскимъ дворянствомъ для института. Эти языки, сказано въ уставѣ, „не назначаются... но еслибы замѣчена была у какой-нибудь воспитанницы склонность къ языкамъ иностраннымъ, то преподаваніе ихъ также необходимо для цѣли ихъ воспитанія".

Относительно ученія вообще, харьковское дворянство, раздѣляя взглядъ Екатерины, что въ воспитанницахъ „надо посе-

[1]) Уставъ харьк. и. Часть 2-я. О воспитаніи вообще.

лить любовь къ ученію", къ этому прибавило: „и понятіе, что успѣхи въ ономъ суть единственные способы къ основанію и утвержденію ихъ благосостоянія".

Изъ искусствъ воспитанницы харьковскаго института должны были обучаться: рисованію, преимущественно узоровъ, и „на женскихъ рукодѣліяхъ", музыкѣ и танцамъ. Необходимость двухъ послѣднихъ въ уставѣ объяснена тѣмъ, что „во многихъ отношеніяхъ правильное познаніе сихъ есть необходимость для дѣвицъ и сообразно цѣли ихъ воспитанія".

Рукодѣлія признаны нужными для воспитанницъ и въ тѣхъ видахъ, что „бездѣйствіе и неохотность къ рукодѣліямъ рождаетъ многія и великія зла для женскаго пола". Кромѣ того, работы воспитанницъ — при чемъ дозволялось брать и заказы — должны были продаваться „съ аукціона во время Крещенской и Успенской ярмарокъ". Часть выручки поступала въ капиталъ Общества благотворенія.

Закону Божію долженъ былъ обучать священникъ, а наукамъ, искусствамъ, рукодѣліямъ и „внутреннему" хозяйству—учительницы, и только въ случаѣ если таковыхъ „для наукъ и искусствъ неудобно будетъ отыскать", то будутъ приглашаемы учителя, „извѣстно нравственные и способные для такого образованія". Въ примѣчаніи къ этому параграфу устава сказано, что „надо стараться, чтобы учительницами были воспитанницы Общества, за жалованіе и содержаніе съ ихъ согласія и опредѣленія на сколько времени намѣрены пробыть въ должности. Сіе должно разумѣть о такихъ воспитанницахъ, коимъ не представится случай опредѣлиться въ домъ или выйти замужъ".

Въ уставѣ харьковскаго Общества не забыта и наука, продолжавшая существовать, и даже развиваться, въ женскихъ институтахъ и послѣ Екатерины, именно „развязность въ обращеніи". Чтобы придать воспитанницамъ такую развязность, въ уставѣ указывалось то же средство, какое было при Екатеринѣ и послѣ нея—„праздничныя собранія для пріѣзжихъ почтенныхъ особъ. Кромѣ танцевъ, могутъ быть разыгрываемы драматическія піесы, приличныя полу и возрасту".

Полагались также каждый мѣсяцъ испытанія, при чемъ успѣхи воспитанницы должны были обозначаться числомъ полученныхъ ею шаровъ, особо „на каждую науку, для благонравія и успѣха въ рукодѣліяхъ", и кромѣ того ежегодныя публичныя испытанія при „почтенныхъ особахъ въ городѣ". Награды отъ Совѣта—и „могутъ быть отъ благотворителей" — полагались: одинъ серебряный знакъ съ надписью: „за прилежность"; этотъ знакъ — сказано въ

уставѣ—„носится всегда въ институтѣ и въ публикѣ“, книги, похвальные листы, ноты, картины и пр. Раздача ихъ должна была происходить при торжественномъ собраніи Общества благотворенія. Воспитанницы, „получившія отличія и черезъ то должное почтеніе отъ своихъ подругъ“, должны были „и отъ начальницъ своихъ отличаемы въ обращеніи“. Это уставъ признаетъ „весьма справедливымъ“.

Физическое воспитаніе въ будущемъ институтѣ предполагалось въ томъ, что „всякая излишняя нѣга должна быть изгнана“. Пища полагалась простая, но сытная; одежда воспитанницъ должна была состоять изъ двухъ вседневныхъ платьевъ и одного воскреснаго, собственной работы, также какъ чулки и бѣлье. Уставомъ „строжайше запрещались узкія платья и обувь, тугія завязки и шнурованье, какъ весьма вредныя“. Предписывались также увеселенія и вообще требовалось отъ начальствующихъ лицъ „не допускать, чтобы воспитанницы являли унылый видъ (признакъ меланхолическаго сложенія) съ угрюмымъ молчаніемъ и задумчивостью“. Въ числѣ мѣръ для физическаго воспитанія и чистоты уставъ счелъ нужнымъ высказать требованіе, чтобы воспитанницы „мыли руки до локтей, головы чесали“ и т. п.

Предоставляя на волю родителей отдать Обществу благотворенія свою дочь *навсегда*, оно черезъ Совѣтъ института брало на себя заботу о будущности такихъ дѣвицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полную опеку надъ ними. Самою желанною цѣлью при этомъ у Совѣта, какъ и у родителей, было—выражаясь тогдашнимъ языкомъ—„вступленіе въ супружество“. Этому предмету посвящена въ харьковскомъ уставѣ особая глава [1]). Желающій жениться на воспитанницѣ долженъ былъ подать прошеніе институтскому Совѣту, который, „вникнувъ въ состояніе и разсмотрѣвъ нравственность и положеніе дѣлъ его, даетъ свое согласіе“. Если бы даже предложеніе бывшей воспитанницѣ института выйти замужъ было сдѣлано уже тогда, когда она помѣщена Совѣтомъ въ помѣщичій домъ, то „содержащіе ее увѣдомляютъ Совѣтъ съ своимъ удостовѣреніемъ о состояніи, нравственности и обстоятельствахъ жениха“. Если женихъ признанъ Совѣтомъ подходящимъ, то невѣстѣ, по уставу, назначается и приданое: три сорочки, чулки, башмаки, шипель, платки, платья, носимыя въ институтѣ и подаренныя благотворителями въ институтѣ вещи. „Можетъ быть и денежное вознагражденіе — прибавляетъ уставъ, — если сумма Общества благотворенія будетъ достаточна“. Воспитанницѣ пре-

---

[1]) Гл. XIV: О воспитанницахъ, выходящихъ въ замужество.

доставлялось на выборъ оставить деньги Совѣту для приращенія ихъ процентами (по 10%) или „и вовсе въ пользу Общества". При отпускѣ изъ института, воспитанницамъ должны были выдаваться Совѣтомъ свидѣтельства, „дабы въ нещастныхъ случаяхъ (отъ которыхъ да сохранитъ Богъ каждую воспитанницу Общества!) Совѣтъ, яко попечитель всѣхъ бѣдныхъ, прибѣгающихъ подъ покровительство его, а тѣмъ болѣе обязанный вспомоществовать сиротамъ имъ призрѣваемымъ, могъ давать ей пособіе, если только она благонравнымъ и добрымъ поведеніемъ будетъ заслуживать вниманіе онаго".

Кромѣ выдачи замужъ, Совѣтъ бралъ на себя попеченіе о томъ, чтобы пристроить воспитанницъ послѣ окончанія ими институтскаго курса. Въ то время единственнымъ поприщемъ для воспитанной и образованной дѣвушки было воспитаніе дѣтей, т.-е. она могла идти въ гувернантки. На это и были направлены заботы Совѣта, тѣмъ болѣе, что это поприще гувернантки въ помѣщичьихъ домахъ, въ видахъ обоюдной выгоды сторонъ, составляло одну изъ главныхъ цѣлей учрежденія института. Поэтому въ его уставѣ подробно изложено все относящееся къ этой обязанности Совѣта. Имъ предписывалось [1]) объявлять заблаговременно черезъ гг. корреспондентовъ о срокѣ выпуска, а желающіе пригласить воспитанницу въ свой домъ должны были за мѣсяцъ до его наступленія присылать Совѣту свои заявленія. Уставъ давалъ послѣднему такое неограниченное право опеки надъ воспитанницами, что Совѣтъ могъ не отпустить дочь въ домъ даже такихъ родителей, которые при отдачѣ ея заявили Совѣту, что по окончаніи курса возьмутъ дочь къ себѣ. „Ибо — сказано въ уставѣ—нерѣдко бываетъ, что поведеніе родителей, и всего болѣе по причинѣ бѣдности не имѣвшихъ правильнаго понятія о благонравіи, служитъ поводомъ къ развращенію молодой и неопытной дѣвицы".

При помѣщеніи воспитанницы въ чужой домъ, уставъ обязывалъ Совѣтъ относиться къ своимъ дѣйствіямъ еще строже. „Члены Совѣта, принявшіе на себя попеченіе объ устроеніи судьбы и щастія воспитанницъ сиротъ и въ исполненіе сего обязанные дать отчетъ Богу, человѣчеству, обществу и совѣсти своей, имѣютъ неограниченное право согласиться на желаніе просящихъ къ себѣ въ домъ воспитанницу или и вовсе отказать не объясняя никому причинъ, которыхъ никто и требовать не можетъ". Разсмотрѣвъ просьбу желающаго взять къ себѣ въ домъ воспитан-

[1]) Уставъ: О воспитанницахъ, выпускаемыхъ въ домы помѣщиковъ.

ницу „непремѣнно при главной начальницѣ, корреспондентахъ, въ Харьковѣ находящихся, и кого еще Совѣтъ пригласитъ“, онъ заключалъ и условія, въ которыхъ опредѣлялось: на сколько лѣтъ поступаетъ воспитанница, для какихъ именно занятій, „потому что—говорится въ уставѣ—цѣль, для которой воспитаны дѣвицы въ институтѣ, есть ученіе и образованіе“, плата ей слѣдуемая и даже „обращеніе, на которое имѣетъ право всякая благородная дѣвица“. Въ числѣ условій, на которыхъ долженъ былъ настаивать Совѣтъ, было то, чтобы воспитанница имѣла общій столъ „съ господами“ и была достаточно спабжена ими платьемъ и бѣльемъ. Вещи воспитанницы по ея выпускѣ должны были оставаться въ институтѣ, а берущіе ее къ себѣ въ домъ были обязаны спабдить ее платьемъ и „всѣмъ на первый разъ нужнымъ“. Еслибы взявшіе къ себѣ воспитанницу стали притѣснять ее, то она имѣла право обратиться за защитою къ главной начальницѣ института или къ одному изъ членовъ Совѣта. Въ случаѣ же еслибы ею были недовольны, то пригласившіе къ себѣ воспитанницу „увѣщеваютъ ее и имѣютъ право отнестись въ Совѣтъ или къ корреспонденту того уѣзда; если и это не поможетъ, то корреспондентъ доноситъ Совѣту, который назначаетъ время для исправленія и снова печется объ устроеніи ея. Если же она окажется неисправимою, тогда Совѣтъ исключаетъ ее изъ имѣющихъ право на попеченіе и призрѣніе Общества... Но да не накажетъ Богъ — прибавляетъ уставъ — таковымъ ожесточеніемъ ни одной изъ сиротъ, воспитанныхъ Обществомъ въ страхѣ Божіемъ, благонравіи и скромности!“

Все содержаніе института, по приложенному къ уставу штату, должно было обходиться въ 14.104 рублей въ годъ. Начальницѣ назначалось годовое жалованье 800 руб. и 200 р. на столъ; смотрительницѣ—500 р. жалованья и 100 р. на столъ. Учителей полагалось пять: одинъ—закона Божія и священной исторіи; одинъ—всеобщей исторіи и географіи; одинъ—россійской словесности; одинъ—ариѳметики и одинъ—рисованія. На вознагражденіе всѣхъ пятерыхъ было опредѣлено 1.000 р. въ годъ. На столъ воспитанницамъ было положено по 25 коп. въ день на каждую; на одежду—по 29 руб. 50 к. въ годъ, кромѣ бѣлья, корсетовъ и обуви.

Передъ самымъ открытіемъ института, въ Харьковъ пришло извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву; не смотря на это, институтъ былъ открытъ 10-го августа 1812 года.

Средства Общества благотворенія вообще были не блестящи. Хотя при его основаніи записались членами очень многіе дворяне не только харьковской, а и другихъ губерній, но членскіе

взносы поступали неисправно и съ перваго же года за многими накопилась недоимка. Какъ ни старались предводители дворянства разныхъ губерній привлечь въ члены Общества возможно большее число лицъ, и не смотря на то, что въ числѣ корреспондентовъ были и вице-губернаторы, приглашавшіе дворянъ къ пожертвованіямъ въ пользу Общества, у него въ 1816 г. было всего 49 членовъ, вносившихъ по 25 рублей въ годъ. Изъ нихъ только пять приходилось на харьковскую губернію, тридцать было въ черниговской, семь въ екатеринославской и пять въ разныхъ другихъ [1]). За то были члены, вносившіе по 300 и по 500 р. въ годъ; въ числѣ этихъ „именитыхъ“ членовъ былъ графъ Каменскій, портретъ котораго, вмѣстѣ съ портретомъ Демидова, вносившаго за своихъ пенсіонерокъ по 1.000 р. въ годъ, былъ поставленъ въ залѣ собранія. Въ числѣ членовъ Общества былъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Репнинъ и его жена, бывшая предсѣдательница женскаго патріотическаго Общества въ Петербургѣ; они вносили вмѣстѣ 350 р. въ годъ. Весь доходъ собственно Общества въ 1816 году составлялъ 4.355 рублей.

Но у института, кромѣ пособія отъ Общества, были и свои источники доходовъ, составлявшіеся изъ платы за пенсіонерокъ и отъ продажи работъ воспитанницъ; всѣхъ этихъ средствъ было однако такъ мало, что существованіе института казалось на первыхъ же порахъ невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ держался пять лѣтъ, благодаря тому, что профессора университета и учителя гимназіи преподавали даромъ, а нужныя для покрытія неотложныхъ издержекъ суммы—Квитка, которому съ самаго начала было ввѣрено главное управленіе институтомъ, давалъ изъ своихъ средствъ, истративъ на это почти все свое состояніе [2]).

Главною начальницею была избрана жена богатаго харьковскаго помѣщика, Щербинина, а смотрительницею приглашена одна изъ надзирательницъ московскаго Воспитательнаго Дома. Членъ Совѣта, протоіерей Башинскій, завѣдывалъ учебной частью и преподавалъ Законъ Божій; въ числѣ учителей были студенты харьковскаго университета; они, какъ и другіе учителя, преподавали даромъ, о чемъ Совѣтъ института просилъ Правленіе университета довести до свѣдѣнія управляющаго министерствомъ на-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ отчетовъ харьковскаго Общества благотворенія, печатавшихся въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, однимъ изъ издателей котораго, до 1817 г., былъ Квитка, бывшій въ то же время правителемъ дѣлъ Общества.

[2]) *Щелковъ*. 48. - *Бѣликовъ*. Біографія Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко. „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“: Столѣтній юбилей 18 ноября 1878 г.

роднаго просвѣщенія; но за то учителя посвящали институту лишь свободное отъ другихъ занятій время.

Въ отчетахъ, которые харьковское Общество представляло министерству полиціи и печатало не только въ мѣстныхъ, но и въ столичныхъ изданіяхъ, „Сынѣ Отечества" и „Вѣстникѣ Европы", Квитка всячески старался заинтересовать русское общество судьбою института. Въ этихъ видахъ онъ помѣщалъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" извѣстія, касавшіяся внутренней жизни института и однажды, въ видѣ примѣра искренности и добродушія воспитанницъ, напечаталъ цѣликомъ записку, которую одна изъ нихъ, будучи дежурною, представила смотрительницѣ: „обѣдъ — писала дежурная — состоялъ по обыкновенію изъ трехъ блюдъ: борщу, каши и жаркого; но хорошо ли было кушанье изготовлено, или въ чемъ былъ недостатокъ, не могу здѣлать своихъ замѣчаній, потому что, за слабое знаніе урока, была я въ тотъ день безъ обѣда". Къ этому Квитка отъ себя прибавляетъ: „вообще сіи записки отличаются точностію, желаніемъ вникать во все и успѣть въ правильномъ изложеніи своихъ мыслей" [1]). Кромѣ хозяйства, старшихъ воспитанницъ пріучали и къ уходу въ лазаретѣ за больными, „дабы пріучить ихъ къ состраданію и Евангельской Добродѣтели помощи болящимъ".

Въ 1816 году былъ первый выпускъ воспитанницъ изъ харьковскаго института. Обыкновенно публичный экзаменъ происходилъ въ іюнѣ; но, по случаю выпуска, экзаменъ 1816 года былъ отложенъ до осени, когда съ наступленіемъ ярмарки въ Харьковъ съѣзжалось дворянство губерніи и въ это же время бывало общее собраніе Общества благотворенія. Экзаменъ 1816 года былъ обставленъ большою торжественностью; на него былъ приглашенъ губернаторъ, также квартировавшіе въ городѣ генералы съ женами и другія городскія дамы. До открытія Собранія посѣтителямъ показывали рисунки, прописи и рукодѣлія воспитанницъ. Собраніе открылось симфоніею, во время которой вошли въ залу воспитанницы. Одна изъ нихъ произнесла рѣчь съ изъявленіемъ благодарности Обществу; затѣмъ, при звукѣ трубъ и литавръ, были розданы воспитанницамъ награды, а смотрительницѣ врученъ подписанный членами Общества листъ съ благодарностью за ея труды по институту. Послѣ того начался, какъ это бывало и въ прежніе годы, аукціонъ рукодѣлій воспитанницъ; за вещь, объявленная цѣна которой была лишь пять рублей, платили по

---

1) „Укр. В.", мартъ, 1816.

100 и по 200 рублей; всего было выручено 2.024 р. Торжество закончилось баломъ для воспитанницъ.

Въ этомъ первомъ выпускѣ кончили курсъ всего три воспитанницы. Свѣдѣнія о нихъ были напечатаны въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ еще въ маѣ. Рядомъ съ фамиліею каждой были помѣщены сообщенія о томъ, какія имъ были даны „за успѣхи въ наукахъ, кротость и отличное благонравіе“ награды и въ предшествовавшіе года. О первой было сказано, что въ 1813 году она получила въ награду званіе воспитанницы Демидова, въ 1814 г.—серебряный знакъ отличія, въ 1815 г.—такой же знакъ и 50 рублей. Вторая получила въ 1814 году книгу, а въ 1815—золотой, въ два червонца, знакъ отличія съ надписью: „за прилежаніе“; третья, въ 1814—книгу, въ 1815—50 рублей. Вмѣстѣ съ объявленіемъ о выпускаемыхъ воспитанницахъ, было напечатано и приглашеніе желающимъ взять ихъ къ себѣ въ домъ; „всѣ три—сказано въ приглашеніи —обучены и могутъ обучать закону Божію, священной исторіи, россійской грамматикѣ, ариѳметикѣ, всеобщей и россійской географіи, также риторикѣ, рисованію, особенно разнаго рода женскимъ искусствамъ и рукодѣліямъ, и, наконецъ, танцованію“.

Въ своемъ желаніи какъ можно лучше устроить первыхъ выпускаемыхъ изъ института воспитанницъ, Квитка напечаталъ отъ редакціи „Украинскаго Вѣстника“ большую статью, въ которой доказывалъ богатымъ помѣщикамъ, какъ имъ самимъ выгодно взять къ себѣ въ домъ именно такую воспитанницу и „пристроить ее потомъ къ приличному мѣсту“.—„Часто случается—говорилъ онъ [1]), —что такъ называемыя любимицы-воспитанницы въ какомъ-нибудь домѣ берутся изъ низкаго состоянія и даже изъ собственныхъ крестьянъ. Онѣ не всегда, во-первыхъ, отвѣчаютъ своими успѣхами тѣмъ попеченіямъ, каковыя употребляются для нихъ, потому что ихъ природа, сколь бы ни была она гибка и удобообразуема, всегда оставляетъ слѣды прежней своей низкой участи... Во вторыхъ, нерѣдки случаи, какой въ „Вѣстникѣ Европы“ 1809 года подъ названіемъ *Печальное происшествіе* описанъ“. Сославшись также на помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ другую замѣтку, „весьма справедливую“, Г. Ж. о фаворитахъ, гдѣ говорится о томъ, „зачѣмъ показывать цѣну благополучія образованія, когда нѣтъ возможности дать имъ наслаждаться“, Квитка продолжаетъ: „Воспитанница, по происхожденію благородная, по бѣдности, въ которой она прежде находилась, только можетъ быть ограничила

---

[1]) „Укр. Вѣстн.“, 1816, май.

и, такъ сказать, стѣснила чувство ея благородства, а не истребила; слѣдовательно какое бы состояніе по своему достатку ни избрала для нея благодѣтельница, она не испортитъ низостью чувствъ, а возвыситъ и украситъ его собою".

Всего за первые четыре года, съ 1812 по 1816, въ институтѣ, кромѣ 20-ти штатныхъ воспитанницъ, было еще 40 пенсіонерокъ, изъ которыхъ 28 на полномъ содержаніи, 6 полупенсіонерокъ и 6 приходящихъ. Полученная отъ нихъ плата составляла 4.145 р.; все содержаніе института обошлось въ послѣдній, 1816 годъ, когда въ первый разъ было полное число воспитанницъ, въ 11.000 рублей.

Послѣ перваго выпуска многіе родители заявили желаніе отдать своихъ дочерей въ институтъ, не смотря на то, что съ 1816 г. плата за пенсіонерокъ была повышена съ 250 до 300 рублей въ годъ. Но по тѣснотѣ помѣщенія можно было принять только 15. Сообщая объ этомъ въ отчетѣ, напечатанномъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" [1]), Квитка извѣщалъ, что съ нынѣшняго (1816) года, вслѣдствіе повышенія платы за наемъ помѣщенія для института, онъ присмотрѣлъ подходящій недорогой домъ, на покупку котораго уже сталъ собирать по подпискѣ деньги. Хотя къ 1816 году у института былъ капиталъ въ 21.273 р. 99 к.; но изъ него 8.766 р. были даны въ ссуду и въ срокъ не возвращены; 3.000 р. также были отданы въ заемъ подъ залогъ ручныхъ вещей, а 9.429 р. $25^1/_2$ к. пришлось употребить на текущіе расходы по институту.

Въ концѣ года Совѣтъ купилъ землю и рѣшилъ съ будущей весны приступить къ постройкѣ на ней каменнаго зданія для института, ибо число своекоштныхъ воспитанницъ постоянно увеличивалось. Въ числѣ доводовъ въ пользу необходимости собственнаго для института дома Квитка указывалъ на то, что „выданная въ замужество одна изъ воспитанницъ въ теченіи одного мѣсяца имѣетъ уже довольно много ученицъ, обучаетъ ихъ всему, чему ее учили въ институтѣ, и Общество скоро будетъ имѣть удовольствіе видѣть, что воспитанница его приноситъ уже общую, предположенную пользу женскаго въ среднемъ состояніи пола" [2]).

Пожертвованій на домъ поступало мало; для этой цѣли и вообще для увеличенія средствъ института, Совѣтъ прибѣгалъ и къ такимъ средствамъ, какъ устройство любительскихъ концертовъ, продажа жертвуемыхъ сочиненій и т. п. Главную же свою

---

[1]) „Укр. В.", 1816, сентябрь.

[2]) „Укр. В.", 1816, декабрь.

надежду онъ возлагалъ на то, что „человѣколюбивый Монархъ, при первомъ дошедшемъ до него свѣдѣніи, дастъ институту способы умножить число воспитанницъ“ [1]).

Эта надежда была, по всей вѣроятности, вызвана тѣмъ, что въ іюнѣ 1816 года, проѣздомъ черезъ Харьковъ, посѣтилъ институтъ великій князь Николай Павловичъ. Подробности этого посѣщенія были помѣщены въ отчетѣ харьковскаго Общества и прочитаны на публичномъ собраніи членовъ его. По словамъ отчета, великій князь, осмотрѣвъ институтъ и принявъ поднесенный ему уставъ Общества, сказалъ: „подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ предѣлахъ пространной Россіи я не находилъ еще“ [2]). Совѣтъ воспользовался посѣщеніемъ великаго князя и прибѣгъ къ очень наивному способу высказать ему свою просьбу. Въ числѣ представленныхъ великому князю работъ воспитанницъ была пропись, на которой „въ простосердечныхъ выраженіяхъ изображено было одною изъ воспитанницъ желаніе, дабы и сей институтъ дѣвицъ, какъ всѣ въ обѣихъ столицахъ Россіи существующія подобныя заведенія, былъ принятъ подъ благодѣтельное покровительство Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Матери всѣхъ Россіянокъ“. Прочитавъ эту пропись, великій князь, по словамъ отчета, улыбнулся и сказалъ предсѣдателю Совѣта: „жаль, что Она находится далеко отселѣ; я присовокупилъ бы мою прозьбу и надѣялся бы услышать исполненіе. Впрочемъ, тотчасъ буду писать о семъ“.

Обнадеженный этимъ дважды повтореннымъ обѣщаніемъ Николая Павловича, Совѣтъ въ слѣдующемъ году, когда въ Харьковъ ожидали прибытія самого государя, обратился въ своемъ отчетѣ къ нему со словами, въ которыхъ высказывалъ желаніе имѣть возможность сказать ему: „мы насадили вертоградъ, въ коемъ пріуготовляются истинныя христіанки, вѣрныя супруги, чадолюбивыя матери, попечительныя хозяйки и имѣющія всѣ душевныя качества, свойственныя Россіянкамъ, подданнымъ Твоимъ. Призри на него и осчастливь его поруча Высокому покровительству Благословенной въ женахъ Августѣйшей Матери Твоей и довлѣетъ намъ“ [3]).

Желаніе Совѣта исполнилось: Александръ I посѣтилъ институтъ и принялъ отъ Совѣта поднесенный ему, вышитый воспитанницами, образъ, который приказалъ послать Императрицѣ

[1]) „Укр. В.“, 1816, сентябрь.

[2]) „Укр. В.“, 1816, іюнь.

[3]) „Укр. В.“, 1817, декабрь.

Маріи. Вмѣстѣ съ образомъ Совѣтъ представилъ ей и отчеты Общества при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „благородныя дѣвицы, въ бѣдности остающіяся, получаютъ черезъ воспитаніе и образованіе, приличное званію ихъ, ни съ чѣмъ несравненное щастіе; въ семъ же заведеніи и самые достаточные родители найдутъ средство образовать дочерей своихъ, какъ должно быть истиннымъ россіянкамъ". Въ отвѣтъ на это Императрица прислала Совѣту рескриптъ, въ которомъ извѣщала его, что „во изъявленіе вниманія къ трудамъ воспитанницъ" она приказала образъ „въ приличной оправѣ" отдать въ церковь петербургскаго училища ордена св. Екатерины. „Желая ознаменовать — сказано далѣе въ рескриптѣ — уваженіе къ человѣколюбивымъ занятіямъ харьковскаго Общества благотворенія и участіе, приемлемое въ благосостояніи учрежденнаго имъ полезнаго заведенія", Императрица поручила Совѣту избрать двухъ „самыхъ бѣдныхъ дѣвицъ, дочерей хорошо служившихъ чиновниковъ, одну— военнаго, другую — гражданскаго, а если такихъ не будетъ, то двухъ дѣвицъ одинаковаго званія"—ея пенсіонерками. Рескриптъ оканчивался словами: „Желая усердно сему полезному заведенію щастливаго успѣха и продолжительнаго благосостоянія, Я молю Всевышняго да благословитъ ревностные труды Совѣта на человѣколюбивые предмѣты всякаго рода обращаемые" [1]).

По полученіи этого рескрипта, Совѣтъ Общества рѣшилъ ходатайствовать передъ Императрицею о томъ, чтобы она приняла институтъ подъ свое покровительство. Отношеніемъ секретаря Императрицы, Вилламова, къ правителю дѣлъ Общества, Квиткѣ, послѣдній извѣщался, что прошеніе Совѣта Императрицѣ можетъ быть представлено лишь послѣ того, какъ Совѣтомъ будутъ приняты слѣдующія условія, на которыхъ Императрица согласится исполнить его просьбу: 1) такъ какъ институтъ „по самому существу не можетъ стоять въ одно время подъ начальствомъ Императрицы и подъ вѣдомствомъ Совѣта Общества благотворенія", то онъ долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ Общества, которое обязано отпускать институту назначенную на его содержаніе сумму; 2) для управленія институтомъ долженъ быть составленъ особый Совѣтъ, „стоящій единственно подъ начальствомъ Императрицы, которой и будетъ докладывать обо всѣхъ дѣлахъ и только отъ нея получать разрѣшенія". Квитка просилъ Вилламова представить на разрѣшеніе Императрицы еще нѣсколько вопросовъ, и 25-го февраля 1818 г. были получены на нихъ черезъ

[1]) „Укр. В.", 1817, ноябрь.

Вилламова отвѣты. Квитка спрашивалъ: 1) можно ли дворянству, составляющему Общество благотворенія, назвать институтъ „Маріинскимъ Харьковскимъ"? Отвѣтъ Вилламова: „Усердіе дворянства всегда Ея Величеству пріятно, но имени института мѣнять не надо"; 2) кѣмъ должны быть выбраны члены Совѣта: дворянствомъ или Обществомъ благотворенія, и по выбытіи ихъ должно ли дворянство вновь избирать членовъ, или представлять отъ Совѣта двухъ-трехъ кандидатовъ?—„Пусть дворянство выбираетъ и черезъ Совѣтъ института представляетъ кандидатовъ на Высочайшее утвержденіе"; 3) избрать главную начальницу или ждать назначенія ея Императрицею?—„Теперь главной начальницы быть не можетъ, а можетъ быть только начальница"; 4) такъ какъ институтъ содержится благотвореніемъ и у него нѣтъ еще капитала, на проценты съ котораго было бы можно содержать его, то для умноженія сего капитала и для сбора суммъ на постройку дома нельзя ли имѣть и почетныхъ членовъ Совѣта, утверждаемыхъ Императрицею, съ предоставленіемъ имъ права пользоваться институтскимъ мундиромъ по чинамъ и мѣстамъ, также правомъ голоса въ чрезвычайныхъ собраніяхъ Совѣта?—На это Вилламовъ отвѣтилъ, что, по ходатайству Императрицы, государь разрѣшилъ членамъ Совѣта, также учителямъ, носить мундиръ „по своимъ чинамъ какъ и въ другихъ заведеніяхъ"; Совѣтъ института долженъ состоять изъ предсѣдателя, трехъ дѣйствительныхъ членовъ и неопредѣленнаго числа почетныхъ „на такомъ основаніи, какъ университеты имѣютъ оныхъ"; почетными членами могутъ быть лица, сдѣлавшія значительныя пожертвованія институту; ихъ можно приглашать въ чрезвычайныя собранія: при публичныхъ испытаніяхъ, выпускахъ и пр.; но на дарованіе имъ права носить институтскій мундиръ государь не согласился.

По выясненіи всѣхъ подробностей, харьковское Общество благотворенія собралось въ чрезвычайномъ засѣданіи, на которомъ, выслушавъ волю Императрицы, постановило: составить, за подписью губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя Совѣта Общества А. Ѳ. Квитки, прошеніе Императрицѣ, въ которомъ и „повергнуть къ Ея стопамъ, что институтъ отдѣляется отъ Общества благотворенія и предается Высочайшему покровительству и начальству Ея Величества", а также представить на ея утвержденіе, избранныхъ въ этомъ же чрезвычайномъ засѣданіи, членовъ институтскаго Совѣта. Избраны были по жребію: предсѣдателемъ—харьковскій губернскій предводитель дворянства, подполковникъ А. Ѳ. Квитка, членами: харьковскій уѣздный предводитель дворянства, капитанъ Г. Ѳ. Квитка, совѣстный судья

поручикъ Лосевъ, для завѣдыванія учебной частью титулярный совѣтникъ Зарудный, „бывшій студентъ харьковскаго университета, вступившій въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ дворянъ при ономъ положенныхъ въ 1807 году и находящійся въ отставкѣ“ [1]).

22-го апрѣля 1818 г. Императрица утвердила Совѣтъ въ этомъ составѣ, поручивъ завѣдываніе хозяйственной частью Г. Квиткѣ, а учебною — Зарудному. Вмѣстѣ съ тѣмъ она повелѣла Совѣту еженедѣльно доносить ей объ „упражненіяхъ, прилежаніи и поведеніи воспитанницъ и о благосостояніи института“. Въ своихъ дѣйствіяхъ Совѣту предоставлено было руководствоваться прежнимъ уставомъ.

По полученіи Высочайшихъ повелѣній, Совѣтъ назначилъ торжественное открытіе института на 10-е мая. Были приглашены члены Общества благотворенія, начальство губерніи и всѣ „сословія города“ [2]). Это торжество описано въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“: „Въ 10 часовъ была совершена литургія, а потомъ молебствіе, среди коего Преосвященный, призывая на мѣсто сіе благость Вседержителя, привѣтствовалъ рѣчью членовъ Совѣта и юныхъ дѣвицъ. Изъ церкви, не смотря на дурную погоду, направился крестный ходъ въ институтскій домъ для водосвятія. Потомъ члены Совѣта и начальница собрались въ первое свое засѣданіе, которое предсѣдатель открылъ рѣчью къ посѣтителямъ. Прославляя Императрицу Марію, онъ указалъ на то, что настоящее событіе есть „щастливѣйшая и важнѣйшая эпоха въ существованіи Института“. Обращаясь затѣмъ къ присутствовавшимъ членамъ Общества благотворенія, состоявшимъ въ большинствѣ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдатель сказалъ: „Вы же, присутствуя здѣсь отъ лица всего представляемаго вами благороднаго дворянства нашей губерніи, насладитесь, какъ основатели сего человѣколюбиваго заведенія, сердечнымъ удовольствіемъ видя какіе плоды приносятъ пожертвованія ваши. А мнѣ, какъ представителю вашего знаменитаго, дѣйствительно благороднѣйшаго Дворянства Слободо-Украинской губерніи, позвольте именемъ всего человѣчества изъявить вамъ справедливо заслуженную благодарность за великій вашъ въ пользу его подвигъ“.

Приводя эту рѣчь, редакція „Украинскаго Вѣстника“ прибавляетъ: „а всѣ, смотря на воспитанницъ, думали: сіе-то святилище воспитанія для пола, къ нашему блаженству созданнаго,

---

1) „Укр. В.“ 1818, май.
2) Тамъ же.

послужитъ примѣромъ и образцомъ для другихъ странъ обширной Россіи... Радость всѣхъ присутствовавшихъ была столь велика, какъ будто бы праздновали они не начало, а полные успѣхи Благотворенія" [1]).

Безъ сомнѣнія, принятіе Императрицею Маріею подъ свое покровительство харьковскаго института было счастливѣйшимъ для него событіемъ; даже болѣе: не случись этого, институтъ пришлось бы закрыть по неимѣнію средствъ для его содержанія; особенно послѣ того, какъ въ 1817 году былъ учрежденъ институтъ въ Полтавѣ, при несравненно болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, нежели институтъ харьковскій, сочувствіе къ послѣднему дворянъ еще умалилось и трудно было ожидать, чтобы они поддержали его. Сознавая это, Совѣтъ Общества благотворенія въ своемъ отчетѣ за 1817 годъ высказалъ мысль, что „въ виду трудности пріискать въ краѣ учебныя пособія и учителей" было бы хорошо, еслибы все малороссійское дворянство соединило свои пожертвованія и основало бы одинъ „Малороссійскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ" [2]). На это послѣдовало возраженіе отъ лица, состоявшаго членомъ обоихъ Обществъ, т.-е. и харьковскаго, и полтавскаго; сравнивая оба института, авторъ напечатанной въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" статьи выразился, что „основаніемъ полтавскаго есть ревность къ просвѣщенію и благотворительности всего полтавскаго дворянства". Основаніе же харьковскаго института было „дѣйствіемъ воспламененныхъ чувствъ къ благотворительности нѣсколькихъ сочленовъ; въ восторгѣ оныхъ всѣ препятствія, всѣ затрудненія сокрыты были отъ нихъ"... Далѣе, противъ харьковскаго института были приведены слѣдующія соображенія: открытый сгоряча, онъ не имѣетъ ничего положительнаго, обезпечивающаго его содержаніе; онъ только называется харьковскимъ, по мѣсту своего нахожденія, а зависитъ отъ благотворенія всей Россіи. „Если — говоритъ авторъ — въ каждой губерніи заведется институтъ, то сборъ пожертвованій черезъ корреспондентовъ изсякнетъ", а безъ этихъ пожертвованій институтъ существовать не можетъ [3]).

При такомъ отношеніи дворянъ къ харьковскому институту, конечно существованіе послѣдняго становилось невозможнымъ. Но лишь только обстоятельства измѣнились, стало мѣняться и отношеніе къ институту общества; явились пожертвованія: отъ NN черезъ сумскаго предводителя дворянства 1.000 р., отъ графа

1) „Укр. В." 1818, май.
2) „Укр. В." 1817, ноябрь.
3) „Укр. В." 1818, январь.

С. М. Каменскаго 1.000 р., отъ Демидова 20.000 р., и другія, болѣе мелкими суммами [1]). Императрица назначила институту отъ себя по 3.000 р. въ годъ „на всегда“.

Обо всѣхъ пожертвованіяхъ было сообщено Императрицѣ, отъ которой Совѣтъ получилъ извѣщеніе, что она довела о нихъ до свѣдѣнія государя и поручаетъ Совѣту изъявить жертвователямъ ея благоволеніе. Демидова, съ согласія государя, Императрица назначила почетнымъ членомъ Совѣта, велѣла поставить его портретъ въ залѣ института и предписала „каждый годъ, 15-го января, въ день тезоименитства Демидова, быть воспитанницамъ у обѣдни и на молебнѣ объ его здравіи“; кромѣ того воспитанницею Демидова повелѣно считать одну изъ комплектныхъ воспитанницъ.

Новыя условія отразились и на наградахъ воспитанницамъ при публичномъ испытаніи 28-го іюня 1818 года. Императрица назначила лучшей изъ нихъ „знакъ отличія съ вензелемъ Ея Императорскаго Величества для ношенія на лентѣ всегда“; двумъ слѣдующимъ воспитанницамъ были даны похвальные листы; троимъ книги и десяти—„Высочайшее замѣчаніе въ успѣхахъ, въ наукахъ и въ благонравіи“. Учителямъ чистописанія, рисованія, танцевъ и пѣнія было объявлено благоволеніе.

Составъ учителей, или, какъ сказано въ сообщеніи Квитки, „чиновниковъ по ученой части Высочайше утвержденныхъ въ ихъ званіи“, былъ слѣдующій: законъ Божій долженъ былъ преподавать протоіерей Башинскій; ариѳметику и математику—адъюнктъ университета Роботъ; россійскую словесность—10-го класса чиновникъ П. Рениольскій; всеобщую и россійскую исторію и географію — профессоръ духовной коллегіи Я. Прожанскій; нѣмецкій языкъ—учитель гимназіи І. Ольденборгеръ; французскій языкъ—вольнослушающій при университетѣ П. Артемовскій-Гулакъ; россійскую грамматику—учитель духовнаго училища Н. Оптовцевъ; чистописаніе—учитель духовнаго училища Т. Леницкій; рисованіе—учитель духовнаго училища П. Денисовъ; танцы—И. Штейнъ; пѣніе—Д. Носачевъ. Врачемъ при институтѣ назначенъ адъюнктъ хирургіи при университетѣ С. Колумно-Вигура [2]).

Изъ перечня предметовъ, для преподаванія которыхъ были приглашены означенные въ спискѣ учителя, видно, что намѣченная харьковскимъ Обществомъ благотворенія при учрежденіи института программа была замѣнена другою, болѣе обширною и сходною съ программами столичныхъ институтовъ. Но оффиціально

[1]) „Укр. В.“ 1818, іюль. Статья: „Особы-благотворители вновь Институту явившіе свою добродѣтель“.

[2]) „Укр. В.“ 1818, августъ.

новый уставъ и штатъ харьковскаго института былъ присланъ въ Совѣтъ лишь 26-го октября 1818 года.

Содержаніе института должно было обходиться въ 17.268 р.; по новому штату жалованья учителямъ наукъ не полагалось на томъ основаніи, что „теперешніе учителя не получаютъ жалованья; безъ всякаго сомнѣнія извѣстно—сообщалъ Квитка,—что и впредь опредѣляемые не потребуютъ никакого жалованья“. На учителей искусствъ было назначено 1.500 рублей въ годъ.

Отношеніе институтскаго Совѣта къ Совѣту Общества благотворенія ограничивалось въ новомъ уставѣ тѣмъ, что первый долженъ былъ доставлять Совѣту Общества ежемѣсячныя вѣдомости и годовой отчетъ о состояніи института. Въ вѣдѣніи члена Совѣта по учебной части должны были находиться учителя и инспекторъ классовъ, котораго до тѣхъ поръ въ институтѣ не было. Выборъ инспектора предоставлялся учителямъ и долженъ былъ происходить въ присутствіи и съ утвержденія Совѣта, изъ среды учителей, по большинству голосовъ. Въ остальномъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія въ прежнемъ уставѣ: 20 штатныхъ воспитанницъ могли быть не только изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ, но и оберъ-офицерскихъ дѣтей; принимались не моложе семи и не старше двѣнадцати лѣтъ (въ прежнемъ уставѣ не старше десяти лѣтъ); онѣ должны были умѣть читать и писать по-русски. Срокъ воспитанія назначался отъ шести до десяти лѣтъ, т. е. поступившія двѣнадцати лѣтъ должны были оставаться не менѣе шести, а поступившія семилѣтними — не менѣе десяти лѣтъ. Плата съ пенсіонерокъ назначалась въ 655 р. въ годъ, а не „по состоянію поручающихъ“. За ученіе полупенсіонерокъ плата не была опредѣлена, а полагалась „по условію“ съ Совѣтомъ; за пользованіе столомъ остались тѣ же 100 р. въ годъ. Большія измѣненія были сдѣланы въ программѣ ученія. Новымъ уставомъ вводилось преподаваніе французскаго языка „по причинѣ всеобщаго употребленія нужнаго для благовоспитанной дѣвицы и требуемаго отъ воспитательницы“; прибавлялись предметы: краткое руководство, которое „сопрягается съ изученіемъ языковъ“ къ логикѣ и риторикѣ; чистописаніе, ариѳметика, которая должна была преподаваться „особенно по счетамъ, въ хозяйствѣ и женскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ“; изъ искусствъ: рисованіе, музыка, „какъ предметъ входящій въ составъ хорошаго воспитанія и потому съ удовольствіемъ обрѣтаемый въ воспитательницахъ“, танцы по той же причинѣ и „какъ средство, нужное для образованія наружнаго вида, осанки, пріемовъ и обращенія дѣвицы“, рукодѣлія и домостроительство.

Относительно помѣщенія воспитанницъ въ чужіе дома послѣ выпуска, въ новомъ уставѣ было прибавлено къ занятіямъ мѣстъ учительницъ и воспитательницъ дѣтей, еще „собесѣдницъ госпожи". При выдачѣ замужъ предписывалось условіе: „согласіе самой дѣвицы", и кромѣ того прежняя роль Совѣта ограничена. По новому уставу, „когда воспитанница вышла изъ института, для пропитанія себя собственными трудами, выходъ ея замужъ не касается Совѣта, если она сама не захочетъ спросить его наставленія".

Первоначальная цѣль, съ какою институтъ былъ основанъ харьковскимъ дворянствомъ, сохранилась и въ новомъ уставѣ, въ § 53 котораго она выражена такъ, что слѣдуетъ „воспитываемымъ въ немъ бѣднымъ дѣвицамъ дать образованіе и нужныя познанія въ наукахъ и рукодѣліяхъ, посредствомъ которыхъ онѣ, по выпускѣ, могли бы снискивать себѣ пропитаніе обученіемъ дѣтей или трудами рукъ своихъ, умѣя при томъ добрымъ порядкомъ и бережливостью избѣгать недостатка, даже въ самомъ ограниченномъ состояніи". Но въ дѣйствительности, съ поступленіемъ института подъ покровительство Императрицы, эта цѣль измѣнилась, ибо съ этихъ поръ въ институтъ стали принимать не однѣхъ бѣдныхъ дворянокъ, а и достаточныхъ, „предназначаемыхъ для украшенія лучшихъ обществъ и для семейной жизни, сопровождаемой условіями житейскихъ выгодъ" [1]). Ихъ принимали пенсіонерками или полу-пенсіонерками; но послѣднія допускались лишь до 1820 года, когда послѣдовало новое измѣненіе институтскаго штата. Вѣроятно это было вызвано желаніемъ Совѣта, чтобы харьковскій институтъ былъ во всемъ сравненъ съ столичными заведеніями Императрицы. Въ этихъ видахъ, а также для увеличенія средствъ института, Совѣтъ въ 1821 году предложилъ возвысить плату съ пенсіонерокъ съ 655 руб. въ годъ до 825, ссылаясь на то, что „въ частныхъ пансіонахъ харьковской и полтавской губерній не берутъ менѣе 1.200 р., кромѣ одежды, обуви, учебныхъ пособій и пр.; а въ полтавскомъ институтѣ, основанномъ только за два года передъ тѣмъ, не смотря на значительныя пособія полтавскаго дворянства, плата за пенсіонерку назначена въ тысячу рублей, кромѣ одежды и пр."

Возвышеніе платы Совѣтъ мотивировалъ тѣмъ, что тогда онъ будетъ имѣть возможность назначить жалованье учителямъ и умножить ихъ число. При этомъ Совѣтъ повторялъ увѣренность въ томъ, что „многіе изъ гг. учителей предоставлять будутъ въ пользу

---

[1]) *Щелковъ*, стр. 49.

института назначенное имъ жалованье; но Совѣтъ находитъ болѣе удобнымъ имѣть всегда сумму на плату учителямъ, въ случаѣ еслибы кто не захотѣлъ служить безъ заплаты; да и Совѣтъ и всякій изъ гг. учителей, зная назначенное ему по штату жалованье, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ знать какую сумму онъ жертвуетъ институту".

Совѣтъ просилъ Императрицу обязать всѣхъ штатныхъ воспитанницъ оставаться послѣ выпуска въ институтѣ, въ качествѣ помощницъ классныхъ дамъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, „ибо—писалъ Совѣтъ—опытъ показалъ, что воспитанницы охотнѣе поступаютъ учительницами въ частные дома, гдѣ хорошія воспитательницы рѣдки и вознагражденіе лучше, чѣмъ въ институтѣ". Но Императрица на этомъ не согласилась, находя „стѣснительнымъ и могущимъ отклонить родителей отъ института". Она повелѣла учредить, какъ въ другихъ институтахъ, пепиньеръ, въ которомъ воспитанницы, по окончаніи курса, оставались бы еще два года.

Когда, благодаря пожертвованнымъ Демидовымъ 20.000 р., явилась возможность расширить помѣщеніе института, для котораго былъ купленъ просторный домъ, число частныхъ пенсіонерокъ было увеличено до 62-хъ, кромѣ царскихъ.

Бюджетъ института въ 1820 году составлялъ уже 61.234 р., 27¼ копѣекъ (асс.), изъ которыхъ 52.700 рублей должны были покрываться платою съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, 3.000 рублей выдавались изъ Кабинета Императрицы Маріи, 1.000 рублей получались отъ Демидова, до 5.000—отъ Общества благотворенія. Но эти суммы не представляли прочнаго источника доходовъ; пожертвованіе Демидова прекратилось въ 1822 году; въ Общество благотворенія поступало такъ мало пожертвованій, что оно въ 1828 году совсѣмъ перестало принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ института, и двадцать штатныхъ воспитанницъ, которыхъ оно прежде содержало, съ этого года должны были содержаться на счетъ экономіи съ суммъ, поступавшихъ отъ частныхъ пенсіонерокъ, число которыхъ постоянно увеличивалось. Въ 1825 году оно превышало положенное по штату число, доходя до ста и выше; однѣхъ пенсіонерокъ графини Чернышевой было принято разомъ двадцать семь. Явились также пожертвованія частныхъ лицъ, и въ ихъ числѣ помѣщикъ харьковской губерніи Иваненко, который былъ даже утвержденъ въ званіи члена Совѣта за сдѣланныя имъ въ разное время институту пожертвованія и обѣщаніе ежегодно давать ему по 1.000 рублей.

Доходы института постоянно колебались, пока наконецъ, въ 1828 году, 4-го января, не состоялось Высочайшее повелѣніе, ко-

торымъ предписывалось приказамъ общественнаго призрѣнія губерній: слободо-украинской, екатеринославской, курской, орловской и воронежской, вносить ежегодно на содержаніе харьковскаго института по 4.000 р. асс. каждый, съ правомъ помѣщать въ него безплатно по двѣ и по три дѣвицы отъ губерніи.

По духовному завѣщанію Императрица Марія оставила харьковскому институту 13.500 р. сер. и 97 р. 23 к. асс. на его содержаніе, „пока онъ существовать будетъ; а еслибы по какой-либо причинѣ существованіе онаго прекратилось", этотъ капиталъ долженъ былъ перейти къ Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ на содержаніе соразмѣрнаго числа пенсіонерокъ [1]). Изъ завѣщаннаго Императрицею на содержаніе своихъ пенсіонерокъ капитала, должны были воспитываться ея пенсіонерки и въ харьковскомъ институтѣ.

Въ то время, когда еще только-что открывался институтъ харьковскаго Общества благотворенія, въ Петербургѣ организовалось Общество, положившее начало еще одному институту, поставленному подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Необычайный подъемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго во всемъ русскомъ народѣ 1812-мъ годомъ, ознаменовавшимся для Россіи выходящими изъ ряда событіями, и по минованіи опасности потребовалъ крайняго напряженія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ общества для облегченія страданій и участи потерпѣвшихъ отъ войны. Съ этой цѣлью, „вспомоществованія бѣднымъ отъ войны пострадавшимъ", учредилось въ Петербургѣ „Общество дамъ" или женское патріотическое Общество, названное въ указѣ Императора Александра I-го, отъ 29-го декабря 1812 года, „Петербургскимъ Патріотическимъ Обществомъ Дамъ" [2]). При утвержденіи проекта женскаго патріотическаго Общества, 21-го ноября 1812 года, Императоръ назначилъ ему 50.000 р. ежегодно, „доколѣ Общество существовать будетъ" [3]); Императрица Елизавета Алексѣевна опредѣлила отъ себя по 3.000 р. въ годъ; нѣсколько позже Императрица Марія назначила ему еще 3.000 р. въ годъ, а великая княгиня Елена Павловна — по 5.000 р. въ годъ, „пока Общество будетъ преимущественно вспомоществовать раззореннымъ отъ не-

---

[1]) Сб. свѣд., стр. 368, 369.

[2]) Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго института. Составилъ Н. Макѣевъ, 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріотическаго Общества.

[3]) Архивъ Патріотическаго института.—Дѣла ж. Патр. Общ.

пріятеля“ [1]). Членскій взносъ былъ опредѣленъ въ 200 рублей въ годъ.

Указомъ 29-го декабря 1812 года Общество было поставлено подъ особое покровительство Императрицы Елизаветы и когда четыре года спустя, при учрежденіи Человѣколюбиваго Общества, было предположено присоединить къ нему и женское патріотическое, это не было осуществлено вслѣдствіе просьбы послѣдняго. Въ состоявшемся на имя главнаго попечителя Человѣколюбиваго Общества, князя Голицына, указѣ, было сказано, что женское патріотическое Общество „желаетъ остаться подъ непосредственнымъ покровительствомъ Любезнѣйшей Супруги Нашей, и Ея Величество, снисходя на просьбу онаго, на сіе соизволяетъ; поэтому женское Патріотическое Общество не входитъ въ составъ Человѣколюбиваго Общества, а должно во всемъ относиться къ Ея Величеству и продолжать свои благотворныя упражненія на основаніи тѣхъ правилъ, кои оно подъ Ея руководствомъ само для себя составитъ. Впрочемъ ни отчетовъ, ни какихъ-либо другихъ представленій по дѣламъ сего женскаго Общества на усмотрѣніе Наше не представлять“ [2]).

Для непосредственнаго управленія дѣлами Общества былъ избранъ Совѣтъ изъ дамъ, большинство которыхъ принадлежало къ высшему кругу; при Совѣтѣ находился секретарь или правитель дѣлъ. Доклады Совѣта представлялись Императрицѣ черезъ предсѣдательницу, которою при открытіи Общества была избрана княгиня Варвара Алексѣевна Репнина. Императрица иногда и сама присутствовала въ засѣданіяхъ Совѣта.

Первымъ дѣйствіемъ Совѣта было обращеніе въ разныя мѣста имперіи съ просьбой о содѣйствіи Обществу и вступленіи въ число его членовъ. Губернаторы разослали городничимъ и городскимъ головамъ циркуляры объ открытіи подписки въ пользу Общества. Въ числѣ поступившихъ на это приглашеніе отзывовъ получились: изъ Рязани, отъ княгини Волконской, извѣщавшей, что въ этомъ городѣ, съ 15-го ноября 1812 года, т.-е. лишь тремя днями позже петербургскаго, организовалось женское патріотическое Общество, и съ своей стороны приглашавшей петербургскихъ дамъ въ члены рязанскаго Общества. Изъ Москвы было получено извѣщеніе отъ г-жи Бантышъ-Каменской, что у нихъ также образовалось Общество для пособія бѣднымъ, пострадавшимъ отъ войны. Изъ крупныхъ пожертвованій предложено было

---

[1]) Тамъ же. Журналы С.-Пет. ж. патр. Общ.: 8 марта, 1813, № 12, и 20 февраля, 1824, № 43.

[2]) П. С. XXXIII, 26521.

петербургскому Обществу одно, черезъ подольскаго гражданскаго губернатора Сен-При, извѣщавшаго, что подольское дворянство жертвуетъ женскому патріотическому Обществу 100.000 рублей; но ихъ, „по нѣкоторымъ причинамъ, извѣстнымъ гг. членамъ Патріотическаго женскаго Общества, единогласно положено: отослать обратно къ тамошнему гражданскому губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ возвратить тѣмъ особамъ, коими оные внесены“ [1]).

Въ первые годы существованія Общества число членовъ его было не велико; со дня его основанія въ ноябрѣ 1812 года по 1-е января 1814 года сумма членскихъ взносовъ составляла всего 6.365 р. [2]). Но впослѣдствіи средства Общества стали пополняться взносами особъ императорской фамиліи, частными пожертвованіями, значительными суммами, получавшимися отъ устраиваемыхъ каждый годъ Совѣтомъ концертовъ и спектаклей, въ которыхъ принимали участіе лучшіе артисты русскіе и иностранные [3]).

Открывъ свои дѣйствія 12-го ноября 1812 года раздѣленіемъ Петербурга на двѣнадцать участковъ по числу членовъ Совѣта, и наймомъ дома для помѣщенія въ немъ бѣдныхъ, Общество, въ февралѣ 1813 года, устроило небольшое училище на 80 воспитанницъ, сиротъ покровительствуемыхъ имъ воиновъ. Изъ нихъ 30 предполагалось содержать на средства Общества, а 50 — на суммы, получаемыя отъ особъ императорской фамиліи и частныхъ благотворителей. Новое заведеніе было названо „училище для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей въ войну 1812 года“ или, какъ оно короче называлось, „училище женскихъ сиротъ 1812 года“. Оно помѣщалось въ наемномъ домѣ и на его содержаніе патріотическое Общество давало сначала по 15.000 р. въ годъ, а съ 1816 года по 23.000 р., оговоривъ, что будетъ прибавлять по 8.000 р. ежегодно „до тѣхъ поръ, пока у Общества будетъ свой домъ“ [4]). Кромѣ того было постановлено отдѣлять 5% со всѣхъ поступающихъ въ Общество суммъ для составленія постояннаго капитала училищу.

---

[1]) Арх. Патр. и.—Журн. ж. патр. Общ. Засѣданіе 30 іюля 1813, № 12.

[2]) Дѣла С.-Пет. ж. патр. Общ., № 1.

[3]) Приходъ Общества въ 1824 г. состоялъ: 1) изъ 18.000 р. отъ особъ императорской фамиліи; 3.400 руб. отъ дѣйствительныхъ членовъ; 3) 918 р. 75 к. отъ разныхъ благотворительныхъ особъ; 4) 12.438 р. отъ концерта 29 марта; 5) 5.198 р. отъ спектакля 16 мая; 6) пожертвованій 11.429 р. 33 к.; 7) процентовъ съ капитала 2.442 р. (Журналы ж. патр. О., № 43).

[4]) Засѣданіе ж. патр. О. 7 авг. 1816 г. (Арх. Патр. и., № 24).

Лишь семь лѣтъ спустя Общество получило возможность осуществить свое желаніе; въ 1823 году, на занятые изъ государственнаго заемнаго банка 100.000 рублей, оно приступило къ постройкѣ собственнаго дома для училища на пожалованной Обществу государемъ землѣ (200 кв. саж.). Императрица Елизавета подарила на постройку дома 100.000 р. Дамы сами завѣдывали постройкою и распоряжались суммами по работамъ. Въ журналахъ засѣданій 1825 года училище называлось „Институтомъ Патріотическаго Общества", и подъ этимъ названіемъ оно перешло въ 1825 году въ собственный домъ.

Въ эти протекшіе съ основанія училища двѣнадцать лѣтъ, оно, постепенно развиваясь, продолжало существовать до 1824 года на тѣхъ же началахъ, на которыхъ было учреждено. Императрицѣ Елизаветѣ принадлежало главное управленіе училищемъ, также какъ и всѣми другими учрежденіями Общества; но въ 1824 году она приняла на себя „главное попеченіе о ходѣ учебной части въ Институтѣ" [1]), предоставивъ управленіе внутренними его дѣлами Совѣту.

Программа ученія воспитанницъ была обычная для всѣхъ тогдашнихъ институтовъ; она состояла изъ закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ по правиламъ грамматики и риторики, полной ариѳметики, исторіи и географіи вообще, и въ особенности отечественной, рисованія, танцевъ, первыхъ началъ пѣнія и рукодѣлій, „приличныхъ благороднымъ дѣвицамъ". Точно также какъ во всѣхъ институтахъ Императрицы Маріи, и въ институтѣ патріотическаго Общества Императрица Елизавета Высочайшимъ рескриптомъ 25-го апрѣля 1825 года, учредила награды, которыя должны были выдаваться воспитанницамъ при выпускахъ черезъ каждые три года. Въ 1826 году выпуску подлежало пятнадцать воспитанницъ [2]), а наградъ было опредѣлено двѣнадцать. Изъ нихъ первыя три, золотыя медали, назначались Императрицею тѣмъ, кои „постоянно отличались благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ"; вторыя три, серебряныя медали, такимъ, „кои уступая первымъ въ поведеніи и наукахъ, наиболѣе заслужили въ обоихъ отношеніяхъ похвалу передъ прочими"; остальныя шесть серебряныхъ медалей „дѣвицамъ, болѣе обращавшимъ на себя вниманіе успѣхами въ наукахъ при поведеніи довольно одобряемомъ". „Таковымъ различіемъ — сказано въ рескриптѣ Императрицы Елизаветы — я желаю доказать, что сколько вели-

[1]) Журн. ж. патр. О. 1824. № 43. Письмо председательницы Совѣта Императрицѣ 15 марта 1824.

[2]) Прибавленіе къ „С.-Петерб. Вѣд." 1825, № 18.

кую цѣну вообще имѣютъ познанія, они уступаютъ преимущество нравственнымъ качествамъ, отъ коихъ зависитъ благополучіе цѣлой жизни“ [1]).

Желающихъ помѣстить дѣвочекъ въ институтъ патріотическаго Общества всегда было много; но пока онъ помѣщался въ наемномъ домѣ, Совѣту часто приходилось отказывать въ пріемѣ, по недостатку мѣста. Съ переходомъ въ собственный домъ явилась возможность устранить это неудобство, и въ 1825 году Совѣтъ института составилъ новыя правила пріема. Вмѣсто 80-ти воспитанницъ положено было принимать 100; на это Совѣтъ прибавилъ къ отпускаемой Обществомъ суммѣ еще 2.000 рублей ежегодно. Плата съ пенсіонерокъ была повышена съ 700 рублей до 800 и при этомъ постановлено, что пенсіонерки будутъ приниматься не менѣе какъ на три года. Пріемный возрастъ для поступленія въ институтъ былъ опредѣленъ въ десять и не старше двѣнадцати лѣтъ; но срокъ пребыванія въ институтѣ сокращенъ съ восьми на шесть лѣтъ [2]). Эти правила рѣшено было ввести съ 1826 года. Въ концѣ 1825 года Императрица Елизавета уѣхала въ Таганрогъ, поручивъ главное завѣдываніе институтомъ предсѣдательницѣ Общества.

Расходъ послѣдняго къ этому времени по институту простирался до 50.000 руб., а приходъ его составлялъ 65.753 руб. 28½ к. [3]); стало быть, оно тратило почти ¾ своего дохода на институтъ, да кромѣ того устроило въ 1816 году въ разныхъ частяхъ города частныя школы „женскія рабочія для дѣтей беднѣйшаго населенія“ [4]), которыхъ и обучали самымъ элементарнымъ предметамъ. Въ 1825 году на содержаніе всѣхъ школъ Общество расходовало 10.320 рублей [5]). Такимъ образомъ дѣятельность женскаго патріотическаго Общества мало-по-малу сосредоточилась на одной формѣ благотворительности: „воспитаніи бѣдныхъ дѣвицъ“ [6]).

Послѣ смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, 4-го мая 1826 г., институтъ, также какъ и Домъ Трудолюбія, взяла подъ

---

[1]) Краткій истор. оч., стр. 41.

[2]) Засѣданіе 27 апр. 1825 (Журналы С.-Пет. ж. патр. О.).

[3]) Въ суммѣ 65.753 р. 28½ к., составлявшихъ приходъ Общества къ 1825 году, было: 18.000 р. отъ императорской фамиліи, 17.636 р. 40 к. отъ концертовъ и спектаклей; случайныхъ пожертвованій 20.429 р. 33 к., членскихъ взносовъ 2.200 р. и недоимокъ за прежніе годы 6.100 р. (Приб. къ „С.-Пет. Вѣд.“ 1824, № 56).

[4]) Засѣд. Сов. 1 дек. 1816. (Арх. Патр. и.).

[5]) Въ началѣ 1825 г. всю эту сумму пожертвовала Императрица Елизавета. (Дѣла С.-Пет. ж. патр. Общ., № 47).

[6]) Зас. Сов. ж. патр. О., 30 мая 1825.

свое покровительство Императрица Александра Θедоровна; въ письмѣ къ предсѣдательницѣ Общества она изъявила, что „съ удовольствіемъ беретъ на себя призваніе женскаго Патріотическаго Общества“ [1]). Но въ слѣдующемъ же году былъ изъятъ изъ его вѣдѣнія и совершенно отдѣленъ отъ Общества институтъ, преобразованный въ учрежденіе правительственное; ему были даны Положеніе и штатъ, назначены обезпечивавшія его навсегда средства. Согласно этому Положенію (§ 28) отпускъ 25.000 р. изъ суммъ Общества на воспитаніе въ институтѣ 30-ти дѣвицъ, „коихъ оно по ограниченнымъ способамъ своимъ вполнѣ взносить уже не въ состояніи“, долженъ былъ прекратиться съ 1-го января 1829 года. Но „въ ознаменованіе благодѣтельнаго подвига Патріотическаго Общества, положившаго основаніе сему заведенію“, Обществу было предоставлено „именованіе почетнаго Совѣта института“ [2]), которому съ 1827 года присвоено названіе „Патріотическаго Института Комитета 18-го августа 1814 года“ [3]).

Въ рескриптѣ на имя предсѣдательницы Общества отъ 13-го апрѣля 1827 года, Императрица Александра Θедоровна писала: „...благотвореніями къ дѣтямъ заслуженныхъ воиновъ, покровительствуемыхъ Комитетомъ 18-го августа 1814 года, назначеніе его (института) обращается къ первоначальной цѣли Патріотическаго Общества, ознаменовавшаго въ 1812 году признательность свою къ нимъ учрежденіемъ сего заведенія для призрѣнія сиротствующихъ дочерей ихъ“. Будущую дѣятельность Общества Императрица въ томъ же рескриптѣ опредѣлила тѣмъ, что „подвиги его будутъ имѣть тотъ же кругъ дѣйствій, какъ и донынѣ попеченіемъ о частныхъ школахъ, остающихся въ непосредственномъ его вѣдѣніи и приносящихъ ту общественную пользу, что онѣ искореняютъ праздность и всѣ пороки, отъ нея происходящіе, въ дѣтяхъ сословій, наиболѣе заслуживающихъ призрѣнія“ [4]).

Въ 1826 году Императоръ Николай повелѣлъ отчислить институту изъ остатковъ отъ принадлежавшихъ покойной Императрицѣ суммъ 16.000 р. асс. на содержаніе одной пенсіонерки

---

[1]) Зас. Сов. 11 іюня 1826 г.

[2]) Проектъ Положенія и штата Патріот. института 7 апрѣля 1827 г. съ поправками и замѣчаніями собственной руки Его Имп. Велич. Гос. Имп. Николая Павловича. § 30 (Краткій очеркъ образ. Патр. и. Приложеніе I).

[3]) П. Собр. 2-е. 1012.

[4]) Краткій очеркъ образ. Патр. и.

ея имени [1]) и кромѣ того капиталъ въ 800.000 р. асс., заключавшійся въ принадлежавшихъ ей брильянтовыхъ вещахъ, взятыхъ въ Кабинетъ государя [2]). Эти 80.0000 р. были даны на перестройку зданія для института и 5% въ годъ съ этой суммы должны были выдаваться изъ Кабинета.

За все время существованія института патріотическаго Общества, пожертвованій собственно институту почти совсѣмъ не было. При постройкѣ для него дома, кромѣ данныхъ Обществу Императрицею Елизаветою 100.000 рублей, поступило еще около 67.000. Первое и единственное пожертвованіе собственно институту было сдѣлано въ 1824 году княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, которая, прося предсѣдательницу принять отъ нея 5.000 рублей (асс.) въ пользу института, въ память умершей ея дочери Е. А. Чернышевой, выразила желаніе, чтобы это пожертвованіе было передано отъ неизвѣстнаго, чтобы жертвуемый капиталъ оставался всегда неприкосновеннымъ, а употребленіе процентовъ было предоставлено предсѣдательницѣ, княгинѣ Мещерской. По назначенію Императрицы Елизаветы Алексѣевны, на проценты съ пожертвованной суммы, должны были при выпускахъ выдаваться пособія бѣднымъ воспитанницамъ. Изъ единовременныхъ, пожертвованныхъ въ пользу благотворительныхъ заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы суммъ, она назначила Патріотическому институту 1.000 р. изъ 2.000, пожертвованныхъ въ 1825 году бѣлогородскимъ купеческимъ обществомъ [3]).

Кромѣ двухъ столичныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, Дома Трудолюбія и института патріотическаго Общества, подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы состоялъ еще одинъ институтъ въ провинціи — полтавскій, возникшій, какъ можно предполагать, по мысли бывшей предсѣдательницы петербургскаго женскаго патріотическаго Общества княгини В. А. Репниной, мужъ которой въ то время, когда институтъ основывался, былъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. Можетъ быть и посѣщеніе великаго князя Николая Павловича, въ 1816 году, Полтавы, куда онъ пріѣхалъ изъ Харькова, осмотрѣвъ тамъ институтъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на рѣшеніе дворянъ полтавской губерніи основать свой институтъ. Какъ бы то ни было, но въ началѣ 1817 года была прислана губернскому маршалу (предводителю дворянства) полтавской губерніи отъ неизвѣстнаго лица

[1]) Сб. свѣд. о кап. Т. I, стр. 182.
[2]) Сб. свѣд. Т. I, стр. 189.
[3]) Сб. свѣд. Т. I, стр. 179, 180.

записка о необходимости учрежденія въ Полтавѣ института, съ приложеніемъ и самаго проекта его [1]). Губернскій маршалъ представилъ эту записку собранію дворянства 17-го января 1817 года, которое было первымъ со времени назначенія князя Репнина малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. Собраніе постановило: 1) принять и утвердить проектъ подписью губернскаго и повѣтовыхъ (уѣздныхъ) маршаловъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями; 2) обязать каждаго землевладѣльца губерніи къ взносу въ теченіе двухъ лѣтъ на содержаніе института по 50 копеекъ съ каждой владѣемой имъ души; 3) просить кавалерственную даму, княгиню В. А. Репнину, предсѣдательницу петербургскаго женскаго патріотическаго Общества, принять на себя предсѣдательство въ Совѣтѣ института съ правомъ избранія двухъ назначенныхъ членовъ, и 4) это положеніе представить на благоусмотрѣніе малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Князь Репнинъ, отнесшійся съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу, 27-го апрѣля сообщилъ, что комитетъ министровъ разрѣшилъ учрежденіе института, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пожертвованія дворянъ пали не на крестьянъ и чтобы за этимъ строго было наблюдено. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Репнинъ извѣстилъ дворянство, что государь изъявилъ согласіе на принятіе Императрицею Елизаветою института подъ свое покровительство „когда Институтъ приметъ начало и содержаніе его обезпечится". Къ концу 1817 года дворянствомъ было собрано 300.000 р. и въ началѣ слѣдующаго составленъ проектъ устава „Института полтавскаго дворянства"; тогда же образованъ Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечительницы института, княгини В. А. Репниной.

Уставъ полтавскаго института, написанный лишь шестью годами позже устава харьковскаго Общества благотворенія, значительно отличается отъ послѣдняго. И полтавскій институтъ названъ „благотворительнымъ" [2]), но въ его уставѣ нѣтъ той непосредственности, теплоты въ отношеніи къ воспитанницамъ, какою отличался харьковскій уставъ; вообще полтавскій носитъ на себѣ уже характеръ оффиціальности.

Главныя его основанія слѣдующія: институтъ, по предположенію полтавскаго дворянства, составится изъ двухъ родовъ воспитанницъ: на общественномъ иждивеніи и пенсіонерокъ. Первыхъ пола-

[1]) Краткая историческая записка о Полтавскомъ институтѣ (Арх. IV отд. Опись дѣламъ, не вошедшимъ въ сдаточныя экспедиціонныя описи. Лит. Б).

[2]) Учрежденіе благотворительнаго для благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ института (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канцеляріи статсъ-секретаря Лонгинова).

гается пятнадцать, по числу повѣтовъ губерніи; число пенсіонерокъ —смотря по помѣщенію института. Содержаніе и обученіе тѣхъ и другихъ одинаковое, но „воспитанницы, будучи избраны изъ дѣвочекъ ничего неимущихъ", должны пробыть неминуемо полный курсъ, т.-е. девять лѣтъ. Пріемный для нихъ возрастъ назначается отъ семи до десяти лѣтъ. „Главнѣйшая при ихъ воспитаніи цѣль заключается—сказано въ „Учрежденіи"—не въ одномъ только образованіи ихъ самихъ, но въ пріуготовленіи для воспитанія другихъ: ибо не для всякой изъ дѣвицъ, образованныхъ въ семъ институтѣ, могло бы послужить съ пользою воспитаніе, данное ей выше того состоянія, въ которое она, по истеченіи девяти лѣтъ, обратиться должна. Для того, доставивъ воспитанницамъ способности, нужныя къ занятію, по выходѣ изъ Института, должностей Надзирательницъ въ домахъ дворянскихъ, вмѣстѣ съ симъ образованіемъ дастся имъ способъ пріобрѣтать независимое отъ другихъ состояніе и чрезъ то польза сего благотворительнаго учрежденія содѣлается дѣйствительною, не взирая на недостаточное состояніе ихъ" [1]).

Пенсіонерки должны были приниматься когда позволитъ помѣщеніе, а выпускать ихъ дозволялось „по желанію родителей"; пріемный возрастъ былъ опредѣленъ отъ семи до тринадцати лѣтъ.

Главное управленіе, „такъ какъ и учрежденіе", института ввѣрялось непосредственно попечительницѣ. Членами Совѣта должны были быть: полтавскіе, губернскій и повѣтовые маршалы, тѣ, которые по выбору дворянства въ сихъ званіяхъ находиться будутъ, два члена изъ числа родителей пенсіонерокъ; кромѣ того попечительницѣ предоставлялось право назначить еще двухъ членовъ по своему выбору.

На обязанности Совѣта лежало попеченіе о благосостояніи воспитанницъ и по выпускѣ „на всю ихъ жизнь". Исполненіе уже утвержденныхъ Совѣтомъ правилъ, также внутреннія распоряженія относительно воспитанія и порядка въ домѣ, возлагались на попечительницу, которая была обязана только извѣщать Совѣтъ о сдѣланныхъ ею распоряженіяхъ. Все, до воспитанія, обученія, содержанія и хозяйства относящееся, было поручено начальницѣ, т.-е. помощницѣ попечительницы, которая должна была передавать отчеты начальницы, касающіеся общаго хода дѣлъ и порядка, „съ своими распоряженіями или замѣчаніями" въ Совѣтъ. Воспитаніе дѣвицъ, наблюденіе за ихъ нравственностью и ученіемъ поручалось надзирательницѣ.

---

[1]) Учрежд. благотв. для бл. дѣв. въ Полтавѣ инст., § II.

Въ „Учрежденіи" не была опредѣлена плата съ пенсіонерокъ, не поименованы также предметы ученія; только сказано, что классы должны состоять изъ 15 — 20 дѣвицъ, а объ учителяхъ—что они должны жить внѣ институтскаго зданія.

Пріемъ „общественныхъ" воспитанницъ начался съ 1-го октября 1818 года, а днемъ открытія института былъ назначенъ день рожденія государя, 12-е декабря. Институтъ былъ открытъ въ уступленномъ ему, „пока у института не будетъ своего зданія", С. М. Кочубеемъ деревянномъ домѣ, гдѣ до тѣхъ поръ помѣщался частный женскій пансіонъ француженки Реньи. По всей вѣроятности, этотъ пансіонъ и былъ преобразованъ въ институтъ, ибо Реньи была назначена сначала надзирательницею, а потомъ и директриссою института.

Организовавъ такимъ образомъ внѣшнюю обстановку института, княгиня Репнина, отъ лица дворянства полтавской губерніи, просила Императрицу Елизавету Алексѣевну принять институтъ подъ свое покровительство. Изъявляя свое согласіе, Императрица прислала на имя княгини Репниной рескриптъ, въ которомъ говорила: „Благородное полтавское дворянство не могло оказать болѣе свойственнаго ему усердія къ благосостоянію Отечества и новыхъ опытовъ всегдашняго стремленія своего къ пользѣ общей, какъ учрежденіемъ Института для образованія благородныхъ дѣвицъ... Я не могу не отдать должной справедливости чувствіямъ сословія по званію и дѣятельности почтеннаго, которое щедрыми пожертвованіями своими для предмѣта столь благодѣтельнаго воздвигло себѣ памятникъ достойный подражанія и признательности своихъ согражданъ" [1]). Въ томъ же 1819 году, хотя до выпуска воспитанницъ оставалось девять лѣтъ, Императрица назначила награды, которыя должны были выдаваться имъ каждые три года. Всѣхъ наградъ полагалось шесть: три вензеля, одинъ золотой и два серебряныхъ, и три медали. „Я надѣюсь—писала Императрица въ рескриптѣ на имя княгини Репниной отъ 17 ноября 1819 г.,—что благородное полтавское дворянство въ установленіи сего увидитъ опытъ, сколь великую цѣну въ мнѣніи Моемъ имѣетъ примѣрное его усердіе къ пользѣ Отечественнаго воспитанія".

Отношеніе дворянства полтавской губерніи къ институту, кромѣ участія въ Совѣтѣ предводителей, губернскаго и уѣздныхъ, выражалось еще въ томъ, что ему представлялись отчеты по всѣмъ частямъ института и производились въ его присутствіи, во время выборовъ, экзамены воспитанницъ. Въ 1826 году, т.-е. семь лѣтъ

---

[1]) Арх. IV отд. Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова.

спустя послѣ открытія института, былъ первый выпускъ пенсіонерокъ, которыя не были обязаны оставаться въ заведеніи девять лѣтъ, какъ „общественныя“ воспитанницы. Къ этому времени въ институтѣ было 83 воспитанницы, изъ которыхъ назначены къ выпуску десять пенсіонерокъ изъ двѣнадцати, вступившихъ при открытіи института. Въ этомъ числѣ были три пенсіонерки Императрицы Елизаветы; за каждую платили по 1.000 рублей (асс.) въ годъ.

Въ отчетѣ дворянству за 1826 годъ, Совѣтъ говорилъ: „Воспитанницы Института, содержимыя благотвореніемъ почтеннаго дворянства Полтавской губерніи, продолжаютъ благонравіемъ своимъ утѣшать пекущихся о нихъ и, доканчивая съ успѣхомъ образованіе свое въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ, подаютъ уже вѣрную надежду, что онѣ вскорѣ въ состояніи будутъ принесть дань благодарности благотворившему ихъ дворянству, распространеніемъ познаній имъ преподаваемымъ, между другими“. Пенсіонеркамъ Совѣтъ объявлялъ „вообще благодарность, какъ за благонравіе и прилежаніе, такъ въ особенности за приверженность и любовь, которую онѣ оказываютъ пекущимся о ихъ воспитаніи“ [1]).

По поводу того, что пенсіонерка попечительницы послѣ выпуска поступаетъ въ учительницы, въ отчетѣ сказано: „сіе есть новое доказательство пользы, которую учрежденіе сіе приноситъ сверхъ образованія врученныхъ дѣвицъ родителями; ибо оно приготовляетъ нужныхъ для ученія юношества, образованныхъ науками и нравственностью наставницъ, и недостаточнымъ изъ числа своихъ воспитанницъ устраиваетъ прочное убѣжище и способъ обратить дарованія свои на пользу другихъ дѣтей“.

На публичномъ экзаменѣ выпускаемыя пенсіонерки экзаменовались изъ множества предметовъ: закона Божія, россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики, географіи россійской, всеобщей и древней, статистики, исторіи россійскаго государства, древней и естественной, физики, начальныхъ познаній астрономіи, миѳологіи, риторики, музыки и пѣнія.

Насколько могли быть свѣдущи во всѣхъ этихъ предметахъ воспитанницы перваго выпуска изъ полтавскаго института, можно было бы удостовѣриться лишь имѣя данныя о томъ, какъ велась учебная часть въ первые шесть лѣтъ въ институтѣ; но въ дѣлахъ этого института за это время намъ не попалось рѣшительно никакихъ на то указаній; опредѣленной программы ученія

---

[1]) Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова.

по видимому и не было; были ли учителя—это также неизвѣстно. Только много лѣтъ спустя, изъ отчета статсъ-секретаря Лонгинова въ 1845 году, учрежденному тогда Главному Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, обнаружилось, что въ эти шесть лѣтъ бо́льшую часть предметовъ преподавала, вмѣстѣ съ другими женщинами, выписанная изъ Франціи иностранка, „впрочемъ довольно хорошо образованная" [1]).

Въ эти семь лѣтъ институтъ содержался главнымъ образомъ на сумму, получаемую съ пенсіонерокъ. По 1-е сентября 1823 г. ему было сдѣлано только одно пожертвованіе. Въ годъ открытія института помѣщикъ полтавской губерніи Иваненко сдѣлалъ дарственный актъ, которымъ жертвовалъ „на вѣчныя времена безповоротно" сумму въ 3.000 р. асс., съ такимъ, при томъ, ограниченіемъ, чтобы „оная сумма отдаваема была въ надежныя руки на процентъ, и сіи процентныя деньги также чтобы были на процентѣ; сколько же симъ порядкомъ таковыхъ процентныхъ денегъ до времени окончанія находящейся нынѣ въ институтѣ Пирятинскаго повѣта дѣвицы, по положенному термину, чрезъ девять лѣтъ, накопится, то оныя при выпускѣ той дѣвицѣ вручить отъ имени моего, ей прямо въ руки въ приданое, равно тому и въ предъидущія времена всѣмъ тѣмъ, кои поступать имутъ въ институтъ съ Пирятинскаго повѣта дѣвицы, а отнюдь не другого повѣта, отдавать однѣ только таковыя процентныя деньги. Капиталъ же, мною пожертвованный, оставаться долженъ безповоротно при институтѣ вѣчнымъ" [2]). Этотъ капиталъ оставался у Иваненко, который выплачивалъ на него проценты. Съ сентября 1823 года по 1825-й годъ сумма мелкихъ пожертвованій показана въ отчетахъ Совѣта въ 12.677 р. 98½ к., а пенсіонерная плата—въ 86.913 р. 91 к.

Весь приходъ института исчисленъ въ 100.206 р. 54½ к., а расходъ—въ 92.201 р. 55 к. Въ 1825 году пожертвованій поступило только 3.745 р. 1 к., а отъ пенсіонерокъ получилось всего 36.105 р. 80½ к.; расходъ же простирался до 34.919 р. 72½ к. Въ отчетѣ этого года показана недоимка за дворянствомъ, накоплявшаяся нѣсколько лѣтъ и къ 1823 году дошедшая до 83.636 р. 49½ к. Въ общемъ собраніи дворянства полтавской губерніи, 24-го октября 1823 года, оно постановило: предоставить институту 80.000 р. „изъ оставшейся въ недоимкѣ суммы по земскому ополченію 1812 года". Но изъ этой суммы къ концу 1826 года было вне-

---

[1]) Арх. IV отд. Дѣла Гл. Сов. ж. уч. зав.

[2]) Сб. свѣд. о кап. вѣд. учр. И. М. Т. II, стр. 398.

сено лишь 23.385 р. 12 к.; взысканіе остальныхъ денегъ было пріостановлено по случаю манифеста 22-го августа 1826 г. [1]). Хотя на собраніи 27-го сентября дворянство и опредѣлило обратить въ пользу института суммы изъ другихъ источниковъ [2]), но такъ какъ и за родителями пенсіонерокъ къ этому времени числилась недоимка въ 26.000 р., а доходы института съ каждымъ годомъ уменьшались, вслѣдствіе уменьшенія числа пенсіонерокъ, которыхъ въ 1827 году было всего 42 (въ 1822 — 1823 ихъ было 100), также въ виду того, что у института къ этому году былъ уже долгъ въ 58.000 р., князь Репнинъ счелъ нужнымъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

Изложивъ приведенныя здѣсь причины разстройства денежныхъ средствъ института, князь предложилъ слѣдующія мѣры: внести черезъ министра финансовъ въ комитетъ министровъ свое мнѣніе, что сборъ съ ополченія, „бывъ собственностью дворянскою, не подлежитъ прощенію по манифесту, коимъ слагаются не частныя, а казенныя недоимки"; просить управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представить въ комитетъ министровъ о возложеніи на губернское начальство обязанности взыскивать недоимки съ родителей пенсіонерокъ съ тою строгостью, какія узаконены для взысканія казенныхъ долговъ и оказывать впредь въ подобныхъ случаяхъ такое же содѣйствіе. До того же времени, когда слѣдуемыя институту суммы будутъ взысканы, князь Репнинъ просилъ отпустить институту заимообразно, на одинъ годъ, въ счетъ ихъ, теперь же 50.000 рублей безъ процентовъ. Выставляя уменьшеніе вообще дворянскихъ доходовъ причиною того, что установленная въ институтѣ плата за пенсіонерку, по тысячѣ рублей, сдѣлалась высокою, князь Репнинъ предложилъ уменьшить ее до восьмисотъ рублей и принимать пенсіонерокъ не менѣе чѣмъ на три года, какъ въ Патріотическомъ институтѣ. „Но главнѣйшая и единственно твердая надежда на поддержаніе благосостоянія Института—писалъ князь Репнинъ—есть упованіе на щедроты Всемилостивѣйшаго Государя и Его Августѣйшей фамиліи, порученіемъ полтавскому институту воспитанія нѣкотораго числа пенсіонерокъ".

---

[1]) Записка малоросс. генералъ-губернатора предсѣдателю Гос. Совѣта графу В. П. Кочубею 12-го іюня 1827 года (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канцеляріи ст.-секр. Лонгинова).

[2]) Въ этомъ числѣ были суммы: „изъ поступившей на удовлетвореніе земскихъ повинностей впродолженіи истекшаго трехлѣтія и оставшихся отъ расходовъ по сему предмету суммы, причитающуюся на количество помѣщичьихъ крестьянъ часть, съ присоединеніемъ и числящейся въ недоимкѣ, за отдѣленіемъ изъ суммъ сего рода другимъ состояніямъ принадлежащей".

Для уменьшенія расходовъ по ремонту ветхаго дома, въ которомъ помѣщался институтъ, князь Репнинъ указывалъ, какъ на единственное средство — построить для него каменный домъ. На это потребовалось бы до 200.000 р., которые онъ и просилъ ссудить полтавскому дворянству на десять лѣтъ безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма „уплачивалась ежегодно по ровной части въ казначейство въ томъ же видѣ, какъ суммы на земскія повинности, что по числу помѣщичьихъ крестьянъ въ полтавской губерніи составило бы по 6½ копѣекъ на душу“. Для будущаго обезпеченія института князь Репнинъ полагалъ необходимымъ увеличить число пенсіонерокъ до 65-ти, плата съ которыхъ, по 800 рублей за каждую, покрывала бы почти сполна расходы по содержанію института, исчисленные имъ, по примѣрному штату, въ 52.000 рублей ежегодно. Кромѣ того князь Репнинъ выражалъ надежду, что дворянство удвоитъ число содержимыхъ на его счетъ воспитанницъ, т.-е. вмѣсто пятнадцати ихъ будетъ тридцать, что потребовало бы увеличенія расхода со стороны дворянства на 20.000 рублей въ годъ. „Поэтому—писалъ онъ—дворянство не укоснитъ войти съ просьбою о дозволеніи разложить эти 20.000 р. на число владѣемыхъ имъ душъ съ причисленіемъ къ земскимъ повинностямъ, что составитъ всего по 8 копѣекъ на душу“.

По докладѣ этой записки князя Репнина Императору Николаю, предсѣдатель государственнаго совѣта сообщилъ князю, что государь признаетъ неудобнымъ, чтобы содержаніе института „и изъ малѣйшей суммы обратилось на счетъ земскихъ повинностей... По мнѣнію Его Величества,—передавалъ графъ Кочубей —нѣтъ основанія располагать на души тогда, когда сборъ таковой ни въ какихъ отношеніяхъ не обращается въ пользу платящихъ“. Далѣе, излагая мнѣніе государя, онъ говорилъ, что „если приступить къ добровольной подпискѣ между дворянами, то все-таки не будетъ увѣренности въ порядочномъ взносѣ, чему доказательствомъ служитъ то, что случилось въ Полтавѣ и въ Харьковѣ, а институтъ долженъ имѣть твердое основаніе“. Но такъ какъ государь не хотѣлъ бы, чтобы „сіе, какъ и всякое другое установленіе, для воспитанія уже существующее, рушиться могло“, то Его Величество полагаетъ заимствовать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія полтавскаго, черниговскаго и кіевскаго ежегодно нѣкоторую сумму на опредѣленное число пенсіонерокъ изъ бѣднѣйшаго дворянства и сиротъ ихъ губерній. ...Это, по мнѣнію государя, — писалъ графъ Кочубей — соотвѣтствуетъ прямому назначенію Приказовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ князя Репнина, что государь „для споспѣшествованія сохраненія

полтавскаго института" охотно обезпечитъ въ немъ содержаніе десяти пенсіонерокъ на всегда. Императрица, какъ полагалъ графъ Кочубей, также будетъ имѣть нѣсколько своихъ пенсіонерокъ. Что касается 200.000 рублей на постройку дома для института, о которыхъ писалъ князь Репнинъ, то государь изъявилъ согласіе, чтобы эта сумма была выдана изъ государственнаго казначейства полтавскому приказу общественнаго призрѣнія въ четыре года, по 50.000 р. въ годъ [1]).

23-го августа 1827 года Императоръ Николай утвердилъ измѣненныя, согласно его указаніямъ, предположенія князя Репнина и графа Кочубея. Число воспитанницъ института должно было простираться до 75-ти казенныхъ и 45-ти пенсіонерокъ; на его содержаніе было опредѣлено 52.500 р. въ годъ. Приказамъ общественнаго призрѣнія полтавскому, черниговскому и кіевскому, которые по отобраннымъ у нихъ справкамъ заявили, что могутъ отпускать на институтъ, первый до 35.000, второй до 53.700 и третій до 43.000 рублей въ годъ, было повелѣно давать каждому по 14.000 рублей въ годъ, „доколѣ Институтъ существовать будетъ", съ правомъ помѣщать туда 20 своихъ пенсіонерокъ, платя за каждую по 700 рублей въ годъ. За ту же плату положено имѣть въ институтѣ 10 пенсіонерокъ государя со взносомъ за нихъ изъ казны по 7.000 р. въ годъ. Съ частныхъ же пенсіонерокъ, „какъ это дѣлается уже въ с.-петербургскихъ институтахъ", плата опредѣлена высшая т.-е. по 800 рублей въ годъ, изъ которыхъ 600 должны были употребляться на содержаніе пенсіонерокъ, а 200 рублей вноситься въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія на проценты, для составленія капитала, съ употребленіемъ его по назначенію Императрицы.

Относительно суммъ, отпускаемыхъ институту приказами, 23 августа 1827 года состоялось важное нововведеніе для полтавскаго института. „Такъ какъ капиталы и доходъ приказовъ— сказано въ утвержденномъ государемъ докладѣ графа Кочубея— составились и при пособіи отъ городовъ, то справедливо предоставить, въ числѣ 60-ти воспитанницъ Приказовъ, нѣкоторое число изъ христіанскаго купечества 1-й и 2-й гильдій". Такихъ воспитанницъ предписывалось брать по три изъ городовъ полтавской и черниговской губерній и по четыре изъ кіевской; остальныя вакансіи приказовъ должны были замѣщаться дочерьми дворянъ [2]). Указъ объ этомъ состоялся 17-го сентября 1827 года.



[1]) Записка графа Кочубея кн. Репнину 22-го іюня 1827 (Арх. IV отд.).

[2]) Докладъ гр. Кочубея государю, утвержденный 23 августа 1827 года (Арх. IV отд.).

Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ избранія воспитанницъ института предписано, чтобы каждому повѣту предоставлялось назначеніе одной дворянской воспитанницы, а остальныя вакансіи въ каждой губерніи были замѣщаемы по представленію губернскаго приказа. Воспитанницы изъ купечества должны были назначаться постоянно изъ губернскихъ городовъ: изъ Кіева по двѣ, Полтавы и Чернигова по одной, а въ правѣ помѣщать остальныхъ двухъ, положенныхъ на каждую губернію, послѣднія должны были чередоваться — одни города для одного пріема, другіе для слѣдующаго и т. д. Городскія общества каждой губерніи могли представлять по три кандидатки; изъ нихъ должны были выбираться для помѣщенія въ институтъ „дѣвицы, отцы которыхъ пріобрѣли уваженіе по службѣ и поведенію".

Въ 1828 году, когда институтъ состоялъ уже подъ покровительствомъ Императрицы Александры Өедоровны, для него было составлено Положеніе. Хотя полтавское дворянство болѣе не обязано было давать средства на содержаніе института, но „въ ознаменованіе благотворительнаго подвига, отъ котораго оный получилъ свое начало", институту, по Положенію 1828 года, было сохранено названіе „Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ". Въ этомъ году, по повелѣнію Императора Николая, даны были институту изъ суммъ, принадлежавшихъ Императрицѣ Елизаветѣ, 4.957 р. 12 к. асс. [1]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Александра І-го, женское образованіе стало распространяться и въ провинціи. Кромѣ институтовъ харьковскаго и полтавскаго, возникли въ Симбирскѣ и Москвѣ Дома Трудолюбія, на подобіе петербургскаго.

По примѣру женскаго патріотическаго Общества и другихъ благотворительныхъ столичныхъ обществъ, въ 1818 году организовалось въ Симбирскѣ „женское Общество христіанскаго милосердія", членами котораго были преимущественно знатныя провинціальныя дамы, а предсѣдательницею В. Ивашева. Общество было принято подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны, назначившей ему отъ себя по 1.000 р. въ годъ. Въ 1820 году оно учредило Домъ Трудолюбія, „для призрѣнія и воспитанія бѣднѣйшихъ дѣвицъ". На этотъ же предметъ, но именно на воспитаніе „преимущественно сиротъ и бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ", Императрица Елизавета отдѣлила Обществу 5.000 рублей, изъ пожертвованнаго на ея благотворительныя заведенія

---

[1]) Сб. свѣд., стр. 398.

графомъ Шереметевымъ капитала [1]). Правилами Дома, кромѣ десяти воспитанницъ, содержимыхъ на средства Общества, допускались и пенсіонерки съ платою по 300 р. въ годъ.

Въ 1824 году Общество владѣло собственнымъ домомъ и капиталомъ въ 55.671 руб. 80 копѣекъ. Императоръ Александръ назначилъ ему отъ себя по 5.000 рублей ежегодно.

Съ первыхъ же годовъ существованія Дома, была расширена и программа ученія. На публичномъ испытаніи, происходившемъ въ 1825 году, воспитанницы экзаменовались, кромѣ положенныхъ правилами элементарныхъ предметовъ, еще изъ грамматики, россійской исторіи, географіи и обѣихъ частей ариѳметики. „Всѣ сіи науки—сказано въ отчетѣ Общества—наставникъ Дома Трудолюбія, священникъ Лука Крестовскій, при самомъ открытіи Дома сего, съ истинною ревностью пастыря Церкви, вызвался преподавать безъ всякой платы“ [2]).

Даже тогда, когда, скоро вслѣдъ за этимъ публичнымъ испытаніемъ, симбирское Общество христіанскаго милосердія прекратило свое существованіе, Домъ Трудолюбія, управляемый бывшею предсѣдательницею Общества, В. Ивашевою, благодаря ея энергіи, продолжалъ развиваться. Въ 1847 году онъ, вмѣстѣ съ петербургскимъ и московскимъ Домами Трудолюбія, по повелѣнію Императрицы Александры Ѳедоровны, подъ покровительствомъ которой состоялъ и симбирскій Домъ, былъ переименованъ въ Симбирское Елизаветинское училище [3]).

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ Домовъ Трудолюбія былъ московскій, учрежденный въ 1824 году по мысли жены московскаго генералъ-губернатора, княгини Голицыной. При его возникновеніи, Домъ Трудолюбія былъ принятъ подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая, два года спустя, назначила ему отъ себя по тысячѣ рублей, а государь опредѣлилъ на его содержаніе по 13.020 рублей въ годъ [4]). Московское городское общество назначило къ ежегодной выдачѣ Дому по 3.000 р. изъ городскихъ средствъ. Къ 1-му января 1825 года Домъ Трудолюбія имѣлъ капиталъ въ 40.394 руб., образовавшійся изъ пожертвованныхъ ему при учрежденіи суммъ [5]).

Цѣль, съ которою основывался московскій Домъ Трудолюбія,

---

[1]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст. секр. Лонгинова.

[2])) Приб. къ „С.-Пет. Вѣд.“ 1825. № 17.

[3]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст.-секр. Лонгинова.

[4]) П. Собр. XL, 30220.

[5]) Сб. свѣд., стр. 313.

была опредѣлена въ Высочайше утвержденномъ для него Положеніи „воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, предпочтительно сиротъ свободнаго состоянія,.. чтобы дать имъ возможность со временемъ содержать себя трудами, почему и обученіе ихъ должно состоять преимущественно въ женскихъ рукодѣліяхъ“ [1]). Но онѣ должны были проходить и элементарный курсъ, даже грамматику „съ упражненіями въ письменномъ слогѣ“, а для „необыкновенно способныхъ къ ученію“ Положеніемъ разрѣшалось учредить впослѣдствіи, по мѣрѣ возможности, особые классы для учебныхъ предметовъ.

На первый разъ комплектъ воспитанницъ былъ опредѣленъ въ 24, но это число могло быть увеличиваемо по мѣрѣ возрастанія средствъ Дома. Воспитанницы допускались къ пріему не моложе семи и не старше одиннадцати лѣтъ и должны были оставаться въ Домѣ до 20-ти, послѣ чего онѣ отпускались къ родителямъ или благодѣтелямъ. Въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, начальство заведенія должно было пріискать для нихъ приличное мѣсто. Но еслибы представился случай—и до достиженія воспитанницею 20-лѣтняго возраста—„устроить прочнымъ образомъ ея благосостояніе“, то такую дозволялось увольнять изъ заведенія и раньше.

Главное управленіе Домомъ ввѣрялось Высочайше утверждаемой главной попечительницѣ, которой предоставлялось право пригласить двухъ или трехъ извѣстныхъ дамъ себѣ въ помощницы, а также выбрать „одного чиновника, для храненія суммъ и исправленія письменныхъ дѣлъ“. Всѣ эти лица утверждались Императрицею, которой главная попечительница должна была представлять полугодовые отчеты.

Въ Положеніи 1825 года опредѣлено даже количество блюдъ, которыя должны были получать воспитанницы: въ будни имъ полагалось по три блюда, а въ праздники и воскресенья—по четыре.

Рукодѣлія воспитанницъ предназначались для продажи, причемъ Дому предоставлялось право принимать и заказы. Чистая прибыль отъ работъ воспитанницъ, черезъ каждые полгода, должна была вноситься въ ломбардъ на проценты и выдаваться имъ при выпускѣ. Пенсіонерки допускались Положеніемъ лишь тогда, когда „явится достаточное число оказывающихъ необыкновенныя способности къ ученію воспитанницъ и увеличится число предметовъ ученія“. Въ Положеніи о московскомъ Домѣ Трудолюбія, заведеніи строго закрытомъ, какъ и другіе Дома, прямо оговорено, что полупенсіонерки, кои жили бы у родителей и приходили бы лишь для ученія, ни въ какомъ случаѣ не будутъ допущены, ибо „сіе можетъ иногда произвести безпорядки“ (§ 43).

---

[1]) П. Собр. XL. 30205.

Уже послѣ смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Дому Трудолюбія было сдѣлано пожертвованіе въ 10.000 рублей (асс.) на содержаніе въ немъ пенсіонерокъ, кромѣ десяти, за которыхъ еще въ 1826 году д. ст. сов. Глѣбовъ обязался вносить по 4.000 руб. въ годъ [1]). Московскій купецъ Губинъ пожертвовалъ крупную сумму въ 150.000 руб. асс.; изъ нея на проценты со 100.000 рублей должны были содержаться десять пенсіонерокъ „воспитанницъ Губина", а изъ процентовъ съ 50.000 р. этимъ воспитанницамъ назначалось приданое при выходѣ ихъ замужъ [2]).

Московскій Домъ Трудолюбія, также какъ петербургскій и симбирскій, въ 1847 году былъ переименованъ въ Елизаветинское училище, въ память Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Незадолго до смерти Императрицы Маріи, подъ ея покровительство поступили еще два провинціальныхъ института, устройствомъ которыхъ она начала заниматься, но не успѣла довести дѣла до конца. Институты эти: Казанскій и Одесскій.

Еще въ 1805 году, когда государь утвердилъ планъ Императрицы Маріи объ учрежденіи пяти женскихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ этихъ пяти былъ институтъ въ Казани. Императрица велѣла тогда же купить мѣсто на Арскомъ полѣ, гдѣ была обширная роща съ фруктовымъ садомъ, и выразила увѣренность, что дворянство казанской губерніи воспользуется „первымъ благопріятнымъ случаемъ къ учрежденію такого заведенія для образованія и воспитанія своихъ дѣтей" [3]). Но такого случая долго не представлялось и купленное для института мѣсто съ 1809 года было отдано въ пользованіе казанскому дѣвичьему монастырю. Въ концѣ 1823 года, богатая казанская помѣщица, вдова полковника, М. Н. Родіонова, подала на имя Императрицы Маріи прошеніе о принятіи жертвуемаго ею, Родіоновою, для института благопріобрѣтеннаго имѣнія въ казанской губерніи, состоявшаго изъ 414 душъ; доходъ съ имѣнія Родіонова опредѣлила въ суммѣ до 20.000 рублей. При этомъ Родіонова выразила желаніе, чтобы крестьяне оставались „на теперешнемъ пахатномъ положеніи". Императрица изъявила согласіе

---

[1]) Арх. IV отд. Опись дѣламъ ст.-секр. Лонгинова.

[2]) Сб. слѣд., стр. 313. По поводу пожертвованія Губина Императрица Марія писала князю Голицыну: „надо смотрѣть лишь па дѣйствіе и быть за него признательнымъ, не углубляясь въ причину его. Увы! что сталось бы со многими добрыми дѣлами бѣдныхъ смертныхъ, еслибы начали слишкомъ точно изслѣдовать ихъ побужденія" (Recueil. 2-e livr. Письмо 23 окт. 1826).

[3]) Арх. IV отд. Журналы Опекунскаго Совѣта учрежденій Имп. Маріи по с.-пет. присутствію. Ходатайство казанскаго дворянства.

на принятіе этого дара и обѣщала свое содѣйствіе, „когда оно потребуется“ [1]). Вскорѣ послѣ того Родіонова прислала Императрицѣ свое завѣщаніе, которымъ отдавала институту и другое имѣніе въ 145 душъ, оставшееся послѣ ея дочери, вдовы штабсъ-капитана Дороновой. Родіонова просила Императрицу приказать „явить это завѣщаніе по ея смерти къ утвержденію“, такъ какъ сама она, „по слабости и старости“, не надѣялась дожить до окончанія дѣла съ родственниками, оспаривавшими ея права распоряжаться имѣніемъ дочери и поручить наблюденіе за этимъ дѣломъ министру юстиціи; она умерла 30-го декабря 1827 года.

Излагая все это въ своемъ докладѣ Императору Николаю, Императрица Марія просила у него разрѣшенія учредить въ Казани Совѣтъ изъ гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства, попечителя казанскаго университета и душеприкащика Родіоновой, для устройства и управленія будущимъ институтомъ. Совѣтъ долженъ былъ принять завѣщанные институту домъ и имѣніе Родіоновой и обратить вниманіе на спорное дѣло съ родственникомъ, которому завѣщала дочь Родіоновой свое имѣніе. Императоръ Николай утвердилъ этотъ докладъ въ томъ же году, за нѣсколько лишь мѣсяцевъ до смерти Императрицы Маріи.

Какими побужденіями руководствовалась Родіонова, отдавая свое имѣніе на устройство института, неизвѣстно. Мысль объ этомъ могла у нея явиться еще въ 1812 году, когда московскіе институты были переведены, на время занятія Москвы французами, въ Казань [2]). Можетъ быть, она воспользовалась представившимся ей случаемъ дать такое назначеніе своему имѣнію съ цѣлью лишить своихъ родственниковъ возможности имъ воспользоваться. По словамъ знавшаго Родіонову и сочувствовавшаго ея намѣренію, извѣстнаго по исторіи съ Магницкимъ, до 1821 года казанскаго профессора, а по увольненіи изъ университета казанскаго губернскаго прокурора, Солнцева [3]). Родіонова, приготовляла своихъ 120 крѣпостныхъ дѣвушекъ для институтскихъ рукодѣлій, обучила одного изъ своихъ дворовыхъ фортепіанному мастерству,

---

[1]) Арх. IV отд. Докладной реестръ, 1828. Докладъ Имп. Маріи Императору Николаю 8-го февраля 1828 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1887, апрѣль. Ст. *Пономарева*: Одна изъ замѣчательныхъ женщинъ.

[3]) По предположенію Пономарева, Солнцевъ интересовался женскимъ вопросомъ, ибо перевелъ съ нѣмецкаго двѣ книги: „Важнѣйшія истины для прекраснаго пола“, въ 1813 г., и „Приданое моей дочери или уроки для благородной дѣвицы“, соч. проф. Гейденрейха, 1838 (*Пономаревъ*: Одна изъ замѣчат: ж.).

предназначая его также для будущаго института, и ради этого не дала ему отпускной, давъ ее его родственникамъ.

Все завѣщанное казанскому институту Родіоновою имѣніе было оцѣнено въ 283.600 р., и хотя Высочайшее повелѣніе объ открытіи института состоялось еще въ 1828 году, но, вслѣдствіе долго тянувшагося процесса съ наслѣдниками Родіоновой, институтъ былъ открытъ лишь 13 лѣтъ спустя послѣ смерти Императрицы Маріи.

Женское учебное заведеніе въ Одессѣ, преобразованное впослѣдствіи въ институтъ, существовало съ 1806 года въ видѣ частнаго „дѣвичьяго пансіона", учрежденнаго вмѣстѣ съ мужскимъ (впослѣдствіи Ришельевской гимназіей) иностранцемъ Вольсеемъ, который былъ директоромъ обоихъ заведеній, имѣвшихъ общую кассу и общихъ учителей [1]). Герцогъ Ришелье, бывшій тогда херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и одесскимъ градоначальникомъ, принялъ оба заведенія подъ свое покровительство и вскорѣ затѣмъ правительство купило ихъ у Вольсея. Для управленія ими былъ учрежденъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Ришелье, который поставилъ во главѣ народнаго просвѣщенія въ Одессѣ аббата Николя. Послѣдній призналъ неудобнымъ совмѣстное существованіе двухъ заведеній, мужского и женскаго, и раздѣлилъ ихъ. Въ 1814 году городъ взялъ на свой счетъ плату за помѣщеніе для женскаго учебнаго заведенія, которое перешло въ вѣдѣніе одесскаго городского начальства. Ришелье далъ, названному имъ „Дѣвичьимъ Институтомъ", пансіону Положеніе и ввѣрилъ управленіе имъ особой комиссіи, состоявшей, подъ его предсѣдательствомъ, изъ семи лицъ по его назначенію.

Непосредственное управленіе институтомъ было поручено директриссѣ и тремъ инспектриссамъ. Всѣхъ воспитанницъ, при отдѣленіи женской половины пансіона подъ особое управленіе, было 80. По новому Положенію, онѣ должны были поступать въ институтъ отъ восьми до десятилѣтняго возраста. Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться шесть лѣтъ, по два года въ каждомъ изъ трехъ классовъ. Программа ученія состояла изъ предметовъ: закона Божія, русскаго, французскаго и итальянскаго языковъ, географіи, исторіи, ариѳметики, музыки, рисованія, танцевъ, рукодѣлія и хозяйства. Комплектъ воспитанницъ не былъ опредѣленъ; Положеніемъ назначалась плата за пенсіонерку по 600 р. асс. въ годъ и кромѣ того родители были обязаны, при помѣщеніи дѣтей въ

---

[1]) Арх. IV отд. Учрежденія Одесскаго института, XXIX, 1824—1862.

институтъ, дать имъ полный гардеробъ и 100 р. единовременно на учебныя пособія [1]).

Институтъ не былъ строго закрытымъ заведеніемъ, ибо воспитанницъ отпускали къ родителямъ и родственникамъ каждые два мѣсяца по воскресеньямъ и въ большіе праздники. Бюджетъ института былъ составленъ въ 25.700 р. асс. въ годъ, не включая платы за помѣщеніе, оплачиваемое городомъ. Могущій быть остатокъ отъ этой суммы предоставлялось въ концѣ года дѣлить между директриссою, которая, подъ наблюденіемъ комиссіи, производила всѣ расходы, и инспекторами [2]).

Послѣ отъѣзда изъ Россіи герцога Ришелье и аббата Николя, обнаружились разные безпорядки, какъ по хозяйственной части, такъ и по управленію институтомъ. Въ началѣ 1820 года онъ имѣлъ всего 16 воспитанницъ, а долгу 17.000 р., въ томъ числѣ значительную часть составляло не доданное служащимъ жалованье. Вступившій на мѣсто Ришелье, графъ Ланжеронъ ревностно принялся за исправленіе разстроенныхъ дѣлъ института, который онъ поставилъ подъ покровительство своей жены, и назначилъ новую директрису, баронессу Шедёверъ. Ему удалось привлечь къ дѣлу дворянство екатеринославской и херсонской губерній, которое обязалось содержать въ институтѣ въ теченіе трехъ лѣтъ первое по шести пенсіонерокъ, второе по восьми. Кромѣ того, графъ Ланжеронъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на помѣщеніе въ одесскій институтъ 16-ти пенсіонерокъ на счетъ казны, изъ дочерей греческихъ эмигрантовъ, съ платою за каждую по 1.000 р. асс. въ годъ. Пріемный возрастъ воспитанницъ былъ измѣненъ: онѣ могли поступать отъ семи до двѣнадцатилѣтняго возраста; плата была повышена съ 600 р. до 1.000 р. въ годъ, но съ обязанностью института давать воспитанницамъ одежду; къ предметамъ ученія былъ прибавленъ нѣмецкій языкъ и — для дочерей греческихъ эмигрантовъ — греческій. Хозяйственная часть института, бюджетъ котораго простирался уже до 53.892 р., — причемъ расходъ па каждую воспитанницу былъ опредѣленъ въ 450 р. асс. въ годъ, — была возложена по прежнему па директрису [3]).

Дѣла института начали поправляться въ томъ смыслѣ, что число воспитанницъ въ первые годы новаго управленія увеличилось съ 16-ти до 58-ми, изъ которыхъ за 50 платилось по 1.000 р. въ годъ, за одну 800 р., за двухъ по 600, и пять воспитывались

[1]) Краткій историческій очеркъ 50-ти-лѣтія Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Одесса. 1879.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

даромъ. Весь доходъ института достигалъ 52.000 р. въ годъ и, стало быть, для покрытія расходовъ недоставало 1.892 р. въ годъ. Долги института не только не уменьшились, но къ 17-му января 1824 года возросли съ 17.000 до 33.550 рублей. Въ числѣ неуплаченныхъ институту пенсіонерныхъ денегъ былъ долгъ херсонскаго и екатеринославскаго дворянства, которое не внесло полной суммы, слѣдовавшей съ ниго за первое трехлѣтіе, и отказалось отъ дальнѣйшаго содержанія пенсіонерокъ въ институтѣ.

Съ назначеніемъ графа М. С. Воронцова на должность новороссійскаго генералъ-губернатора, началась новая пора для института. Уѣзжая въ 1823 году въ Одессу, графъ лично обратился къ Императрицѣ Маріи съ просьбою принять подъ свое покровительство одесскій институтъ. Не давая еще своего согласія, Императрица позволила представить ей свѣдѣнія о положеніи института и, лишь получивъ ихъ, передала государю обращенную къ ней графомъ Воронцовымъ просьбу.

Въ письмѣ къ Императрицѣ отъ 25-го января 1824 года [1]), графиня Е. Воронцова сообщала, что къ этому году въ институтѣ было двадцать пенсіонерокъ на счетъ правительства, платившаго за нихъ по 20.000 р. въ годъ, двѣ пенсіонерки Императрицъ Маріи и Елизаветы, своекоштныхъ двадцать; пенсіонерокъ херсонскаго дворянства восемь, екатеринославскаго четыре; даровыхъ, на счетъ институтскихъ суммъ—пять, всего 59 пенсіонерокъ, съ которыхъ получалось 53.000 р. въ годъ. „Помѣщеніе института—писала графиня Воронцова—не дозволяетъ принимать болѣе 70-ти воспитанницъ, но это помѣщеніе можетъ быть расширено, ибо если Императрица возьметъ институтъ подъ свое покровительство, то городъ увеличитъ свой расходъ на его помѣщеніе“. Какъ видно изъ изложенныхъ въ письмѣ графини Воронцовой подробностей, воспитанницы института содержались даже роскошно: въ будни имъ полагалось по четыре блюда, въ праздники—пять. Отпуски домой разрѣшались въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, и графиня прибавляла, что этотъ обычай, по общему мнѣнію, надо сохранить.

Спрошенный, по повелѣнію государя, о средствахъ помѣшать паденію института, графъ Воронцовъ предложилъ слѣдующія мѣры, сообщенныя Императрицѣ графинею въ письмѣ отъ 20-го іюля 1824 года: 1) чтобы городъ отпустилъ на уплату долговъ института и на улучшеніе его помѣщенія 30.000 р. единовременно („это справедливо—писала графиня Воронцова,—ибо у

---

[1]) Арх. XIV отд.—Учр. Од. Инст.

города большія средства; это ему и легко сдѣлать для заведенія, которое онъ всегда поддерживалъ; это ему и выгодно, ибо если институтъ будетъ хорошо поставленъ, то родители будутъ селиться въ Одессѣ"); 2) построить для института собственный домъ; для покрытія этого расхода сдѣлать заемъ въ одномъ изъ государственныхъ банковыхъ учрежденій, на счетъ города, въ суммѣ 100.000 рублей (асс.), съ разсрочкой уплаты на нѣсколько лѣтъ; 3) ассигновать къ отпуску изъ доходовъ города ежегодно по 1.892 р. до тѣхъ поръ, пока число воспитанницъ не увеличится такъ, чтобы доходы института покрывали его расходы („это нужно потому — прибавляла графиня Е. Воронцова,—что чрезвычайно трудно собрать пенсіонерную плату съ родителей воспитанницъ Екатеринославской и Херсонской губерній"); и 4) для управленія хозяйственною частью, для уплаты долговъ и для постройки зданія института, назначить новую комиссію, подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника, изъ одесскаго городского головы, херсонскаго губернскаго предводителя дворянства и трехъ членовъ по назначенію генералъ-губернатора.

Всѣ эти мѣры были утверждены государемъ, и 7-го февраля 1826 года графъ Воронцовъ учредилъ новую комиссію, въ число обязанностей которой включилъ управленіе „одесскимъ благороднымъ дѣвичьимъ институтомъ", а также составленіе проекта новаго устава для него. Комиссія сохранила прежнія основныя положенія института, отмѣнивъ только, по предписанію графа Воронцова, преподаваніе нѣмецкаго и греческаго языковъ. Составленный ею уставъ былъ представленъ Императрицѣ Маріи, которая сдѣлала на немъ свои замѣчанія и, по сообщеніи ей графомъ Воронцовымъ объясненій на эти замѣчанія, одобрила проектъ 12-го ноября 1827 года.

Ровно черезъ годъ Императрицы Маріи не стало, а открывшаяся затѣмъ турецкая война отвлекла вниманіе правительства отъ дѣлъ института, уставъ котораго былъ окончательно утвержденъ лишь 28-го іюля 1829 года. Тогда институту было дано наименованіе „Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ" [1]).

---

[1]) Краткій очеркъ.

IV.

Отношеніе Императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ.—Ея переписка съ начальницами.—Отношеніе Императрицы къ воспитанницамъ.—Ея напутствія выпускнымъ.—Характеръ ея наставленій воспитанницамъ.—Улучшеніе матеріальнаго быта начальницъ и классныхъ дамъ.—Инструкція начальницѣ Воспитательнаго Общества. — Отношеніе Императрицы къ родителямъ воспитанницъ.—Заботы о больныхъ воспитанницахъ.—Письма Императрицы о пищѣ воспитанницъ. — Тоска по дому у нихъ.—Отношеніе начальницъ и классныхъ дамъ къ воспитанницамъ.—Условія институтской жизни. — Донесенія начальницъ. — Вѣра Императрицы въ достоинства институтскаго воспитанія. —Помѣщеніе въ женскія учебныя заведенія какъ награда за заслуги родителей.—Устройство судьбы воспитанницъ.—Разсказъ Императрицы Александры Ѳедоровны.—Любовь воспитанницъ къ Императрицѣ Маріи.—Закрытая система воспитанія. — Собранія. — Приготовленія къ пріему гостей, пріѣзжавшихъ въ институты. — Сужденія объ институтскомъ воспитаніи.—Выпускные экзамены —Заботы о внѣшности воспитанницъ. — Балетъ въ Воспитательномъ Обществѣ.—Инструкціи Императрицы начальницамъ.—Ея взглядъ на внѣшніе знаки отличія для воспитанницъ. — Тѣлесныя наказанія въ институтахъ. — Занятія воспитанницъ хозяйствомъ.—Книга „Отеческіе совѣты моей дочери".—„Нравоученіе" протоіерея Воскресенскаго.—Внутренняя жизнь институтовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Одно обиліе денежныхъ средствъ, которыми при Императрицѣ Маріи были снабжены состоявшія подъ ея покровительствомъ женскія учебныя заведенія, уже должно свидѣтельствовать о горячей ея заботливости о нихъ. Такую же горячую, неустанную и всестороннюю заботливость она проявляла и по отношенію ко всѣмъ другимъ, даже мельчайшимъ ихъ нуждамъ. Надо удивляться, какъ при условіяхъ своего положенія Императрица находила возможнымъ, въ буквальномъ почти смыслѣ слова, лично управлять многочисленными, ввѣренными ей учебными и благотворительными заведеніями. Въ этомъ она являетъ собою единственный примѣръ, ибо никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ ничего подобнаго не было.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ управленіе Воспитательнымъ Обществомъ, Императрица писала помощницѣ начальницы его, Пальменбахъ: „Я буду Вамъ помогать во всемъ, что будетъ отъ меня зависѣть, и буду находить высшее для себя удовлетвореніе въ совмѣстномъ съ Вами трудѣ для благосостоянія нашихъ прелестныхъ дѣтей“ [1]).

Это свое обѣщаніе Императрица сдержала не только по отношенію къ Обществу, но и ко всѣмъ, состоявшимъ подъ ея покровительствомъ, институтамъ. Переписка ея, въ теченіе тридцати-двухлѣтняго управленія ими, была громадна и прервалась, можно по справедливости сказать, лишь наканунѣ ея смерти. Ничто не могло отвлечь Императрицу отъ заботъ о дорогомъ ея сердцу дѣлѣ: будучи уже совершенно больною, она, за четыре дня до смерти, пишетъ начальницамъ Екатерининскаго и Маріинскаго институтовъ, начиная свои письма словами: „я чувствую себя еще чрезвычайно слабою и съ трудомъ могу держать перо“ [2]). Такое событіе, какъ 14-го декабря 1825 года, должно было глубоко потрясти Императрицу-мать, но два дня спустя, 17-го, она уже пишетъ начальницѣ Воспитательнаго Общества и говоритъ съ нею о дѣлахъ заведенія [3]). Когда умерла воспитательница ея дѣтей, княгиня Ливенъ, которую Императрица считала своимъ близкимъ другомъ, она писала начальницѣ московскаго Екатерининскаго института: „Не смотря на все мое горе вслѣдствіе жестокой потери, мною понесенной, я сердцемъ участвовала въ вашихъ экзаменахъ“ [4]). Въ путешествіяхъ за границей, Императрица пользовалась каждою остановкою, чтобы просмотрѣть всюду, по ея приказанію, за нею посылаемые доклады начальницъ и отвѣчать имъ. По этимъ письмамъ можно прослѣдить маршруты ея путешествій [5]).

Въ своихъ распоряженіяхъ Императрица касалась рѣши-

---

[1]) „Р. Стар.“ 1890, мартъ. Ст. барона *Ѳ. Бюлера*. Императрица Марія въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ. 1797—1802. Письмо 27-го февр. 1797.

[2]) Арх. IV отд. Переписка по с.-пет. Ек. уч. Письмо 20-го октября 1828 г., и къ директриссѣ Мар. инст., Паймановской (Переписка по Мар. И.).

[3]) Учр. В. О. бл. д. 1797—1828.

[4]) Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Maria Féodorovna aux tuteurs honoraires et aux Supérieures des instituts de Moscou. 1-re livraison. Lettres de Sa Majesté à m-me de Pewtzoff. Moscou. 1883. Письмо 28-го февраля 1828.

[5]) Императрица писала Брейткопфъ: 1-го сентября 1818 г. изъ Риги, 7-го изъ Остроленки, 9-го и 15-го изъ Варшавы, 27-го изъ Карльсбада, 3-го и 10-го октября изъ Штутгардта, 21-го изъ Кельна, 21-го октября и 8-го ноября изъ Брюсселя, 14-го изъ Франкфурта, 21-го, 24-го ноября и 6-го декабря изъ Веймара, 17-го изъ Бромберга (Переп. по с.-пет. Ек. уч.).

тельно всего, что имѣло малѣйшее отношеніе къ институтамъ, начиная съ программъ преподаванія до свалки снѣга и истребленія тараканов. Она не только подписывала опредѣленіе каждой воспитанницы, списки которыхъ очень внимательно просматривала, отмѣчая встрѣчавшіяся въ нихъ ошибки, но, по ея требованію, Совѣты институтовъ доносили ей о назначеніи и увольненіи писарей, сторожей, трубочистовъ, прачекъ; ей представляли счеты бѣлья, счеты подрядчиковъ по мелкимъ даже поправкамъ въ институтскихъ зданіяхъ. Прежде чѣмъ заключить контрактъ на поставку овощей и другихъ припасовъ для стола, Совѣты представляли эти контракты Императрицѣ, которая сравнивала выставленныя въ нихъ цѣны съ существующими въ другихъ институтахъ, и если первыя были выше послѣднихъ, то не утверждала контракта. Точно также ей представляли цѣны учебныхъ книгъ; иногда она замѣчала, что книги дороги, и тогда на нихъ дѣлали уступку; однажды, вѣроятно по ея просьбѣ, государь поручилъ академику Шторху узнать, „не дешевле ли купить грамматику Ноэля въ Парижѣ“? Требуя, чтобы начальницы—два раза въ недѣлю во время ея отсутствія и одинъ разъ когда она была въ Петербургѣ,—сообщали ей рѣшительно обо всемъ, что происходитъ въ заведеніи, и въ особенности обо всемъ, касавшемся каждой отдѣльной воспитанницы, Императрицѣ приходилось разбирать и домашнія дѣла воспитанницъ, споры между ихъ родителями при выпускахъ; до нея доводили даже ссоры между служащими въ заведеніи, и ей случалось разбирать ихъ [1]). Она обсуждала съ начальницами цѣну за работы салоповъ и платья воспитанницъ, давала совѣты и приказанія о выборѣ матеріаловъ для ихъ рукодѣлій, сама посылала образчики матерій. Когда въ 1808 году воспитанницы Смольнаго переходили въ новый домъ, Императрица лично заботилась о томъ, чтобы были приняты мѣры противъ сырости, сама давала подробныя наставленія, какъ и когда открывать двери, топить печи и т. п. Она лично распредѣлила комнаты въ новомъ зданіи Екатерининскаго училища. Императрица заботилась и о прислугѣ, которую брали въ институты изъ Воспитательныхъ Домовъ. Когда одну изъ служанокъ Екатерининскаго училища отправили въ больницу для бѣдныхъ, Императрица написала Брейткопфъ, что больную надо было устроить въ училищѣ, „которому она служитъ“, и спрашивала, „покойно ли ее перенесли и кто за нею ходитъ?.. Она будетъ чувствовать себя—

---

[1]) См. Recueil de lettres. 2-e livr. Lettres de Sa Majesté au prince S. M. Galitzine. Moscou. 1885. Publié par S. E. le prince Schakowskoi-Strechneff.

писала Императрица—очень несчастной среди чуждыхъ ей людей, и это меня огорчаетъ“ [1]).

На просмотръ Императрицы представляли тетради, по которымъ преподавали учителя, также сочиненія воспитанницъ. Къ первымъ она дѣлала примѣчанія; сочиненія воспитанницъ, особенно предназначенныя для публичнаго экзамена, сначала представлялись ей съ „сколько возможно исправленными ошибками“, потомъ они исправлялись согласно сдѣланнымъ Императрицею замѣткамъ, при чемъ она отчеркивала карандашомъ тѣ, которыя совсѣмъ нельзя показывать публикѣ, и только окончательно одобренныя ею представлялись на экзаменъ. Передъ наступленіемъ выпускныхъ публичныхъ экзаменовъ, Императрица входила въ обсужденіе всѣхъ ихъ подробностей: кого слѣдуетъ пригласить, кому гдѣ назначить мѣсто, въ какомъ порядкѣ должно происходить торжество; она заранѣе переписывалась съ начальницами о гирляндахъ, которыя обыкновенно доставлялись изъ театра, тамбуринахъ и шаляхъ, съ которыми должны были танцовать воспитанницы. Точно также она дѣлала распоряженія о томъ, что и какъ показывать на экзаменахъ лицамъ, на нихъ приглашеннымъ, какія платья надѣть воспитанницамъ, а въ случаѣ ожиданія государя, сама пріѣзжала и дѣлала при себѣ репетицію того, что должно было происходить въ его присутствіи.

Отношенія Императрицы Маріи къ воспитанницамъ не были такими близкими, какими были отношенія Екатерины, хотя она очень часто навѣщала институты. Если возможно сравнивать отношенія Императрицы къ воспитываемымъ въ находящихся подъ ея покровительствомъ и управленіемъ учебныхъ заведеніяхъ съ отношеніемъ матери къ дѣтямъ, то Императрица Екатерина была матерью-баловницею, любящею дѣтей, умѣющею къ нимъ примѣниться, находящею удовольствіе въ томъ, чтобы съ ними поиграть, повеселиться. Императрица Марія была бы, при такомъ сравненіи, матерью благоразумною, не сближающеюся съ дѣтьми, балующею ихъ издали, но серьезно заботящеюся объ ихъ судьбѣ въ настоящемъ и будущемъ. Кромѣ того, что Императрица Марія не обладала живымъ, веселымъ, общительнымъ характеромъ Екатерины, она не была такъ проста, какъ Екатерина, въ обращеніи съ воспитанницами, можетъ быть и вслѣдствіе неизмѣнно ею соблюдаемыхъ правилъ строгаго этикета, котораго всегда держалась. У нея не было любимицъ среди воспитанницъ; но заботясь обо всѣхъ, ея заботы, также какъ и отношеніе къ различ-

[1]) Письмо отъ 29-го іюня 1808 г.

нымъ учебнымъ заведеніямъ, носили не одинаковый характеръ, смотря по тому, было ли оно назначено для дворянскихъ или мѣщанскихъ дѣтей. Передъ первымъ, происходившимъ при ней, выпускомъ изъ Смольнаго, въ 1797 году, по ея приказанію, въ алфавитномъ спискѣ выходящихъ воспитанницъ, еще до выпуска, рядомъ съ фамиліею первой ученицы, получающей шифръ, было поставлено: „фрейлина Ея Императорскаго Величества, дочь генерала отъ инфантеріи и кавалеріи“ [1]).

Заботы Императрицы Маріи о мѣщанскихъ училищахъ относились къ существеннымъ ихъ нуждамъ и къ пользѣ, а не къ удовольствію воспитанницъ, которыхъ она не баловала. Въ ея письмахъ къ начальницѣ Воспитательнаго Общества очень рѣдко упоминается о мѣщанской его половинѣ, но она очень внимательно наблюдала за тѣмъ, чтобы воспитанницы мѣщанскаго училища, также какъ и кандидатки Воспитательныхъ Домовъ, были хорошо помѣщены послѣ выпуска на мѣста. Передъ наступленіемъ перваго выпуска кандидатокъ, Императрица сама просмотрѣла и утвердила условія, на которыхъ Опекунскіе Совѣты могли соглашаться на ихъ поступленіе въ частные дома наставницами. Въ этихъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписью обѣихъ сторонъ, наставница обязывалась „учить дѣтей женскаго пола, а мужского не далѣе 10-лѣтняго возраста“; въ условіи, или, какъ тогда выражались, въ „кондиціи“, было выговорено, чтобы наставница получала готовый столъ „вмѣстѣ съ дѣтьми, чай и необходимую прислугу, особенно для мытья бѣлья“, чтобы отпускаемой изъ дому наставницѣ давали „пристойный экипажъ до губернскаго города“. Императрица велѣла включить въ условіе, чтобы берущіе къ себѣ въ домъ наставницу, кромѣ жалованья ей „отъ 500 р. и выше“ въ годъ, давали еще заранѣе опредѣленную сумму ежегодно въ видѣ награды [2]). Точно также и относительно жалованья и будущаго положенія выпускаемыхъ изъ мѣщанскихъ училищъ гувернантками, Императрица проявляла большую заботливость и при каждомъ представлявшемся случаѣ помѣстить воспитанницу въ частный домъ, требовала отъ начальницъ, чтобы онѣ обращали вниманіе на предлагаемое жалованье. Въ одномъ изъ писемъ къ Адлербергъ, Императрица указала на то, что одна изъ воспитанницъ московскаго Александровскаго училища получила мѣсто на 1.800 р. годового жалованья. Адлербергъ находила болѣе полезнымъ помѣщать воспитанницъ сначала на маленькое жало-

[1]) Протоколъ Сов. В. О. бл. д. 24-го февраля 1797 г.

[2]) Кондиціи на опредѣленіе въ частные дома наставницъ для дѣтей изъ кандидатокъ С.-Пет. Воспитат. Дома (Арх. IV отд.).

ванье и потомъ, постепенно, на бо́льшее. „Но гдѣ же гарантія, что его прибавятъ?“ спрашиваетъ Императрица, и настояла на томъ, чтобы съ берущихъ къ себѣ въ домъ воспитанницу мѣщанскихъ училищъ требовали письменнаго обязательства увеличить впослѣдствіи сумму назначеннаго ей жалованья. Она огорчалась всякій разъ, когда взявшіе къ себѣ воспитанницу мѣщанскихъ училищъ или Воспитательнаго Дома, возвращали ее обратно. „Должно быть что-нибудь въ нихъ—писала она князю Голицыну о кандидаткахъ—не отвѣчаетъ требованіямъ родителей. Надо строго наблюдать за ихъ нравственностью, характеромъ, ученіемъ и, главнымъ образомъ, французскимъ языкомъ. Ни одна кандидатка не должна идти въ гувернантки, если у нея есть хоть малѣйшій недостатокъ въ характерѣ“ [1]). Въ письмахъ къ начальницѣ московскаго Александровскаго училища, Мелартъ, Императрица проситъ ее обращать вниманіе на то, чтобы воспитанницы хорошо говорили по-французски и чтобы у нихъ былъ хорошій выговоръ; „ибо—пишетъ она—прежде чѣмъ узнаютъ ихъ хорошія качества и способности, французскій выговоръ послужитъ первой рекомендаціей для поступленія на мѣсто... Совершенное французское произношеніе существенно важно для гувернантки“ [2]).

Въ петербургскомъ мѣщанскомъ училищѣ Императрица Марія отмѣнила первоначальное свое распоряженіе о томъ, чтобы воспитанницъ этого училища не обучали французскому языку послѣ того, какъ узнала, что нѣкоторыя благородныя воспитанницы пріема 1797 года были хорошо обучены этому языку бывшими воспитанницами училища, и въ видахъ „доставленія способовъ къ пропитанію таковымъ же еще воспитывающимся“ [3]). Точно также она установила и для мѣщанской половины публичный экзаменъ потому,—какъ она писала графу Завадовскому,—что „при особенномъ испытаніи съ особливымъ удовольствіемъ видѣла нарочитые успѣхи и мѣщанскихъ воспитанницъ... а съ другой стороны для удостовѣренія публики о попеченіи, прилагаемомъ о ихъ воспитаніи и образованіи и для доставленія и имъ самимъ, можетъ быть, выгоднаго состоянія и споспѣшествовать къ ихъ счастью: ибо когда присутствующими усмотрѣны будутъ прилежаніе сихъ воспитанницъ и ихъ успѣхи въ разныхъ знаніяхъ и рукодѣліяхъ, то конечно многіе изъ достаточныхъ людей тѣмъ побуждены бу-

---

[1]) Recueil de lettres de Sa Maj. 2-me livr. Письмо отъ 8-го апр. 1824 г.

[2]) Тамъ же. Письмо отъ 16-го сент. 1824 г.

[3]) Протоколъ Совѣта 4-го іюля 1797 г.

дутъ брать ихъ къ себѣ либо для надзиранія и воспитанія дѣтей, или же для вспомоществованія въ домѣ" [1]).

Для этихъ экзаменовъ Императрица также сама просматривала приготовленныя воспитанницами мѣщанскаго училища сочиненія и рѣшала, какія изъ нихъ можно показать публикѣ и какія нѣтъ. Но даже на выпускныхъ публичныхъ экзаменахъ на мѣщанской половинѣ Императрица не присутствовала, а изъ публики, кромѣ родителей и родственниковъ выходящихъ, приглашались не знатныя особы, какъ это было на экзаменахъ въ дворянскихъ институтахъ, а высшее духовенство. По распоряженію Императрицы, воспитанницы мѣщанской половины не допускались и на празднества, происходившія въ Обществѣ даже по такимъ случаямъ, какъ освященіе церкви или новаго дома.

Воспитанницъ дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома разрѣшалось возить, въ случаѣ надобности, въ наемныхъ каретахъ, и въ просьбѣ директриссы о присылкѣ придворныхъ каретъ Императрица отказала. Но она сдѣлала строгій выговоръ начальницѣ петербургскаго Екатерининскаго училища за то, что воспитанницъ повезли въ Смольный въ наемныхъ, а не придворныхъ каретахъ. „Мнѣ не нравится—писала Императрица,—чтобы воспитываемыхъ подъ моимъ покровительствомъ дѣвицъ возили по городу въ наемныхъ каретахъ" [2]). Когда въ 1812 году пришлось перевозить московскіе институты въ Казань и ихъ, за невозможностью достать нужное количество экипажей, увезли изъ Москвы въ телѣгахъ, Императрица пришла въ отчаяніе и негодованіе, которое и высказала въ письмѣ къ почетному опекуну московскихъ училищъ, М. Нелединскому-Мелецкому. „Какъ вы—писала она,—при тонкости вашихъ чувствъ, могли согласиться на жестокую мѣру—отпустить нашихъ дѣвицъ Института св. Екатерины, которыя всѣ дочери дворянъ, всѣ благородныя, на телѣгахъ? Такая мѣра по отношенію и къ Александровскому училищу печальна; но примѣнить ее къ воспитанницамъ Екатерининскаго Института—это нѣчто могущее привести въ отчаяніе; признаюсь вамъ, мой добрый Нелединскій, я объ этомъ горько плакала. Великій Боже! какое зрѣлище представилось столицѣ Имперіи, когда цвѣтъ дворянства увозили на телѣгахъ" [3])! Императрица винила начальницу въ томъ, что она не заявила формальнаго протеста противъ этого, также какъ и противъ отсылки всѣхъ учителей;

[1]) Письмо къ гр. Завадовскому отъ 28-го февр. 1803 г. (Арх. Восп. О. бл. дѣв.).

[2]) Письмо къ Брейткопфъ отъ 29-го авг. 1808 г. (Учр. по С.-Пет. уч. орд. св. Ек.).

[3]) Письмо отъ 26-го авг. 1812 г. Хроника недавней старины. Изъ Архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Петербургъ. 1876 г.

„вы, мой добрый Нелединскій,—продолжаетъ она въ своемъ письмѣ —на котораго дѣло было возложено, вы отправляете Институтъ безъ священника, безъ Инспектора классовъ, безъ учителей, даже безъ учителей иностранныхъ языковъ. Какъ это было возможно?“ Не довольствуясь частнымъ письмомъ, Императрица написала Нелединскому оффиціальное, съ выговоромъ за его распоряженія.

Воспитанницъ дворянскихъ институтовъ Императрица баловала; она посылала имъ фрукты, лакомства, игрушки, дѣлала подарки на елку. Въ каждомъ почти ея письмѣ къ начальницамъ этихъ институтовъ есть ласковая приписка, относящаяся къ воспитанницамъ, и вообще проглядываетъ нѣжное къ нимъ чувство; но съ ними самими она не переписывалась, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, находясь въ отсутствіи во время выпусковъ, присылала всему выпускному классу письма, которыя хотя и были исполнены теплыхъ къ вступающимъ въ жизнь воспитанницамъ чувствъ, но имѣли въ то же время характеръ правоученія и нѣкоторой оффиціальности. „Хотя я въ разлукѣ съ вами — писала Императрица изъ-за границы выпускаемымъ въ 1818 году изъ Общества,—мысли мои съ вами соприсутствуютъ въ сію важную минуту вашей жизни, когда вы готовитесь оставить мирное пристанище вашей юности. Я желаю еще разъ побесѣдовать съ вами черезъ сіи строки, такъ какъ съ предшественницами вашими бесѣдовала лично при подобныхъ случаяхъ, и я знаю, что обращаюсь къ сердцамъ открытымъ къ принятію и храненію наставленій, внушаемыхъ материнскими чувствами... Не бѣдность предосудительна, а постыдно неумѣнье переносить и облегчить оную честными средствами. Она паче служитъ похвалою, когда сопровождается добродѣтелью и трудолюбіемъ, изъ коихъ послѣднее служитъ твердымъ основаніемъ первой... Я увѣрена, что слова мои не изгладятся изъ вашей памяти, такъ какъ и напоминаніе о васъ сохранится въ моемъ сердцѣ. Пріимите въ послѣдній разъ благословеніе мое и теплѣйшія мои моленія о вашемъ благѣ. Прощайте! Да сохранитъ васъ Всевышній во всѣхъ путяхъ вашихъ!“ [1])

Такія наставленія, притомъ еще изложенныя письменно, не могли производить на молодыхъ дѣвушекъ впечатлѣнія живого, сердечнаго слова, а должны были казаться имъ сочиненнымъ на данный случай нравоученіемъ. Но сама Императрица вѣрила въ силу подобныхъ наставленій, помня вѣроятно, какъ ей нравились и какое дѣйствіе на нее производили въ молодости наставленія,

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1819).

сочиненныя для нея ея воспитательницею, какъ она читала ихъ и переписывала, чтобы какъ можно больше насладиться ими. Поэтому, можетъ быть, Императрица установила обычай, чтобы, при раздачѣ наградъ выпускнымъ воспитанницамъ, имъ прочитывалась отъ ея имени однимъ изъ членовъ Совѣта рѣчь, въ которой Императрица напутствовала выходящихъ наставленіями; эти наставленія, уже заранѣе написанныя, вручались тутъ же старшей воспитанницѣ съ тѣмъ, „чтобы всѣ ихъ списали и читали, какъ можно чаще, а не для того—какъ выразился кн. Голицынъ,—чтобы они въ шкатулкѣ вашей были всегда заперты и сбережены“ [1]).

Первое наставленіе, послужившее образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ, было составлено въ 1802 году, по случаю перваго выпуска изъ петербургскаго училища св. Екатерины; оно написано по видимому на иностранномъ языкѣ, потомъ оформлено и переведено на русскій, лицомъ, надо думать, духовнаго званія, ибо исторія въ немъ названа „бытописаніемъ“, ариѳметика— „числословіемъ“ и т. п. Но судя по тому, что въ этомъ первомъ наставленіи изложены, мѣстами буквально, мысли, которыя Императрица постоянно высказывала въ многочисленныхъ своихъ инструкціяхъ начальницамъ разныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, есть основаніе предполагать, что первоначальный текстъ на иностранномъ языкѣ былъ сочиненъ самою Императрицею.

Это первое наставленіе очень длинно; впослѣдствіи оно излагалось воспитанницамъ короче; но, не смотря на его длинноту, мы приведемъ его почти цѣликомъ, ибо въ немъ обрисовывается характеръ воспитанія, также взгляды Императрицы на цѣли, которымъ должно было служить даваемое въ институтахъ образованіе. „Въ сей незабвенный для дѣвицъ день—говорится въ рѣчи, прочитанной при выпускѣ изъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины въ 1802 году — Ея Величество изволитъ изъявлять воспитанницамъ материнское наставленіе, дабы онѣ, будучи на своей волѣ, не совратились съ того истиннаго пути, который неусыпными попеченіями и благодѣяніями Ея Императорскаго Величества посредствомъ воспитанія возстановили, памятуя данныя имъ наставленія и употребляя для благоденствія ихъ труды и старанія ихъ Попечителей, Наставницъ и учителей, кои усердствовали въ просвѣщеніи ихъ ума и исправленія сердца и нравовъ. Ея Величество представляетъ имъ со всемилостивѣйшею благосклон-

[1]) Рѣчь кн. Голицына при выпускѣ изъ моск. Ек. уч. (Истор. зап. о моск. уч., стр. 53—55). Самая рѣчь была записана въ журналъ Совѣта училища (7-го марта 1807 года), „для соблюденія такого же порядка при будущихъ выпускахъ“.

ностью наступающее для нихъ время, въ которое онѣ должны произвесть въ дѣйствіе тѣ правила добродѣтели и благочестія, которыя въ душѣ ихъ вкоренить старались; и во всѣхъ связяхъ и отношеніяхъ, въ которыхъ онѣ по выпускѣ находиться будутъ, доказать на самомъ дѣлѣ, что нетщетно употребляли старанія къ образованію ихъ душъ и сердца; что вступятъ онѣ въ состояніе дочерей, супругъ и матерей; что предстоящія новыя должности ихъ возлагаются на нихъ сими отношеніями; и если примутъ онѣ къ руководству данныя имъ въ училищѣ наставленія о должности къ Богу, къ ближнему и къ самимъ себѣ, то найдутъ въ оныхъ всѣ правила къ точному исполненію сихъ новыхъ обязанностей, коимъ слѣдуя, будутъ онѣ въ званіи дочери послушны и почтительны къ своимъ родителямъ и къ тѣмъ, кто мѣсто оныхъ у нихъ заступитъ; будутъ въ званіи супругъ вѣрны, добродѣтельны, нѣжны, скромны, старательны о пользѣ и чести тѣхъ, съ коими соединятъ свою судьбу; будутъ попечительны о порядкѣ, благоустройствѣ и добромъ хозяйствѣ въ домахъ своихъ; въ званіи матери соединятъ горячность къ дѣтямъ своимъ и благоразумными попеченіями о будущемъ сихъ послѣднихъ благополучіи постараются вселить въ юныя ихъ сердца тѣже правила, кои запечатлѣны училищемъ въ ихъ собственныхъ во время младости и которыя составили собственное ихъ щастіе; во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ потщатся онѣ сыскать свое утѣшеніе и веселіе не индѣ, какъ въ самихъ себѣ и ближайшихъ имъ предметахъ, т.-е. въ спокойствіи души, въ удовольствіи своихъ родителей, въ любви и благополучіи своихъ супруговъ, въ благонравіи своихъ дѣтей. Наконецъ, увѣщеваетъ ихъ, чтобы не забыли онѣ, что умъ ихъ просвѣщенъ и полезными знаніями украшенъ не для того, дабы блистали онѣ суемудріемъ или воспользовались бы мнимою ученостью, или же чтобы насмѣхались надъ тѣми, которыя не имѣли щастія пользоваться толико же хорошимъ воспитаніемъ; но чтоб онѣ, узнавъ могущество и благость Всевышняго, какъ въ душеспасительныхъ истинахъ христіанской вѣры, такъ и въ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ природы, благоговѣйнымъ удивленіемъ и любовью влекомы были къ усерднѣйшему исполненію Его заповѣдей; разумѣя, хотя слабо, связь вещей естественныхъ и видя всюду въ оныхъ благой Его промыселъ, удалялись отъ суевѣрія и полагали все упованіе свое на Провидѣніе; въ бытописаніяхъ выбирали бы себѣ примѣры кротости, цѣломудрія, терпѣнія и всякія добродѣтели; въ познаніяхъ о произведеніяхъ искусствъ и промыслахъ иныхъ странъ искали бы выгоднѣйшіе способы къ изображенію своихъ

хозяйственныхъ распоряженій; изъ числословія извлекали бы правила для содержанія своего домоводства и своихъ стараній въ надлежащемъ порядкѣ и ясности. Помнили бы, что онѣ обучены пріятнымъ искусствамъ и полезнымъ рукодѣліямъ не для того единственно, чтобы искать въ нихъ средства къ забавѣ въ праздности, или чтобы обратить оныя на предметы роскоши и суетной пышности; а дабы, украшая жизнь свою полѣзною дѣятельностію обратили бы искусство свое въ пользу бѣдныхъ родителей или родственниковъ, и поддерживали бы ихъ въ случаѣ нужды своими трудами; илиже обращали бъ оное въ пользу своего хозяйства и дѣтей, облегчая сими способами заботы супруга, о содержаніи ихъ пекущагося. Чтобы онѣ разсуждали, что есть-ли нынѣ неудастся принести пользу собственному ихъ семейству или составить щастіе супруга и дѣтей, то могутъ сдѣлаться полѣзными Обществу и ближнимъ, сообщая свои знанія и искусства малолѣтнимъ, наставляя ихъ въ правилахъ добродѣтели и благонравія и разпложая такимъ образомъ плоды ими въ училищѣ собранныя. Чтобы онѣ были увѣрены, что въ какихъ бы связяхъ, въ какомъ бы положеніи имъ по выходѣ изъ училища быть ни случилось, онѣ въ полученномъ ими воспитаніи найдутъ способы всюду обрѣсти благополучіе, есть-ли неудалятся отъ правилъ благочестія и нравственности и что единственное отступленіе отъ сихъ правилъ можетъ ввергнуть ихъ въ нещастіе. При окончаніи Августѣйшаго своего наставленія и увѣщанія, изъявлятъ изволитъ имъ свое увѣреніе въ томъ, что Ея Императорское Величество не будетъ сожалѣть о томъ, что онѣ несутъ на себѣ званіе воспитанницъ Екатерининскаго училища“. [1]).

Какъ жаль, что воспитанницамъ не читали и что онѣ не знали того, какъ сердечно говорила Императрица о нихъ въ своихъ письмахъ къ начальницамъ и какъ ярко въ этихъ письмахъ высказывалась ея любовь къ нимъ, ея дѣйствительно материнская заботливость о мельчайшихъ ихъ нуждахъ!

Озаботившись, съ первыхъ же лѣтъ своего управленія женскими учебными заведеніями, улучшеніемъ матеріальнаго положенія начальницъ, инспектриссъ и классныхъ дамъ, увеличеніемъ ихъ содержанія и обезпеченіемъ ихъ будущности пенсіею, Императрица личнымъ примѣромъ и всячески поощряла ихъ къ хорошему исполненію своихъ обязанностей; но за то она и требовала отъ нихъ почти невозможнаго. Императрица хотѣла, чтобы онѣ были дѣйствительно матерями воспитанницамъ, вникая во всѣ

---

[1]) Учр. С.-Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII. Журналъ Совѣта 24-го апр. 1802 г.

ихъ нужды и вселяя имъ безграничное къ себѣ довѣріе, чтобы онѣ всецѣло отдались заведенію. Вотъ какъ она понимала ихъ обязанности: въ инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества 1802 года сказано: „она (начальница) должна, такъ сказать, сдѣлаться матерью для всѣхъ... надо, чтобы всѣ принадлежащіе Дому (chaque être de la Maison) видѣли и были убѣждены, что начальница исключительно занята исполненіемъ своихъ обязанностей и что, занимая это высокое мѣсто, она дала обѣтъ посвятить всѣ свои нравственныя и физическія способности счастію каждой въ немъ находящейся личности“ [1]). По поводу просьбы начальницы московскаго Екатерининскаго училища, Перретъ, назначить ей помощницу, Императрица писала Брейткопфъ: „если г-жа Перретъ будетъ второю Брейткопфъ или Адлербергъ, то вся ея жизнь принадлежитъ Дому; она не знаетъ общества, не посѣщаетъ его, она вся отдалась заведенію, отказавшись отъ свѣта, и не нуждается въ помощницѣ, а только въ хорошихъ классныхъ дамахъ“ [2]). Сама Брейткопфъ, бывшая прежде классною дамою, рекомендуя такую даму для Екатерининскаго училища, говоритъ о ней Императрицѣ: „она охотно подчинится правиламъ, нѣсколько стѣснительнымъ для тѣхъ, кто не получилъ необходимаго намъ рода воспитанія, состоящаго въ томъ, чтобы полагать свою славу въ послушаніи, а свое счастіе въ точномъ исполненіи своихъ обязанностей, которыя тяжелы для невоодушевленныхъ любовью къ добродѣтели и страхомъ къ Богу“ [3]). Вообще, характеризуя ту или другую классную даму, Брейткопфъ обыкновенно выражалась: „elle a l'esprit de la Maison“, или: „elle n'a pas le goût de notre Maison“.

Императрица требовала отъ начальницъ и классныхъ дамъ, чтобы онѣ близко знали каждую воспитанницу, чтобы еженедѣльно представляли ей характеристики своего класса и чтобы особенно подробно и откровенно сообщали ей свѣдѣнія о воспитанницахъ старшаго класса, передъ выпускомъ. Когда одна изъ инспектриссъ Смольнаго, представивъ Императрицѣ характеристику нѣсколькихъ выходящихъ воспитанницъ, написала, что о другихъ ей нечего сказать, Императрица указала на это Адлербергъ, прибавивъ, что каждая классная дама должна вполнѣ хорошо знать всѣхъ ввѣренныхъ ей дѣтей, „а черезъ нея инспектрисса должна имѣть полныя свѣдѣнія о всемъ классѣ... Это не невозможное

[1]) Instruction pour Madame la Supérieure de la Communauté des demoiselles nobles. 11 janvier 1802 (*Лядовъ*. Истор. очеркъ 100 л. жизни. Приложеніе).

[2]) Письмо отъ 4-го мая 1806 г.

[3]) Письмо отъ 8-го іюня 1801 г.

требованіе—писала Императрица—а легкое... Особенно лѣтомъ, во время вакацій, классныя дамы должны ближе знакомиться съ воспитанницами и для этого больше разговаривать съ ними" [1]).

Къ начальницамъ Императрица относилась чрезвычайно хорошо и ласково. Адлербергъ, съ которою она переписывалась иногда и по-нѣмецки, Императрица называла „Mütterchen"; но это не мѣшало ей при случаѣ дѣлать Адлербергъ, какъ и другимъ начальницамъ, строгіе выговоры, всегда, впрочемъ, въ самой деликатной формѣ: „Вы знаете—писала она Адлербергъ,—какъ я васъ цѣню и люблю, но именно потому и говорю вамъ откровенно". Такой выговоръ былъ сдѣланъ однажды, когда Императрица узнала, что залу, гдѣ бываютъ родные воспитанницъ, по недѣлямъ не провѣтриваютъ и что тамъ ставятъ умершихъ отъ пятнистаго тифа (Fleckenfieber) [2]). Обыкновенно въ концѣ подобныхъ писемъ стояла приписка Императрицы: „не сердитесь, Mütterchen, что такъ говорю вамъ". Иногда она тонко давала замѣтить начальницѣ неумѣстность ея просьбы. Брейткопфъ, прося Императрицу ходатайствовать у великаго князя Константина Павловича о доставленіи мѣста въ Петербургѣ мужу учительницы рукодѣлія въ Екатерининскомъ институтѣ, писала, что у этой учительницы хорошій вкусъ; но если ея мужъ не получитъ просимаго мѣста, то она должна будетъ уѣхать съ нимъ въ провинцію. „Я еще не сообразила—пишетъ Императрица,—какимъ образомъ мнѣ удастся убѣдить великаго князя въ томъ, что хорошій вкусъ, отличающій работы нашихъ воспитанницъ, служитъ достаточной причиной для перемѣны въ назначеніи военнаго".

Во всѣхъ распоряженіяхъ Императрицы, касавшихся воспитанницъ, проглядываетъ—да она и прямо это высказывала—строгое сознаніе личной отвѣтственности за нихъ передъ родителями. Когда Брейткопфъ, не спросивъ ея разрѣшенія, позволила родителямъ одной воспитанницы оставить ее у себя дома сверхъ срока отпуска и написала Императрицѣ, что сдѣлала это потому, что воспитанницѣ приносятъ большую пользу морскія ванны, которыя она беретъ у родителей, Императрица отвѣтила: „взявъ на себя управленіе заведеніями, я должна имѣть возможность давать отчетъ о принадлежащихъ къ нимъ лицамъ, а это немыслимо, если начальствующіе будутъ имѣть власть разрѣшать имъ отлучаться по желанію" [3]).—„Мы должны давать точный отчетъ при отдачѣ дѣтей родителямъ"—не разъ повторяетъ она въ своихъ письмахъ.

[1]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1824 г.

[2]) Переписка по В. О. 1821 г.

[3]) Письмо отъ 20-го авг. 1807 г.

Императрица хотѣла, чтобы родители были убѣждены и въ томъ, что въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются ихъ дѣти, руководствуются одинаковою ко всѣмъ воспитанницамъ справедливостью. Постановивъ правиломъ не давать наградъ тѣмъ, которыя остались въ институтѣ послѣ выпуска еще на три года, а слѣдовательно два раза прошли курсъ старшаго класса, Императрица писала начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища, Пѣвцовой: „Вы увидите, что мною руководитъ только справедливость; надо быть справедливыми и строго соблюдать ее въ Институтѣ для того, чтобы закрѣпить довѣріе родителей“ [1]). Такъ же она относилась къ тому, чтобы при присужденіи наградъ воспитанницамъ не дѣлали предпочтенія пенсіонеркамъ передъ казенными. „Зачѣмъ среди наградныхъ—писала она князю Голицыну—нѣтъ штатныхъ воспитанницъ? Могутъ сдѣлать упрекъ, что на штатныхъ обращаютъ меньше вниманія. Здѣсь такъ говорили, когда то же случилось въ петербургскомъ училищѣ, и теперь первый шифръ получаетъ штатная“ [2]).

Сознаніе отвѣтственности передъ родителями высказывалось Императрицею съ особенной силою и трогательностью въ случаяхъ болѣзни и смерти дѣтей, на которыхъ она смотрѣла какъ на ввѣренныхъ лично ей самой. Случаи смерти глубоко огорчали Императрицу, и какъ ни старалась Адлербергъ объяснить причину частыхъ смертныхъ случаевъ въ Смольномъ тѣмъ, что, не смотря на докторскій осмотръ, многія дѣти поступаютъ очень слабыми, Императрица на этомъ не успокаивалась. Надо читать ея письма къ начальницамъ о больныхъ дѣтяхъ, чтобы убѣдиться, какъ горячо она принимала къ сердцу болѣзни и смерть дѣтей. О каждой больной она требовала самыхъ подробныхъ свѣдѣній изо дня въ день, и при этомъ не удовлетворялась какимъ-нибудь неяснымъ обозначеніемъ болѣзни, въ родѣ „больна ушибомъ“, а допытывалась причины и точнаго опредѣленія ея. Причину смерти одной воспитанницы ей объяснили тѣмъ, что эта воспитанница танцовала и потомъ выпила нѣсколько стакановъ воды. „Кто ей могъ дать ее?—пишетъ Императрица—что же смотрѣли классныя дамы?“ Если была надежда на выздоровленіе больной, Императрица старалась доставить ей всевозможныя утѣшенія, всячески ободрить ее, приказывала узнавать, не желаетъ ли чего-нибудь больная, и иногда сама исполняла ея желанія. Письма Императрицы о больныхъ воспитанницахъ иногда читали имъ, желая доставить этимъ

---

[1]) Recueil. 1 livr. Письмо отъ 13-го февр. 1828 г.

[2]) Recueil. 2 livr. Письмо отъ 31-го янв. 1825 г.

удовольствіе. Въ случаѣ ожиданія смерти больной, Императрица приказывала дѣлать все, что могло облегчить послѣднія ея минуты.

При всякомъ извѣстіи о смерти воспитанницы, Императрица глубоко и искренно огорчалась: „Мы очень несчастны въ этомъ году — обыкновенно писала она въ такихъ случаяхъ начальницѣ;—Богъ знаетъ, не слѣдствіе ли это недостаточности нашихъ заботъ о дѣтяхъ"; или: „будемъ молиться Богу, чтобы Онъ умилостивился надъ нами".—„Увѣряю васъ —писала она Брейткопфъ,—что всякій разъ, какъ вы мнѣ говорите, что нашъ добрый Крейтонъ (лейбъ-медикъ, котораго Императрица посылала къ трудно-больнымъ воспитанницамъ) находитъ, что мы дѣлаемъ все, что только возможно для спасенія нашихъ больныхъ, у меня становится легче на сердцѣ". Узнавъ о смерти разомъ двухъ воспитанницъ Екатерининскаго института, она пишетъ начальницѣ: „Какое жестокое извѣстіе вы мнѣ сообщили! до сегодняшняго дня Небо щадило меня отъ подобныхъ испытаній; да возьметъ насъ всѣхъ Провидѣніе подъ свое покровительство и да пощадитъ Оно меня отъ такихъ горькихъ испытаній. Гдѣ родители этихъ бѣдныхъ дѣтей?"

Забота облегчить горе родителей послѣ смерти дочери всегда была первою мыслью Императрицы. Не смотря на увѣренія ея личнаго доктора, что умершую лечили хорошо, Императрица часто, съ согласія родителей, приказывала вскрыть тѣло умершей, чтобы въ этомъ не оставалось сомнѣній. И дѣйствительно для леченія больныхъ, на сколько можно заключать изъ сообщеній начальницъ, прибѣгали ко всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ средствамъ, существовавшимъ тогда въ медицинѣ. Больнымъ дѣлали ванны изъ водки, ванны молочныя, призывали, съ согласія Императрицы, женщину, которая „чудесно лечитъ золотуху"; для оживленія обмершихъ, имъ дѣлали вспрыскиванія изъ табаку. Императрица иногда сама списывала и присылала рецепты. Вотъ одинъ изъ такихъ рецептовъ отъ коклюша: „мелко срубить чеснокъ, потомъ столочь въ ступкѣ и смѣшать съ свѣжимъ масломъ, не соленымъ, сдѣлать мазь, которую намазать на холстъ и положить на день и на ночь между плечъ на спину и на подошвы" [1]). Въ другой разъ она предложила начальницѣ московскаго Екатерининскаго института давать больной воспитанницѣ ослиное молоко. Для предупрежденія болѣзней Императрица приказала, чтобы служанки спрашивали всякій вечеръ

---

[1]) Письмо къ Брейткопфъ отъ 11-го сент. 1808 г.

у каждой воспитанницы своего дортуара: не болитъ ли у нея голова, не чувствуетъ ли она недомоганія, вообще все ли у нея въ порядкѣ; въ случаѣ еслибы отъ какой-нибудь воспитанницы получился неудовлетворительный отвѣтъ, о немъ служанка должна была сказать классной дамѣ; еслибы два дня сряду получался такой же отвѣтъ, классная дама обязана была переговорить сама съ воспитанницей и затѣмъ передать все доктору. Точно также служанкамъ было предписано замѣчать перемѣны въ расположеніи духа той или другой воспитанницы [1]).

Согласно господствовавшему тогда въ медицинѣ взгляду, Императрица также была склонна приписывать бо́льшую часть болѣзней простудѣ; но она понимала и необходимость для дѣтей хорошей пищи, хорошаго воздуха и достаточнаго движенія.

Пища воспитанницъ составляла предметъ самыхъ настойчивыхъ и постоянныхъ заботъ Императрицы. Она просматривала меню́, которыя, по ея требованію, еженедѣльно посылались ей начальницами всѣхъ институтовъ, и почти во всякомъ своемъ письмѣ къ нимъ дѣлала свои замѣчанія, желая, чтобы воспитанницъ кормили не только достаточно сытно и чтобы припасы были доброкачественны, но чтобы пища была и разнообразная. По этимъ мѣстамъ ея писемъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ тогда кормили въ институтахъ. Къ этому предмету своихъ заботъ Императрица относилась строго и сама писала Адлербергъ: „какъ бы я ни была къ вамъ расположена, но когда дѣло идетъ о пищѣ воспитанницъ, то не могу этого такъ оставить", и почти во всякомъ письмѣ, сравнивая меню́ одного института съ другими, она дѣлала вопросы и замѣчанія начальницамъ, особенно о постномъ столѣ, который сначала давался воспитанницамъ два раза въ недѣлю, кромѣ установленныхъ постовъ. Впрочемъ Императрица сдѣлала въ этомъ отношеніи облегченіе сначала для „новенькихъ", а потомъ и для всѣхъ воспитанницъ, отмѣнивъ постную пищу въ обыкновенное время, а во время постовъ разрѣшила давать рыбу. „Зачѣмъ — пишетъ она Адлербергъ — въ обѣдѣ воспитанницъ габеръ-супъ съ изюмомъ, а на второе блюдо вареный черносливъ [2])?.. зачѣмъ два дня сряду одно и то же кушанье?.. зачѣмъ два, а не три кушанья за обѣдомъ?.. зачѣмъ картофель за обѣдомъ?.. надѣюсь — прибавляетъ она, — что дали прошлогодній, ибо молодой еще вреденъ" [3]).

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1826).

[2]) На это Адлербергъ отвѣтила, что вмѣсто вареннаго чернослива дали хлѣбъ съ масломъ.

[3]) Письмо отъ 9-го авг. 1807 г.

...Что за странный ужинъ—пишетъ она въ другой разъ—только тартинки съ двумя сортами мяса!.. зачѣмъ даютъ грибы, отъ нихъ дѣлается разстройство желудка... зачѣмъ такъ часто даютъ сухіе фрукты въ постные дни?" [1])...

Какъ можно заключить по одному изъ писемъ Брейткопфъ, воспитанницамъ Екатерининскаго института давалось жаркое только по воскресеньямъ и праздникамъ; но, должно быть, въ остальные дни подавалось вареное мясо, потому что въ одномъ изъ своихъ писемъ Императрица дѣлаетъ замѣчаніе, что „супъ варится слишкомъ долго, 10 часовъ, до тѣхъ поръ, пока кости становятся мягкими". На каждую воспитанницу полагалось $1/2$ ф. говядины, а на классную даму по 1 ф. [2]). Въ Смольномъ монастырѣ столъ обходился постомъ менѣе 20 коп. на человѣка, а въ Екатерининскомъ—болѣе 25-ти, и на это Императрица указала Брейткопфъ, говоря, что „ничего не надо жалѣть для здоровья дѣтей, но необходимо соблюдать аккуратность въ счетахъ".

Она поручила доктору наблюдать за лазаретнымъ столомъ воспитанницъ, и когда однажды докторъ Екатерининскаго института въ своемъ „рапортѣ" отмѣтилъ, что супъ „порядочный" (ziemlich gut), Императрица написала, что супъ долженъ быть всегда „очень хорошъ, въ особенности для больныхъ". Точно также Императрица сдѣлала выговоръ Брейткопфъ, узнавъ изъ донесенія доктора, что поданное воспитанницамъ пирожное было дурно испечено. По ея приказанію была увеличена порція хлѣба въ лазаретахъ. Вообще всѣ мелочи стола воспитанницъ обращали на себя вниманіе Императрицы, которая посылала иногда въ институты, преимущественно въ Смольный и Екатерининскій, такія принадлежности стола, которыя вѣроятно не полагались въ институтскомъ бюджетѣ: сарептскую горчицу, пирожки, яблоки, и однажды была очень недовольна, что все ею присланное отдали однѣмъ класснымъ дамамъ. „Это послано—писала Императрица —для воспитанницъ вмѣстѣ съ классными дамами" [3]).

Когда въ 1812 году Адлербергъ написала Императрицѣ, что воспитанницы отказались отъ бѣлаго хлѣба на все время, пока будетъ продолжаться война, Императрица велѣла поблагодарить воспитанницъ, но прежде спросить доктора,—можно ли лишить ихъ бѣлаго хлѣба.

Она часто напоминала начальницамъ, чтобы дѣти не были скучены въ дортуарахъ, чтобы комнаты достаточно провѣтри-

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек.

[2]) Письмо Брейткопфъ отъ 13-го марта 1807 г.

[3]) Переписка по Восп. Общ. 1816 г.

вались, чтобы дѣтей водили гулять въ садъ или на дворъ, а въ случаѣ дурной погоды, чтобы они дѣлали движеніе въ комнатахъ; она требовала, чтобы лѣтомъ имъ давали меньше сидячихъ занятій. Когда зимой увеличилось число больныхъ въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, Императрица писала начальницѣ: „Это конечно очень жаль; но вамъ нечего пугаться и въ особенности не приписывайте этого прогулкамъ въ хорошую, хотя бы и холодную погоду".

Только одного рода болѣзней Императрица не допускала у воспитанницъ и относилась къ такимъ болѣзнямъ даже строго: это болѣзнь нервами. „Я съ сожалѣніемъ вижу — пишетъ она начальницѣ московскаго Екатерининскаго института, — что Текутьева (воспитанница) все еще нездорова; но, главное, мнѣ не нравится родъ ея болѣзни: молодая дѣвушка не должна страдать нервами, болѣзнью, которая не допускается ни въ одномъ изъ здѣшнихъ институтовъ, гдѣ, поэтому, ея и не бываетъ. Эта болѣзнь требуетъ, чтобы вы рѣшительно и твердо объяснили Текутьевой, что такая болѣзнь не можетъ быть терпима въ институтѣ, что если она въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь огорчена, то должна имѣть на столько къ вамъ довѣрія, чтобы сказать причину своего горя, а вы конечно постараетесь ее утѣшить; но ей не слѣдуетъ предаваться воображенію до такой степени, чтобы отъ этого страдало ея здоровье. Прошу васъ поговорить съ ней объ этомъ очень серьезно, чтобы пресѣчь зло у корня". Въ припискѣ къ этому письму, Императрица собственноручно продолжаетъ: „Слава Богу, у насъ, моя дорогая Пѣвцова, эта болѣзнь неизвѣстна и нетерпима; правда должна имѣть доступъ къ молодымъ, хорошо воспитаннымъ дѣвушкамъ, а воображеніе—сдерживаться въ должныхъ границахъ; полное довѣріе къ вамъ, которая съумѣетъ дать имъ совѣтъ, участливо отнестись къ ихъ огорченіямъ, склонить ихъ прибѣгнуть, если это въ данномъ случаѣ требуется, къ молитвѣ, все это должно успокаивать ихъ. Еслибы у насъ замѣтили наклонность къ болѣзни нервовъ у какой-нибудь изъ нашихъ молодыхъ головокъ, это повлекло бы за собою исключеніе ея; слава Богу, одна мысль о возможности этого служитъ лекарствомъ, которое намъ всегда удавалось" [1]).

А между тѣмъ тоска по дому, по своимъ, это чувство столь знакомое большинству дѣвочекъ въ институтахъ, особенно тѣмъ, родители которыхъ, привезя дочь, сами уѣзжали изъ города, гдѣ

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 30-го окт. 1827.

ихъ оставили, это весьма естественное и понятное чувство и было часто причиною „болѣзни нервами“ институтокъ. Бывали случаи даже смерти между ними отъ тоски по родному дому. Однажды только-что привезенная отцомъ въ Екатерининскій институтъ „новенькая“ выскочила въ окно и пошла къ отцу, чтобы еще разъ увидѣть его. Когда отецъ привелъ ее обратно, она объяснила свой поступокъ тѣмъ, что не могла заснуть всю ночь отъ тоски. Императрица, успокоенная Брейткопфъ тѣмъ, что никто не успѣлъ узнать о случившемся, велѣла принять мѣры, чтобы слухъ объ этомъ не проникъ въ публику. Этимъ дѣло и кончилось; но вообще Императрица, по видимому, не допускала мысли, чтобы можно было сильно грустить въ институтѣ.

Кромѣ тоски по дому и самая институтская жизнь могла порождать болѣзнь нервами. Какъ бы ни старались начальницы, инспектриссы и классныя дамы исполнить желаніе Императрицы замѣнять воспитанницамъ мать,—на дѣлѣ этого быть не могло, по крайней мѣрѣ по отношенію ко всѣмъ воспитанницамъ. У начальствующихъ лицъ были свои любимыя и нелюбимыя; и въ число первыхъ попадали бóльшею частью чѣмъ-нибудь выдающіяся воспитанницы: или красивою внѣшностью, или знатныя, или отличавшіяся талантами, или наконецъ такія, которыя умѣли поддѣлаться къ нимъ; такихъ институтки называли „подольстихами“. Рѣдко въ „отлички“ — какъ мѣтко подруги называли любимицъ—попадалась дѣйствительно хорошая дѣвочка, ибо открытый, живой, правдивый характеръ часто долженъ былъ проявляться нарушеніемъ институтской дисциплины. Такимъ образомъ большинство дѣвочемъ, при отчужденности отъ своей семьи, жили въ институтѣ не согрѣваемыя теплымъ чувствомъ, видя вокругъ себя сухое, формальное отношеніе со стороны начальствующихъ лицъ. И для собственнаго ихъ чувства не было простора при институтской дисциплинѣ, по которой весь день долженъ былъ проходить по разъ на всегда установленному, чинному порядку, отступленіе отъ котораго даже въ такихъ мелочахъ, какъ разговоръ во время попарнаго шествія въ классы или столовую, вызывалъ выговоры и наказанія. Не мудрено, что у институтокъ создавался свой собственный внутренній міръ, проявлявшійся въ такихъ ненормальностяхъ, которыя налагали свой отпечатокъ нерѣдко на всю жизнь дѣвушки.

Начальницы, конечно, знали и понимали это, но, понятно, не сообщали Императрицѣ; а она, дѣйствительно прилагавшая самую горячую заботливость о томъ, чтобы институтъ замѣнялъ дѣтямъ семью, и поэтому, можетъ быть, вѣрившая въ возможность такой замѣны, не могла себѣ и представить, чтобы кто-нибудь изъ вос-

питанницъ чувствовала себя нехорошо въ институтѣ. Она такъ ревниво къ этому относилась, что очень оскорбилась, когда отецъ одной больной дѣвочки, прося отдать ее ему, назвалъ ее „несчастною“. Заблужденіе Императрицы въ этомъ отношеніи проистекало изъ горячей любви къ своимъ учрежденіямъ и имѣло источникомъ искреннее, не подлежащее сомнѣнію, желаніе сдѣлать воспитанницъ какъ можно болѣе счастливыми.

Примѣръ Императрицы долженъ былъ бы вліять на такое же отношеніе къ воспитанницамъ начальницъ, инспектриссъ и классныхъ дамъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ личнаго примѣра, Императрица, можно сказать, учила ихъ въ своихъ письмахъ: „продолжайте—писала она Пѣвцовой—сообщать мнѣ откровенно и не колеблясь всѣ замѣчанія, которыя придутъ вамъ на умъ для усовершенствованія воспитанія нашихъ дѣтей, и я буду отвѣчать вамъ всегда съ тою же откровенностью, все равно—одобряю ли вашу точку зрѣнія, или смотрю иначе: обсуждая вмѣстѣ, съ единственною цѣлью блага нашихъ воспитанницъ, мы найдемъ истину, которую ищемъ, вы и я, совершенно искренно“. И въ другомъ письмѣ: „еслибы я не раздѣляла вашего мнѣнія, я всегда буду вамъ благодарна за то, что вы откровенно высказываете мнѣ вашъ взглядъ и ваше пониманіе дѣла“ [1]).

Къ сожалѣнію, свидѣтельствъ объ этомъ времени со стороны самихъ бывшихъ воспитанницъ въ нашей литературѣ нѣтъ. По всей вѣроятности, уже тогда—нѣкоторыя по крайней мѣрѣ—начальницы пріобрѣли тотъ оттѣнокъ „дидактическій или правоучительный“... тотъ „покровительственный видъ“, о которомъ говоритъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ запискахъ, относящихся къ тридцатымъ годамъ [2]). Изъ писемъ же и донесеній самихъ начальницъ Императрицѣ, не видно, какъ онѣ относились къ воспитанницамъ, и внушали ли имъ столько къ себѣ довѣрія, чтобы тѣ обращались къ нимъ со всѣми своими нуждами, чего желала Императрица. Вообще въ этихъ письмахъ попадаются иногда довольно полныя характеристики нѣкоторыхъ отдѣльныхъ воспитанницъ, но сообщается очень мало подробностей личной, внутренней жизни институтокъ. Для примѣра приведемъ одну изъ характеристикъ мѣщанской воспитанницы Воспитательнаго Общества: „Воспитанница NN—пишетъ инспектрисса мѣщанскаго училища—характера мало общительнаго; иногда въ ней замѣтно упрямство, полная неспособность къ ученію. Манеры и вся внѣшность не въ ея пользу; она можетъ

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письма отъ 30-го ноября 1826 г. и 21-го февр. 1828 г.
[2]) „Р. Арх.“ 1872, 7 и 8. Записки графини А. Д. Блудовой, 1234.

быть употребляема для рукодѣлій. Впрочемъ не порочна" [1]). Объ одной изъ воспитанницъ Екатерининскаго училища—Брейткопфъ сообщаетъ такія странныя свѣдѣнія: „Мунтенъ (фамилія воспитанницы)—геній (est un génie); ея несчастіе въ томъ, что она два раза, во время своего пребыванія въ институтѣ, теряла разсудокъ; это препятствовало намъ уничтожить совершенно ея недостатки — тщеславіе и небрежность; она была такъ впечатлительна, что для сохраненія ей разсудка надо было поступать относительно ея очень осторожно" [2]).

Рѣдко въ донесеніяхъ начальницъ попадаются разсказы о дѣтской жизни маленькихъ воспитанницъ, а если они и бывали, то касались внѣшнихъ событій этой жизни, въ родѣ того, что такую-то дѣвочку укусила собака или что для сохраненія времени, дѣтей пріучили вязать чулки повторяя уроки, и что дѣти такъ къ этому привыкли, что повторяютъ уроки съ меньшимъ удовольствіемъ, когда у нихъ нѣтъ чулка въ рукахъ. Еще въ первые годы управленія Императрицы Обществомъ, при начальницѣ Пальменбахъ, сообщались Императрицѣ живые разсказы изъ дѣтскаго міра воспитанницъ. Какъ признакъ добраго сердца одной изъ нихъ, инспектрисса донесла, что эта дѣвочка отрѣзала кусочекъ отъ своего одѣяла, чтобы прикрыть имъ свою куклу, у которой—сказала она—до тѣхъ поръ только и было изъ одежды, что юбка изъ бумаги [3]).

За то начальницы часто въ своихъ донесеніяхъ говорили, можетъ быть зная, что это пріятно Императрицѣ, о внѣшнихъ качествахъ воспитанницъ. Брейткопфъ, обладавшая, по видимому, больше всѣхъ другихъ начальницъ педагогическимъ тактомъ, тѣмъ не менѣе не упускала случая упомянуть о произведенномъ тою или другою воспитанницею на другихъ впечатлѣніи. Описывая собраніе (assemblée) въ Екатерининскомъ институтѣ, она говоритъ, что собраніе было блестящее, что присутствовавшія на немъ графиня Тизенгаузенъ, три фрейлины и много дамъ высшаго круга, при видѣ множества хорошенькихъ воспитанницъ, спросили ее, не нарочно ли ихъ подобрали, что всѣ вынесли такое мнѣніе, что „хорошія манеры, ставшія рѣдкостью въ обществѣ, водворились въ институтѣ" [4]). На замѣчаніе Брейткопфъ о томъ, что между вновь принятыми въ институтъ штатными воспитанницами нѣтъ хорошенькихъ, что въ ихъ манерахъ и отвѣтахъ отражается пренебреженіе, въ которомъ онѣ до сихъ поръ жили, Императрица

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1828).

[2]) Переписка по С.-Пет. уч. орд. св. Ек. 1808.

[3]) Учр. по В. О. 1797—1828 (1798).

[4]) Письма отъ 1-го и 10-го авг. 1811 г.

выразила надежду, что хотя онѣ и некрасивы, но Брейткопфъ сдѣлаетъ ихъ хорошими, приносящими честь институту.

Полагаясь на сужденія начальницъ и основываясь на представляемыхъ ими характеристикахъ лучшихъ воспитанницъ, Императрица составляла себѣ мнѣніе, которому ей хотѣлось вѣрить, что институтское воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ лучше частнаго и домашняго. „Наши дѣвицы — писала она Адлербергъ — выходятъ съ лучшими правилами изъ нашихъ рукъ. Дай Богъ, чтобы это всегда такъ было [1])!" Начальницы, по видимому, раздѣляли это мнѣніе: ...„смѣю надѣяться — писала Брейткопфъ — о выходящихъ, что Богъ благословитъ ихъ вступленіе въ свѣтъ, куда онѣ приносятъ надлежащую подготовку и рѣшимость идти по узкому пути правды" [2]). Если же случалось что-нибудь, не оправдывавшее такого мнѣнія, Императрица сильно огорчалась. Однажды Адлербергъ сообщила ей, что за одну изъ воспитанницъ благородной половины Общества, баронессу фонъ-Бюловъ, сватается камердинеръ и что она дала свое согласіе. Императрица разсердилась и поручила своему секретарю Вилламову спросить баронессу — по волѣ ли она идетъ за камердинера, „что весьма удивительно". Вилламовъ доложилъ, что начальница, въ присутствіи инспектриссъ, спросила фонъ-Бюловъ: „что̀ заставило ее сдѣлать такой унизительный шагъ?", прибавивъ, что Императрица очень удивлена и недовольна тѣмъ, что „дѣвица, получившая такое воспитаніе, могла такъ забыться"... „Со слезами на глазахъ — доносилъ Вилламовъ — фонъ-Бюловъ отвѣтила, что согласилась на предложеніе камердинера по неопытности, но узнавъ теперь взглядъ на ея поступокъ Императрицы, а также, что такимъ поступкомъ она поступаетъ противъ началъ полученнаго ею воспитанія, она раскаявается и беретъ назадъ данное камердинеру слово" [3]).

Императрица такъ оберегала воспитанницъ отъ преждевременнаго знанія жизни, что никогда не соглашалась на помѣщеніе въ институты незаконнорожденныхъ дѣтей. „Я не хочу — писала она Брейткопфъ, — чтобы у воспитанницы института могла явиться даже мысль о какомъ-либо иномъ рожденіи или родствѣ, кромѣ общаго всѣмъ" [4]).

Подъ конецъ своей жизни Императрица, продолжая, можетъ быть, вѣрить въ то, что институтское воспитаніе, которое при ней

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1797—1828 (1824).

[2]) Письмо отъ 19-го февр. 1805 г.

[3]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1804.

[4]) Письмо отъ 14-го марта 1805 г.

оканчивалось въ 16—17 лѣтъ, можетъ привить дѣвушкѣ твердыя и прочныя, на всю жизнь, нравственныя правила, относилась уже спокойнѣе къ такимъ даже случаямъ, какъ похищеніе сыномъ начальницы московскаго Екатерининскаго института воспитанницы этого института.

По поводу этого „печальнаго сюжета", какъ выразилась Императрица въ письмѣ къ начальницѣ, она не обнаружила того негодованія, какое вызвало бы въ ней подобное событіе въ болѣе ранніе годы ея управленія институтами, и къ самой начальницѣ отнеслась снисходительно... „Могу повторить — писала Императрица—только то, что уже сказала раньше: не могу снять съ васъ отвѣтственности въ отсутствіи съ вашей стороны осторожности... однако я испытала, читая ваше донесеніе, одно утѣшительное чувство, а именно, что вы предупреждали княгиню Голицыну о привязанности вашего сына къ ея любимицѣ и что съ этой стороны вы исполнили свою обязанность. Она сама мнѣ это подтвердила, прибавивъ, что и молодая дѣвушка ей писала, прося взять ее изъ Института. Осторожнѣе было бы съ вашей стороны, еслибы вы тотчасъ, какъ только замѣтили взаимную склонность молодыхъ людей, помѣшали всякимъ между ними свиданіямъ, и, стало быть, отняли бы у нихъ возможность сговориться. Увѣдомьте меня, какъ это имъ удалось устроить свой побѣгъ такъ, что ни ваши дочери — подруги дѣвицы Агреневой, ни кто-либо въ Домѣ, ничего и не заподозрилъ. Что касается брака, я не могу раздѣлять вашу точку зрѣнія на него. Конечно, онъ снимаетъ отчасти то, что было преступнаго въ этомъ дѣлѣ, но онъ его не оправдываетъ; скандалъ похищенія остается, и союзъ, заключенный такимъ неправильнымъ путемъ, не можетъ ни разрушить неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго, конечно, этимъ грустнымъ событіемъ на публику, ни отвратить отъ вашего сына послѣдствій его поступка, которымъ онъ провинился и передъ Домомъ, которому была ввѣрена молодая особа и начальницею котораго состоитъ его мать, и передъ своимъ начальствомъ, безъ дозволенія котораго онъ не могъ жениться... Какъ ни велико милосердіе государя, на которое, конечно, вы должны возлагать свое упованіе, вы не можете не признать вашего сына виновнымъ. Хотя государь извѣщенъ объ этомъ скандалѣ, онъ предоставляетъ дѣло законному его теченію, и если справедливость предписываетъ ему, какъ законъ, наказывать подобныя нарушенія, которыми оскорблено столько условій, милосердіе его даетъ вамъ право надѣяться, что онъ соизволитъ смягчить наказаніе. Главное въ томъ, чтобы наши воспитанницы не видали при-

мѣра подобнаго увлеченія, и, не желая, конечно, стѣснять васъ въ вашихъ чувствахъ къ виновнымъ, я должна, однако, требовать, чтобы вы навсегда запретили появленіе въ Институтѣ обоимъ супругамъ. Но такъ какъ уже больше невозможно скрыть отъ воспитанницъ этого непріятнаго происшествія, то надо обратить его имъ на пользу и заставить ихъ глубоко почувствовать, къ чему можетъ привести малѣйшее уклоненіе отъ запечатлѣнныхъ въ нихъ строгихъ правилъ нравственности; какъ существенно важно для нихъ глубоко проникнуться этими правилами и всегда ими руководствоваться не только въ своихъ дѣйствіяхъ, но даже въ своихъ мысляхъ. Въ этомъ я разсчитываю на вашу заботливость о нашихъ воспитанницахъ и увѣрена, что вы удвоите старанія, заботы и бдительность для того, чтобы отвратить отъ себя дѣйствіе впечатлѣнія, которое могло быть произведено на публику, и чтобы вновь укрѣпить ея довѣріе. Искренно желаю успѣха вашимъ стараніямъ“ [1]).

Убѣжденіе въ прочности привитыхъ институтскимъ воспитаніемъ правилъ нравственности 16—17-ти-лѣтнимъ дѣвушкамъ должно было въ корнѣ подрываться въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанницы уже послѣ выпуска изъ института не оправдывали такого убѣжденія и начальницы слагали съ себя отвѣтственность, виня во всемъ родителей дѣвушки. „Наши воспитанницы—писала Адлербергъ,—оставшись безъ надзора, очень часто преступаютъ границы порядочности и женственной нѣжности, особенно если попадаютъ въ руки безнравственныхъ родителей. Но нельзя въ этомъ упрекать Воспитательное Общество и его воспитаніе“ [2]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Брейткопфъ, Императрица разсказываетъ, что одна изъ бывшихъ воспитанницъ Екатерининскаго училища бросилась передъ нею на колѣни, когда она садилась въ карету, и подала ей просьбу о томъ, чтобы Императрица дала ей мѣсто камеръ-юнгферы. По этому случаю Императрица пишетъ Брейткопфъ: „я была удивлена и огорчена тѣмъ, что воспитанница училища могла до такой степени забыть правила скромности и осмотрительности, которыя были ей внушены... Мнѣ хотѣлось скрыть отъ присутствовавшихъ при этой сценѣ, что это—бывшая воспитанница Института... Призовите ее къ себѣ и внушите ей, насколько такой поступокъ неприличенъ для хорошо воспитанной дѣвицы... скажите ей, что дѣлать публичную сцену несовмѣстно съ скромностью, которая служитъ

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 16-го апр. 1828 г.

[2]) Переписка по В. О. бл. дѣв. 1828.

лучшимъ украшеніемъ ея пола, и что, наконецъ, мѣста горничной (femme de chambre) не просятъ, а ждутъ, чтобы его предложили... скажите, что она не должна отступать отъ правилъ, лежащихъ въ основѣ воспитанія, получаемаго дѣвицами въ Институтахъ". Въ отвѣтъ на это, Брейткопфъ написала Императрицѣ, что всегда боялась за эту дѣвицу, „у которой нѣтъ благоразумной матери"; что этой матери всегда хотѣлось приблизить свою дочь къ государынѣ, и объ этомъ она просила и ее; но она, Брейткопфъ, была противъ, ибо дочь, бывшая воспитанница, „принесла съ собой въ Институтъ легкомысленный характеръ, который и сохранила во все время своего пребыванія въ заведеніи; она была изъ тѣхъ, которыя стоили намъ наибольшаго труда... Удовлетвореніе, которое она, наконецъ, стала намъ давать, не успокоивало насъ, ибо мы знали, что по выпускѣ она возвратится къ неосторожной и легкомысленной матери, до сихъ поръ пропитанной суетными вкусами" [1]).

Еще въ 1802 году Совѣтъ Воспитательнаго Общества представлялъ Императрицѣ, что требованіе отъ родителей обязательства не брать своихъ дѣтей до окончанія ими полнаго курса ученія было обусловлено уставомъ потому, что при учрежденіи Общества господствовало предубѣжденіе противъ новаго воспитанія и немногіе родители соглашались отдавать дочерей въ Общество; но что теперь столько желающихъ, что не находится для всѣхъ мѣста. Императрица не соглашалась сначала на отмѣну этого правила; когда же въ 1797 году родители одной больной дѣвочки просили Совѣтъ Общества отдать имъ дочь, бывшую ихъ пенсіонеркой, Императрица послала своего лейбъ-медика осмотрѣть больную; а когда и онъ призналъ ее такою, —согласилась на отдачу ея родителямъ, но внесла свои деньги за все время, на которое дѣвочка была отдана въ Общество. Потомъ, когда число желающихъ отдавать своихъ дочерей въ институты сильно увеличилось, Императрица стала смотрѣть на пріемъ дѣтей на штатныя вакансіи какъ на награду за заслуги родителей. Дочерей умершаго генерала отъ инфантеріи, князя Багратіона, бывшихъ его пенсіонерками, она велѣла перевести въ комплектныя, „въ уваженіе къ отличнымъ заслугамъ отца". Подобные случаи бывали довольно часто, особенно по отношенію къ дѣвушкамъ, принадлежавшимъ къ знатнымъ фамиліямъ; ихъ и принимали пенсіонерками, часто и не „по лѣтамъ", отдавая подъ надзоръ одной изъ инспектриссъ, съ обѣщаніемъ допустить къ

---

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1803.

первой же баллотировкѣ въ штатныя. Съ другой стороны отказывали въ пріемѣ дѣтей такихъ родителей, которые были въ чемъ-либо заподозрѣны. Императрица сама вычеркивала такихъ изъ списковъ и однажды вычеркнула дочь прапорщика Вахтина, „за дурное поведеніе отца, если онъ тотъ самый, что былъ при деревняхъ графини Скавронской"; точно также она не велѣла принять дочь отца, который былъ сосланъ при Екатеринѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, Императрица стала соглашаться на отдачу родителямъ не только больныхъ пенсіонерокъ, а и здоровыхъ, но плохихъ воспитанницъ; ихъ возвращали и съ благородной половины, и съ мѣщанской, при чемъ иногда родителямъ послѣднихъ возвращали внесенную ими впередъ за дочь плату; возвращали даже передъ самымъ выпускомъ, если воспитанница не была помѣщена въ спискѣ наградныхъ. Но Императрица очень неохотно разрѣшала отдачу до срока лучшихъ по знаніямъ или талантамъ воспитанницъ. „Я постараюсь — писала она Брейткопфъ передъ выпускомъ изъ Екатерининскаго института, — чтобы всѣ необходимо нужныя для пѣнія и танцевъ остались до конца" [1]).

Въ болѣе раннемъ письмѣ она мотивировала нежелательность возвращенія дѣтей родителямъ до срока тѣмъ, что „Институтъ долженъ оградить себя отъ упрека въ неудавшемся воспитаніи, едва начатомъ и сейчасъ же прерванномъ" [2]), а Совѣты ссылались въ своемъ отказѣ на то, что отдача до срока противна узаконеніямъ Общества.

Подъ конецъ своей жизни Императрица пришла къ убѣжденію, что какъ ни досадно отдавать родителямъ ихъ дочерей — пенсіонерокъ, „но — писала она Пѣвцовой — я думаю, что будетъ почти невозможно этому помѣшать" [3]).

Бывали однако случаи, когда сама Императрица охотно нарушала это правило. Это дѣлалось тогда, когда воспитанницѣ, еще въ бытность ея въ институтѣ, представлялась возможность выйти замужъ или какъ-нибудь иначе хорошо устроиться. Собирая справки о лицахъ, посѣщающихъ воспитанницъ, и узнавъ однажды, что одну изъ нихъ навѣщаетъ купецъ, котораго она называетъ своимъ родственникомъ, Императрица велѣла Адлербергъ узнать, женатъ ли онъ, какого возраста и — „подъ рукою" — есть ли у него состояніе. Такого рода порученія она давала довольно часто, пользуясь каждою возможностью устроить будущность воспитанницъ.

---

[1]) Письмо отъ 10-го янв. 1811 г.

[2]) Письмо отъ 24-го іюня 1807 г.

[3]) Письмо отъ 6-го марта 1828 г.

Въ случаяхъ сватовства за воспитанницу во время ея нахожденія въ институтѣ, Императрица поступала осторожно. Иногда сватающіе воспитанницу обращались съ предложеніемъ прямо къ Императрицѣ, иногда къ начальницѣ института, гдѣ дѣвушка воспитывалась. Тогда Совѣту института поручалось, собрать справки о женихѣ, также спросить воспитанницу, согласна ли она выйти за него замужъ, и представить обо всемъ Императрицѣ, отъ которой зависѣло окончательное рѣшеніе. По случаю одного предложенія, сдѣланнаго воспитанницѣ Екатерининскаго института черезъ начальницу, послѣдняя, донося объ этомъ Императрицѣ, писала о женихѣ: „онъ капитанъ въ отставкѣ, имѣетъ мать, у которой 50 душъ; но ихъ придется, послѣ ея смерти, раздѣлить на четыре части... По моему мнѣнію,—прибавляла Брейткопфъ—онъ надѣется этимъ бракомъ пріобрѣсть себѣ хлѣбное мѣсто, ибо у него хлѣба нѣтъ“ [1]). Когда за воспитанницу Екатерининскаго же института посватался извѣстный въ свое время Григорій Глинка, о которомъ Карамзинъ писалъ какъ о „феноменѣ въ своемъ родѣ“, потому что Глинка, дворянинъ и помѣщикъ, „имѣющій столько достатку, что могъ бы содержать себя и безъ профессорскаго жалованья“, промѣнялъ однако гвардейскій мундиръ на каѳедру русской словесности въ дерптскомъ университетѣ [2]), Императрица подарила невѣстѣ 300 рублей, но написала начальницѣ: „Что касается до того, что Глинка мѣняетъ свой гвардейскій мундиръ на профессорскую одежду, я конечно считаю послѣднюю очень почтенною, но тѣмъ не менѣе такой обмѣнъ не можетъ не казаться страннымъ“ [3]). Это мнѣніе о странности поступка Глинки она раздѣляла со всею тогдашнею публикою, передъ которою Карамзинъ счелъ нужнымъ даже оправдывать Глинку; перечисляя его литературные труды, Карамзинъ указалъ и на „Опытъ реторики“, изданный Глинкою „въ пользу благородныхъ дѣвицъ“.

Въ видахъ устройства судьбы одной изъ воспитанницъ, Императрица согласилась на просьбу ея отца отдать дочь княгинѣ Лобановой, „ибо — писалъ онъ — дочери уже 16 лѣтъ и время наступаетъ приготовлять ее къ свѣту“. Онъ прибавлялъ, что княгиня Лобанова беретъ его дочь къ себѣ въ домъ, гдѣ, „образовавъ ея нравственность, дастъ ей возможность кончить науки въ глазахъ и подъ присмотромъ друга ея матери“. Такъ же поступала Императрица, когда дѣло касалось и мѣщанскихъ воспитанницъ. Одну

[1]) Письмо отъ 19-го дек. 1803 г.

[2]) „Вѣстникъ Европы“. 1803. Ч. 9, № 11.

[3]) Письмо отъ 27-го марта 1806 г.

изъ нихъ она велѣла до выпуска отпустить къ княгинѣ Кантакузенъ, „которая обязуется устроить будущее счастіе своей крестницы и обезпечить ее въ случаѣ своей смерти", а другую —къ сестрѣ, „ибо мужъ ея (сестры) купецъ, имѣетъ состояніе, что и для воспитанницы не безъ пользы" [1]).

Свои заботы о воспитанницахъ Императрица простирала не только во время пребыванія ихъ въ институтѣ, но и послѣ выпуска. Совѣты, какъ это было и при Екатеринѣ, опекали имѣніе, доставшееся воспитанницѣ по наслѣдству, сносились для этого съ разными присутственными мѣстами, защищали интересы бывшихъ воспитанницъ, въ случаѣ разногласій ихъ съ мужьями. Обо всемъ этомъ доводили до свѣдѣнія Императрицы, которой пришлось однажды ходатайствовать передъ государемъ о томъ, чтобы бывшей воспитанницѣ Смольнаго возвратили взятые у нея при описи имѣнія шифръ и аттестатъ, которые, „Монаршею волею бывъ пожалованы, не могутъ быть отняты гражданской властью и не могутъ входить въ составъ имѣнія и поэтому не подлежатъ взысканію и запрещенію" [2]).

Если вѣрить словамъ одной изъ „знатныхъ дамъ" [3]), любовь Императрицы Маріи къ своимъ учрежденіямъ, ея постоянныя заботы и мысли о нихъ не встрѣчали сочувствія въ ея ближайшемъ кругу. „При дворѣ — передаетъ дама слова, слышанныя ею отъ Императрицы Александры Өедоровны, — была мода насмѣхаться надъ „maman" и ея разговоромъ, вертѣвшимся на учебныхъ заведеніяхъ и больницахъ. Однажды въ Москвѣ — разсказывала Александра Өедоровна—maman показывала моему отцу свои учрежденія. Императоръ Александръ велъ меня подъ руку и повторялъ: снисхожденія, снисхожденія (de l'indulgence, de l'indulgence!)! — Но я въ этомъ не нуждаюсь—отвѣчала я:—я восхищаюсь, нахожу все великолѣпнымъ, это мнѣ нравится и меня трогаетъ. —Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Императрица Елизавета давала тонъ такимъ насмѣшкамъ; въ сущности она была непріятная" (aigre).

Сопровождавшія Императрицу Марію, въ ея посѣщеніяхъ различныхъ заведеній, фрейлины также тяготились ея неутомимою дѣятельностью [4]); съ утра одѣтая въ корсетъ, она всякій день объѣзжала свои заведенія, не зная устали и не подозрѣвая

---

[1]) Протоколы Сов. В. О. 1803 и 1804.

[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1805.

[3]) Изъ записокъ знатной дамы. „Р. Арх." 1882, кн. 1, стр. 212.

[4]) См. „Р. Арх." 1882. Приложеніе къ II и III книгамъ. Переписка Фердинанда Кристина съ фрейлиной княжной Туркестановой.

ея, по видимому, въ другихъ. „Но за то нигдѣ такъ не цѣнили Императрицу—пишетъ облагодѣтельствованная ею бывшая воспитанница одного изъ институтовъ, княгиня Хилкова [1]), урожденная княжна Волконская,—какъ въ многочисленныхъ заведеніяхъ и институтахъ, состоявшихъ подъ ея высокимъ покровительствомъ... Она любила бывать въ нихъ каждый день, и ея посѣщенія были источникомъ счастья для дѣтей. Прежде всего она обходила классы, и самыхъ маленькихъ дѣвочекъ всегда ласкала. Потомъ садилась слушать отвѣты взрослыхъ дѣвицъ на задаваемые имъ учителями вопросы. Она замѣчала и высказывала удовольствіе, видя успѣхи въ пониманіи и развитіи воспитанницъ, заинтересовываясь тѣми изъ нихъ, которыхъ ей часто приходилось хвалить; такія были ей пріятны, и по окончаніи ими воспитанія, Императрица брала ихъ ко двору, къ себѣ или къ одной изъ великихъ княгинь. Ту же материнскую заботливость она проявляла къ нимъ и тогда, когда онѣ вступали въ свѣтъ. Если это были бѣдныя сироты, она давала имъ приданое, когда имъ предстояло замужество... Если въ одномъ изъ ея заведеній случалось что-либо необычайное или какая-нибудь трудная болѣзнь, ее тотчасъ же увѣдомляли. Если докторъ опасался за жизнь воспитанницы, Императрица пріѣзжала, подходила къ ея постели, чтобы улыбнуться или ободрить въ послѣднюю минуту... Императрица проводила обыкновенно лѣто на дачѣ... тамъ можно было отдохнуть отъ городской усталости, и однако Императрица каждый мѣсяцъ отрывалась отъ этой необходимой для здоровья покойной жизни, чтобы объѣхать всѣ свои заведенія въ Петербургѣ. Тамъ она оставалась сутки. Выѣзжала она съ дачи въ семь часовъ утра и въ девять была въ городѣ... Чтобы не терять времени въ переѣздахъ, она сначала отправлялась въ ближайшее къ заставѣ заведеніе, именно въ солдатскую школу семеновскаго полка; потомъ ѣхала въ институтъ военныхъ сиротъ, помѣщавшійся у Калинкина моста; оттуда пріѣзжала въ Воспитательный домъ и, на Мойкѣ же, въ училище глухонѣмыхъ; затѣмъ въ солдатскую школу преображенскаго полка на Конюшенной, въ больницу для бѣдныхъ на Литейной и Екатерининскій институтъ на Фонтанкѣ, и наконецъ, около 5 часовъ, пріѣзжала въ Смольный, гдѣ обѣдала, позавтракавъ гдѣ случится около 12-ти часовъ“...

Система воспитанія въ институтахъ, особенно въ первую половину управленія ими Императрицею Маріею, оставалась строго закрытою, и до конца своей жизни Императрица неохотно со-

---

[1]) „Р. Арх.“ 1873. 7. Воспоминаніе объ Императрицѣ Маріи Өедоровнѣ.

глашалась отпускать воспитанницъ на время, съ тѣмъ, чтобы онѣ потомъ опять возвращались въ институтъ. Она находила вообще вреднымъ „и для репутаціи заведенія", и для самихъ воспитанницъ, чтобы онѣ выѣзжали изъ института, и отказала даже митрополиту въ его просьбѣ отпустить къ нему двухъ его племянницъ, бывшихъ его пенсіонерками.

Свой взглядъ на временные отпуски воспитанницъ Императрица высказала въ письмѣ къ Брейткопфъ: „Это совершенно противно духу нашихъ учрежденій — писала она, — и никогда недозволенные (отпуски) нечувствительно ввелись вслѣдствіе нѣсколькихъ оказанныхъ милостей; отпуски, по моему мнѣнію, очень вредны духу институтскаго воспитанія, независимо отъ нарушенія порядка, производимаго этимъ въ точномъ, разъ принятомъ и долженствующемъ всегда оставаться однообразномъ планѣ воспитанія; это порождаетъ—въ умахъ неучаствующихъ въ этомъ исключеніи изъ общаго правила—мысли о предпочтеніи и о привилегированныхъ воспитанницахъ, а такія мысли никогда не должны бы являться" [1]). На эту тему Императрица часто писала начальницамъ, прося ихъ не передавать ей даже подобныхъ просьбъ. „Подумайте немножко обо мнѣ — писала она однажды Брейткопфъ,—какъ непріятно мнѣ постоянно давать отрицательные отвѣты".

Это правило соблюдалось во всѣхъ институтахъ. Директрисса дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, Васмутъ, вторя мыслямъ Императрицы по поводу отказа ея отпустить одну изъ воспитанницъ съ родителями за границу для леченія, писала, что очень рада этому отказу, ибо „думаю — говорила Васмутъ въ письмѣ къ Императрицѣ,—что путешествіе и масса постороннихъ вещей дадутъ воспитанницѣ идеи, несогласныя, быть можетъ, съ простымъ воспитаніемъ въ Институтѣ, и дѣвочка, чувствующая теперь себя здѣсь счастливою, пожалуй, по возвращеніи не будетъ такою" [2]).

Но мало-по-малу и въ этомъ Императрица склонилась на уступки; къ концу своей жизни, она стала разрѣшать воспитанницамъ временные отпуски, впрочемъ непродолжительные и по такимъ случаямъ, какъ болѣзнь родителей или родственниковъ, также свиданія съ сестрами, находившимися въ другихъ институтахъ; тогда воспитанницъ отпускали не иначе, какъ въ сопровожденіи классныхъ дамъ.

---

[1]) Учр. С.-Пет. Ек. уч. 1809 г.

[2]) Арх. IV отд. Переписка по дѣвичьему училищу. Письмо отъ 14-го мая 1808 г.

Въ стѣнахъ заведенія родители могли навѣщать своихъ дѣтей въ опредѣленные дни и въ присутствіи классныхъ дамъ. Они приглашались и на собранія (assemblées), происходившія при Императрицѣ Маріи съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какія были установлены Екатериною. Узнавъ, что въ московскомъ институтѣ допускаются нѣкоторыя отступленія отъ порядковъ, введенныхъ въ петербургскихъ, Императрица написала начальницѣ, Пѣвцовой, что „такіе порядки не должны быть терпимы, ибо они не согласны съ точною правильностью, которая должна соблюдаться въ такихъ заведеніяхъ, какъ институты. ...Напримѣръ,—пишетъ она—у васъ воспитанницамъ позволяется въ ихъ праздники давать маленькіе, частные, балы у своихъ дамъ, на которые допускаются и приглашенія; на балахъ, даваемыхъ воспитанницамъ отъ моего имени, позволяютъ принимать родныхъ мужского пола, братьевъ и кузеновъ; наконецъ, на публичныхъ собраніяхъ родные даже мужского пола, братья и кузены, впускаются въ средину зала и смѣшиваются съ воспитанницами... вы знаете, что ничто изъ этого не дозволяется въ петербургскомъ институтѣ. Прошу васъ ввести такой же порядокъ и ту же правильность, какіе соблюдаются въ здѣшнемъ институтѣ, и вслѣдствіе этого: когда воспитанницы желаютъ потанцовать въ день своего праздника, что я нисколько имъ не запрещаю, это должно происходить не иначе, какъ съ вашего разрѣшенія; собираться должны въ большой залѣ или въ рекреаціонной, когда она у васъ будетъ; на эти балы никогда не слѣдуетъ пускать ни одного молодого родственника. Точно также нельзя пускать никого изъ родственниковъ мужского пола на даваемые въ большіе праздники отъ моего имени воспитанницамъ балы и вообще никого изъ постороннихъ мужчинъ, развѣ только учителей. Что касается публичныхъ собраній, то однѣ воспитанницы вмѣстѣ съ классными дамами должны занимать середину зала, всѣ родители размѣщаются вокругъ, за балюстрадой, къ которой воспитанницамъ дозволяется подходить, чтобы разговаривать съ родителями въ виду классныхъ дамъ. Только небольшое число стульевъ ставится внутри балюстрады, для знатныхъ особъ, пожелавшихъ почтить своимъ присутствіемъ собраніе. Полагаюсь на ваше рвеніе и заботливость въ введеніи и поддержаніи такого порядка, который, какъ вамъ извѣстно, соблюдается въ нашихъ петербургскихъ институтахъ, и я увѣрена, что благоразумные родители первые его одобрятъ“ [1]).

Однимъ изъ первыхъ распоряженій, сдѣланныхъ Императри-

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 29-то сент. 1826 г.

цею Маріею при принятіи ею на себя начальствованія надъ Воспитательнымъ Обществомъ, была отмѣна театральныхъ представленій, предписанныхъ даже уставомъ Бецкаго. Когда, въ первый годъ учрежденія московскаго Екатерининскаго института, начальница его завела-было такія представленія, Императрица сдѣлала строгій выговоръ Брейткопфъ, управлявшей въ то время и московскимъ институтомъ. Брейткопфъ оправдывалась передъ Императрицею, видимо симпатизируя недозволяемому болѣе обычаю, и писала, что, можетъ быть, она сама виновата въ винѣ начальницы московскаго института.

„Я также—писала Брейткопфъ—заставляла лучшихъ воспитанницъ выучивать пьесы Беркеня и часто повторять ихъ въ классѣ; но у меня не было театра, не было и зрителей, кромѣ классныхъ дамъ и Леліо (учителя французскаго языка), которые помогали мнѣ исправлять произношеніе, направлять интонацію голоса и учить манерѣ, какъ войти, какъ поклониться и какъ стоять или садиться. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы развязать воспитанницамъ языкъ, который былъ у нихъ нѣсколько тугъ для французскаго, и пріучить ихъ къ разговору. Можетъ быть, наши московскія классныя дамы припомнили добро, которое имъ это когда-то принесло, а г-жа Перретъ не разсчитала границъ, въ которыхъ имъ слѣдовало оставаться“ [1]).

Императрица, любившая вообще „mises en scène“, торжества и празднества, запретила однако всякія публичныя и торжественныя проявленія чувствъ воспитанницъ по отношенію къ ней и не хотѣла, чтобы воспитанницы произносили при выпускѣ рѣчи, особенно въ похвалу ей. Когда въ московскомъ Александровскомъ училищѣ одна изъ воспитанницъ произнесла на выпускномъ экзаменѣ хвалебную Императрицѣ рѣчь, она написала почетному опекуну московскихъ институтовъ, кн. Голицыну, письмо, въ которомъ говорила: „Хотя мнѣ пріятно видѣть въ ихъ сердцахъ это чувство (благодарности), я желаю, чтобы впредь оно не выражалось съ такою торжественностью и чтобы экзамены не заканчивались похвальными мнѣ привѣтствіями. Къ тому же это не принято въ нашихъ институтахъ „de demoiselles“. Поэтому прошу Васъ, князь, сдѣлать мнѣ удовольствіе больше этого не дозволять... Я довольствуюсь чувствами привязанности и благодарности со стороны дѣтей, и лучшимъ для меня вознагражденіемъ будетъ, если они докажутъ эти чувства своимъ хорошимъ поведеніемъ“ [2]).

---

[1]) Письмо отъ 1-го дек. 1803 г. (Переп. по Ек. уч.).

[2]) Recueil. 2 livr. Письмо отъ 26-го авг. 1823 г.

Но въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ давались въ честь Императрицы праздники, на которыхъ дозволено было проявлять такія чувства воспитанницъ въ аллегорическихъ картинахъ, во время танцевъ. На выпускномъ экзаменѣ 1807 года въ Екатерининскомъ институтѣ все собраніе, какъ доносила Брейткопфъ, залилось слезами (fondue en larmes), когда воспитанницы, въ вѣнкахъ изъ розъ, съ цвѣтами и гирляндами положили ихъ къ подножію бюста Императрицы [1]). Одинъ изъ такихъ праздниковъ, происходившій въ день именинъ Императрицы въ 1797 году, по случаю посѣщенія ею и Императоромъ Павломъ Смольнаго, описанъ и воспѣтъ Державинымъ [2]).

Запрещая всякія торжественныя проявленія чувствъ по отношенію къ себѣ со стороны воспитанницъ, Императрица съ удовольствіемъ видѣла выраженія восторга, высказываемаго ей самой или о которомъ ей передавали начальницы, лицами, посѣщавшими съ ея разрѣшенія институты. Ее всегда радовало теплое отношеніе къ воспитанницамъ, и она охотно давала такія разрѣшенія; въ особенности иностранцы, желавшіе привлечь благосклонность Императрицы, пользовались этой ея „слабостью". Французскій агентъ, генералъ Савари, посланный въ Россію Талейраномъ послѣ заключенія тильзитскаго мира, съ цѣлью, между прочимъ, образовать въ столичномъ высшемъ обществѣ французскую партію, былъ принятъ Императрицею Маріею очень сухо. Считая важнымъ пріобрѣсти ея милость, Савари послушался даннаго ему совѣта и обратился къ ней съ просьбою позволить ему посѣтить Смольный монастырь, Екатерининскій институтъ и другія заведенія, „которымъ она оказывала особое покровительство" [3]). Воспользовавшись даннымъ ему разрѣшеніемъ, Савари донесъ своему правительству, что употребилъ это средство, какъ одно изъ тѣхъ, которыми можно снискать благорасположеніе Императрицы Маріи. Понятно, что онъ отозвался о видѣнныхъ имъ институтахъ съ восторженными похвалами ихъ „основательницѣ, главной директриссѣ и главному администратору" [4]).

Обыкновенно къ пріѣзду посѣтителей, въ институтахъ дѣлались приготовленія; увѣдомленныя заранѣе начальницы принимали мѣры, чтобы показать заведеніе въ возможно лучшемъ видѣ. Когда однажды англичанинъ Свэнъ пріѣхалъ въ московскій Ека-

[1]) Письмо отъ 14-го февр. 1807 г.

[2]) Соч. Державина съ прим. Я. Грота. Изд. Имп. Ак. Наукъ. С.-Пет. 1865. Т. 2 стр. 77. „Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря". 1797. XII.

[3]) „Императр. Марія Ѳеодоровна". 1807. Сообщ. бар. Бюлера („Р. Стар.", окт. 1890).

[4]) Тамъ же. Изъ донесенія Савари императору Наполеону.

терининскій институтъ, не предупредивъ заранѣе о днѣ своего пріѣзда, Императрица написала Пѣвцовой: „надо простить англичанину невѣдѣніе этихъ, принятыхъ въ нашихъ институтахъ порядковъ“ [1]). Передъ пріѣздомъ Савари въ Екатерининскій институтъ, Брейткопфъ писала Императрицѣ: „не велѣть ли, хотя будетъ праздникъ, придти учителямъ французскаго языка, какъ будто бы они были въ Домѣ, главнымъ образомъ г. Будри для взрослыхъ, которыя подъ его руководствомъ будутъ путешествовать на французскомъ языкѣ по картѣ водяныхъ сообщеній; онѣ это уже переводили и хорошо передаютъ. Воспитанницы перваго отдѣленія будутъ отвѣчать изъ риторики по-французски и переводить съ русскаго на французскій; потомъ онѣ что-нибудь споютъ и затѣмъ послѣдуетъ хорошенькій общій танецъ“ [2]). Должно быть Императрица дала свое согласіе, ибо два дня спустя Брейткопфъ сообщила ей, что пріѣзжалъ Савари со свитой и все при немъ такъ и было, какъ она предлагала сдѣлать.

По поводу ожидаемаго пріѣзда въ Смольный графа Остермана-Толстого, Адлербергъ просила у Императрицы позволенія показать ему только благородную половину, а мѣщанскихъ воспитанницъ собрать въ большой залѣ, „ибо — писала Адлербергъ —оба лазарета и мѣщанская половина не презентабельны“ [3]), Обыкновенно въ Смольномъ показывали посѣтителямъ физическій кабинетъ, и инспекторъ классовъ просилъ Императрицу разрѣшить ему поставить туда болѣе красивые шкафы, мотивируя это тѣмъ, что въ физическій кабинетъ „вводятся посѣтители“.

При Императрицѣ Маріи такія посѣщенія институтовъ, особенно Смольнаго и Екатерининскаго, бывали очень часто. Въ числѣ посѣтителей были капитанъ Франклинъ, греческій вождь Ипсиланти, какіе-то мексиканцы и перувіанцы, квакеры, французскіе морскіе офицеры, англійскій министръ Каннингъ, Ротшильдъ. По поводу послѣдняго, Императрица писала Адлербергъ: „Отъ его посѣщенія мы не многимъ воспользуемся“. Во время пребыванія въ Петербургѣ извѣстной Каталани, ей показывали Смольный и воспитанницы исполнили при ней церковное пѣніе, которому обучались, и пѣли обѣдню подъ руководствомъ Бортнянскаго.

Большинство посѣтителей выносили пріятное впечатлѣніе изъ видѣннаго ими въ институтахъ. Г-жа Сталь, посѣтившая Екатерининскій институтъ въ 1812 году,—при чемъ воспитанницы говорили ей стихи, пѣли и танцовали,—нашла, что ихъ „содержатъ

[1]) Recueil. 1 livr. Письмо отъ 21-го окт. 1826 г.

[2]) Письмо отъ 4-го и 6-го сент. 1807 г.

[3]) Учр. по В. О. бл. д. 1822.

роскошно" [1]). На оборотъ, маркизу Вестминстеръ, посѣтившую Смольный и Екатерининскій институты въ 1827 году, поразила бѣдная и казарменная обстановка классовъ и дортуаровъ [2]). Она нашла, что всѣ воспитанницы этихъ институтовъ „поразительно похожи манерами на старую княгиню Ливенъ, держатся такъ же прямо и принужденно; нѣкоторымъ изъ нихъ—говоритъ маркиза —задавали при насъ тонкіе вопросы метафизики, и онѣ отвѣчали безъ малѣйшей запинки".

Когда ожидались болѣе высокіе посѣтители, Императрица сама назначала, что слѣдуетъ имъ показывать. По случаю посѣщенія Смольнаго принцемъ Карломъ прусскимъ въ 1820 году, Императрица велѣла „показать всѣхъ въ сборѣ, хорошо одѣтыхъ, и составить маленькій концертъ;... по возрасту принца— прибавляла она въ письмѣ къ Адлербергъ, — другія детали его не интересуютъ". При англійскомъ лордѣ, посѣтившемъ Смольный въ 1817 году, воспитанницы должны были отвѣчать изъ геометріи, и „лордъ—доносила Адлербергъ—восхищался знаніями дѣвицъ". Сама Императрица назначила, какіе экзамены въ Смольномъ должны были производиться въ присутствіи наслѣднаго принца веймарскаго и его супруги, дочери Императрицы. „Эти экзамены должны происходить—писала Императрица—на языкѣ понятномъ ему; но изъ русской литературы дочь можетъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ при помощи Битурскаго" (учителя русской словесности и переводовъ, бывшаго учителемъ и принцессы). Она не велѣла спрашивать изъ закона Божія и геометріи, „которую— писала Императрица—воспитанницы прошли еще мало", и выразила желаніе, чтобы учителя спрашивали при этихъ посѣтителяхъ только воспитанницъ старшихъ классовъ, чтобы экзаменовали ихъ изъ иностранной литературы, умственнаго вычисленія и естественной исторіи „коротко" и чтобы на другой день принцу и принцессѣ показали таланты воспитанницъ [3]).

Когда ожидали государя, воспитанницъ обыкновенно одѣвали въ бѣлыя платья, предназначенныя для торжественныхъ случаевъ. Императрица предварительно сама прослушивала то, что учителя въ его присутствіи будутъ спрашивать воспитанницъ, сама назначала, гдѣ кто долженъ стоять, какіе учителя и чиновники должны быть на лицо, какія кушанья будутъ за обѣдомъ, и выразила удовольствіе, когда однажды къ обычному обѣду воспитанницъ Смольнаго, въ день пріѣзда государя, были прибавлены

[1]) Mémoires de Mad. de Stael. Dix années d'exil. Paris. 1843.

[2]) Дневникъ маркизы Вестминстеръ („Историч. Вѣстн.", 1880, іюнь).

[3]) Учр. по В. О. 1822.

блины [1]). Извѣщая Нелединскаго-Мелецкаго о томъ, что государь, проѣздомъ черезъ Москву, пріѣдетъ въ „mes chers instituts",—Императрица писала: „У меня средце бьется не отъ безпокойства, но отъ участія, любви и заботливости объ этихъ дорогихъ мнѣ предметахъ". Говоря, что государь желаетъ видѣть институтокъ, она прибавляетъ: „забавляйте ихъ въ этотъ день тѣмъ, что можетъ заинтересовать и понравиться императору... не нужно рѣчей, ничего подобнаго: низкій реверансъ при входѣ государя въ классы; показать ему, какъ пишутъ, также сочиненія и рисунки дѣвицъ; можетъ быть пожелаютъ сдѣлать имъ вопросы изъ исторіи или географіи, или по переводамъ, или изъ физики; если у васъ есть хорошіе голоса, то можно лучшихъ изъ нихъ заставить что-нибудь спѣть; надо, чтобы все это было недлинно: въ рукодѣльной надо предложить государю какую-нибудь работу и для этого выбрать одну изъ отличнѣйшихъ воспитанницъ" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Императрица писала Нелединскому, что въ случаѣ если государь сдѣлаетъ замѣчаніе о неудовлетворительности помѣщенія института, то чтобы онъ сказалъ „о бѣдности Дома".

На выпускные экзамены, происходившіе въ дворянскихъ институтахъ два раза—одинъ въ присутствіи лишь Императрицы, а другой передъ публикой и обставлявшіеся въ этихъ институтахъ большою торжественностью, приглашались знатныя особы обоего пола, дипломатическій корпусъ, въ томъ числѣ и иностранные послы. Въ 20-хъ годахъ на этихъ экзаменахъ бывали Жуковскій и Карамзинъ, который самъ экзаменовалъ воспитанницъ изъ русской исторіи [3]).

Такъ же пышны и многолюдны бывали собранія (assemblées), особенно въ Смольномъ, гдѣ, по донесеніямъ полиціи, на этихъ собраніяхъ бывало иногда до 250-ти каретъ.

Вообще внѣшняя жизнь воспитанницъ дворянскихъ институтовъ и при Императрицѣ Маріи проходила такъ же весело и даже веселѣе, чѣмъ при Екатеринѣ. Такъ же, какъ было при ней, ихъ вывозили два раза въ годъ на качели въ придворныхъ каретахъ; кромѣ того возили во дворецъ и въ другіе институты. Каждый вечеръ онѣ танцовали „запросто и безъ музыки... Танцы—презервативъ отъ всѣхъ господствующихъ болѣзней" — писала Брейткопфъ Императрицѣ; два раза въ мѣсяцъ бывали болѣе блестящія, чѣмъ при Екатеринѣ, собранія съ танцами подъ му-

---

[1]) Учр. по В. О.—1826.

[2]) Письмо отъ 27-го ноября 1809 г. (Хроника недавней старины).

[3]) Учр. В. О., 1822.

зыку. По большимъ праздникамъ,—а такихъ тогда бывало много, почти каждый мѣсяцъ,—давались балы съ угощеніемъ.

На танцы, также какъ и на внѣшность воспитанницъ, при Императрицѣ Маріи обращалось большое вниманіе. „Существенно важно—говорится въ ея инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества—заботиться о внѣшности воспитанницъ, объ ихъ осанкѣ, о томъ, чтобы придать грацію ихъ тѣлу. Эти послѣднія качества, какими бы они ни казались пустыми, всегда придаютъ пріятность въ жизни и иногда доставляютъ прочное и продолжительное благосостояніе" [1]). По поводу перемѣны въ прическѣ воспитанницъ московскаго Екатерининскаго училища, сдѣланной вслѣдствіе замѣчанія князя Голицына, Императрица писала Пѣвцовой: „Замѣчаніе князя было справедливо; но надо было начать съ того, чтобы спросить моего согласія на перемѣну прически, о которой идетъ рѣчь; я охотно соглашаюсь, чтобы въ будничные дни, когда воспитанницы не должны терять много времени на такой второстепенный предметъ, онѣ носили волосы спереди гладкими, лишь бы по воскресеньямъ и въ дни собраній онѣ были въ букляхъ" [2]).

Въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ танцамъ обучала знаменитая Дидло. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ воспитанницы, по желанію Императрицы, составляли настоящіе балеты. Такое торжество происходило въ Смольномъ въ 1808 году, по случаю перехода благородныхъ воспитанницъ въ новый домъ. Въ этотъ день, 18-го сентября, утромъ, прибыла вся царская фамилія и приглашенныя Совѣтомъ особы первыхъ двухъ классовъ обоего пола. Обѣдню служилъ митрополитъ Амвросій; затѣмъ былъ завтракъ, во время котораго кушанья подавали нѣкоторыя изъ воспитанницъ. Въ шесть часовъ опять съѣхались приглашенныя особы, а въ восемь прибыла вновь царская фамилія. Дѣвицы пѣли кантату въ похвалу государя; потомъ онѣ протанцовали небольшой балетъ и поднесли государю подарки собственной работы. Затѣмъ начался балъ, во время котораго царская фамилія уѣхала въ 9 часовъ [3]).

На публичныхъ экзаменахъ воспитанницы также танцовали и присутствовавшимъ раздавались афиши съ фамиліями исполнительницъ танцевъ; на афишѣ 1821 года танцовали: Menuet simple, de la cour, la gavotte de Vestris, французскую кадриль,

---

1) Инструкція отъ 11-го янв. 1802 г. (*Лядовъ*. Истор. оч. Приложеніе).

2) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 19-го ноября 1826 г.

3) Протоколъ Совѣта В. О. 19 авг. 1808 г. (Арх. В. О. бл. д.).

les folies d'Espagne, la petite cosaque [1]). На праздникѣ, устроенномъ въ Смольномъ монастырѣ въ честь короля и королевы прусскихъ, посѣтившихъ столицу послѣ тильзитскаго мира, воспитанницы танцовали балетъ, „оставившій за собою — по словамъ графа Рибопьера—все, что ставилось на Большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе по родству своему съ знатными особами и восхищали зрителей дѣвственною своею граціей" [2]).

Такое свѣтское и аристократическое воспитаніе, дававшееся въ предназначенныхъ для дворянокъ институтахъ, не соотвѣтствовало скромнымъ требованіямъ, предъявлявшимся къ нему самою Императрицею, какъ въ приведенныхъ уже нами наставленіяхъ, которыми она обыкновенно напутствовала выходящихъ воспитанницъ этихъ институтовъ, такъ и въ ея инструкціяхъ начальницамъ, гдѣ она еще съ большею силою выражала эти требованія.

При учрежденіи ли новаго института или при преобразованіи существовавшаго до нея, Императрица Марія, вмѣсто устава, давала инструкцію начальницѣ. Всѣ эти инструкціи во многомъ съ перваго взгляда похожи одна на другую; но въ нихъ есть тонкіе, едва уловимые, оттѣнки, отличающіе характеръ воспитанія и, еще болѣе, отношеніе къ воспитанницамъ дворянскихъ и не дворянскихъ институтовъ. Это различіе стало выступать въ первыхъ же ея инструкціяхъ, а такою по времени была данная въ 1797 году инструкція „первой главной Надзирательницѣ Воспитательнаго Дома". На черновой этой инструкціи, подписанной: „Сергѣй Плещѣевъ", сдѣланы собственноручныя поправки самою Императрицею. Въ первоначальномъ своемъ видѣ она была составлена въ духѣ „Генеральнаго плана" Бецкаго; цѣль воспитанія питомицъ полагалась въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ „добродѣтельными, полезными и пріятными обществу"; говорилось, что воспитаніе должно быть „простымъ", и что назначеніе питомицъ должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ „единственно художницами". Императрица зачеркнула это и написала: „быть добрыми женами, матерьми и художницами". Обязанности главной надзирательницы опредѣлялись въ слѣдующихъ, теплыхъ по отношенію къ питомицамъ, и въ духѣ же уставовъ Екатерининскаго времени выраженіяхъ: „Главная надзирательница какъ мать, должна знать, что священная должность ея въ томъ состоитъ, чтобы съ кро-

[1]) Учр. по В. О. 1821.

[2]) Записки гр. Рибопьера („Р. Арх.", 1877, № 4, 506).

тостію и съ испрошеніемъ силъ у Господа образовать дѣтей не для нихъ только собственно, но чтобы полезны были Дому, себѣ и обществу и какъ нѣтъ врожденныхъ пороковъ, а производятъ ихъ только дурные примѣры, слѣдовательно всякая вина ея питомицъ съ самаго юношества ей ввѣренныхъ будетъ не ихъ, а собственное преступленіе потому что не умѣла или не хотѣла вѣсти ихъ по истинному разуму физическаго и моральнаго воспитанія". Вмѣсто этого Императрица написала: „и какъ добрымъ воспитаніемъ можно даже и худой нравъ исправить, то стараться узнать характеръ каждой питомицы и поступать съ нею сообразно оному". Въ такомъ измѣненномъ видѣ инструкція подписана почетнымъ опекуномъ княземъ Николаемъ Вяземскимъ [1]).

Для мѣщанскаго училища при Воспитательномъ Обществѣ Императрица не давала особой инструкціи; но въ той, которую она дала въ 1802 году начальницѣ Общества для благородныхъ воспитанницъ, она указала, что воспитаніе мѣщанскихъ должно быть еще болѣе примѣнено къ ихъ состоянію и что онѣ должны „преимущественно заниматься рукодѣліемъ, единственнымъ средствомъ къ существованію, ожидающимъ ихъ по выходѣ" [2]).

Свои взгляды на воспитаніе и образованіе мѣщанскихъ воспитанницъ Императрица подробно изложила въ единственномъ, данномъ ею въ 1811 году, уставѣ основанному ею самою „сиротскому" училищу или Маріинскому институту [3]). Главною цѣлью воспитанія сорока „бѣдныхъ сиротъ" поставлено уставомъ то, чтобы сдѣлать изъ нихъ „честныхъ и добродѣтельныхъ супругъ, хорошихъ и понимающихъ экономокъ, заботливыхъ нянь, гувернантокъ и въ случаѣ необходимости довѣренныхъ лицъ, вѣрныхъ и ревностныхъ". Воспитанницы второго класса, составлявшагося изъ неспособныхъ къ ученію, должны были, съ согласія родителей, заниматься преимущественно хозяйствомъ, при чемъ суть этихъ занятій изложена съ величайшими подробностями; сказано даже, что во время занятій на кухнѣ воспитанницы должны надѣвать на обыкновенное платье еще верхнюю одежду. Указано также (§ 16), что воспитанницы должны мѣнять на ночь рубашку и не оставлять ее на себѣ днемъ, ходить въ баню, два раза въ недѣлю мѣнять ношебное бѣлье и одинъ разъ въ мѣсяцъ постельное. Обязанности директриссы опредѣлены также, какъ для дворянскихъ институтовъ: „она должна обращаться съ воспитанницами какъ

[1]) Учрежденія с.-пет. и моск. Восп. Домовъ. 1797—1803. VI.

[2]) *Лядовъ.* Истор. оч. Приложеніе, стр. 91.

[3]) Переводъ съ копіи устава, написаннаго по-французски. 1811 г., марта 30-го (Арх. Маріинскаго института).

нѣжная мать со своими дѣтьми"... Далѣе слѣдуетъ: „при бдительномъ надзорѣ и обращаясь съ воспитанницами мягко, конечно не придется употреблять строгость и въ особенности тѣлесныя наказанія... Но въ случаѣ еслибы, къ сожалѣнію, были принуждены прибѣгнуть къ этой крайности, надо пользоваться ею не иначе, какъ съ большою умѣренностью, чтобы не зачерствить сердце воспитанницъ и чтобы одинъ примѣръ такого рода могъ произвести величайшее дѣйствіе на всѣхъ" (§ 21).

Наконецъ въ инструкціи директриссѣ дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, въ которомъ воспитывались и дворянскія и недворянскія дѣти, Императрица, повторивъ мѣстами буквально свое напутственное наставленіе выходящимъ воспитанницамъ Екатерининскаго института, добавила его нѣкоторыми наставленіями, оттѣняющими родъ заведенія, для котораго инструкція назначалась. „Хотя—между прочимъ сказано въ этой инструкціи—воспитанницы и разнаго происхожденія, но онѣ всѣ бѣдны; поэтому надо заблаговременно пріучать ихъ не токмо къ мысли о бѣдности, *но и къ мысли о зависимости*; надо внушить имъ, однѣмъ чтобы въ познаніяхъ и искусствахъ, а другимъ — особенно въ работѣ рукъ и личномъ служеніи,—находили главное и можетъ быть единственное свое пособіе, почитая повиновеніе первѣйшимъ своимъ долгомъ. Поселяя въ нихъ глубокое благоговѣніе къ закону Божію, надо запечатлѣть въ сердцахъ ихъ правила нравственности, въ ономъ заключающіяся. Снабдивъ ихъ *нужными для состоянія ихъ* свѣдѣніями, содѣлать въ нихъ привычкою безпрестанно заниматься въ полезныхъ упражненіяхъ. Всѣмъ вообще вселить ужасъ къ пороку и праздности, ея источнику, а въ особенности дѣвицамъ перваго отдѣленія—ревностное желаніе употребить познанія и талантъ ихъ къ пользѣ и къ облегченію бѣдныхъ ихъ родителей или будущихъ супруговъ и дѣтей, или же въ пользу общества, посвящая оныя воспитанію юношества... Упражнять дѣвицъ второго отдѣленія во всѣхъ рукодѣліяхъ и работахъ, входящихъ въ кругъ хозяйства, пріучить ихъ, чтобы никакое честное средство пропитанія, никакую службу, совмѣстную благопристойности и добродѣтели, не почитали низкою и подлою, но чтобы напротивъ всякое удаленіе отъ сей, приличной ихъ состоянію простоты въ обращеніи, въ одѣяніи и убранствѣ, всякое покушеніе суетнаго тщеславія наряжаться съ пышностію и щегольствомъ превыше сего состоянія являло имъ пагубную сѣть, могущую совратить ихъ съ пути добродѣтели. Такъ бѣдныя сіи дѣвицы пріуготовятся ко всякимъ затруднительнымъ положеніямъ, и при всей бѣдности ихъ, примѣръ порока и прелести разврата, коими увидятъ себя окру-

женными, никогда не возмогутъ сдѣлаться для нихъ опаснѣйшими. Такъ дѣвицы обоихъ отдѣленій могутъ нѣкогда быть добрыми супругами, добрыми матерями, добрыми наставницами или хорошими хозяйками и мастерицами, искусными горничными или служанками". И въ этой инструкціи повторены далѣе нѣкоторыя правила изъ устава Бецкаго [1]).

Съ правилами, изложенными въ этихъ инструкціяхъ, гармонировало даваемое въ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ они написаны, воспитаніе.

Но многія изъ этихъ правилъ и тѣ же скромныя требованія отъ институтскаго воспитанія Императрица предъявляла и къ воспитанію въ Смольномъ, самомъ аристократическомъ изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, учрежденномъ, по опредѣленію Императрицы, съ цѣлью давать воспитаніе дѣтямъ высшаго дворянства [2]). Въ инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества, она говоритъ между прочимъ о благородныхъ воспитанницахъ: „Не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду ихъ состоянія и будущаго назначенія. Поэтому надо стараться тщательно отстранять отъ нихъ все, что противорѣчило бы этому состоянію и этому назначенію; все, что могло бы имъ внушить вкусъ къ призрачному міру, химерическимъ существамъ и экзальтированнымъ чувствамъ, къ этому „прекрасному идеалу" (beau idéal), который такъ часто вредитъ „дѣйствительному благу" (bien réel). ...Къ чему бы послужило блестящее воспитаніе, которое только увеличило бы непріятности ихъ положенія и привело бы къ тому, что это положеніе стало бы для нихъ невыносимо? Большинство этихъ дѣвицъ бѣдны: надо заранѣе пріучать ихъ къ мысли о бѣдности. Многія будутъ жить въ деревняхъ: надо приготовлять ихъ къ уединенію. У нѣкоторыхъ могутъ оказаться родители, не получившіе хорошаго воспитанія, — пусть онѣ будутъ убѣждены, что надо научиться жить со всякаго рода людьми, лишь бы они были честны. Всѣ, по выходѣ изъ Общества, увидятъ себя окруженными примѣрами порока и соблазнами искушеній: поэтому надо такъ ихъ приготовить, чтобы въ критическую минуту испытаній, опасности и лишеній всякаго рода, онѣ не были захвачены врасплохъ, находя въ самихъ себѣ, благодаря запечатлѣнному въ нихъ глубокому уваженію къ религіи, основу добродѣтелей, опирающихся на вѣрѣ, и которая сдѣлаетъ

[1]) Учрежд. Павл. И. 1807—1855. XVIII. Инструкція Директриссѣ дѣв. уч. военно-сир. дома. 1807 г., 25-го іюня.

[2]) Учр. по уч. орд. св. Ек. Опытъ плана воспитанія благ. дѣвицъ орд. св. Ек. Mémoire.

ихъ способными восторжествовать надъ препятствіями, встрѣченными ими на пути своей карьеры... Великое искусство воспитанія заключается въ томъ, чтобы научить ихъ такому способу мышленія, который позволялъ бы имъ находить въ самихъ себѣ и вокругъ себя всѣ свои удовольствія и всѣ свои радости" [1]).

Кромѣ полнаго разлада между этими требованіями и свѣтскимъ воспитаніемъ, какое давалось въ дворянскихъ институтахъ, при этомъ неизбѣжно должны были нарушаться и нѣкоторые другіе принципы, которые Императрица проводила въ своихъ письмахъ къ начальницамъ. Однимъ изъ такихъ принциповъ было устраненіе неравенства въ отношеніяхъ къ воспитанницамъ.

Признавая соревнованіе полезнымъ, Императрица установила для нихъ знаки отличія, кромѣ тѣхъ, которые имъ выдавались при выпускѣ; но всячески старалась устранить при этомъ неизбѣжныя послѣдствія такого отличія однѣхъ воспитанницъ передъ другими, входя по этому поводу въ самыя тонкія подробности. „Одобренія и маленькія отличія—писала она начальницѣ московскаго Екатерининскаго института—могутъ только сильно содѣйствовать соревнованію между воспитанницами. Но еслибы вы, прежде чѣмъ ввести знакъ, выбранный вами для этой цѣли, предупредили меня и подождали моего рѣшенія, я указала бы вамъ на другой, дорогая г-жа Пѣвцова: вмѣсто большого банта изъ голубыхъ лентъ, который, признаться вамъ откровенно, слишкомъ напоминаетъ орденъ и можетъ дать поводъ къ нелѣпымъ толкованіямъ... я совѣтовала бы вамъ въ будущій разъ давать отличившимся воспитанницамъ другой, напримѣръ пунцовую ленту вокругъ головы, съ маленькимъ бантомъ или безъ банта, или маленькій шнурочекъ вокругъ шеи въ видѣ ожерелья, разнообразя всякій разъ знаки для того, чтобы отнять у нихъ характеръ постояннаго отличія и сдѣлать ихъ лишь временнымъ поощреніемъ для отличающихся воспитанницъ. Не могу еще не замѣтить, что я желала бы, чтобы производимое на воспитанницъ дѣйствіе, какъ присужденіемъ знака, такъ и страхомъ наказанія, было бы менѣе сильно, чѣмъ это по видимому случилось: ибо если въ высшей степени полезно пробуждать соревнованіе дѣтей, то съ другой стороны нужно остерегаться, чтобы не слишкомъ раздражать ихъ чувствительность, „которая обнаружилась стонами", что легко переходитъ въ экзальтацію, и я увѣрена, что вы понимаете, какъ важно соблюдать въ этомъ отношеніи должную середину. Въ

---

[1]) Лядовъ. Истор. оч. Приложеніе. Инструкція имп. Маріи 11-го янв. 1802 г. (Инструкція написана по-французски).

этихъ видахъ я также рекомендую вамъ разнообразить всякій разъ знаки отличія и не придавать имъ слишкомъ яркую форму" [1]).

Въ другомъ письмѣ Императрица говоритъ Пѣвцовой: „Благо и польза нашихъ воспитанницъ должны быть единственной нашей цѣлью, а не желаніе блистать нѣсколькими отдѣльными личностями и такимъ образомъ пускать пыль въ глаза къ ущербу большой массы дѣтей... Конечно, пріятно видѣть въ молодой дѣвушкѣ соединеніе главныхъ достоинствъ, знаній и пріятныхъ талантовъ; но такіе примѣры не часты и лишь бы нравственность нашихъ дѣтей была такова, какою мы должны ее желать, и какова, надѣюсь, она есть, и лишь бы къ этому онѣ присоединяли полезныя знанія—главная цѣль ихъ воспитанія достигнута, ихъ будущее благополучіе обезпечено" [2]).

Когда инспекторъ классовъ Общества, Германъ, предложилъ Императрицѣ ввести, всюду у насъ тогда вводимую, бывшую въ 1819 году въ большой модѣ, ланкастерскую систему съ тѣмъ, чтобы ему было предоставлено выбрать по десяти воспитанницъ изъ каждаго класса, съ которыми онъ занимался бы самъ, а этимъ десяти ввѣрить для обученія извѣстное число воспитанницъ, за которыхъ онѣ отвѣчали бы, Императрица долго на это не соглашалась. Она видѣла зло въ томъ, что избранныя десять „могутъ возгордиться и можетъ случиться, что остальныя не станутъ ихъ слушаться, а у первыхъ не будетъ власти противъ своихъ подругъ (Gespielerinnen), какъ у классныхъ дамъ... Въ кофейномъ классѣ—писала Императрица Адлербергъ—это можетъ породить мысль о томъ, что десять избранныхъ съ этого уже класса предназначаются для полученія шифра". Она дала свое согласіе на примѣненіе предложенной Германомъ системы лишь въ „настоящемъ бѣломъ классѣ", выразивъ при этомъ желаніе, чтобы эта организація была введена не какъ приказаніе, а какъ предложеніе (Auftrag), которое исполнялось бы обѣими сторонами по дружбѣ (freundschaftlich) [3]). Въ другой разъ, когда Германъ предложилъ разрѣшить воспитанницамъ дѣлать свои замѣчанія въ тѣхъ случаяхъ, если учитель поступилъ съ одною изъ ихъ подругъ несправедливо, Императрица написала: „воспитанницы не должны думать, что съ ними могутъ поступать несправедливо" [4]).

А между тѣмъ на собраніяхъ, въ балетахъ, дававшихся при выпускныхъ экзаменахъ, во время посѣщеній институтовъ посто-

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 10-го ноября 1826 г.

[2]) Письма отъ 30-го ноября 1826 и 28-го января 1828 г.

[3]) Учр. по В. О. 1819.

[4]) Учр. по В. О. 1820.

ронними лицами, неминуемо должны были выдвигаться не лучшія по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ воспитанницы, а болѣе привилегированныя по происхожденію, или по внѣшнимъ даннымъ.

По деликатному вопросу о наказаніяхъ, Императрица также много высказывалась въ письмахъ къ начальницамъ. Взглядъ ея на этотъ предметъ ясно выраженъ въ письмѣ отъ 24-го февраля 1819 года къ начальницѣ московскаго Александровскаго училища. „Любезная моя Меляртъ!—пишетъ Императрица—съ сердечнымъ сожалѣніемъ читала я донесеніе ваше отъ 21-го декабря, врученное мнѣ княземъ Голицынымъ, о непріятномъ происшествіи съ маленькою Р. [1]). Но благодареніе Богу, что безразсудность дитяти не имѣла никакихъ несчастныхъ послѣдствій, а еще принесла пользу, показавъ при столь важномъ случаѣ, сколь великую бдительность и осторожность должно имѣть при всякихъ даже малѣйшихъ обстоятельствахъ, когда наиболѣе почитаемъ себя безопасными. Сердечно соболѣзную, что бѣдное дитя отъ небрежности получило столь худые склонности и навыки; но въ томъ-то и состоитъ честь хорошаго воспитательнаго заведенія, чтобы благоразумными средствами порочныя расположенія и привычки искоренять и замѣнять ихъ добрыми качествами и добродѣтелями. Очень легко воспитывать благонравныхъ дѣтей и труды немедленно вознаграждаются; напротивъ, весьма трудно хорошимъ воспитаніемъ образовать бѣдное, заброшенное дитя и пріучить его къ нравственности и добродѣтели,—за то какая небесная награда сопровождаетъ таковый подвигъ! И такъ, не страшитесь никакихъ трудовъ и материнскихъ попеченій употребить въ пользу бѣдной Р. Она еще очень молода и не должно терять вовсе надежду въ разсужденіи ея. Спросите только совѣта у материнскаго своего сердца и оно вѣрно укажетъ вамъ наилучшее средство; оно вамъ скажетъ, что врожденное различіе свойствъ человѣческихъ требуетъ и различнаго въ разсужденіи ихъ обращенія, что рѣдко бываетъ нужно прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, что большею частью кроткіе способы, материнское и нѣжное увѣщаніе и возбужденіе чувства честолюбія производятъ лучшее дѣйствіе, даже въ разсужденіи пренебреженныхъ дѣтей, которыхъ часто ранняя или преждевременная строгость еще болѣе ожесточаетъ; напротивъ того, исполненное любви обращеніе возбуждаетъ въ нихъ заглушенное чувство и дѣлаетъ ихъ склонными къ добру. Поэтому испытайте материнскую свою нѣжность

[1]) Двѣнадцатилѣтняя воспитанница училища.

надъ симъ ребенкомъ, не поскучайте терпѣніемъ и опытомъ, снеситесь съ г. Саблинымъ (членъ Совѣта), который, какъ мнѣ извѣстно, по природѣ любитъ дѣтей, и можетъ быть удастся вамъ изъ испорченнаго дитяти образовать доброе и любви достойное существо. Вообразите себѣ сладостное удовольствіе, которое произойдетъ отъ счастливыхъ послѣдствій, и вы, конечно, предпримите трудный и, можетъ быть, продолжительный подвигъ охотно и съ мужествомъ. Наконецъ препоручаю бѣдную Р. вашему сердцу и увѣрена, что я хорошо ее препоручила.

P. S. Напрасно, любезная Меляртъ, грозили вы напередъ Р. розгами; пусть поступки ея были таковы, что эта строгость (которая, однако, очень рѣдко должна быть употребляема) была нужна, вы бы ее и употребили, не сказывая о томъ напередъ ребенку, ибо страхъ предстоящаго наказанія производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели самое наказаніе. Я желаю и надѣюсь, что кротость и материнская любовь соединены будутъ съ строгостію и справедливостію, и потому таковыя тѣлесныя наказанія рѣдко будутъ нужны. Я прошу сказать вашимъ дамамъ, чтобы онѣ отъ сего правила не отступали, и возлагаю на вашу совѣсть попеченіе обратить дѣвочку на хорошую дорогу“ [1]).

Въ другомъ своемъ письмѣ къ начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища Императрица говоритъ: „Я одобряю постепенность, которую вы соблюдаете въ наказаніяхъ, оставляя для болѣе важныхъ случаевъ ярлыкъ, прикалываемый къ плечу; не надо слишкомъ часто употреблять средство, которое должно сохранять всю свою силу, и я хочу себя убѣдить въ томъ, что вамъ никогда не придется прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ“. Въ собственноручной припискѣ къ этому, продиктованному Императрицею письму, она возвращается къ тому же и говоритъ: „конечно необходимо соблюдать самую большую сдержанность (ménagement) въ прінсканіи наказаній дѣтямъ, и употреблять ихъ лишь тогда, когда истощены всѣ средства; въ особенности если ребенокъ чувствуетъ себя униженнымъ наказаніемъ, его слѣдуетъ употреблять лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ“ [2]). — „Зачѣмъ ставятъ въ уголъ 12-ти — 14-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ голубого класса? — писала она Адлербергъ: — этого я не могу одобрить“. Вообще Императрица всегда рекомендовала начальницамъ и класснымъ дамамъ мягкость въ обращеніи съ воспитанницами; но въ институтахъ употреблялись, вѣроятно съ ея вѣдома, и такія на-

---

[1]) Истор. зап. о моск. учил., стр. 43.

[2]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 6-го сентября, 1827 г.

казанія, какъ прикалываніе розги къ плечу, и даже тѣлесныя. Бывали случаи, что воспитанницъ сѣкли публично „со всевозможною торжественностью" (mit aller möglichen Feierlichkeit), какъ выразилась Адлербергъ въ своемъ донесеніи объ этомъ событіи по поводу побѣга одной воспитанницы изъ заведенія [1]).

Пріученію воспитанницъ всѣхъ институтовъ къ занятію хозяйствомъ Императрица придавала очень большое значеніе. Особенно она требовала, чтобы „бѣднѣйшимъ" воспитанницамъ постоянно давались практическія знанія по хозяйству и во всемъ, что нужно для образованія хорошей хозяйки. Адлербергъ въ этомъ отношеніи вполнѣ и искренно раздѣляла взглядъ Императрицы. „Въ качествѣ хозяйки, — писала она, — женщина достойный и полезный членъ государства" [2]). Но видя вѣроятно трудность установить какъ слѣдуетъ это дѣло въ институтѣ, Адлербергъ указала Императрицѣ на необходимость составить особую книжку, изъ которой воспитанницы могли бы научиться предмету. Императрица велѣла пріискать составителя такой книги и, когда она была написана, сама сдѣлала на рукописи замѣчанія: чтобы въ главѣ о воспитаніи дѣтей не было никакихъ объясненій по поводу материнскихъ обязанностей, „а лишь то, что подлежитъ вѣдѣнію дѣвицы", велѣла сократить главу объ экипажѣ и о кормленіи лошадей, какъ о предметахъ, „не лежащихъ на обязанности хозяйки", и прибавить „о необходимости умѣть обходиться безъ экипажа" [3]). Совѣты, по ея повелѣнію, должны были внушать воспитанницамъ, чтобы онѣ „не гнушались занятіями хозяйствомъ, но здѣлали бы оныя привычкою" и чтобы заботились о нихъ, „какъ о дѣлѣ, требующемъ вниманія и съ такими мыслями возвращались бы въ родительскіе домы" [4]). Для приданія бо̀льшаго значенія этимъ занятіямъ, назначеніе дежурною по хозяйству стало впослѣдствіи дѣлаться въ видѣ награды, а лишеніе этой обязанности—наказаніемъ.

Также какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ воспитанія, Императрица дала начальницамъ институтовъ особую инструкцію относительно занятій воспитанницъ хозяйствомъ, и надо думать, что при ней эти занятія достигали результата.

Надо думать также, что и другія цѣли институтскаго воспитанія достигались при ней путемъ примѣра окружавшихъ воспитанницъ лицъ и разговоровъ съ ними.

---

[1]) Переписка по Восп. Общ. 1809.

[2]) Переписка по В. О. Письма Адлербергъ къ Императрицѣ. 1811.

[3]) Учр. по В. О. 1811.

[4]) Тамъ же. 1818. Выс. повел. моск. учр. орд. св. Ек.

Не довольствуясь этимъ, Императрица, съ первыхъ же лѣтъ своего управленія институтами, ввела для чтенія воспитанницамъ въ классахъ книгу, въ которой излагались ихъ будущія обязанности и вообще давались наставленія. Такою книгою была: „Отеческіе совѣты моей дочери“, переведенная съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и измѣненіями переводчика, а также примѣчаніями неизвѣстнаго лица, можетъ быть самой Императрицы, которой книга и была посвящена [1]). Въ посвященіи „Той, которая съ материнскою любовью призрѣла юныхъ дщерей Россіи“, переводчикъ говоритъ, что книга „Отеческіе совѣты“ принята въ Германіи „со всеобщей похвалою и даже одобреніемъ Высокихъ Особъ“.

Этою книгою Императрица замѣнила читавшуюся при Екатеринѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и въ Смольномъ, „Книгу о должностяхъ человѣка и гражданина“. Такъ какъ при Императрицѣ Маріи воспитаніе, даваемое въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, должно было удовлетворять спеціально-женскимъ цѣлямъ, приготовлять изъ воспитанницъ „добрыхъ супругъ, хорошихъ матерей и хорошихъ хозяекъ“, то и потребовалась такая книга, въ которой излагались бы не обязанности человѣка и гражданина вообще, какого бы пола онъ ни былъ, а именно эти, нужныя лишь женщинамъ обязанности [2]). И не только въ этомъ, но и въ другихъ правилахъ, эти двѣ книги представляютъ совершенную противоположность одна другой.

Теперь кажется непонятнымъ, какъ могла такая книга, какъ „Отеческіе совѣты“, быть допущенною къ чтенію воспитанницамъ. Не говоря о томъ, что она полна противорѣчій, всякихъ нелѣпостей и написана напыщеннымъ языкомъ, многіе изъ совѣтовъ, даваемыхъ авторомъ дочери, просто безнравственны. Авторъ имѣлъ очевидно въ виду полемизировать съ обнаружившимся въ началѣ нашего столѣтія, даже между нѣмецкими женщинами, стремленіемъ къ умственнымъ занятіямъ и къ улучшенію своего образованія. Такъ какъ подобныя стремленія могли тогда проявляться лишь у женщинъ высшихъ классовъ, то они и служатъ предметомъ нападокъ автора.

---

[1]) Отеческіе совѣты моей дочери. *Кампе.* Съ нѣм. перевелъ Григ. Яценковъ. С.-Пет., 1801—1804. 2 части. Типографія кадетскаго корпуса.

[2]) Единственное мѣсто, гдѣ въ „Книгѣ о должностяхъ“ упоминается о женщинахъ отдѣльно отъ мужчинъ, есть глава: О супружескомъ союзѣ (гл. 2, стр. 74). Тамъ, въ § 3, на основаніи евангельскаго текста, сказано: „мужъ есть глава, жена же помощница мужу, она должна мужа почитать и бояться, быть ему подчиненной и въ домоводствѣ помогать („Жена да боится своего мужа“. Посл. къ Ефес., гл. 5, ст. 33)“—и § 4: „Мужъ съ женою своею долженъ не строго поступать, власти своей надъ нею во зло не употреблять, но любовью съ женою обходиться“...

Основную свою мысль о томъ, что женщина всегда должна быть въ зависимости отъ мужчины, онъ не доказываетъ, а прямо рѣшаетъ: „Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина была слабѣе мужчины; поэтому ясно и неоспоримо, что женщина должна имѣть въ высшей степени добродѣтель скромности нежели мужчина... Богъ и человѣческое общество хотѣли, чтобы женщина зависѣла отъ мужчины, чтобы она ограничила кругъ своей дѣятельности домомъ, чтобы мужъ былъ защитникомъ своей жены, а она прилѣпилась бы къ мужу, чувствовала бы и признавала свою слабость, а преимущество мужа во всякомъ случаѣ и снискала бы его любовь и пріязнь скромностью и покорностью“ [1]).

Назначеніе женщинъ авторъ ставитъ въ томъ, въ чемъ его ставила Императрица, т.-е. онѣ должны быть, говоря языкомъ переводчика, „супругами для щастія мужей, матерьми для образованія дѣтей и мудрыми расположительницами домашняго хозяйства“. Упрекнувъ женщинъ высшихъ классовъ въ томъ, что онѣ не хотятъ подчиниться своему назначенію, авторъ извиняется передъ „тѣми дамами вышшаго состоянія, которымъ это противно покажется“, и проситъ ихъ не забывать, что онъ пишетъ свою книгу для „средняго сословія дѣвицъ“, которое вездѣ называетъ „щастливымъ“ [2]).

„Первое и нужнѣйшее, что я тебѣ здѣсь объявить долженъ,— между прочимъ говоритъ онъ дочери,— естьли ты сама давно того не примѣтила, есть слѣдующее: тотъ полъ, къ которому ты принадлежишь, находится въ зависимости состоянія, и притомъ все споспѣшествуетъ къ ослабленію силъ его какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ... Но не предавайся унынію, дочь моя!“ —восклицаетъ онъ и даетъ совѣты, какъ „избѣгнуть общей участи твоихъ сестеръ и избрать для себя достойнѣйшій кругъ дѣятельности, каковой только мы, такъ называемые владыки всѣхъ тварей, себѣ присвояемъ“.

Какъ общее правило, какимъ слѣдуетъ руководствоваться женщинѣ въ жизни, авторъ рекомендуетъ дочери: „ожидай не самаго худшаго, но и не самаго лучшаго; а готовься къ тому, что есть среднее между тѣмъ и другимъ... приготовляйся жить въ дѣйствительной зависимости, хотя и прикрытой наружною маской почтенія, однако тѣмъ не менѣе существенной и даже можетъ быть нѣсколько тягостной“. Онъ совѣтуетъ дочери уклоняться не

[1]) Ч. 1-я. Характеръ благородный и совершенно сообразной съ званіемъ жены.

[2]) Ч. 1-я. Истинное достоинство и отличія женщинъ.

отъ того, что „само по себѣ и дѣйствительно худо, порочно и безчестно“, но, ради сбереженія „неувядаемымъ нѣжный цвѣтъ твоей дѣвичьей и женской чести, а съ нею и соблюденія всего твоего щастія“, при всякомъ шагѣ, при всякомъ малѣйшемъ даже поступкѣ, смотрѣть „не только на существенную нравственность онаго, но и на то—что скажутъ о тебѣ люди?“.

Это авторъ поясняетъ, между прочимъ, такими примѣрами: „положимъ,—говоритъ онъ—ты чувствуешь и видишь изъ ежедневнаго опыта, что для здоровья, для росту, для крѣпости тѣлесной необходимо нужно здѣлать тѣло грубымъ частыми тѣлодвиженіями, ежедневною привычкою ко всякой погодѣ и безпрестаннымъ свободнымъ упражненіемъ всѣхъ твоихъ силъ; но всесильная мода принуждаетъ тебя во многихъ случаяхъ дѣлать совсѣмъ противное тому, а тиранская политика отгоняетъ тебя желѣзнымъ скипетромъ отъ премногихъ спасительныхъ упражненій тѣлесныхъ и душевныхъ и повелѣваетъ тебѣ быть нѣжной, чувствительной, слабой и болѣзненной“. Чтобы помочь бѣдѣ, онъ учитъ дочь „сколько то позволяетъ тебѣ тиранство благопристойности“, укрѣплять таки тѣло и душу, но только такъ, чтобы это не было принято за отступленіе отъ обычаевъ и обыкновенной жизни женщины. Для этого онъ указываетъ ей средства, въ которыхъ она должна полагать „всю свою честь и удовольствіе“, а именно, чтобы она сама исполняла всѣ работы по хозяйству, была бы „безпрестанно на кухнѣ, въ амбарахъ, на дворѣ и въ саду“ и чтобы не „укрѣпляла свое воображеніе непристойными упражненіями въ изящныхъ искусствахъ“ [1]).

Въ числѣ доводовъ противъ послѣднихъ авторъ приводитъ то, что занятія изящными искусствами „ослабляютъ нервы, дѣлаютъ насъ слишкомъ чувствительными ко всему, что раздражаетъ слухъ разногласіемъ или мерзитъ глазамъ отвратительными красками и гнусными видами, а прочія чувства оскорбляютъ сильными или противными впечатлѣніями... А хорошая хозяйка — прибавляетъ онъ — должна быть менѣе чувствительна къ таковымъ непріятностямъ, ибо въ домоводствѣ не избѣжишь ихъ, особливо въ кухнѣ и въ дѣтской, главныхъ мѣстахъ, гдѣ ея присутствіе необходимо нужно“. Кромѣ того занятіе изящными науками и искусствами, по его мнѣнію, вредно для женщины и потому, что для успѣха всякаго дѣла онъ справедливо считаетъ нужнымъ и „пристойное ему“ расположеніе духа, „а всего болѣе бываетъ

[1]) Ч. 1-я. Средства, которыми женщина можетъ поправить сіи неблагопріятныя отношенія и черезъ то достигнуть своего опредѣленія.

несходно расположеніе духа, которое рождается въ насъ отъ упражненій въ изящныхъ наукахъ и художествахъ, и то, которое нужно для важнаго званія хозяйки".

Вообще авторъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы убѣдить свою дочь въ томъ, что для женщинъ вообще, а для супруги и хозяйки въ особенности, совсѣмъ не нужны науки и „ученыя свѣдѣнія", если она не хочетъ навлечь на себя „справедливое нареканіе и презрѣніе". — „На что—спрашиваетъ онъ—женщинѣ обширныя и глубокія свѣдѣнія, естли она не можетъ употребить ихъ на пользу ни въ кухнѣ, ни въ кладовой, ниже въ кругу своихъ пріятельницъ и наконецъ ни въ какомъ мѣстѣ политическаго и ученаго свѣта; естли она даже не смѣетъ выказать ихъ, развѣ учиниться предметомъ общаго посмѣянія"?—Можетъ быть,—спрашиваетъ онъ—это помогло бы самой женщинѣ „просвѣтить свой разумъ въ предметахъ, относящихся до общественной жизни, и чрезъ то сдѣлать ее способною исправлять въ точности все, что принадлежитъ до ея подлиннаго званія"? На это въ книгѣ нѣтъ отвѣта, и авторъ утверждаетъ, что „не было примѣра, чтобы ученость женщины въ семъ случаѣ послужила ей на пользу и я могу объяснить — прибавляетъ онъ — не одну причину, по которой, думаю, что таковаго примѣра мы ввѣки не наживемъ". Мужу такой жены не нужно. „Онъ—говоритъ авторъ своей дочери—будетъ обожать тебя, чтобы послѣ лишить тебя даже нѣкоторыхъ правъ человѣчества... и не потому, что онъ лживый, коварный, злой, а потому, что онъ долженъ тебя охладить". И вообще мужъ, по мнѣнію автора „не можетъ, не будетъ и не долженъ быть уступчивымъ къ женѣ".

Къ этому мѣсту книги сдѣлано слѣдующее примѣчаніе неизвѣстнымъ лицомъ: „это ужъ слишкомъ жоско, несправедливо. *Быть не долженъ?* — Нѣтъ, онъ *долженъ* быть уступчивъ, ласковъ и снисходителенъ къ своей супругѣ и что онъ рѣдко бываетъ таковъ, это его собственная вина" [1]).

Въ числѣ доводовъ почему жена на злыя выходки мужа должна отвѣчать кротостью, авторъ приводитъ тотъ, что „разсерженная женщина безобразитъ лицо свое и всѣ свои мины и обороты, такъ что всякій, имѣющій тонкое нравственное чувство, гнушается ею и ее отвращается; а лицо сердитаго мужа бываетъ иногда неотвратительно".

Такого мужа, который „на столько былъ бы помѣшанъ умомъ, что измѣрялъ бы достоинства супруги ученымъ масштабомъ по

---

[1]) Ч. 1-я, стр. 177.

длинѣ, ширинѣ и толщинѣ ея свѣдѣній въ литературѣ", авторъ и не желаетъ дочери; онъ увѣряетъ ее, что всякому мужу гораздо пріятнѣе въ часы отдохновенія, „вмѣсто всякихъ диссертацій и ученыхъ разговоровъ, слышать щетъ, который жена ему предложитъ о своихъ экономическихъ распоряженіяхъ, и похвалять тѣ причины, которыя побудили ее поступать въ домашнихъ дѣлахъ такъ, а не иначе". Для женщины, какъ матери, нужна, по взглядамъ автора, не ученость, подъ которою онъ вездѣ понимаетъ почему-то ненавистную ему литературу, а здравый смыслъ „при совѣтахъ благомыслящаго мужа".

И такъ, ученость безполезна для женщины во всѣхъ отношеніяхъ; мало того, ученость даже вредна не только для женщины, но и для мужчины, ибо „ученые слабы здоровьемъ". Но мужчина обязанъ жертвовать своимъ здоровьемъ общему благу, да онъ и легче переноситъ неблагопріятныя условія жизни, ибо укрѣпилъ воспитаніемъ свое тѣло. „А для васъ — обращается авторъ къ дочери—гнетущій васъ панцырь, сіи вредоносныя шнуровки, усугубляютъ вредныя слѣдствія продолжительной сидячей жизни". Кромѣ того ученость—„эта подлинная язва душевная"— служитъ, по мнѣнію автора, „непримѣтнымъ препятствіемъ щастливой жизни супружества и хорошаго воспитанія и ужъ погубила премногія фамиліи, особливо вышнихъ состояній". Видѣть это — говоритъ онъ — „огорчительно". Оттого, что мужчины и женщины высшихъ классовъ читаютъ много и безъ разбора, у нихъ является разочарованіе въ жизни, а у женщинъ—разочарованіе въ мужѣ, „гипохондрическая унылость, безпокойство, грусть, нерѣдко и безуміе... Женщины ищутъ титловъ сочинительницъ, писательницъ, романистокъ, рецензировщицъ и Богъ знаетъ чего!"

Такія женщины, по увѣренію автора, обходятся презрительно съ мужьями, часто достойными и заслуженными людьми, „только не поэтическими и не романическими". А „безсмысленная публика" взираетъ—по его словамъ—на такихъ женщинъ, какъ на „чудесъ свѣта, рецензенты почитаютъ себя щастливѣйшими изъ смертныхъ, удостоившись облобызать прахъ ихъ ногъ и пустоголовые панегиристы сыплютъ возами ѳиміамъ на жертвенники ихъ славы"... Но за то „скорбящій супругъ или скрываетъ печаль свою и увядаетъ прежде времени, или ищетъ разсѣянности внѣ дома и въ туманномъ распутствѣ старается забыть мученія домашнія... Увидитъ онъ своихъ дѣтей оставленными, домашнее состояніе приходящимъ въ упадокъ, пока наконецъ скорбь о угнѣтающихъ долгахъ, о развратныхъ дѣтяхъ и о всеобщемъ поношеніи отъ всѣхъ честныхъ людей исполнитъ мѣру мученій не-

щастнаго супруга, и съ терзаніями и болѣзнями сведутъ его во гробъ"!

Нарисовавъ такую ужасную картину послѣдствій учености жены для ея мужа, авторъ спрашиваетъ: „и въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина, всѣ мысли которой заняты литературою, ставить высочайшее свое благополучіе въ одобреніи и любви мужа, когда она съ алчностью ищетъ хвалы цѣлой публики?.. Можетъ ли она заниматься своимъ хозяйствомъ, дѣйствовать согласно съ своимъ опредѣленіемъ на воспитаніе дѣтей своихъ и на нравы служителей, когда она желаетъ дѣйствовать на все общество, на все человѣчество"?

Къ этой главѣ [1]) сдѣлано примѣчаніе переводчикомъ, что авторъ „Отеческихъ совѣтовъ" пишетъ для своихъ соотечественницъ и весьма основательно осуждаетъ ихъ за то, что онѣ, „забывши свои существенныя обязанности, прилѣпились къ излишнему чтенію книгъ часто безполезныхъ, вздорныхъ и вредныхъ; осуждаетъ весьма благоразумно, что онѣ ищутъ увѣковѣчить имя свое учеными произведеніями и блистать въ кругу Авторовъ не получивши къ тому права отъ Природы. Но мы, — прибавляетъ переводчикъ—имѣя въ виду нашихъ соотечественницъ, находимъ больше причины жаловаться совсѣмъ на противный порокъ: онѣ вовсе ничего не читаютъ и даже пренебрегаютъ чтеніемъ, не зная истинной его пользы. Никакъ не должно пренебрегать чтеніемъ, надобно только знать цѣну книгъ и занявшись чтеніемъ не забывать своихъ существенныхъ обязанностей".

Въ заключеніе авторъ „Отеческихъ совѣтовъ" приходитъ къ тому, что, для благополучія мужа, женщина должна быть прежде всего „совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлить свое существованіе между дѣтскою, кухнею, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и садомъ; должна цѣлый день лѣтать съ одного мѣста на другое... Угощая гостей мужа, не должна сидѣть на софѣ какъ прикованная... должна быть совершенная щетчица, особенно хорошо считать въ умѣ, чтобы при покупкахъ не обманываться". А затѣмъ, „если останется время", благовоспитанная женщина можетъ развивать и другія свои способности и силы душевныя, „какія нужны къ собственному ея благополучію, къ удовольствію просвѣщеннаго ея супруга, къ благоразумному надзиранію надъ малолѣтными дѣтьми обоего пола и особенно къ совершенному воспитанію будущихъ ея дочерей".

Онъ рекомендуетъ и книги, изъ которыхъ дочь можетъ

---

[1]) „Истинное достоинство и отличія женщинъ". Ч. 1-я, стр. 69.

„научиться жить“, а именно: Шпалдингово сочиненіе: о опредѣленіи человѣка, Базедова: Practische Philosophie für alle Stände, Фенелона: О воспитаніи дѣвицъ и „Отеческіе совѣты“ [1]). Прежде же всего ей необходимо познать истины религіи. „Больше ничего читать не нужно“ — прибавляетъ онъ, — ибо „изъящныя науки“, т. е. стихи и литература, „безнравственны“. Но кромѣ чтенія онъ считаетъ существенно важнымъ для женщины пріобрѣсть „астрологическія свѣдѣнія“, въ которыхъ она увидитъ человѣка во всѣхъ его частяхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ; также изъ натуральной исторіи, исторіи всеобщей и логики „для познанія духовной натуры человѣка“.

Подъ астрологическими свѣдѣніями авторъ понимаетъ такую науку, изъ которой женщина узнаетъ и „правила объ образованіи человѣка, почерпнутыя изъ прямого знанія свѣта и людей, особенно наставленіе и упражненіе въ томъ, какъ правильно судить о характерахъ людскихъ и какъ обходиться съ каждымъ въ особенности, если хочешь снискать его благоволеніе, управлять его волею и дать желанное стремленіе его натуральнымъ или пріобрѣтеннымъ наклонностямъ и побужденіямъ“.

Кромѣ этихъ знаній авторъ допускаетъ еще „третій классъ познаній для опредѣленія женщины“. Сюда онъ включаетъ свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, но лишь всеобщее знакомство съ происшествіями древняго и новаго времени, а также „гдѣ и когда какое приключеніе случилось, однако, не съ совершенною историческою и географическою точностію, ибо это женщинѣ весьма рѣдко понадобится“. Для пріобрѣтенія такихъ знаній онъ рекомендуетъ собранія частныхъ исторій, напримѣръ „Анекдотическія и характеристическія повѣсти“ въ „Théâtre du monde“, par Richer [2]).

Изъ другихъ наукъ — естественной исторіи, физики, а равно изъ художествъ — авторъ позволяетъ дочери знать то, что нужно „для вседневныхъ нуждъ жизни“. Изученіе иностранныхъ языковъ онъ признаетъ не только безполезнымъ для нея, „ибо такое знаніе не нужно для супруга и для хозяйства“, но даже вреднымъ, ибо требуетъ много времени и можетъ развить тщеславіе.

Здѣсь русскій переводчикъ „Отеческихъ совѣтовъ“ сдѣлалъ опять примѣчаніе, что „для русской дѣвицы средняго состоянія это изученіе необходимо. ...Россійская литература — говоритъ онъ — еще такъ бѣдна, что должна много почерпать отъ иностран-

[1]) Всѣ эти книги находились въ библіотекѣ Смольнаго монастыря.

[2]) Эта книга также находилась въ библіотекѣ Общества.

цевъ. Не упоминая о введенномъ у насъ обычаѣ, по которому французскій языкъ сдѣлался почти необходимымъ въ свѣтскомъ обращеніи, могу сказать, что Россія недавно только стала освѣщена зарею просвѣщенія, между тѣмъ какъ въ иныхъ земляхъ возсіялъ ужъ ясный полдень. Но утѣшься, Россъ, любящій свое Отечество!—восклицаетъ переводчикъ—съ тѣхъ поръ, какъ вѣнчанныя Главы приняли въ высокое свое покровительство Науки и Художества, скоро, скоро благотворное Свѣтило Просвѣщенія въ полномъ блескѣ возсіяетъ надъ россійскимъ Горизонтомъ!!" [1]).

Изъ искусствъ авторъ „Отеческихъ совѣтовъ" позволяетъ дочери заниматься музыкой и рисованіемъ „въ той степени, чтобы не пренебрегала ради нихъ болѣе нужными и не въ ущербъ занятіямъ своего опредѣленія".

Занятія дочери музыкой и рисованіемъ, „если останется для нихъ время", авторъ допускаетъ съ тѣмъ, чтобы она „была способною утѣшать саму себя и услаждать жизнь будущаго супруга, прогонять печали и заботы и оживлять всю фамилію невинными забавами". Онъ готовъ бы разрѣшить для нея и танцы, потому что это полезно для здоровья; „но такъ какъ танцы часто служатъ къ удовлетворенію суетности и тщеславія, къ возбужденію безчестныхъ страстей", то ихъ не надо. „Желаю,—говоритъ онъ дочери—чтобы ты держала порядочно корпусъ, благопристойно стояла и ходила и при важномъ торжествѣ умѣла бы протанцовать Минуэтъ и польскій".

Считая въ числѣ необходимѣйшихъ „для опредѣленія женщины" знаній, „познаніе людей", авторъ совѣтуетъ дочери „посвятить себя этой наукѣ", и съ этой цѣлью указываетъ ей на вторую часть своей книги, которую онъ озаглавилъ: „Начертаніе всеобщей картины человѣчества" [2]).

Цѣль, съ которою онъ считаетъ нужнымъ ознакомить дочь съ „различными характерами людскими", заключается въ томъ, чтобы она „ни отъ кого не ожидала болѣе, нежели онъ можетъ учинить, чтобы не почла волка за агнца, коршуна голубемъ и, слѣдовательно, чтобы осторожно обращалась съ людьми и не ввѣряла бы своего благополучія тѣмъ, которые утѣшаются разрушая его". Въ этихъ видахъ онъ совѣтуетъ ей предполагать обо всѣхъ людяхъ, которыхъ она хорошо не знаетъ, что они могутъ ее „обмануть, провести и привлечь въ убытокъ есть-ли найдутъ случай здѣлать то тайно и незнаемо"; поэтому она должна за-

---

[1]) Ч. 1-я, стр. 124. „Мнѣніе переводчика".

[2]) „Отеческіе совѣты". Ч. 2-я, гл. 4-я.

ранѣе принять мѣры, чтобы они „не успѣли хотя бы и хотѣли" это сдѣлать. Давая такой совѣтъ молодой дѣвушкѣ, авторъ чувствуетъ себя неловко передъ нею и оправдывается тѣмъ, что „хотя это и тягостно", но онъ обязанъ ей дать такой совѣтъ.

Она должна также, по его мнѣнію, знать, что „всѣ мы, умный, и глупый, добродѣтельный и порочный, никогда ничего не дѣлаемъ, не имѣя при томъ въ виду какой-либо награды, какой-либо выгоды... [1]), а большая часть людей слѣдуетъ не правиламъ, а темпераменту". Поэтому онъ совѣтуетъ дочери соблюдать обычаи и этикетъ „ибо—говоритъ онъ—какъ необходимо должны быть различія между состояніями, то надобно быть и знакамъ, по которымъ всякъ изъявить можетъ, что онъ признаетъ сіи различія" [2]). Но кромѣ „обычайныхъ почтительныхъ знаковъ ранга", выражающихся въ поклонахъ, поздравленіяхъ, разговорахъ, тонахъ, „тихости или громкости голоса и почтительности вида", сообразно съ рангомъ человѣка, онъ совѣтуетъ вообще показывать всякому даже „нѣсколько болѣе чести, нежели сколько приличествуетъ по его состоянію и заслугамъ, ибо каждый думаетъ о себѣ и своихъ заслугахъ и состояніи выше, чѣмъ они дѣйствительно стоятъ въ обществѣ человѣческомъ"... Болѣе же всего почестей она должна, по его совѣту, оказывать глупцамъ всякаго состоянія и съ большою осторожностію соблюдать при обращеніи съ ними „всѣ церемоніи и весь этикетъ".

Этотъ совѣтъ авторъ поясняетъ тѣмъ, что „есть неправды, которыя не постыдны ни для какого и добродѣтельнаго человѣка; иногда даже долгъ насъ обязываетъ не только умолчать истину, но на ея мѣсто подставить дѣйствительную неправду". И эта неправда, по его мнѣнію, безвредна и неизбѣжна для всѣхъ живущихъ въ человѣческомъ обществѣ.

Подъ такой неправдой онъ понимаетъ „то безчисленное число учтивствъ и обычаевъ, о которыхъ всякъ знаетъ, что они суть одинъ пустой звукъ или движеніе тѣла ничего не означающее, но только показываютъ, что мы понимаемъ введенные знаки чести, принадлежащіе каждому званію въ гражданствѣ... Въ томъ, что они ложны, увѣрены сердечно и тотъ, кто ихъ изъявляетъ, и тотъ, кому они изъявляются. Да никто и не хочетъ—утверждаетъ авторъ—

---

[1]) Въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина" сказано: „почтительность въ томъ состоитъ, дабы мы о другихъ ничего, кромѣ добра, не помышляли и имъ почтеніе наше при всякомъ случаѣ и словомъ и дѣломъ оказывали".

[2]) Въ „Книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина": „Честность надо болѣе дѣлами и сердцемъ, нежели словами и лицомъ показывать". Ч. 1-я, гл. 3-я, стр. 24. О должностяхъ къ ближнему.

выдавать ихъ за истинные“. Свою мысль онъ поясняетъ примѣромъ: „естли кто говоритъ другому: какъ я радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ! то это значитъ не иное что, какъ: для меня все равно, здоровы вы или нѣтъ. Иногда это имѣетъ и такой смыслъ: дай Богъ, чтобы вы были нездоровы. Когда говорятъ: прощайте, желаю вамъ счастливо оставаться! то это значитъ: „я хочу идти домой“. Все это, по его мнѣнію, „не ложно и не безчестно“.

Вообще онъ совѣтуетъ дочери „быть недовѣрчивой ко всему“, предостерегаетъ ее отъ людей, зараженныхъ „модной чувствительностью“, и указываетъ признаки, очень своеобразные и нелѣпые, по которымъ она сейчасъ же можетъ узнать „мечтателей и фанатиковъ“. „Выговори только—рекомендуетъ онъ—сіе невинное слово: *Просвѣщеніе!* и примѣчай внимательно, какое дѣйствіе оно произведетъ надъ собесѣдникомъ. Есть ли ты увидишь, что онъ съ яростнымъ негодованіемъ изольетъ ядъ своей рѣчи на сіе слово и злобно повторитъ:—Просвѣщеніе! Просвѣщеніе! какое Просвѣщеніе? какой разумъ? — то перестань ужъ сомнѣваться и не опасайся тѣмъ его обидѣть. Ибо невозможно, чтобы тотъ, кто презираетъ просвѣщеніе и противъ него враждуетъ, не былъ купно мечтатель и фанатикъ, развѣ только онъ будетъ самая тупая голова“ [1]).

Далѣе авторъ рисуетъ типы благотворителей и благотворительницъ, святыхъ, лицемѣровъ и писателей. „Въ послѣднихъ—говоритъ авторъ — легко ошибиться, если судить о нихъ по ихъ сочиненіямъ. Только немногіе говорятъ правдиво и ихъ-то гонитъ неистовая толпа Критиковъ, Сатириковъ, Завистниковъ и Лжесвятошъ“. Онъ учитъ дочь, какъ различать людей „глупыхъ отъ природы и глупыхъ отъ обстоятельствъ“, отдавая предпочтеніе первымъ, ибо они „услужливы, не вредныя твари... нужны въ жизни, и человѣчеству на ихъ услужливость можно положиться“.

Онъ даетъ дочери совѣтъ отдаляться отъ „чувствительныхъ молодыхъ людей“ и въ особенности предостерегаетъ ее отъ „изнѣженныхъ и слабыхъ твореній, т.-е. людей свѣтскихъ, но имѣющихъ титулъ важнаго, многотруднаго званія“, говоритъ молодой дѣвушкѣ, что „празднолюбіе такихъ людей намъ выгодно; еслибы сіи питомцы нѣги и праздности вздумали укрѣпить свои силы тѣлесныя и душевныя, и стали способными сами отправлять свои должности, то тогда бы... я страшусь!.. Тогда пропало бы уваженіе къ нашему трудолюбивому посредственному состоянію, про-

[1]) Ч. 2-я, стр. 123.

пала бы та зависимость, въ которой они теперь отъ насъ находятся... Пока есть хромые и увѣчные, до тѣхъ поръ палка и костыль будутъ въ чести"!.. Сказавъ, что отъ такихъ людей нельзя ждать ни „человѣколюбія, ни искренняго участія ни въ общемъ, ни въ частномъ дѣлѣ", авторъ все-таки даетъ совѣтъ дочери, какъ „пріобрѣсть благосклонность такихъ баръ". Для этого она должна стараться „увеличить кругъ ихъ веселостей пристойными забавами и веселымъ характеромъ". Тутъ его заботитъ вопросъ: „какъ это сдѣлать, если у тебя нѣтъ веселаго характера"? Но средство найдено. „Береги здоровье,—говоритъ онъ—берегись излишняго напряженія духа, всѣми силами противься первымъ искушеніямъ демона унылости и меланхоліи, когда онъ дерзнетъ поселиться въ твоемъ сердцѣ".

Свою книгу авторъ кончаетъ обращенными къ дочери словами: „поступай честно и не бойся никого"!

И такая книга читалась въ классахъ воспитанницамъ институтовъ! А что она читалась, на это есть несомнѣнныя доказательства въ еженедѣльныхъ донесеніяхъ инспекторовъ классовъ Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ; въ своихъ „рапортахъ" Совѣтамъ этихъ институтовъ инспекторы постоянно, до 1813 года, отмѣчали, изъ какой главы „Отеческихъ совѣтовъ" и сколько пройдено съ воспитанницами за недѣлю.

Въ 1813 году „Отеческіе совѣты" были замѣнены другою книгою, также посвященною Императрицѣ Маріи и составленною Іаковомъ Воскресенскимъ, законоучителемъ Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, подъ названіемъ: „Нравоученіе для благородныхъ воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ и института ордена св. Екатерины". Въ „Нравоученіе" вошли мѣстами почти цѣликомъ многія изъ правилъ автора „Отеческихъ совѣтовъ" на назначеніе женщины, кругъ ея дѣятельности и др., а вся четвертая часть „Нравоученія" есть не что иное, какъ сокращеніе второй части „Отеческихъ совѣтовъ".

„Нравоученіе" читалось воспитанницамъ въ классахъ до конца жизни Императрицы Маріи.

Какъ сложилась внутренняя жизнь въ институтахъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, какъ тамъ шло воспитаніе, какъ относилась къ этимъ заведеніямъ Императрица — объ этомъ мы встрѣтили очень мало указаній. Только въ воспоминаніяхъ бывшей воспитанницы петербургскаго Дома Трудолюбія, Алабьиной, авторъ разсказываетъ, что Императрица Елизавета часто пріѣзжала въ Домъ, присылала „моимъ милымъ дѣтямъ" рыбу, икру, фарфоровыя яйца, „вообще была

добра"—говоритъ Алабьина. Прощаясь передъ своимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, Императрица сказала воспитанницамъ: „Молитесь, чтобы я выздоровѣла, и я возвращусь къ вамъ! тогда все будетъ иначе; я перестрою домъ, вы всѣ станете учиться по-французски" [1]).

Судя по тому, что въ Домѣ Трудолюбія, гдѣ воспитывались дѣвицы „разночиннаго состоянія", давались, по словамъ Алабьиной, балы, надо думать, что они давались и въ Патріотическомъ институтѣ. Вообще, по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя сохранились за время Императрицы Елизаветы объ этихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, бытъ воспитанницъ ихъ былъ проще, нежели въ институтахъ Императрицы Маріи. Но и въ Патріотическомъ институтѣ обращали большое вниманіе на то, чтобы воспитанницы говорили по-французски. По этому поводу одна изъ нихъ разсказываетъ, что когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 года и въ институтѣ была слышна пальба изъ орудій, начальница стала говорить институткамъ: „это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и точно кухарки болтаете все по русски". „Въ страшномъ перепугѣ,—сообщаетъ авторъ разсказа—мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ передъ иконами съ горькими слезами раскаянія тогда же поклялись начальницѣ вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны; пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились и долго послѣ того въ спальняхъ и залахъ Патріотическаго института не слышалось русскаго языка" [2]).

Императрица Елизавета стояла къ этимъ заведеніямъ гораздо дальше, чѣмъ Императрица Марія къ своимъ; она не входила въ подробности быта, воспитанія и ученія воспитанницъ, мало заботилась о нихъ, какъ во время пребыванія ихъ въ заведеніи, такъ и по выходѣ изъ него. По видимому ея распоряженія начальствующимъ лицамъ ограничивались рескриптами въ тѣхъ случаяхъ, когда она считала это нужнымъ.

---

[1]) Воспоминанія институтки. Соч. Ел... Ал... Печатано съ Выс. Ея Имп. Вел. соизволенія. С.-Пет. 1834.

[2]) 14-ое декабря 182- года въ Патріот. инст. *С. А. Пелли* („Р. Стар.", 1870, авг.).

V.

Взглядъ Императрицы Маріи на образованіе. — Начертанный ею планъ ученія въ Обществѣ. — Сравненіе програмы плана съ програмою Коммиссіи народныхъ училищъ. — Учители и ихъ жалованье. — Записка инспектора объ учителяхъ. — Програма ученія въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. — Програма мѣщанскихъ училищъ. — Планъ ученія для дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома. — Затрудненія при введеніи плана Императрицы.—Донесенія инспектора классовъ.—Преподаваніе физики и учителя.—Требованія Императрицы отъ учителя физики.—Взглядъ инспектора на обученіе мѣщанокъ.—Предметы, преподававшіеся на иностранныхъ языкахъ.— Повышеніе требованій при помѣщеніи воспитанницъ въ институты.—Инспекторъ классовъ Лодій.—Его докладъ Императрицѣ.—Его поиски учителя физики на французскомъ языкѣ. — Учебныя руководства въ женскихъ заведеніяхъ. — Печатаніе фамилій учителей въ Адресъ-календарѣ.—Третные рапорты учителей.—Отмѣтки воспитанницамъ.—Учебный планъ Лодія.—Повышеніе програмы мѣщанскаго училища.—Знанія воспитанницъ.—Заботы Императрицы объ ученіи.—Присылаемыя ею книги.—Инспекторъ классовъ Германъ.—Его донесенія.—Приглашеніе лучшихъ учителей.—Комитетъ по учебной части.—Отмѣна экзаменовъ при переводѣ изъ одного класса въ другой.—Табель о жалованьѣ учителей.—Правила о наградахъ и пенсіяхъ имъ.—Особенныя требованія отъ учителей для женскихъ учебныхъ заведеній. — Програма курса для пепиньеръ.—Сочиненія воспитанницъ.—Огражденіе на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по мужскому образованію. — Цѣль учрежденія Комитета по учебной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Учебный Комитетъ при главномъ правленіи училищъ. — Руководство по исторіи.—Диктованіе въ классахъ.—Бесѣды въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Библіотека Общества. — Самостоятельное отношеніе Императрицы Маріи къ мѣрамъ правительства по мужскому образованію.—Положеніе учебнаго дѣла въ Патріотическомъ институтѣ и петербургскомъ Домѣ Трудолюбія.— Програма полтавскаго института.—Донесеніе Гулакъ-Артемовскаго объ ученіи въ этомъ институтѣ.

Императрица Марія смотрѣла на роль образованія въ жизни такъ же, какъ на него смотрѣла Екатерина, т. е. она подчиняла его воспитанію. „Прошу инспектриссъ — писала Императ-

рица Адлербергъ — приглашать дѣвицъ, особенно способныхъ, употреблять эти способности не только для образованія ума, но работать для образованія сердца и характера". Но она расходилась съ Екатериной во взглядахъ, какъ на цѣль даваемаго воспитанницамъ образованія, такъ и на характеръ его. Императрица Марія хотѣла, чтобы дѣвушки выходили изъ институтовъ не людьми вообще просвѣщенными, что имѣла въ виду Екатерина, а хорошими женами, матерями и хозяйками. „Если будутъ любить ученіе, трудъ и порядокъ, — писала она въ 1804 году о воспитанницахъ Смольнаго — то могутъ надѣяться быть счастливыми женами и матерями, особенно если къ талантамъ и познаніямъ, какія имъ даются въ заведеніи, присоединятъ хорошій характеръ".

Тотчасъ послѣ своего вступленія въ управленіе Обществомъ, Императрица собственноручно составила новый планъ ученія для этого, единственнаго тогда (въ 1797 г.), правительственнаго женскаго учебнаго заведенія [1]).

Новымъ планомъ воспитанницы каждаго возраста раздѣлялись, по степени успѣховъ въ ученіи, на три отдѣленія, въ которыхъ оставались по году въ каждомъ. Уроки, утромъ съ восьми до двѣнадцати часовъ, и послѣ обѣда съ двухъ до шести, назначены были двухчасовые. Въ младшемъ возрастѣ на ученіе было опредѣлено 30 часовъ въ недѣлю, изъ которыхъ по три урока въ недѣлю назначалось на чтеніе и письмо на каждомъ изъ трехъ языковъ и кромѣ того впослѣдствіи, для болѣе успѣвшихъ, еще по одному уроку на грамматику русскую, французскую и нѣмецкую.

Слѣдовательно на обученіе языкамъ въ младшемъ возрастѣ было отведено болѣе 18-ти часовъ изъ 30-ти; остальные часы назначались на преподаваніе закона Божія, географіи, исторіи и ариѳметики, по одному уроку на каждый предметъ. Два часа въ недѣлю посвящались танцамъ, а десять — музыкѣ и рукодѣлію. Въ среднемъ возрастѣ предметы преподаванія оставались тѣ же, что и въ младшемъ, но число учебныхъ часовъ было увеличено до 34. Въ старшемъ возрастѣ къ этимъ предметамъ были прибавлены: логика, геометрія, натуральная исторія и опытная физика. Учителямъ и классымъ дамамъ предписывалось заботиться о привитіи дѣтямъ привычки къ чтенію книгъ.

Въ программу ученія мѣщанской половины входили: законъ

---

[1]) Планъ ученія въ предметахъ Высочайше предписанныхъ для Восп. Общ. бл. дѣв. и мѣщанскаго отдѣленія, 1797 г., 9-го января (Учр—ія Общ. бл. дѣв. 1767—1820 гг. XII).

Божій, ариѳметика, на сколько это нужно въ домашнемъ хозяйствѣ, русская исторія и рисованіе. На всѣ эти предметы было положено 24 часа въ недѣлю, а остальное время посвящалось рукодѣліямъ [1]). Преподававшіеся при Екатеринѣ на мѣщанской половинѣ музыка и танцы, а также иностранные языки, были сначала отмѣнены новымъ планомъ, но скоро опять введены [2]).

Въ первый же мѣсяцъ послѣ того, какъ начали примѣнять новую программу, изъ нея Высочайшимъ повелѣніемъ было исключено преподаваніе натуральной исторіи, которую долженъ былъ обучать учитель русской исторіи и географіи [3]).

Сравнивая новую программу для благородныхъ воспитанницъ съ программою комиссіи народныхъ училищъ 1783 года, разница между обѣими замѣчается въ томъ, что новою программою отмѣнялось преподаваніе архитектуры и геральдики, которыя, впрочемъ, входила вѣроятно, по принятому тогда обыкновенію, въ преподаваніе исторіи; кромѣ того, вводился новый предметъ — логика. Въ распредѣленіи предметовъ обѣихъ программъ, новымъ планомъ увеличивалось общее во всѣхъ классахъ число уроковъ закона Божія; всего же болѣе часовъ, опредѣленныхъ на учебныя занятія, отводилось въ немъ преподаванію языковъ, которое стояло на первомъ мѣстѣ.

Каждый годъ должны были производиться въ присутствіи начальницы и одного изъ членовъ Совѣта экзамены, и кромѣ того назначались еще полугодичныя испытанія въ присутствіи лишь одной начальницы. О результатахъ экзаменовъ предписывалось представлять самой Императрицѣ, а инспекторъ классовъ долженъ былъ ежедневно доносить высшему начальству о прилежаніи воспитанницъ и ежемѣсячно объ ихъ успѣхахъ [4]).

Скоро послѣ присылки новаго плана, Императрица одобрила составленное Совѣтомъ Общества „распоряженіе какъ произвести въ дѣйствіе новый планъ ученія, избѣгая сколь можно лишнихъ издержекъ“. Этимъ „распоряженіемъ“ преподаваніе новаго предмета, логики, возлагалось на учителя россійскаго слога, а геометріи—на учителя „физическаго“. Французскому чтенію и чистописанію на благородной половинѣ, также и русскому на мѣщанской, должна была обучать бывшая мѣщанская воспитанница, дѣвица Кренейнъ, назначенная еще при Екатеринѣ для обученія французскому чтенію и письму, съ жалованьемъ по 75 р. въ

[1]) *Лядовъ*, стр. 29—33.

[2]) Протоколъ Сов. 4-го іюля 1797 г. (См. Гл. IV, стр. 132).

[3]) Протоколъ Сов. 13-го авг. 1797 г.

[4]) *Лядовъ*, стр. 33.

годъ; за новые уроки ей прибавили 70 р. въ годъ. Для обученія ариѳметикѣ и русской грамматикѣ въ низшихъ классахъ былъ приглашенъ актуаріусъ иностранной коллегіи, бывшій прежде учителемъ въ Александровской семинаріи. Отъ учителя русской грамматики требовалось знаніе и иностранныхъ языковъ, „дабы кромѣ грамматики былъ въ состояніи обучать русскому языку и посредствомъ переводовъ". Ему, за 26 часовъ въ недѣлю, назначалось 500 р. жалованья въ годъ, и на квартиру, „пока не будетъ казенной", 100 рублей. Для „верхняго французскаго класса" Императрица велѣла принять изъ горнаго корпуса учителя, которому платить жалованья „на собственномъ его экипажѣ" по 700 р. въ годъ за 16 часовъ въ недѣлю. Для преподаванія исторіи и географіи на благородной половинѣ „распоряженіемъ" предписывалось взять учителя изъ учительской семинаріи; ему за 26 часовъ въ недѣлю полагалось жалованья по 400 р. въ годъ и 100 р. на квартиру съ дровами.

Но за такое жалованье хорошіе учителя не соглашались идти на службу Обществу; инспектору было особенно трудно найти учителя, который взялся бы преподавать исторію и географію, 26 часовъ въ недѣлю, за 500 рублей. „Учитель въ таковой части — доносилъ инспекторъ Совѣту — нуженъ особливо искусной и въ преподаваніи опытной, на такое жалованье несогласенъ, а польза Общества требуетъ лучше имѣть во всякой части человѣка извѣстнаго и опытнаго есть ли то возможно" [1]). Поэтому инспекторъ предлагалъ поручить преподаваніе исторіи и географіи учителю геометріи, прибавивъ ему за нихъ 200 рублей. Вообще, инспекторъ настаивалъ на „непреложномъ правилѣ, чтобы при воспитаніи благороднаго юношества, а особливо чувствительнаго женскаго пола, наставники отличались не только знаніемъ, но и благоразуміемъ и благонравіемъ... Это и трудная должность, — писалъ онъ Совѣту, — каждый день по четыре и по шести часовъ преподавать ученіе возвышеннымъ голосомъ и съ напряженнымъ умомъ". Для привлеченія лучшихъ учителей, инспекторъ предложилъ Совѣту давать имъ чины и „поставить это въ начертаніи о классахъ".

Сначала планъ Императрицы Маріи примѣнялся только въ Воспитательномъ Обществѣ; въ другихъ институтахъ, за исключеніемъ московскаго Екатерининскаго и дѣвичьяго училищъ, для которыхъ сама Императрица составила програму ученія, близко

---

[1]) Протоколъ Совѣта 26-го іюня 1797 г.

подходившую къ ея плану 1797 года, програмы составлялись инспекторами классовъ вмѣстѣ съ начальницами.

Первоначальная программа петербургскаго Екатерининскаго училища была гораздо ограниченнѣе програмы Общества; въ нее не былъ включенъ французскій языкъ, а лишь нѣмецкій, который долженъ былъ преподаваться учителемъ ариѳметики; уроки танцевъ полагались лишь въ старшемъ классѣ, передъ выпускомъ [1]).

Но мало-по-малу всѣ програмы институтовъ были сравнены и болѣе или менѣе приближены къ „плану ученія" Императрицы 1797 года, съ тою разницею, что въ Воспитательномъ Обществѣ, гдѣ воспитанницы оставались девять лѣтъ, курсъ былъ обширнѣе, нежели въ другихъ институтахъ, и кромѣ того въ послѣднихъ не преподавались: геометрія и словесность трехъ языковъ, преподававшіяся въ Смольномъ на благородной половинѣ.

Такимъ образомъ въ курсъ институтовъ для дворянъ входили, кромѣ закона Божія и нравоученія, слѣдующіе предметы: языки русскій, французскій и нѣмецкій, риторика, логика, ариѳметика, исторія всеобщая и русская (въ 1-мъ отдѣленіи дѣвичьяго училища только русская, тоже и географія), географія всемірная и русская, физика, танцы, пѣніе, музыка за особую плату. Вездѣ на обученіе иностраннымъ языкамъ было отведено самое большое число уроковъ [2]). Программа мѣщанскихъ училищъ включала предметы: законъ Божій, три языка (чтеніе, письмо и грамматика), ариѳметику, русскую исторію и русскую географію [3]).

Судить объ объемѣ и духѣ, въ какомъ должны были преподаваться эти предметы въ институтахъ съ шестилѣтнимъ курсомъ, можно по составленному въ 1808 году, согласно порученію Императрицы, директриссою дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, Васмутъ, „плану ученія" [4]). По этому „плану", одобренному Императрицею, воспитанницы, поступавшія неграмотными должны были обучаться чтенію и письму на трехъ языкахъ классными дамами [5]), которыя и по переходѣ дѣтей къ учителю, обучавшему ихъ лишь механизму чтенія, продолжали свои занятія съ этими воспитанницами, объясняя имъ смыслъ прочтеннаго съ учителемъ,

---

[1]) Расположеніе ученія въ уч. орд. св. Ек. Донесеніе кн. Куракина Императрицѣ (Учрежденія С.-Пет. уч. орд. св. Ек. XXIII).

[2]) Планъ ученія инспектора Малоземова, 1802 г. (Учр. по С.-Пет. уч. орд. св. Ек.).—Ист. зап. о моск. уч. 9—10.—Истор. очеркъ 50-ти-лѣтія Павл. инст.

[3]) Учр. по В. О. бл. дѣв. 1802 г.—Ист. зап. о моск. уч., стр. 159, 178.

[4]) Plan d'études des classes nobles de l'Institut Impérial d'orphelines militaires présenté à Sa Majesté Impériale l'Impératrice-Mère (Арх. IV отд.).

[5]) Въ моск. Александр. училищѣ такихъ воспитанницъ обучалъ русской грамотѣ дьячокъ (Истор. зап., стр. 177).

„образуя ихъ мысли, просвѣщая ихъ умъ и насколько возможно прочно кладя фундаментъ предполагаемаго къ возведенію зданія". Правописанію долженъ былъ обучать учитель чистописанія.

Преподаваніе географіи начиналось во второмъ классѣ съ общаго описанія земного шара; затѣмъ, перейдя къ географіи физической, надлежало знакомить воспитанницъ съ произведеніями земли. „Это —сказано въ „Планѣ" — вызоветъ у воспитанницъ любопытство узнать какъ человѣкъ ими пользуется и тутъ передъ учителемъ открывается широкое поле для поддержанія этого любопытства... Онъ будетъ говорить имъ о торговлѣ, о технологіи, объ искусствахъ, объ естественной исторіи... онъ дастъ новыя идеи воспитанницамъ и будетъ занимать ихъ воображеніе полезными предметами".

При перечисленіи событій, которыя учитель исторіи будетъ излагать воспитанницамъ, „Планъ" предписываетъ указывать имъ на вліяніе, какое такія событія, какъ крестовые походы, открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія оказали на усовершенствованіе и на счастіе человѣческаго рода. „Чувствительной женщинѣ—говорится въ „Планѣ"—мало дѣла до того, сколько человѣкъ погибло въ томъ или другомъ сраженіи; но молодымъ дѣвушкамъ въ высшей степени полезно, и имъ слѣдуетъ знать то, что повліяло на домашнюю жизнь, и такъ преподаваемая исторія вполнѣ будетъ отвѣчать цѣли ихъ воспитанія". Уроки исторіи и географіи должны были происходить въ формѣ бесѣдъ учителя съ воспитанницами; задаваніе уроковъ наизусть не дозволялось планомъ Васмутъ; отъ учителя требовалось, чтобы онъ старался заинтересовать умъ, сердце и воображеніе воспитанницъ разсказами, также задавая имъ вопросы для письменныхъ на нихъ отвѣтовъ... „Надо дѣйствовать—говоритъ Васмутъ—на умы молодыхъ дѣвушекъ посредствомъ чувства; онѣ всегда будутъ внимательны и прилежны, если ихъ сердце заинтересовано предметомъ, которому ихъ учатъ; но именно объ этомъ учителя совсѣмъ не думаютъ"—прибавляетъ она.

Въ старшемъ классѣ воспитанницы—по мнѣнію Васмутъ—уже не дѣти, требующія заботъ учителя: „это молодыя четырнадцати и пятнадцати-лѣтнія дѣвушки,—говоритъ она—хорошо воспитанныя, хорошо образованныя, но желающія еще усовершенствоваться". Для этого, вмѣсто переводовъ, онѣ пишутъ сочиненія, письма, берутъ темы изъ исторіи, изъ домашней жизни, дѣлаютъ извлеченія изъ книгъ и стараются привыкнуть письменно выражать свои мысли красиво (avec grâce) и свободно. Потомъ ихъ научатъ понимать стихи и читать ихъ со вкусомъ и съ чувствомъ. Изъ географіи онѣ будутъ проходить политическую въ связи съ исторіей XVIII вѣка,

узнаютъ, какія измѣненія въ раздѣлѣ государствъ послѣдовали за рядомъ войнъ, и послѣдствія этихъ измѣненій; имъ скажутъ о вновь изобрѣтенныхъ искусствахъ, о знаменитыхъ людяхъ, тогда жившихъ, и о великихъ короляхъ, тогда царствовавшихъ. Но преимущественно онѣ будутъ изучать исторію и географію Россіи, подробно ознакомятся съ своимъ отечествомъ, „чтобы живо почувствовать представляемыя имъ преимущества (avantages) и счастіе ему принадлежать“.

Такъ какъ, согласно „Учрежденію“ дѣвичьяго училища, туда принимались дѣти отъ семи до одиннадцати лѣтъ, а выходить онѣ должны были шестнадцати и семнадцати-лѣтними, то вступившія въ болѣе раннемъ изъ назначенныхъ возрастовъ—оканчивали бы предписываемый „Планомъ“ курсъ наукъ раньше требуемаго для выпуска. Такія, оставаясь въ училищѣ до узаконеннаго возраста, занимались бы, по предложенію Васмутъ, рукодѣліями, хозяйствомъ, повтореніемъ нѣкоторыхъ уроковъ и слушали бы, подъ ея надзоромъ, курсъ литературы на трехъ языкахъ.

Введеніе въ дѣйствіе новаго плана ученія въ Обществѣ встрѣтило на первыхъ же порахъ затрудненіе въ недостаткѣ учебныхъ книгъ и пособій, которыхъ, по донесенію инспектора въ 1800 году, въ Обществѣ совсѣмъ не было, хотя учебныя книги постоянно печатались нарочно для него. Въ силу учебнаго плана, онѣ должны были печататься почти по всѣмъ предметамъ „въ сокращенномъ видѣ“ [1]). Но такъ какъ книги печатались въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ это время листы, по мѣрѣ ихъ отпечатанія, брались для раздачи воспитанницамъ въ классахъ, то иногда не оставалось ни одного полнаго экземпляра книги. Малоземовъ предложилъ Совѣту поручить составить и книгу для нѣмецкаго чтенія, спеціально для воспитанницъ Общества, говоря, что такія книжки существуютъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, но въ каждомъ сообразно полу и возрасту учащихся; „да и этихъ книгъ — прибавлялъ онъ — нельзя получить въ такомъ количествѣ, сколько нужно для Общества“ [2]). Хотя переводы съ одного языка на другой составляли главный предметъ всего преподаванія, но и словарей въ Обществѣ не было, и Малоземовъ просилъ у Совѣта разрѣшенія купить по одному экземпляру сло-

[1]) Въ представленномъ инспекторомъ Малоземовымъ Совѣту спискѣ значились напечатанными для Общества съ 1793 г.: Сокращеніе изъ всемірной исторіи и географіи, также русской географіи, изданій комиссіи народныхъ училищъ. „Описаніе россійскаго государства“, напечатанное полнымъ заводомъ въ 1.100 экземплярахъ; Сокращеніе по географіи—въ 900 экземплярахъ.

[2]) Прот. Сов. В. О. 20-го іюня 1800 г.

варей французскаго и нѣмецкаго на отдѣленіе, и то лишь для двухъ старшихъ классовъ.

Совѣтъ назначилъ на удовлетвореніе всѣхъ требованій Малоземова 281 рубль.

Малоземовъ былъ, какъ и его предшественникъ, Киріакъ, инспекторомъ классовъ не только въ Обществѣ, но и въ училищѣ ордена св. Екатерины. Онъ обучалъ логикѣ, ариѳметикѣ, россійскому слогу; иностранныхъ языковъ онъ не зналъ и даже по-русски писалъ неправильно, напр. „етово"; но, какъ преподаватель россійскаго слога, излагалъ свои ежемѣсячныя донесенія Совѣту объ успѣхахъ воспитанницъ изысканнымъ языкомъ. „Благородныя воспитанницы 1-го и 2-го отдѣленія,—писалъ онъ въ 1800 году —чувствуя довольно, что однимъ добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ могутъ пріуготовить себѣ истинное щастіе и воздать за всѣ благодѣянія на нихъ изливаемыя, прилежатъ къ ученію и въ немъ успѣваютъ... Слушая преданнымъ сердцемъ усердныя внушенія учителя закона Божія, прошли весь пространный Катехизисъ и священную исторію, и повторяя ихъ, проходятъ нравоученіе... Любя достохвальныя дѣянія и прославившихся оными мужей прошедшихъ вѣковъ, съ мая сего 1800 года прошли всю исторію о Европѣ вообще и окончили почти всѣ европейскія государства изъ географіи... Разумѣя, что много образуется и обогащается разумъ Математическими науками, прилѣжатъ къ онымъ, а особливо къ геометріи... Входя во вкусъ литературы, охотно переводятъ и начинаютъ дѣлать на россійскомъ и французскомъ языкѣ небольшія сочиненія... Нѣкоторыя дѣвицы рисуютъ цѣлыя картины".

О второмъ возрастѣ онъ сообщалъ между прочимъ: „благородныя воспитанницы не отступаютъ никогда отъ добраго порядка, какой заведенъ въ классахъ. При слушаніи закона Божія никогда не разсѣеваются ни умомъ ни сердцемъ. Учители, видя наставленій своихъ достодолжное вліяніе на умъ воспитывающихся, всѣ отправляютъ должность свою не упустительно" [1]).

Какъ видно изъ послѣдующихъ, составленныхъ въ такихъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ, донесеній инспектора, учебное дѣло въ первое время введенія новаго плана трудно налаживалось въ женскихъ институтахъ, между прочимъ и вслѣдствіе недостатка въ учителяхъ. Въ Екатерининскомъ училищѣ въ 1802 году не было учителя нѣмецкаго языка (13½ часовъ въ недѣлю), а въ первомъ отдѣленіи дѣвичьяго (для благородныхъ)

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1767—1820 гг.. XII.

преподаваніе исторіи и географіи было возложено на священника, который,—писала Васмутъ Императрицѣ—„еще не рѣшается взять на себя эти уроки, ибо уже давно не занимался науками и долженъ сначала приготовиться“ [1]). Вслѣдствіе недостатка учителей, а также частой ихъ смѣны, и распредѣленіе предметовъ часто мѣнялось. На русскую географію и исторію въ Обществѣ приходился въ 1802 году всего одинъ урокъ въ три недѣли, потому что одинъ и тотъ же учитель преподавалъ эти предметы и еще, особо, по желанію Императрицы, миѳологію, посвящая на каждый изъ предметовъ по одному уроку въ недѣлю.

О преподаваніи геометріи въ Обществѣ, Малоземовъ писалъ въ 1802 году Совѣту: „нѣкоторымъ дѣвицамъ изъ перваго отдѣленія, имѣющимъ склонность наблюдать непрерывную связь доказательствъ математическихъ, проблемы нетрудныя, слѣдующія изъ соображенія предъидущихъ предположеній, безъ предварительнаго отъ учителя объясненія, рѣшать случалось. Но вообще дѣвицъ, къ сему терпѣнію расположенныхъ, число не велико. Впрочемъ всѣ, наукѣ сей обучающіяся, можетъ быть имѣютъ о ней довольныя понятія относительно къ своему полу“ [2]).

Кромѣ геометріи, въ старшемъ классѣ Общества, съ 1804 года, преподавали и начала алгебры, по одному уроку въ недѣлю; это было введено потому, что ариѳметика, по донесенію инспектора, „идетъ медленно и изучая алгебру, воспитанницы успѣютъ и въ ариѳметикѣ“. Но и въ слѣдующемъ году онъ доносилъ, что „ариѳметика и алгебра туга“; приводя въ оправданіе отчасти то, что въ одномъ классѣ учатся 57 воспитанницъ, а главнымъ образомъ приписывая неуспѣхи ихъ въ геометріи (также и въ физикѣ) тому, что онѣ не расположены къ этимъ наукамъ, Малоземовъ испросилъ позволеніе преподавать ихъ только способнымъ. Желающихъ слушать геометрію оказалось однако 45 воспитанницъ, а физику 67, которыя въ третій разъ проходили одинъ и тотъ же курсъ.

Преподаваніе физики въ институтахъ съ самаго начала было обставлено особенными трудностями. Изъ нея, по составленному Малоземовымъ въ 1802 году для Екатерининскаго училища плану, должна была преподаваться лишь одна „ѳеорія о свойствахъ тѣлъ, ибо инструменты неисправлены“.

Въ то время и вообще не сознавали важнаго значенія физики въ дѣлѣ общаго образованія, а въ женскихъ институтахъ

[1]) Учр. по дѣв. уч. в.-сир. дома 1807—1855 (XVIII). Письмо отъ 28-го сентября 1807 г.

[2]) Докладъ инспектора классовъ В. О. бл. дѣв. объ ученіи и экзаменахъ въ старшемъ возрастѣ. 1802 (Арх. IV отд.).

смотрѣли на нее какъ на развлеченіе или украшеніе, которымъ можно щегольнуть. Поэтому, когда въ 1802 году Адлербергъ предложила, чтобы физика преподавалась по-русски только въ среднемъ классѣ, а въ старшемъ по-французски, Императрица это одобрила, и преподаваніе этого предмета, какъ въ Обществѣ, такъ и въ Екатерининскомъ училищѣ, было поручено учителю французскаго языка Юрво [1]).

„Физика слаба... умы воспитанницъ къ физикѣ не обыкшіе"—каждый годъ доносилъ Малоземовъ, прибавляя къ этому, что преподаваніе ея на иностранномъ языкѣ затрудняетъ успѣхи; наконецъ онъ рѣшился предложить Совѣту сократить уроки физики съ трехъ часовъ въ недѣлю, какъ было положено, до полутора. „Изъ опыта надзиранія за ученіемъ — мотивировалъ онъ свое предложеніе въ 1807 году — примѣчено, что учить физикѣ, гдѣ много дѣвицъ малолѣтныхъ и необразованныхъ столько, чтобы могли истины, требующія зрѣлаго и развергнувшагося болѣе разсудка, — совсѣмъ почти безполезно" [2]). Императрица сначала даже выразила Адлербергъ свое удовольствіе по поводу замѣны физики уроками изъ исторіи и географіи, однако сама взялась пріискать учителя „физическаго" на мѣсто Юрво, который ужъ давно не приходилъ на уроки, а до тѣхъ поръ велѣла совсѣмъ прекратить преподаваніе физики. Оно было возобновлено лишь черезъ годъ, когда для Смольнаго былъ найденъ учитель, преподававшій французскій языкъ; кромѣ физики онъ, по рекомендаціи Малоземова „имѣя потребныя знанія", соглашался давать еще уроки географіи, исторіи, литературы и математики пепиньеркамъ. За преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, по шести часовъ въ недѣлю на всѣ, онъ согласился получать 400 рублей, а за физику (четыре часа въ недѣлю) особо 600 рублей въ годъ. Но къ этому же времени и Императрица пріискала учителя физики; „это—писала она Брейткопфъ —надворный совѣтникъ Вольмаръ, нѣмецъ 50-ти лѣтъ, легко говорящій по-французски; онъ много лѣтъ давалъ публичные и частные уроки физики экспериментальной и математики даже дѣвицамъ" [3]). Ему и были поручены уроки физики въ Обществѣ и Екатерининскомъ училищѣ.

Отъ преподавателя физики въ институтахъ требованія были особенныя; Императрица поручила академику Крафту просмотрѣть тетради, по которымъ преподавалъ Вольмаръ, и сообщить

---

[1]) Протоколъ Сов. В. О. 3-го іюня 1802 г.

[2]) Прот. Сов. 27-го марта, 1807 г.

[3]) Письмо отъ 13-го іюля 1808 г.

послѣднему—„для соображеній“—сдѣланныя Крафтомъ на его тетради замѣчанія. Какъ видно изъ письма Императрицы къ Адлербергъ, Крафтъ нашелъ, что Вольмаръ „сообщаетъ дѣвицамъ слишкомъ много по физикѣ, больше, чѣмъ имъ нужно... Мы бы желали—писала Императрица—чтобы онъ ограничился нѣкоторыми свойствами тѣлъ и явленіями въ природѣ, которыя могутъ пригодиться молодымъ дѣвушкамъ въ обыденной жизни... Такія свѣдѣнія о дождѣ, снѣгѣ, градѣ и т. п. полезны дѣвицамъ и при воспитаніи будущихъ дѣтей“. Она просила Адлербергъ внушить Вольмару, чтобы онъ на это обратилъ все свое вниманіе, „а не на преподаваніе наукъ, какъ механика, статика и гидростатика, изъ которыхъ дѣвицы впослѣдствіи не будутъ дѣлать употребленія“. Вольмаръ не согласился слѣдовать указанному Крафтомъ методу и просилъ объ увольненіи.

Преподаваніе другихъ предметовъ шло не лучше. О познаніяхъ воспитанницъ старшаго возраста въ иностранныхъ языкахъ Малоземовъ сообщалъ, что языки—„труднѣйшая часть ученія... Нѣмецкій идетъ медленнѣе французскаго, но и для французскаго три мѣсяца не было учителя“. Въ донесеніи 1806 года онъ говорилъ, что „долго не ходилъ и уволенный теперь учитель исторіи и русскаго языка“. Только въ рисованіи воспитанницы дѣлали успѣхи; онѣ, по словамъ Малоземова, рисовали историческія картины съ лучшихъ оригиналовъ.

Во всѣхъ своихъ донесеніяхъ инспекторъ указывалъ и на то, что „занимались чтеніемъ и толкованіемъ книги „Отеческіе совѣты“. Въ 1805 году было прочтено „до свѣдѣній, которыя надо знать женщинѣ въ разсужденіи общаго всѣмъ людямъ опредѣленія и частнаго ихъ, женщинъ, назначенія“, также „объ осторожности отъ вольнодумничества и книгъ исполненныхъ онаго“ [1]).

При такомъ ходѣ ученія не удивительно, что, донося Совѣту о выпускаемыхъ съ благородной половины Общества въ 1805 году, Малоземовъ заранѣе подготовлялъ къ тому, что „большую часть третьяго отдѣленія и нѣкоторую часть второго, Начальство и публика найдутъ слабыми. Въ оправданіе—говорилъ онъ—многія могутъ пожаловаться на неблагосклонность къ нимъ природы, другія на самихъ родителей или попечителей, которые ихъ отдали противу совоспитанницъ ихъ очень малолѣтными. Но отъ перваго отдѣленія можно ожидать, что онѣ выйдутъ изъ Дому съ достаточнымъ просвѣщеніемъ и съ добрымъ сердцемъ, принесутъ утѣ-

[1]) См. также донесенія инспектора за январскую треть 1810 г. (Учр. В. О. 1805—1810).

шеніе своимъ родителямъ и пріобрѣтеніемъ себѣ собственно таковыхъ выгодъ, сдѣлаютъ удовольствіе, честь и благодарность о воспитаніи ихъ промышлявшему Начальству". Говоря о томъ, что въ успѣхахъ воспитанницъ разница „и разница большая", Малоземовъ объяснялъ это „большими разницами" въ ихъ лѣтахъ и природныхъ талантахъ. Въ первой онъ винилъ родителей, захотѣвшихъ слишкомъ рано учить своихъ дѣтей; относительно разницы въ талантахъ, благодушно прибавлялъ: „кто судія?" [1]).

Къ воспитанницамъ мѣщанскаго училища Малоземовъ относился съ пренебреженіемъ, какъ будто отъ нихъ нечего и ожидать въ смыслѣ ученія. Неудовлетворительность послѣдняго онъ приписывалъ отчасти тому, что работы отнимаютъ у воспитанницъ много времени; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ предложилъ еще усилить занятія рукодѣліями, освободивъ неспособныхъ къ ученію отъ слушанія уроковъ исторіи, географіи и нѣмецкаго языка.

О мѣщанскихъ воспитанницахъ старшаго класса онъ писалъ въ 1810 году: „третья доля мало что знаютъ и даже впредь большею частью по тупости дарованій не обѣщаютъ ничего, кромѣ что напрасно въ классахъ будутъ терять свое время... Осмѣливаюсь сказать—говорилъ онъ о выпускныхъ—что сіи воспитанницы, пользуясь гораздо меньшими способностями и образованіемъ себя, нежели благородныя, и можетъ быть по предназначеніямъ судьбы своей не имѣя въ блистательныхъ знаніяхъ надобности, далеко въ оныхъ, а потому можетъ быть и умѣя, отстали отъ первыхъ. Но многія очень при добромъ сердцѣ, послушаніи и посредственныхъ своихъ знаніяхъ можетъ статься по достоинству будутъ пользоваться (сіе говорю изъ многихъ примѣровъ) лучшею несравненно участью, нежели онѣ, изъ какой щедротами Высочайшей Покровительницы своей пріяты, и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ исполнятъ благотворительныя Ея намѣренія о ихъ благосостояніи". Представляя Императрицѣ въ 1811 году, по ея приказанію, тетради, по которымъ учителя преподавали риторику воспитанницамъ Общества, Малоземовъ объяснялъ, почему въ этихъ тетрадяхъ „для благородныхъ одинъ, а для мѣщанокъ—другой курсъ... Эта тетрадь—говорилъ онъ—для мѣщанокъ написана совсѣмъ отличнымъ образомъ отъ первыхъ. Того требовалъ образъ воспитанія и пониманія воспитанницъ".

Не смотря, однако, на отсутствіе учителей и вообще на неуспѣшный ходъ ученія въ первое десятилѣтіе введенія „Плана"

---

[1]) Донесеніе 1808 г.

Императрицы Маріи, воспитанницы каждые три года публично экзаменовались изъ всѣхъ предметовъ, предписанныхъ „Планомъ“, и притомъ—въ Смольномъ и Екатерининскихъ—училищахъ изъ такихъ важныхъ, какъ исторія, естественная исторія, геометрія, географія, на французскомъ языкѣ [1]. Это можно объяснить тѣмъ, что воспитанницъ институтовъ, какъ это дѣлалось и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, особо подготовляли къ публичному экзамену. Сообщая Императрицѣ объ удачномъ окончаніи экзамена въ Екатерининскомъ училищѣ, Брейткопфъ хвалилась тѣмъ, что: „Малоземовъ хотѣлъ показать собранію, что воспитанницы знаютъ географію не какъ попугаи, и самъ ихъ экзаменовалъ не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается (sans suivre la marche ordinaire), не открывая книгу на удачу для каждой воспитанницы“ [2]. Императрица сама велѣла учителю риторики въ Обществѣ сдѣлать извлеченіе изъ книги „Leçons de rhétorique de Blair“ которое „руководило бы воспитанницъ въ ихъ отвѣтахъ на публичныхъ экзаменахъ“.

По всей вѣроятности Императрица знала настоящее положеніе учебнаго дѣла въ женскихъ институтахъ; желая его улучшить она принимала разныя мѣры, казавшіяся ей дѣйствительными. Въ 1807 году она ввѣрила наблюденіе за учебною частью въ каждомъ институтѣ особому члену Совѣта, назначая для этого болѣе образованныхъ людей; велѣла представлять себѣ тетради, по которымъ учителя преподаютъ свои предметы, сама просматривала нѣкоторыя изъ нихъ и дѣлала свои замѣчанія, а другія передавала на просмотръ академикамъ и вообще компетентнымъ, по ея мнѣнію, лицамъ; сама отыскивала учителей, положеніе которыхъ старалась улучшить, поощряя ихъ трудъ наградами, увеличеніемъ жалованья, пенсіею; заботилась о составленіи библіотекъ для институтовъ и сама нерѣдко присылала для нихъ книги; наконецъ, въ 1811 году, она повысила уровень знаній вступающихъ, повелѣвъ принимать въ Общество и Екатерининскіе институты лишь умѣющихъ хорошо читать на какомъ-либо языкѣ; а на мѣщанскую половину, куда воспитанницы поступали двумя, тремя годами старѣе, чѣмъ на благородную, хорошо читать и писать по-русски. Но до 1815 года не предпринималось никакихъ крупныхъ реформъ по учебной части.

Въ 1813 году умеръ Малоземовъ и на его мѣсто былъ назначенъ сначала кандидатомъ въ инспекторы учитель Соколовъ; но, по докладу

[1] Программа публичныхъ экзаменовъ воспитанницамъ 12-го пріема (Учр. В. О. бл. д. 1809).

[2] Письмо отъ 11-го марта, 1805 г.

Адлербергъ, что у него „нѣтъ достоинства во внѣшности“, онъ не былъ утвержденъ въ должности, на которую Императрица пригласила ординарнаго профессора философіи при Педагогическомъ институтѣ, Лодія. Лодій былъ иностранецъ, вызванный нашимъ правительствомъ въ 1803 году для учреждавшейся тогда въ Петербургѣ учительской гимназіи, а до тѣхъ поръ онъ былъ профессоромъ логики, метафизики и нравственной философіи въ львовскомъ университетѣ [1]). При его назначеніи инспекторомъ Общества и Екатерининскаго училища, ему было положено то же жалованье, какое получалъ Малоземовъ, т.-е. 1.700 руб. въ годъ и квартира въ зданіи Общества [2]).

Ознакомившись съ положеніемъ учебнаго дѣла въ обоихъ заведеніяхъ, Лодій донесъ Совѣту, что воспитанницы при поступленіи распредѣляются по отдѣленіямъ, на основаніи ихъ успѣховъ въ языкахъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ по 54 воспитанницы. Въ старшемъ классѣ Общества, гдѣ должны были преподаваться логика и русская словесность, учитель имъ не училъ, а занимался только переводами съ французскаго на русскій языкъ. Нѣмецкій языкъ также не преподавался въ старшемъ классѣ. Французскую грамматику на французскомъ языкѣ, въ среднемъ классѣ и въ младшемъ отдѣленіи старшаго, преподавала учительница. Учителя физики и въ 1813 году не было ни въ Обществѣ, ни въ Екатерининскомъ училищѣ.

Пріисканіе новаго учителя—при чемъ Императрица подтвердила свою волю, чтобы и новый учитель непремѣнно преподавалъ физику на французскомъ языкѣ—было возложено на Лодія. Найти такого учителя было дѣломъ не легкимъ.

„Милостивая государыня, Анна Ивановна, — писалъ Лодій Брейткопфъ—съ того времени, какъ г. Вольмаръ объявилъ желаніе о увольненіи своемъ отъ учительской должности, Вы, милостивая государыня, безпокойтесь приближеніемъ выпуска дѣвицъ со славою Института, а я наравнѣ съ Вами безпокоюсь и тѣмъ, и еще пріиска-

---

[1]) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, 1803 г.

[2]) Какая квартира отводилась тогда инспектору, можно судить по письму Лодія Совѣту. Прося очистить сосѣднюю съ этой квартирой квартиру портного, Лодій писалъ, что и вообще назначенная ему „комната тѣсна, въ ней нельзя заниматься дѣлами при неблагопристойныхъ громкихъ разговорахъ, пѣніи и разнаго рода шумовъ подмастерьевъ и мальчиковъ, которыхъ—писалъ Лодій—я нынѣ вижу, какъ птицъ, бѣгающихъ по крышѣ, то ходящихъ вокругъ дома, то заглядывающихъ въ окна... Я не могу—прибавлялъ онъ—дѣтямъ моимъ доставить другого богатства, кромѣ того, которое доставляется хорошимъ воспитаніемъ; но при такомъ народѣ всѣ мои усилія въ воспитаніи дѣтей сдѣлаются тщетными... Одинъ примѣръ къ разврату портитъ десятилѣтніе труды“ (Учр. В. О. бл. д., 1813).

ніемъ хорошаго учителя, который могъ бы замѣнить мѣсто г. Вольмара въ преподаваніи физики на французскомъ языкѣ. Но тщетны всѣ мои развѣдыванія по всему Петербургу доселѣ предпринятыя, ибо учителя съ такими качествами, который могъ бы обучать физикѣ въ обоихъ мѣстахъ, не нахожу въ цѣломъ Петербургѣ. Предлагалъ я сію должность Адьюнктъ-профессору Соловьеву, служащему въ Педагогическомъ Институтѣ Адьюнктомъ профессора Шерера, который и въ семъ Институтѣ кончилъ курсъ наукъ съ похвалою и сверхъ сего въ Германіи три года усовершенствовывался въ физикѣ. Онъ хотя и знаетъ французскій языкъ основательно, но по различности физическихъ предмѣтовъ не осмѣливается принять на себя преподаваніе оныхъ по-французски, развѣ со временемъ могъ бы усовершенствоваться. Но и ему едва ли позволитъ г. Министръ Просвѣщенія обучать въ нашихъ заведеніяхъ и вмѣстѣ служить при Педагогическомъ Институтѣ, ибо онъ предполагаетъ, что чиновники, служащіе на разныхъ мѣстахъ, не могутъ въ точности исполнять своихъ должностей. При сихъ развѣдываніяхъ моихъ узналъ я объ одномъ французѣ, имѣнуемомъ Ферріе и нынѣ находящемся въ Москвѣ, который тамъ даетъ приватные уроки въ физикѣ; я исправлялся о немъ у Министра Просвѣщенія (какъ Вамъ извѣстно). Онъ, будучи нездоровъ, препоручилъ доктору Реману мнѣ сказать, что Ферріе знаетъ физику хорошо и человѣкъ хорошаго поведенія, но на свой счетъ не рѣшится ѣхать въ Петербургъ, ибо крайне разоренъ французами, грабившими Москву. По сему покорнѣйше прошу Васъ, милостивая государыня, не благоугодно ли будетъ для приглашенія Ферріе къ преподаванію физики въ нашихъ двухъ училищахъ съ положеніемъ въ годъ жалованья, предварительно учинить всеподданный докладъ Ея Императорскому Величеству" [1]).

Этотъ учитель, Ферри, согласился взять на себя уроки физики въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ. Извѣщая о своемъ согласіи, онъ между прочимъ писалъ Лодію: „какая честь преподавать въ заведеніяхъ, покровительствуемыхъ добродѣтельною Государынею! Какое удовлетвореніе объяснять законы природы и ея явленія молодымъ дѣвицамъ, снабженнымъ уже столь различными знаніями, излагать неопровержимые доводы мудрости, доброты Провидѣнія, Творца вселенной, сердцамъ чистымъ и религіознымъ!" [2])

---

[1]) Письмо отъ 26-го сентября, 1813 г. (Переписка по учр. орд. св. Екат.).
[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1813.

Въ слѣдующемъ году Ферри началъ свои уроки, открывъ ихъ рѣчью, произнесенною воспитанницамъ по-французски. Восхваляя Императрицу, онъ сказалъ: „она по собственному опыту знаетъ, что просвѣщенная и добродѣтельная мать образуетъ своихъ дѣтей для добродѣтели, что она побуждаетъ ихъ къ пріобрѣтенію знаній и что она содѣйствуетъ успѣхамъ, которые они должны имѣть въ обществѣ; она напередъ знаетъ, какъ велико будетъ ваше вліяніе на славу и счастіе націи... Все, что ведетъ къ развитію вашего ума и сердца, ее живо интересуетъ, въ то время какъ ограниченные люди упорствуютъ въ мнѣніи будто науки математическія и физическія должны оставаться чуждыми вашему полу"... Ферри кончилъ свою рѣчь защитою математики и физики противъ обвиненія этихъ наукъ въ томъ, что онѣ распространяютъ невѣріе въ умахъ [1]).

Но Ферри умеръ въ началѣ 1815 года и какъ нарочно передъ самыми публичными экзаменами. Императрица никакъ не соглашалась, чтобы экзамена изъ физики не было, и Лодію было поручено отыскать учителя, хотя на время, чтобы онъ „приготовилъ дѣвицъ къ публичному экзамену изъ физики на французскомъ языкѣ". Лодій опять обратился къ адъюнктамъ профессоровъ Педагогическаго института, но они отказались, потому что „не владѣютъ французскимъ языкомъ такъ свободно, чтобы могли объяснять физику по-французски". Извѣщая объ этомъ Адлербергъ, Лодій говорилъ, что онъ обращался къ полиціймейстеру Клингеру и спрашивалъ его: нѣтъ ли въ корпусахъ такого учителя; но тотъ отвѣчалъ, что физика и математика во всѣхъ корпусахъ преподаются на русскомъ языкѣ и совѣтовалъ идти въ корпусъ водяного сообщенія къ генералу Бетанкуру. Послѣдній сказалъ, что у нихъ физикѣ не учатъ, а нѣкоторые кадеты изъ любопытства слушаютъ физику у Роспинія частнымъ образомъ. Лодій пошелъ къ Роспинію, но узналъ, что и Роспиній преподавалъ физику по-русски. Тогда Лодій отправился къ французскому священнику, который также не могъ ему никого указать, сказавъ, что „многіе способные французы по причинѣ бывшей войны принуждены были вернуться во Францію" [2]). Такъ экзамена изъ физики и не было.

Какъ видно изъ донесеній Лодія, исторія преподавалась въ институтахъ по книгѣ Кайданова, которую Лодій находилъ не-

---

[1]) Письмо Брейткопфъ Императрицѣ, отъ 21-го апрѣля, 1814 г.

[2]) Учр. В. О. бл. д. 1815.

подходящею для дѣвицъ, „ибо—говорилъ онъ—эта книга писана для молодыхъ людей, готовящихся къ службѣ, слогомъ немного возвышеннымъ, отступающимъ отъ простоты историческихъ происшествій, необходимо нужной для дѣвицъ, начинающихъ обучаться“. Кромѣ этого руководства, въ Обществѣ были еще: по всемірной исторіи—переводъ съ французской рукописи, составленной для великой княжны Анны Павловны, изданный потомъ въ Москвѣ для употребленія въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ; также сокращенная всемірная исторія профессора Галетти, переведенная съ нѣмецкаго; а по русской исторіи „Начертаніе россійской исторіи“, составленное прежнимъ учителемъ этого предмета. Лодій предложилъ учителю русской исторіи „принаровить всемірную исторію къ тремъ возрастамъ дѣвицъ“.

Въ видахъ поощренія учителей, Лодій представилъ Совѣтамъ Общества и училища св. Екатерины о необходимости распространить на учителей женскихъ институтовъ одну, кажущуюся намъ теперь очень скромною, привилегію, которою пользовались учителя правительственныхъ заведеній. „Заведенія для образованія женщинъ въ Россіи, состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества,—писалъ Лодій въ своемъ представленіи—составляютъ образецъ для иностранныхъ державъ и своими успѣхами восхищаютъ иностранныхъ посѣтителей. Въ сихъ успѣхахъ при Высочайшемъ Правленіи содѣйствуютъ господа учители, посвятившіе жизнь свою наукамъ, въ коихъ даютъ дѣвицамъ наставленія; посему я почитаю ихъ достойными, чтобы они были извѣстными публикѣ, вслѣдствіе чего всепокорнѣйше прошу высокопочтенный Совѣтъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на помѣщеніе учителей сихъ училищъ въ Адресъ-календарѣ, тѣмъ болѣе, что учители уѣздныхъ и приходскихъ училищъ помѣщены въономъ“. При этомъ онъ просилъ, чтобы фамиліи учителей женскихъ институтовъ были помѣщены на соотвѣтственномъ ихъ значенію мѣстѣ, и доказывалъ это по всѣмъ правиламъ логики тѣмъ, что „двѣ части составляютъ сіи (женскія) заведенія, а именно: ученая и экономическая; часть ученая имѣетъ предметомъ цѣль, экономическая —средства; цѣль предпочитается средствамъ, посему часть ученую должно помѣстить передъ экономическою“ [1]).

Учителя при Лодіи должны были представлять ему третные рапорты о своихъ занятіяхъ съ воспитанницами, а онъ дѣлалъ

[1]) Представленіе инспектора Лодія Совѣту Ек уч. 13-го октября 1813 г. (Переп. по уч. орд. св. Ек.).

аттестаціи учителей Совѣту. Среди нихъ у Лодія встрѣчались такія: „хорошъ, но простъ въ обращеніи“, „хорошъ, но не смѣлъ“ и друг.

Отмѣтки объ успѣхахъ воспитанницъ, по его предложенію, дѣлались не словами: хорошо, удовлетворительно и пр., а цифрами, начиная отъ 40, при чемъ хорошіе успѣхи по каждому предмету отмѣчались 60, 70, 80, такъ что въ общей сложности отмѣтки у хорошей ученицы могли доходить до цифры 725 [1]). Эта система, только нѣсколько упрощенная, была примѣнена и къ московскимъ училищамъ [2]).

Передъ самою реформою учебнаго дѣла въ столичныхъ институтахъ, Лодій представилъ Совѣту Екатерининскаго училища рапортъ о занятіяхъ учителей; всего болѣе они занимались обученіемъ переводамъ; воспитанницы переводили съ французскаго на нѣмецкій изъ присланной Императрицею книги: „Esprit des moralistes“, а съ русскаго на французскій изъ книги: „Нума или процвѣтающій Римъ“, Хераскова; писали и разбирали французскій переводъ всемірной исторіи; французъ Делошъ преподавалъ физику по-французски; ариѳметику и всеобщую исторію преподавалъ Плетневъ. Въ числѣ занятій было упомянуто и о томъ, что протоіерей Воскресенскій кончилъ вторую часть „Нравоученія“ и изъ третьей объяснялъ „о различіи состояній, о супружествѣ и добродѣтеляхъ женскому полу приличествующихъ“ [3]).

Въ Обществѣ преподавались даже „понятія о химіи, поколику они относятся къ частной физикѣ“.

Въ концѣ 1815 года Лодій подалъ Императрицѣ составленный по ея повелѣнію „планъ ученія“ для Екатерининскаго училища „на подобіе уже даннаго Обществу“ [4]). Въ сущности же Лодій составилъ новый планъ и для Общества, предпославъ плану обширное объясненіе и изложивъ въ немъ не только предметы ученія, но и методы ихъ преподаванія. Какъ человѣкъ, по свидѣтельству А. Никитенко, „весь проникнутый схоластикой XIII-го вѣка“ [5]), Лодій подробно изложилъ свои взгляды на сущность воспитанія и ученія, на ихъ цѣли и средства къ достиженію этихъ цѣлей, на превосходство „публичнаго наставленія передъ домашнимъ“ [6]).

---

[1]) Переписка по уч. орд. св. Ек. 1816 г.

[2]) Истор. зап. о моск. уч., 47.

[3]) Третной рапортъ инспектора сентябрской трети. 1815 г. (Учр. по В. О. бл. д.).

[4]) Проектъ по Выс. повелѣнію предписанный по Ек. Инст. о расположеніи ученія на подобіе уже даннаго Обществу, 1815 (Учр. по В. О. бл. д. 1797—1820).

[5]) Дневникъ проф. А. Никитенко. „Р. Стар.“, 1889, февраль, стр. 301.

[6]) Всѣхъ главъ 8: 1) предметы сего плана; 2) сущность воспитанія и настав-

Въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, всего болѣе часовъ и этимъ планомъ назначалось на обученіе языкамъ [1]), причемъ сказано, что „грамматическія правила, свойственныя всѣмъ вообще языкамъ, должны предшествовать всему ученію, ибо безъ правильнаго знанія языка нельзя ожидать успѣха и въ объясняемыхъ предметахъ"... Тѣмъ, что воспитанницы, поступавшія прежде неграмотными, не знали грамматики, Лодій объяснялъ ихъ непониманіе силы слога; поэтому онѣ затверживали все наизусть; отъ этого у нихъ являлся и распѣвъ при отвѣтахъ. По новому плану грамматика каждаго языка должна была начинаться въ младшемъ же возрастѣ и на томъ же языкѣ, т.-е. французская на французскомъ, нѣмецкая на нѣмецкомъ; но учитель этихъ языковъ долженъ былъ объяснять по-русски все, сказанное имъ на иностранномъ языкѣ.

Для упражненія въ правилахъ словосочиненія, учителямъ рекомендовался методъ комиссіи народныхъ училищъ, т.-е. они должны были задавать письменныя на русскомъ языкѣ задачи, и надъ каждымъ русскимъ словомъ обозначать начало французскаго или нѣмецкаго его перевода; „смотря на смыслъ россійскаго сочиненія", учащіяся должны были измѣнять иностранныя слова по правиламъ этихъ языковъ, „приводить слова въ свойственный имъ порядокъ и чрезъ то давать имъ совершенный смыслъ". То же долженъ былъ дѣлать и учитель русскаго языка, задавая задачи на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ и надписывая надъ ними начало соотвѣтствующаго русскаго слова [2]). Темы для такихъ

ленія; 3) цѣль наставленія; 4) плоды публичнаго воспитанія; 5) препятствія симъ плодамъ въ домашнемъ наставленіи, 6) средства къ достиженію сей цѣли; 7) толкованіе грамматики должно предшествовать всему ученію, и 8) ученіе языковъ.

[1]) Въ Обществѣ на переводы назначалось: въ среднемъ классѣ по 18-ти часовъ въ недѣлю, въ старшемъ по 12-ти; на французскій языкъ въ среднемъ классѣ по 12 часовъ, на французскую словесность въ старшемъ классѣ по 11½ часовъ; на нѣмецкій языкъ въ среднемъ классѣ 6 часовъ; на нѣмецкую словесность въ старшемъ 9 ч. Въ Екатерининскомъ училищѣ: на переводы по 7½ часовъ въ недѣлю, на словесность трехъ языковъ по 3 часа на каждую. Изъ остальныхъ предметовъ въ Обществѣ полагалось: на русскую словесность, куда входило преподаваніе риторики и логики, 10½ часовъ; ариѳметики 7½ ч., а въ старшемъ классѣ и геометріи, всего 6 часовъ; всемірной исторіи 6 часовъ, русской въ среднемъ классѣ 4½, въ старшемъ 3; всемірной географіи въ среднемъ 6 ч., въ старшемъ 4½; русская въ среднемъ 3 часа. Въ Екатерининскомъ училищѣ не преподавалась геометрія; на физику полагалось 1½ ч. въ недѣлю въ старшемъ классѣ; на русскую исторію по 1½ часа въ старшемъ классѣ; на ариѳметику, географію и всемірную исторію по 3 ч. на каждый предметъ.

[2]) Планъ ученія въ предметахъ Высочайше предписанныхъ для Воспитательнаго Общества благ. дѣвицъ и мѣщанскаго отдѣленія и училища орд. св. Екатерины (Арх. IV отд. Учр. В. О. 1797—1820. XII).

упражненій должны были выбираться изъ краткихъ повѣстей, почерпнутыхъ изъ всеобщей, русской или естественной исторіи.

Въ среднемъ классѣ предписывалось переходить къ сочиненіямъ на разныхъ языкахъ, къ чтенію лучшихъ авторовъ, „для показанія, какъ они *красиво* выражаютъ свои мысли и какъ тѣ же мысли могли бы быть выражены *просто*. Воспитанницы должны были упражняться въ сочиненіи писемъ, при чемъ имъ показывали, какъ ихъ надписывать, какую форму соблюдать по отношенію къ различнымъ особамъ. Для переводовъ въ этомъ классѣ должны были выбираться такіе, въ которыхъ „слогъ возвышеннѣе и красивѣе“ и въ которыхъ изображены добродѣтели, „могущія образовать нравы воспитанницъ“. Какъ образцы такихъ сочиненій указаны: для переводовъ съ нѣмецкаго: Grosse und gute Handlungen Russischer Regenten, Feldherrn, Staatsbeamten und Anderer, von Claussen (Великія и добрыя дѣянія русскихъ правителей, полководцевъ, государственныхъ чиновниковъ и другихъ); съ французскаго — Moralistes français; съ русскаго на нѣмецкій и французскій — Сокращеніе всеобщей исторіи, изданное для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. „Сіи послѣдніе—сказано въ „Планѣ“ Лодія о переводахъ—имѣютъ еще ту пользу, что воспитанницы будутъ въ состояніи отвѣчать изъ исторіи по-французски и по-нѣмецки“.

Учителямъ словесности трехъ языковъ, а также риторики, „соединенной съ начальными правилами логики, а потомъ и поэзіею“, въ старшемъ классѣ, предписывалось сначала кратко излагать правила краснорѣчія и стихотворства, заставлять воспитанницъ писать сочиненія, дѣлать разборъ лучшихъ писателей и „приготовлять воспитанницъ къ экзамену“.

Вообще же отъ всѣхъ учителей требовалось, чтобы они не заставляли воспитанницъ вытверживать уроки наизусть, и чтобы воспитанницы „въ молчаніи и по смыслу учили ихъ“.

Планъ Лодія былъ примѣненъ и къ московскому Екатерининскому училищу.

Благодаря тому, что въ военномъ отдѣленіи, только-что тогда учрежденномъ при мѣщанской половинѣ Общества, программа ученія была почти та же (за исключеніемъ физики), что въ Екатерининскомъ училищѣ, программа и собственно мѣщанскаго училища значительно расширилась въ сравненіи съ тою, какая была для него опредѣлена планомъ Императрицы 1797 года.

До 1815 года воспитанницы этого училища, какъ видно изъ донесенія Лодія, „по прежнему обучались первые $2^1/_2$ года чтенію и письму на трехъ языкахъ, не касаясь грамматики. Но

какъ нынѣ—говорится въ планѣ—многія изрядно при пріемѣ читаютъ и по-русски и по-французски, то онѣ могутъ быть обучаемы какъ благородныя младшаго возраста, а именно, имъ могутъ преподаваться: сокращенный катехизисъ и священная исторія, математическая географія со вступленіемъ во всеобщую; изъ всемірной исторіи по крайней мѣрѣ вступленіе въ нее, общее обозрѣніе исторіи, опредѣленіе, раздѣленіе, цѣль, пользу, эпохи, періоды. По Высочайшему учрежденію, эти науки—говоритъ Лодій — не предназначались къ прохожденію на мѣщанской половинѣ. Но какъ Ея Императорское Величество повелѣла принимать дѣтей военныхъ чиновниковъ, кои при защитѣ отечества изувѣчены или даже пожертвовали ему жизнью, то и эти предметы нужны, чтобы сіи безпомощныя сироты могли получить благородное воспитаніе и благороднымъ образомъ искать себѣ пропитанія въ жизни, а тѣмъ самымъ благодарить Провидѣніе Божье за данное имъ поденное пристанище и Всемилостивѣйшую Монархиню". Находя, вѣроятно, что эти мотивы недостаточно говорятъ за необходимость повысить программу мѣщанскаго училища, Лодій отдѣльно мотивируетъ пользу преподаванія имъ всеобщей географіи и исторіи. „Географія — говоритъ онъ — есть вспомогательная наука исторіи, находящаяся въ неразрывной съ нею связи. Исторія же, заключая въ себѣ многіе примѣры и благородства и добродѣтели, удобно можетъ привести дѣвицъ къ таковой желанной для нихъ цѣли. Онѣ же могутъ быть классными дамами или гувернантками, а для этого нужно не только знать Россійскую, но и всемірную географію и исторію".

При введеніи въ дѣйствіе новаго плана, Лодій просилъ ввести въ употребленіе печатныя книги, особенно по грамматикѣ языковъ, ибо „до сихъ поръ—доносилъ онъ Совѣту—преподаваніе грамматики происходило только письменно: учитель писалъ грамматическія правила по своему порядку, переводилъ техническія слова по своей волѣ и отдавалъ учащимся тетради свои для списыванія, а дѣвицы переписывали сіи тетради неправильно съ утратою бумаги, времени и здоровья".

Такъ какъ главное вниманіе въ институтскомъ преподаваніи было обращаемо на обученіе языкамъ, то и при введеніи въ дѣйствіе новаго плана ученія обнаружилось, что даже среди предназначенныхъ къ выпуску воспитанницъ знанія ихъ въ другихъ предметахъ были крайне слабы. Въ Смольномъ только одна треть воспитанницъ выпускного класса могла хорошо рѣшать задачи изъ ариѳметики, и Лодій предложилъ усилить ея преподаваніе, отнявъ 1½ часа отъ уроковъ геометріи, на которую осталось

всего $1^1/_2$ часа въ недѣлю. „Поелику—писалъ Лодій — ариѳметика есть такая наука, которая женскому полу во всю жизнь при разныхъ расчетахъ необходимо нужна". Геометрія преподавалась на французскомъ языкѣ, также какъ и естественная исторія, уроки которой были введены только въ одномъ старшемъ классѣ Общества по два часа въ недѣлю. Для этихъ уроковъ сама Императрица обѣщала выписать изъ Парижа картины. Вообще, съ назначеніемъ Лодія инспекторомъ, Императрица стала обращать еще больше вниманія на ученіе въ столичныхъ институтахъ и даже отступила отъ нѣкоторыхъ своихъ взглядовъ на него.

Будучи хотя и нѣмецкаго происхожденія, она не считала знаніе нѣмецкаго языка важнымъ для воспитанницъ, и въ этомъ смыслѣ постоянно высказывалась начальницамъ [1]). Но въ 1818 году она велѣла ввести въ институты правиломъ, чтобы воспитанницы два дня въ недѣлю говорили по-нѣмецки; однако назначенный въ этомъ году экзаменъ изъ нѣмецкой литературы Императрица приказала сдѣлать тогда, „когда еще немного публики и какъ можно спѣшить его окончить". Она велѣла также наблюдать за тѣмъ, чтобы воспитанницы учили уроки вслухъ и „съ декламаціей", а нѣсколько лѣтъ раньше даже разсердилась, когда членъ Совѣта московскаго Екатерининскаго училища, завѣдывавшій учебной частью, извѣстный въ свое время поэтъ Ю. Нелединскій-Мелецкій, предложилъ замѣнить уроки чистописанія въ старшемъ классѣ уроками декламаціи.

Императрица велѣла докладывать себѣ о манкировавшихъ учителяхъ; ей присылали доклады и о содержаніи уроковъ начинающихъ учителей; она согласилась назначить учителю французскаго языка въ Обществѣ, за 21 урокъ въ недѣлю, 2.000 р. въ годъ жалованья, квартиру съ дровами и освѣщеніемъ и производство въ чины. Въ числѣ присланныхъ ею Обществу и Екатерининскому училищу книгъ, была Исторія Карамзина, переведенная на французскій языкъ [2]). Для переводовъ, по ея повелѣнію, должны были употребляться книги: съ русскаго — сокращенная исторія Карамзина, Греча — „Собраніе россійскихъ образцовыхъ сочиненій"; съ французскаго — „Leçons françaises de littérature et de morale", par Noël et Laplace; съ нѣмецкаго — хрестоматія Ульрихсона (инспектора классовъ московскихъ училищъ и Воспитательнаго Дома), „Grosse und gute Handlungen". Эти книги должны были выдаваться по одному экземпляру на двухъ воспитанницъ.

---

[1]) Recueil de lettres. 1-re livr. Письма отъ 18-го октября и 13-го ноября 1826 г.

[2]) Tappe. Extrait de l'histoire de Karamzin.

Но особенно усиленными заботами объ образованіи воспитанницъ въ институтахъ и особенно оживленною дѣятельностью по учебной части ознаменовалось послѣднее десятилѣтіе жизни Императрицы Маріи. Въ концѣ 1819 года, на мѣсто выбраннаго директоромъ Коммерческаго училища Лодія, она пригласила Германа, профессора статистики въ петербургскомъ университетѣ (бывшемъ Педагогическомъ институтѣ). Германъ былъ ученикомъ Шлецера и извѣстенъ своими научными трудами по статистикѣ. Къ жалованью инспектора въ 1.700 р., съ квартирой, дровами и свѣчами, Императрица прибавила ему изъ кассеты еще 800 р. въ годъ. Не смотря на то, что Германъ былъ въ русской службѣ съ 1795 года, онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ, хотя любилъ на немъ говорить [1]); кромѣ своего родного, нѣмецкаго, онъ хорошо зналъ французскій, на которомъ и писалъ всѣ свои донесенія и проекты.

Въ первыхъ же своихъ донесеніяхъ Совѣту Германъ сообщалъ, что учебному плану Лодія (1815 года) ни въ Обществѣ, ни въ Екатерининскомъ училищѣ не слѣдовали; что въ Обществѣ, за годъ до выпуска, только еще начинаютъ преподавать новую исторію, которая, по плану 1815 года, должна быть преподаваема кратко еще въ среднемъ классѣ, а въ старшемъ — въ полномъ объемѣ. Только немногія воспитанницы, по словамъ Германа, имѣютъ свѣдѣнія вообще изъ исторіи. Русскую литературу имъ начали преподавать тоже лишь за годъ до выпуска; ни одинъ учитель не успѣлъ кончить курса; въ 1820 году не было учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ. Приглашенный Германомъ для преподаванія географіи и статистики въ Смольномъ, адъюнктъ-профессоръ Арсеньевъ нашелъ ученицъ „очень отсталыми въ географіи“. Грамматику же нѣмецкаго языка преподавали согласно съ требованіями плана 1815 года, по таблицамъ.

Вѣроятно по предложенію Германа, Императрица Высочайшимъ повелѣніемъ 27-го февраля 1820 года учредила „для вящшаго усовершенствованія учебной части“ въ Обществѣ и Екатерининскомъ институтѣ, особыя „совѣщанія [2]) черезъ каждые четыре мѣсяца объ успѣхахъ уже сдѣланныхъ постановленій и предположеніяхъ къ лучшему достиженію цѣли ихъ“, или, какъ эти совѣщанія тогда же стали называться, „Комитетъ по учебной части“. Въ составъ перваго комитета вошли: начальницы, членъ Совѣта, завѣдывающій учебною частью, секретарь Императрицы Вилла-

[1]) Дневникъ А. Никитенко. „Р. Стар.“ 1889, іюль.

[2]) Такія совѣщанія были введены въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ уставомъ 1803 года.

мовъ, академикъ Шторхъ и инспекторъ классовъ, на котораго были возложены доклады комитету о томъ, какъ исполняется учебная часть, въ чемъ ея недостатки, какія могутъ быть приняты мѣры для ихъ исправленія и т. п.

Первою мѣрою комитета была отмѣна ежегодныхъ во всѣхъ классахъ экзаменовъ при переводѣ воспитанницъ изъ одного отдѣленія въ другое. Отмѣну ихъ Германъ мотивировалъ тѣмъ, что на каждый годичный экзаменъ требовалось три мѣсяца на классъ въ 150 воспитанницъ; а такъ какъ всѣхъ классовъ въ Обществѣ пять (три на благородной и два на мѣщанской), то инспекторъ долженъ бы былъ экзаменовать сряду 15 мѣсяцевъ и ничѣмъ другимъ въ это время не заниматься. Онъ предложилъ замѣнить эти экзамены ежемѣсячными донесеніями учителей и „главною о прилежаніи и поведеніи дѣвицъ книгою". Экзамены же должны были производиться лишь при переходѣ воспитанницъ изъ одного класса въ другой, т.-е. каждые три года и передъ выпускомъ. На эти экзамены также уходило очень много времени. При переходѣ воспитанницъ Общества изъ средняго класса въ старшій, экзаменъ въ 1820 году начался 16-го сентября, былъ прерванъ 1-го ноября, по случаю выпуска, потомъ возобновился 22-го апрѣля и кончился 24-го іюня; въ промежутокъ между 1-мъ ноября и 1-мъ апрѣля того же года, т.-е. въ теченіе пяти мѣсяцевъ, происходилъ, по приказанію Императрицы, „подробный и строгій экзаменъ" среднему классу.

Комитетъ разсмотрѣлъ и одобрилъ представленный Германомъ планъ ученія, мало отличавшійся отъ плана 1815 года, и поручилъ Шторху примѣнить новый планъ къ курсу Екатерининскаго училища.

Императрица принимала живое участіе въ ходѣ учебнаго дѣла и радовалась, что Германъ относится къ нему не механически. Она, раньше внушавшая начальницамъ, что прежде всего надо воспитывать дѣвицъ, а потомъ уже ихъ учить, теперь писала Адлербергъ: „Мы должны, Mütterchen, хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность" [1]).

При распредѣленіи предметовъ по плану Германа, комитетъ составилъ и табели о жалованьѣ учителямъ. Послѣ многихъ замѣчаній и возраженій, представленныхъ на нихъ Германомъ, эти табели были въ окончательной формѣ утверждены Императрицей 15-го апрѣля 1821 года. Плата учителямъ была опредѣлена по количеству часовъ и смотря по отдѣленію и классу, въ которомъ

---

[1]) Письмо отъ 1-го декабря 1821 г.

учитель преподавалъ [1]). Комитетъ призналъ нужнымъ имѣть особаго учителя „въ исчисленіяхъ на память“ или, какъ тогда выражались, „исчисленіяхъ въ головѣ“. Императрица сама пріискала „извѣстнаго въ семъ искусствѣ“ учителя Винберга, которому было назначено 1.500 рублей въ годъ жалованья и 100 рублей на экипажъ, за девять часовъ преподаванія въ недѣлю.

Одновременно съ урегулированіемъ платы учителямъ, комитетъ представилъ на утвержденіе Императрицы правила о денежныхъ наградахъ имъ при выпускахъ. Основаніемъ для размѣра награды должно было служить полное жалованье учителя; но во всякомъ случаѣ она не могла быть менѣе 100 и болѣе 300 рублей. Награду могли получать только тѣ учителя, которые кончили начатый ими полный курсъ ученія, заключавшійся въ трехлѣтіи отъ выпуска до выпуска, и при томъ если изъ общаго числа воспитанницъ по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$, при строгомъ и подробномъ экзаменѣ, будутъ имѣть отмѣтку „très bien“. Не получали награды тѣ учителя, которые такъ часто манкировали, что сложность пропущенныхъ ими часовъ составляла четвертую часть годового количества ихъ, а также приходившіе изъ трехъ разъ по одному спустя болѣе нежели $^{1}/_{4}$ часа послѣ звонка [2]). Въ 1823 году Германъ сдѣлалъ комитету представленіе и о томъ, чтобы учителя Общества и Екатерининскаго училища считались: младшіе, т.-е. чистописанія и искусствъ, въ десятомъ классѣ, а старшіе—въ девятомъ, мотивируя это тѣмъ, что „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и Екатерининскій Институтъ не могутъ быть поставлены ниже гимназій“, учителямъ которыхъ, по уставу 1804 года, были присвоены эти классы должностей.

Права учителей женскихъ учебныхъ заведеній на пенсію были

---

[1]) Высшая плата—125 р. за годовой часъ съ квартирой, или 200 р. безъ нея—была назначена только одному учителю—физики и естественной исторіи въ Обществѣ; по 100 р. съ квартирой и 150 р. безъ нея—учителямъ русскаго языка, французскаго, нѣмецкаго (по настоянію Германа), исторіи, географіи и геометріи (по настоянію Германа) въ старшихъ отдѣленіяхъ старшаго класса Общества; а въ Екатерининскомъ училищѣ эту плату могли получать только учителя физики, естественной исторіи и французскаго языка въ высшемъ классѣ. По остальнымъ предметамъ, какъ въ Обществѣ, такъ и въ училищѣ, высшая плата была опредѣлена въ 100 р. безъ квартиры и 70 р. съ нею; низшая (законъ Божій)—40 р. годовой часъ безъ квартиры и 32 р. съ квартирой. За учителями, не имѣвшими квартиры въ учебномъ заведеніи, посылался экипажъ. Въ московскихъ училищахъ, высшая плата за годовой часъ была опредѣлена въ 1823 году въ 80 рублей; только учителю физики и естественной исторіи (въ Екатерининскомъ училищѣ) было назначено 100 р. за часъ.

[2]) Прот. Сов. В. О. 11-го декабря 1820 и 6-го мая 1821 г.

узаконены еще въ 1816 году [1]). Высочайшимъ повелѣніемъ 1825 года это право было распространено и на вдовъ учителей; если мужъ, прослуживъ 20 лѣтъ и болѣе, умеръ на службѣ, то ей должна была выдаваться послѣ его смерти половина его жалованья; если же онъ, послѣ 40-лѣтней въ общей сложности службы, былъ уволенъ съ пенсіей, то вдова получала право на половину его жалованья, но лишь въ томъ случаѣ, если она была за нимъ замужемъ по крайней мѣрѣ послѣднія 25 лѣтъ [2]). Эти права на пенсію были даны при Императрицѣ Маріи лишь учителямъ Общества.

Составъ учителей при Германѣ значительно улучшился, особенно въ Обществѣ. Кромѣ приглашеннаго имъ адьюнктъ-профессора Арсеньева, взяли на себя преподаваніе: русской словесности и переводовъ въ старшемъ отдѣленіи старшаго класса на благородной половинѣ экстраординарный профессоръ Бутырскій; Плетневъ и Срезневскій — исторіи и россійской словесности въ другихъ отдѣленіяхъ этого класса; Плетневъ преподавалъ и въ Екатерининскомъ училищѣ съ 1818 года ариѳметику въ старшемъ классѣ и всеобщую исторію въ младшемъ; нѣмецкую словесность въ старшемъ отдѣленіи старшаго класса Общества преподавалъ докторъ философіи Эртель. Для преподаванія географіи и статистики, на мѣсто отказавшагося въ 1823 году Арсеньева, былъ приглашенъ учитель гимназіи и Учительскаго института, Ободовскій, который вмѣстѣ съ учителемъ Тимаевымъ, взявшимъ на себя преподаваніе русской словесности и переводовъ въ Обществѣ, были посланы въ 1817 г. за границу для изученія ланкастерской методы взаимнаго обученія. Оба, по словамъ Воронова [3]), „славились педагогическими способностями и опытностію, какъ люди спеціально изучавшіе педагогію за границей“. Нѣсколько лѣтъ спустя, Ободовскій былъ назначенъ помощникомъ Германа сначала въ Обществѣ, а потомъ инспекторомъ классовъ Воспитательнаго Дома, и его, какъ преподавателя, замѣнилъ Шульгинъ.

Обыкновенно, учителей выбирали изъ кончившихъ университетскій курсъ студентовъ, по списку, присылавшемуся по приказанію Императрицы, министромъ народнаго просвѣщенія Вилламову, который назначалъ учителей, соображаясь съ мнѣніемъ Гер-

---

[1]) За 15 лѣтъ службы учитель получалъ половину своего жалованья въ пенсію, а за 25 „и болѣе“—полное жалованье (П. Собр. Т. XXXIII. 26429).

[2]) Журналы Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. 1847.

[3]) Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пет. учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно. Составлено по порученію г. Попечителя С.-Пет. уч. окр. т. сов. М. Н. Мусина-Пушкина. С.-Пет. 1849, стр. 133.

мана. Про одного изъ стоявшихъ въ спискѣ 1824 г. учителей Германъ отозвался, что это очень умный, образованный, особенно по математическимъ наукамъ, что у него много живости при преподаванiи, вообще, что онъ былъ бы превосходнымъ учителемъ, но „очень малъ ростомъ и толстъ". Германъ прибавилъ: „было бы желательно воспользоваться имъ тамъ, гдѣ его фигура не входитъ въ разсчетъ" [1].

Императрица одобряла почти всѣ представленiя Германа и согласилась отмѣнить установившiйся на мѣщанской половинѣ обычай отдѣлять неспособныхъ въ особый классъ для занятiй преимущественно рукодѣлiями; изъ такихъ ученицъ Германъ предложилъ образовать особое отдѣленiе съ приспособленнымъ для нихъ методомъ преподаванiя.

Къ сожалѣнiю, Германъ поддерживалъ Императрицу въ ея взглядахъ на полезность преподаванiя нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ. Даже при преподаванiи русской словесности пепиньеркамъ, онъ совѣтовалъ учителю выбирать примѣры преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, „дабы можно было обойтись безъ особеннаго наставника онаго". И по его плану два низшихъ отдѣленiя младшаго класса должны были обучаться только языкамъ, въ третьемъ начиналось преподаванiе географiи и исторiи; въ слѣдующiй классъ переводили лишь успѣвшихъ въ языкахъ. Въ Екатерининскомъ училищѣ былъ учитель ариѳметики, который могъ ее преподавать только по-нѣмецки [2].

Германъ потребовалъ, чтобы воспитанницы писали сочиненiя въ классѣ на тему, развитую учителемъ, а не такъ, какъ это всегда дѣлалось, т.-е., что воспитанницы приготовляли сочиненiя внѣ классовъ, а учитель бралъ ихъ для исправленiя на домъ. Темы сочиненiй „для публичнаго экзамена", какъ и самыя сочиненiя, представлялись Императрицѣ. Въ 1826 году она обратила вниманiе учителей на то, что въ сочиненiяхъ лучшихъ ученицъ выпускного класса Общества „идеи недостаточно въ порядкѣ слѣдуютъ, въ нихъ нѣтъ логической связи, содержанiе не отвѣчаетъ предпосланнымъ посылкамъ" и въ видѣ примѣра почему-то указала на одно французское сочиненiе, гдѣ про бурю было совершенно вѣрно сказано: „que sa puissance est grande, son courroux est terrible et ses bontés infinies", и на другое, гдѣ стояли рядомъ „голыя скалы и плодородныя долины" [3]. Просматривавшiй по ея порученiю сочиненiя воспитанницъ, ба-

[1]) Учр. по В. О. 1824.

[2]) Докладъ сов. Ек. уч. Императрицѣ 22-го мая 1827 г.

[3]) Учр. по В. О. 1826.

ронъ Мейендорфъ сдѣлалъ на нихъ общее, язвительное замѣчаніе (на французскомъ языкѣ): „совѣтую—писалъ онъ въ 1827 г.—дѣвицамъ писать проще до тѣхъ поръ, пока онѣ сочтутъ возможнымъ соперничать съ Фенелономъ и Шатобріаномъ". Онъ вынесъ, по видимому, не высокое мнѣніе о знаніяхъ воспитанницъ выпускного класса Общества во французскомъ языкѣ, ибо указалъ не только на несоотвѣтствующія, по его мнѣнію, выраженія и „логическія ошибки, ошибки въ употребленіи глаголовъ" въ ихъ сочиненіяхъ, но и на такія невѣрности перевода, какъ въ передачѣ французской фразы „maison en défaillance" словами „домъ въ обморокѣ" [1]).

Хотя женскія учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ Императрицъ, стояли особнякомъ отъ мужскихъ и были совершенно независимы отъ министра народнаго просвѣщенія, но и на нихъ отражались нѣкоторыя вѣянія времени и мѣры, принимавшіяся правительствомъ по учебному дѣлу. Этому содѣйствовало и то, что многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ различныхъ правительственныхъ комитетахъ по устройству учебнаго дѣла вообще, были въ то же время и членами Совѣтовъ женскихъ институтовъ. Изъ этихъ мѣръ Императрица Марія принимала только тѣ, которымъ сочувствовала. Такъ, когда было основано Библейское Общество, она велѣла ввести во всѣхъ женскихъ институтахъ правиломъ, чтобы всякое утро, до начала уроковъ, воспитанницамъ читали главу изъ Евангелія, а каждый вечеръ послѣ ужина—главу изъ Посланій Апостоловъ. По прочтеніи этихъ двухъ частей Новаго Завѣта до конца, предписывалось начинать ихъ опять съ начала [2]). При выпускѣ 1817 года, въ числѣ назначенныхъ для раздачи воспитанницамъ книгъ, были присланы Императрицею въ Екатерининское училище 19 экземпляровъ Новаго Завѣта съ надписью на каждомъ: „для укрѣпленія вѣры и благочестія, просвѣщенія ума и сердца и утѣшенія души словомъ Божественной истины, книга сія св. Писанія, при благословеніи Всевышняго, дана воспитанной въ с.-петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины и выпущенной февраля... дня 1817 г." [3]). Въ это время особенное вниманіе въ институтахъ было обращено на преподаваніе закона Божія, и по поводу экзамена въ московскомъ Александровскомъ училищѣ, Императрица писала Брейткопфъ: „Законъ Божій вызываетъ удивленіе" (est à étonner).

[1]) Учр. по В. О. 1827.

[2]) Письмо отъ 17-го ноября 1816 г.

[3]) Письмо отъ 26-го февраля 1817 г.

Учрежденіе комитета по учебной части въ женскихъ столичныхъ институтахъ было, можетъ быть, вызвано учрежденіемъ за два года передъ тѣмъ при Главномъ Правленіи училищъ Учебнаго Комитета, въ числѣ обязанностей котораго было и разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и пособій. Эта обязанность, такъ же какъ и контроль надъ преподаваніемъ, были возложены и на комитетъ по учебной части въ институтахъ. Но мотивы для учрежденія обоихъ комитетовъ были совершенно различны; въ институтахъ причины, вызвавшія такую мѣру правительства, были просто невозможны, и при этомъ не могло быть тѣхъ цѣлей, въ виду которыхъ эти мѣры были установлены для мужскихъ учебныхъ заведеній. При разсмотрѣніи книгъ и руководствъ въ институтахъ по такимъ предметамъ, какъ русская и иностранная словесность, дѣло могло касаться только развѣ грамматическихъ достоинствъ или недостатковъ представляемыхъ комитету курсовъ, составленныхъ, по предписанію Императрицы, преподавателями.

Въ руководствѣ, составленномъ для Общества учителемъ геометріи, былъ высказанъ вѣрный взглядъ на предметъ. „Основательность,—писалъ авторъ—нечувствительно пріобрѣтаемая отъ долговременныхъ занятій геометріею и остающаяся съ нами на всегда и по забытіи всѣхъ теоремъ и задачъ, дѣлаетъ ее полезною для женщинъ еще болѣе, пожалуй, чѣмъ ариѳметика“ [1]).

Книга по зоологіи, которая преподавалась въ институтахъ на французскомъ языкѣ французомъ Делошемъ, была издана Обществомъ „съ другими институтами“ [2]). Самъ авторъ говоритъ, что его книга „покажется весьма несовершенною во всемъ, что касается собственно науки. Ученые найдутъ ея методъ не точнымъ, не строгимъ и ошибочнымъ (défectueux). Надо, чтобы эта наука была прочувствована, а не сведена къ методѣ. Авторъ имѣлъ въ виду не обучать наукѣ, а внушить къ ней вкусъ и облегчить изученіе ея впослѣдствіи“. Цѣль обученія естественнымъ наукамъ воспитанницъ институтовъ онъ ставитъ въ томъ, чтобы „расширить ихъ идеи, усовершенствовать языкъ и мышленіе (raisonnement), занимая умъ полезными предметами, и посѣять въ сердцахъ любовь къ этимъ знаніямъ, природѣ и ея Творцу“.

Изъ сдѣланныхъ на эту книгу Делоша замѣчаній членомъ комитета по учебной части Вилламовымъ, можно нѣсколько узнать ея содержаніе. „У кошки нѣтъ обонянія“—указываетъ Вилламовъ

---

[1]) Учр. по В. О. 1824.
[2]) Учр. по В. О. 1827-1828.

—а ниже у автора сказано, что кошки любятъ духи и позволяютъ ласкать себя надушеннымъ людямъ. „Бѣлый медвѣдь находится въ Grande Tartaire Moscovite“. На это Вилламовъ говоритъ: „Tartaire Moscovite не должно стоять въ издаваемомъ въ Россіи сочиненіи“. Вообще, по его отзыву, „всѣ свѣдѣнія автора о Россіи приблизительныя, а въ Россіи—прибавляетъ Вилламовъ —надо точно ихъ знать“. Вмѣсто Минервы онъ поставилъ Юнону; растеніе pissenlit Вилламовъ предложилъ назвать иначе. Онъ нашелъ даже неправильности въ употребленіи французскихъ словъ, напримѣръ „prive“ какъ глаголъ отъ apprivoiser и рекомендовалъ автору справиться во французскомъ академическомъ словарѣ [1]).

Къ сожалѣнію, намъ не встрѣтилось въ бумагахъ Архива замѣчаній на руководства по другимъ предметамъ, изъ которыхъ можно было бы получить понятіе о томъ, что преподавалось воспитанницамъ институтовъ подъ названіемъ исторіи, статистики и другихъ предметовъ. Впрочемъ относительно исторіи, еще при Лодіи, былъ представленъ ему учителемъ Наумовымъ разборъ руководства, по которому, до назначенія Лодія инспекторомъ, преподавалась исторія. „Ежели—писалъ Наумовъ—исторія вообще есть повѣствованіе достопамятныхъ происшествій и дѣяній... то она должна имѣть достовѣрность, основанную на свидѣтельствѣ своихъ или послѣдующихъ временъ. Если исторія должна служить наставленіемъ, представлять предметъ для нашего разсужденія, склонять сердца наши примѣрами и подражаніемъ дѣламъ добродѣтельнымъ и къ отвращенію отъ пороковъ... то книга сія не годится... она ничего, кромѣ родословія, не заключаетъ“... Кромѣ того, Наумовъ нашелъ, что въ ней „индѣ помѣщаются весьма нескромно“ нѣкоторые разсказы и между прочимъ привелъ такой примѣръ: „Святополкъ первый названъ Ярославичемъ, но потомъ онъ же выставляется какъ сумнительный сынъ Владиміра или Ярополка отъ Предславы...“ [2])

Въ 1827 году члены комитета просматривали и книги, выдававшіяся для чтенія не только воспитанницамъ, но и классным дамамъ. Баронъ Мейендорфъ потребовалъ, чтобы изъ Плутарха исключили нѣкоторыя мѣста, а Императрица, узнавъ, что одна изъ классныхъ дамъ впала въ меланхолію „съ религіозной подкладкой“, приписала это чтенію книгъ и велѣла слѣдить за книгами, читаемыми и классными дамами.

До 20-хъ годовъ преподаваніе въ институтахъ, согласно из-

---

[1]) Учр. по В. О. 1827.
[2]) Учр. по В. О. 1813.

давна установившейся и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ практикѣ, велось путемъ диктованія учителемъ въ классѣ уроковъ, которые воспитанницы записывали сначала на-черно, а потомъ переписывали по нѣскольку разъ на-чисто. Императрица Марія не была безусловно противъ примѣненія этого метода въ институтахъ, и даже вслѣдъ за циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, подтвердившаго въ 1810 году запрещеніе 1803 года, „обременять учениковъ перепискою курсовъ“, Императрица, въ Высочайшемъ повелѣніи 1811 года для класса наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ, писала: „Тетради воспитанницъ, которыя онѣ пишутъ въ классѣ подъ диктованіе учителей исторіи, географіи, грамматики, риторики, физики, геометріи и проч., послужатъ имъ со временемъ какъ для собственной ихъ памяти, такъ и лучшимъ руководствомъ при преподаваніи нѣкогда сихъ наукъ собственнымъ ихъ воспитанницамъ“. Она требовала только, чтобы тетради были тщательно просмотрѣны и исправлены учителями и послѣ этого на-чисто переписаны воспитанницами во время урока чистописанія. А самыя тетради, изъ которыхъ учителя предполагали диктовать въ классахъ, должны были передъ началомъ курса представляться ей на утвержденіе [1]). Но когда Арсеньевъ, поступивъ въ Общество, сталъ диктовать воспитанницамъ „главнѣйшія предложенія“ по географіи, Императрица конфиденціально сообщила Адлербергъ, что Шторхъ и она сама этого не одобряютъ, потому что Арсеньевъ, „заставляя воспитанницъ писать уроки въ тетради, этимъ отнимаетъ у нихъ время... Съ такимъ трудомъ—прибавляла Императрица—искорененное злоупотребленіе писанія и ученія наизусть опять этимъ вводится“. Она просила Адлербергъ никому объ этомъ не говорить, но внушить классным дамамъ и инспектриссамъ, чтобы онѣ наблюдали за учителями и не позволяли бы возвращаться къ прежней методѣ [2]). Не удовлетворившись объясненіемъ Германа, что совсѣмъ безъ тетрадей обходиться нельзя, она поручила тогда Совѣту пріискать руководства, по которымъ учителя преподавали бы свои предметы; „а то—писала она—все ученіе сводится на затверживаніе наизусть“.

Точно также, введенныя въ 1820 году въ мужскихъ гимназіяхъ бесѣды, на которыхъ воспитанникамъ старшихъ классовъ читались, подъ руководствомъ директора и учителя русской словесности, русскіе авторы, были введены и въ столичные инсти-

[1]) Учр. по С.-Пет. и Моск. Восп. Домамъ. 1801—1817. VII. Выс. пов. 26-го апрѣля 1811 г.

[2]) Переп. по В. О. бл. д 1820.

туты. Классныя дамы должны были разъ въ недѣлю собирать у себя по 40 и 50 воспитанницъ, но для чтенія имъ не русскихъ, а иностранныхъ авторовъ. Вѣроятно и при учрежденіи бесѣдъ главная цѣль состояла въ упражненіи воспитанницъ въ иностранныхъ языкахъ. Обыкновенно бесѣды происходили по субботамъ. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Адлербергъ писала Императрицѣ, что учитель нѣмецкаго языка прочелъ „Орлеанскую дѣву" Шиллера, „и все шло превосходно, дѣвицы бесѣдовали съ удовольствіемъ".

Въ числѣ присланныхъ, по большей части самою Императрицею, книгъ, въ библіотекѣ Общества, откуда ихъ брали и въ другіе институты, въ 1828 году значились уже такія, какъ „Essai philosophique" par Locke, „Essais" de Montaigne, „la Morale" par Hellert, исторія Карамзина по-французски, „les Devoirs de l'homme", Oeuvres de Delille, „Traité de l'éducation des femmes" par m-me de Campan, „l'Uthopie" de Thomas Morus, „l'Allemagne" par m-me de Staël и много путешествій на иностранныхъ языкахъ. Между нѣмецкими книгами было сочиненіе Шопенгауера: „Ueber den Umgang mit den Menschen" (объ обхожденіи съ людьми). На русскомъ языкѣ были: „Обязанности домашняго общества", „Логика" Кондильяка; „О должностяхъ человѣка", Якоби; „Лѣтопись о многихъ мятежахъ"; „Статистическій журналъ" К. Германа; „Государь и министръ". Послѣднія три книги значились подъ рубрикой: „по части наукъ политическихъ" [1]).

Въ спискѣ книгъ, „Отеческіе совѣты" были отмѣчены Германомъ какъ книги „безъ употребленія".

Въ томъ, что Императрица считала хорошимъ или полезнымъ для женскихъ институтовъ, она не подчинялась взглядамъ и распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія. Когда, послѣ университетскаго суда 1821 года, Германъ и Арсеньевъ были уволены изъ университета, взведенныя на нихъ Руничемъ обвиненія нисколько не поколебали къ нимъ довѣрія Императрицы, хотя оба профессора только за годъ передъ тѣмъ начали свою службу въ женскихъ институтахъ. Такое отношеніе къ нимъ Императрицы подчеркнулъ Магницкій въ представленныхъ имъ въ 1822 году князю А. Голицыну замѣчаніяхъ на послужившую поводомъ къ обвиненію Арсеньева книгу „Статистика россійскаго государства". Указывая на Германа, какъ на учителя Арсеньева, Магницкій прибавилъ: „сей учитель автора книги нынѣ надзираетъ за воспитаніемъ благородныхъ дѣвицъ, а изъ университета по Высочайшему

[1]) Каталогъ библіотеки Восп. Общества (Учр. по В. О, 1828).

повелѣнію выгнанъ послѣ обличенія въ самомъ открытомъ невѣріи студентскими тетрадями" [1]).

И въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ Императрица до конца своей жизни руководствовалась собственными взглядами, шедшими въ разрѣзъ съ взглядами правительства. Не говоря о преподаваніи миѳологіи, какъ самостоятельнаго предмета, отмѣненнаго въ гимназіяхъ по представленію Ученаго комитета и введеннаго, по желанію Императрицы, въ женскихъ институтахъ [2]), она ни мало не поколебалась въ своемъ убѣжденіи о первостепенной важности изученія французскаго языка, этого, по выраженію Императора Николая, „рода необходимости", противъ котораго, однако, возставалъ правительственный комитетъ 1824 года по устройству учебной части въ Имперіи. Не смотря на то, что въ числѣ правилъ, которыми долженъ былъ руководствоваться этотъ комитетъ, было, чтобы русскій языкъ былъ поставленъ главнымъ предметомъ ученія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, это не коснулось женскихъ институтовъ, гдѣ главнымъ предметомъ по прежнему остался французскій языкъ.

Къ концу своей жизни Императрица могла съ удовольствіемъ видѣть, что принципъ, положенный ею съ самаго начала въ основаніе устройства женскихъ институтовъ, былъ принятъ правительствомъ при переустройствѣ мужскихъ учебныхъ заведеній. Учрежденному въ 1824 году, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. А. С. Шишкова, Комитету по устройству учебной части въ Имперіи было предписано примѣнить программы ученія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ званію учащихся, т.-е. то, что было введено Императрицею съ первыхъ же лѣтъ вступленія ея въ управленіе женскими учебными заведеніями.

Въ общемъ, образованіе, дававшееся при Императрицѣ Маріи въ женскихъ институтахъ, вполнѣ отвѣчало требованіямъ правительства конца двадцатыхъ годовъ, предъявленныхъ имъ къ мужскому образованію: „образовать молодыхъ людей вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей преданныхъ Богу и Царю, потому что въ этомъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный можетъ быть названъ благовоспитаннымъ" [3]). Въ этомъ

---

[1]) Историческія бумаги, собранныя Конст. Иван. Арсеньевымъ, приведены въ порядокъ и изданы академикомъ П. Пекарскимъ. Спб. 1872. Приложеніе II, стр. 69.

[2]) Прот. Ком. по уч. части 1826 (Учр. по В. О.).

[3]) Предложеніе министра нар. просв. Шишкова объ устройствѣ двухъ временныхъ комитетовъ для соображенія перемѣнъ въ устройствѣ учебной части. 1824.

смыслѣ институтки были вполнѣ просвѣщенными и благовоспитанными людьми.

Другія, существовавшія въ первой четверти нашего столѣтія, женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, еще не успѣли при ней вполнѣ организоваться. Курсъ ученія въ Патріотическомъ институтѣ былъ ограниченнѣе, нежели въ институтахъ Императрицы Маріи [1]), а въ Домѣ Трудолюбія - ниже чѣмъ на мѣщанской половинѣ Общества и въ московскомъ Александровскомъ училищѣ [2]). Что касается полтавскаго института, то курсъ его былъ даже выше, чѣмъ въ Обществѣ, если основываться на публичномъ экзаменѣ 1825 года, когда воспитанницы экзаменовались изъ закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, географіи россійской, всеобщей и древней, статистики, исторіи россійскаго государства и естественной, физики, начальныхъ познаній въ астрономіи, миѳологіи, риторики, музыки, пѣнія. Въ дѣйствительности же, какъ оказалось изъ донесенія приглашеннаго по приказанію Императрицы Александры Ѳеодоровны для устройства учебной части въ институтѣ, извѣстнаго въ свое время писателя и профессора харьковскаго университета, Гулакъ-Артемовскаго, въ полтавскомъ институтѣ воспитанницы не получали никакого образованія. Устраивавшій передъ тѣмъ, въ качествѣ инспектора классовъ, учебную часть въ харьковскомъ институтѣ, Гулакъ, ознакомившись съ ея положеніемъ въ полтавскомъ, донесъ, что „всѣ части учебнаго устройства Полтавскаго института, за исключеніемъ одной музыки, требуютъ или рѣшительнаго преобразованія, или значительнаго исправленія“ [3]).

Изъ его донесенія видно, что до 1830 года во главѣ института стояла француженка Реньи, пансіонъ которой и былъ преобразованъ въ 1819 году въ институтъ. Учебная часть была ввѣрена особой инспектриссѣ „ученія и порядка“. Курса ученія собственно не было; воспитанницы распредѣлялись по классамъ безъ всякаго отношенія къ ихъ способностямъ, успѣхамъ и даже

[1]) Въ Патріотическомъ институтѣ преподавали: законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, „полную“ ариѳметику, исторію и географію вообще, и въ особенности отечественную, рисованіе, танцы, пѣніе и рукодѣлія (Приб. къ „С.-Пет. Вѣд.“ 1825 г. № 18).

[2]) Въ Домѣ Трудолюбія въ 1825 г. обучали: закону Божію, русскому и нѣмецкому языкамъ (французскому только пенсіонерокъ), первымъ правиламъ ариѳметики, началамъ рисованія и рукодѣлію „примѣнительно къ состоянію воспитываемыхъ дѣвицъ“ (Засѣд. Сов. патр. Общ. 30-го мая 1825 г.).

[3]) Донесеніе Гулакъ Артемовскаго статсъ-секретарю Лонгинову. 16-го сентября 1830 года (Дѣла бывшей канцел. ст.-секр. Лонгинова).

времени поступленія въ институтъ; онѣ переводились изъ класса въ классъ по успѣхамъ во французскомъ языкѣ. Въ старшемъ классѣ нѣкоторыя воспитанницы оставались по нѣскольку лѣтъ и сидѣли вмѣстѣ съ только-что поступившими въ институтъ. Такъ какъ воспитанницы были различныхъ возрастовъ и способностей, то и преподаваніе въ одномъ и томъ же классѣ было разнообразное: „однѣмъ—писалъ Гулакъ—читаютъ о трагедіи и хріяхъ, другимъ о предложеніяхъ, третьимъ о періодахъ". Русскій языкъ, по словамъ Гулака, хотя и преподавался, но „ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи почти не существуетъ... Состояніе сего предмета — говоритъ онъ — столь жалостно, что пособить оному я не нахожу иного средства, какъ усилить преподаваніе онаго, перемѣнивъ по сей части настоящаго учителя, который, кромѣ русскаго языка, преподаетъ еще: россійскую исторію и географію, естественную исторію и ариѳметику; всѣ эти предметы преподаются на французскомъ языкѣ французомъ Маланъ". Объ этомъ учителѣ, пользовавшемся особымъ уваженіемъ попечительницы, княгини Репниной, Гулакъ отозвался какъ о достойномъ уваженія „по своимъ извѣстнымъ лѣтамъ и примѣрному поведенію".

Преподаваніе нѣмецкаго языка Гулакъ нашелъ „еще того хуже". Его преподавалъ дивизіонный пасторъ, который съ тѣмъ и договорился, чтобы ему было позволено въ теченіе года отлучаться изъ Полтавы по дѣламъ его духовнаго званія не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Русскую словесность преподавалъ протоіерей Кійковъ; но „преподаваніе этого предмета, — говоритъ Гулакъ — при всѣхъ личныхъ достоинствахъ учителя, ни мало не соотвѣтствуетъ ни полу, ни назначенію учащихся, ни нынѣшнимъ понятіямъ въ образованныхъ обществахъ о семъ предметѣ и въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ". Убѣдился въ этомъ Гулакъ изъ отвѣтовъ воспитанницъ и еще болѣе изъ записокъ, служащихъ имъ руководствомъ при изученіи россійской словесности. „Ничего не было страннѣе,—говоритъ онъ—какъ съ одной стороны видѣть учителя россійской грамматики", который, по словамъ Гулака, „не зналъ чистаго русскаго языка въ семъ (среднемъ) классѣ, едва только приступающаго къ объясненію ученицамъ первыхъ понятій о раздѣленіи глаголовъ на дѣйствительные, страдательные и пр., а съ другой—приходящаго учителя россійской словесности, усиливающагося познакомить ученицъ съ тайною витійства, къ величайшей для нихъ скукѣ и къ самой неблагодарной потерѣ времени".

Остальные предметы, въ томъ числѣ миѳологію, какъ науку

самостоятельную, и математическую географію, помѣщаемую въ росписаніи учебныхъ предметовъ, подъ названіемъ „Globe“, преподавали на французскомъ языкѣ классныя дамы. Руководства, по словамъ Гулака, и „образъ преподаванія“ были дурные. Объ одномъ изъ руководствъ „Leçons de Chronologie d'histoire“ par Gaultier, онъ говоритъ, что „независимо отъ самой автоматической, такъ сказать, своей формы — вопросной и отвѣтной, по одному предмету содержанія своего въ нѣкоторыхъ статьяхъ, никогда не должно бы быть въ рукахъ юношества“. О способѣ преподаванія классными дамами Гулакъ отзывается, что онъ „ничего не слышалъ, кромѣ самаго утомительнаго выслушиванія двухстрочныхъ почти уроковъ, что и называется лекціею“.

Предлагая разныя мѣры для приведенія въ порядокъ учебной части въ институтѣ, Гулакъ высказался очень опредѣленно противъ преподаванія научныхъ предметовъ на иностранномъ языкѣ. „Мѣра пользы, получаемой отъ изученія сихъ предметовъ (исторіи и географіи) на французскомъ языкѣ, никогда не будетъ равняться мѣрѣ вреда, даже нравственно понимаемаго, отъ пренебреженія языка отечественнаго“. Затверживаніе на французскомъ языкѣ собственныхъ именъ, не зная ихъ по-русски, „а по-русски—говоритъ Гулакъ—до сихъ поръ ни одинъ предметъ и ни въ одномъ классѣ не былъ преподаваемъ“, пріучаетъ воспитанницъ къ такому произношенію, которое дѣлаетъ ихъ смѣшными. Французскій языкъ преподавался въ полтавскомъ институтѣ, какъ видно изъ донесенія Гулака, такъ же какъ и въ институтахъ Императрицы Маріи, т.-е. въ одномъ и томъ же классѣ онъ дробился на нѣсколько отдѣльныхъ частей: особо преподавалась французская орѳографія, спряженіе французскихъ глаголовъ, разборы на французскомъ же языкѣ, синтаксисъ французскаго языка, разговоры на немъ и пр.

Въ числѣ предложенныхъ Гулакомъ мѣръ была перемѣна „какъ можно скорѣе учителя танцевъ, зараженнаго самою предосудительною страстію“.

Послѣ всего этого можно безъ ошибки заключить, что единственное знаніе, какое воспитанницы полтавскаго института могли изъ него выносить, было знакомство съ французскимъ языкомъ.

VI.

Отношеніе литературы къ образованію въ институтахъ.—Сужденія о воспитанницахъ ихъ.—Требованія общества отъ образованія вообще и въ частности отъ воспитанія и образованія женщинъ.—А. Никитенко объ образованіи институтокъ.—Условія, предъявлявшіяся къ преподаванію въ институтахъ.—Возрастъ, въ которомъ институтки кончали свое образованіе.—Знанія, съ какими онѣ выходили изъ заведенія.—Метода Песталоцци.—Показная сторона институтскаго образованія.—„Сѣверный Вѣстникъ" о знаніяхъ воспитанницъ.—Стихотворныя сочиненія ихъ.—Рецензія П. Калайдовича.—Письма бывшихъ воспитанницъ.—Начало педагогическаго образованія женщинъ.—Пепиньерки.—Приготовленіе гувернантокъ въ бѣлорусскія губерніи.—Императрица объ ученіи пепиньерокъ.—Курсъ пепиньерскихъ классовъ.—Классы наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ.—Планъ ихъ ученія, начертанный Императрицею.—Помѣщеніе наставницъ на мѣста.—Программа инспектора классовъ Фусса.—Музыкальные классы при Воспитательныхъ Домахъ.—Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи въ дѣлѣ женскаго образованія.—Ея заслуги по обезпеченію судьбы воспитанницъ.—Отношеніе къ ней бывшихъ воспитанницъ.—Цѣль большинства родителей при отдачѣ дѣтей въ женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы.—Награды воспитанницамъ при выпускахъ.—Форма свидѣтельствъ.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились при Императрицѣ Маріи женскія учебныя заведенія, критики даваемаго въ нихъ образованія и воспитанія въ литературѣ быть не могло; напротивъ, всѣ, говорившіе о немъ, современные журналы отзывались съ величайшею похвалою объ институтахъ, съ которыми писатели знакомились на публичныхъ экзаменахъ; по поводу этихъ экзаменовъ и высказывались сужденія объ институтахъ. Конечно, при этомъ значительная доля похвалъ основывалась на внѣшнемъ впечатлѣніи, производимомъ на посѣтителей экзаменовъ „стройною прелестною толпою невинныхъ дѣвицъ" [1]), и всего подробнѣе описывались танцы, пѣніе, музыка, наружный видъ воспитанницъ;

[1]) „Отечественныя Записки", издаваемыя П. Свиньинымъ. 1829. Ч. 37.

но рядомъ съ этимъ выставлялись иногда, правда рѣдко и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, достоинства и ихъ образованія.

„Науки преподаются имъ—сказано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1823 г. [1]) о воспитанницахъ Екатерининскаго института — по самымъ яснымъ системамъ; онѣ имѣютъ достаточное и правильное понятіе не только о предметахъ общеполезныхъ, но и о самыхъ отвлеченныхъ истинахъ науки“... Вообще же, по мнѣнію „Отечественныхъ Записокъ“, „сему безпримѣрному заведенію (также и Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ) нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ—благотворительностію и совершенствомъ воспитанія“. По поводу экзамена класса наставницъ при Воспитательномъ Домѣ, журналъ одобряетъ, что географія и исторія преподаются—на нѣмецкомъ языкѣ, а физика и естественная исторія—на французскомъ [2]). Издатель „Благонамѣреннаго“ восторженно отзывается о воспитаніи и образованіи въ „училищѣ благородныхъ дѣвицъ при Патріотическомъ Обществѣ“ и приводитъ въ журналѣ обширныя выписки изъ представленныхъ на экзаменѣ сочиненій воспитанницъ, въ стихахъ и прозѣ [3]).

По словамъ Измайлова, три дочери котораго воспитывались въ институтахъ, одна въ Смольномъ, другая въ Екатерининскомъ, а третья въ Патріотическомъ, образованіе въ послѣднемъ было несравненно лучше, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Это онъ приписывалъ тому, что въ Патріотическомъ институтѣ воспитанницы читаютъ книги, а въ Смольномъ и Екатерининскомъ или вовсе не читаютъ, или читаютъ очень мало [4]).

Общій взглядъ на дававшееся при Императрицѣ Маріи въ институтахъ образованіе и воспитаніе всего полнѣе былъ высказанъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти, въ первой книжкѣ Пушкинскаго „Современника“, гдѣ, по поводу выпускного экзамена изъ Смольнаго въ 1836 году, въ большой статьѣ безъ подписи между прочимъ сказано: „...Имя Императрицы Маріи въ теченіе сорока лѣтъ является у насъ залогомъ чистоты нравственной и лучшей образованности прекраснаго пола... И преимущественно воспитаніе дѣвицъ, столь тщательное и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, во сколькихъ семействахъ утвердило добрые нравы и настроило души къ новой прекрасной жизни! Въ каждомъ изъ заведеній, Императрица возрастила три поколѣнія. Еслибы хоть одно изъ чистыхъ началъ Ея ученія не привилось къ первому, оно

[1]) Ч. 13.

[2]) 1822. Ч. 10.

[3]) „Благонамѣренный“. Журналъ, издаваемый А. Измайловымъ. 1822 г. VIII.

[4]) Письма А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву. 1826 г. („Р. Арх“. 1871, кн. 7).

еще могло подѣйствовать надъ вторымъ, и несомнѣнно утвердилось въ третьемъ. Теперь половина Россіи благороднѣйшими своими чувствованіями одолжена единственно Ей. Свѣтлая жизнь наша, домашнія удовольствія, вкусъ, господствующій въ избранныхъ обществахъ, лучшія потребности ума и лучшія движенія сердца —все это Ея созданіе. И все это сдѣлалось необходимою стихіею нашей жизни. Никакія обстоятельства не властны теперь остановить и даже измѣнить этого нравственнаго направленія... У насъ много частей въ государственномъ управленіи разными лицами въ разныя эпохи доведено до видимаго совершенства. Но исключительно одно можно назвать законченнымъ. Въ ней все должно сохраниться въ томъ видѣ, въ какомъ оставила ее Императрица Марія. Устройство заведеній для женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія. Поверхностные судьи, не входящіе во всѣ подробности этого дѣла, не умѣющіе обнять его со всѣхъ сторонъ, могутъ сомнѣваться. Молодая особа, вышедшая изъ какого нибудь института, состоящаго въ вѣдѣніи Императрицы Маріи, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребуетъ будущая жизнь ея. Знатная и богатая украситъ кругъ свой; бѣдная обезпечитъ себя или принесетъ помощь семейству родителей; одаренная талантомъ, смотря по своему состоянію, развила ихъ или для блеска, или для пріобрѣтенія житейской выгоды; не получившая отъ природы отличныхъ способностей обучена всѣмъ рукодѣліямъ, необходимымъ для женщины. Однимъ словомъ: возраженія исчезаютъ, когда сообразимъ безчисленное множество поступающихъ въ заведенія сіи, безконечную разность въ состояніяхъ и способностяхъ этихъ лицъ и равенство ихъ правъ на одинаковое воспитаніе, возможность способовъ, опредѣляемыхъ для содержанія заведеній, и наконецъ общій выводъ изъ этого многосложнаго дѣлопроизводства. Юношество, воспитывающееся въ другихъ заведеніяхъ, получаетъ хорошія начала, но при поступленіи въ свѣтъ часто не находитъ въ своихъ познаніяхъ самаго необходимаго... Въ одномъ мѣстѣ недостаетъ разнообразія свѣдѣній, въ другомъ—основательности, въ третьемъ—удобопримѣняемости. Здѣсь все возможное предупреждено. Полный объемъ предметовъ не въ противорѣчіи съ бережливостію времени; теорія не препятствуетъ изученію практическому; удаленіе отъ свѣта не закрываетъ жизни. Одно и то же лицо, наканунѣ видѣнное въ пріютѣ воспитанія, плѣнительно простосердечіемъ своимъ и дѣтскою заботливостію, на другой день является въ блистательномъ кругу Двора или частнаго многолюднаго общества, или мирнаго семейства; вездѣ оно изумляетъ васъ благородствомъ, пристойностію и

непринужденностію. Воспитаніе такого достоинства здѣсь только и видишь".

Отдѣльные, впрочемъ рѣдкіе, примѣры бывшихъ воспитанницъ институтовъ, засвидѣтельствованные современниками, подтверждаютъ такое мнѣніе о нихъ журнала. Вигель разсказываетъ, что въ 1802 году въ Пензѣ жила бывшая воспитанница Смольнаго, „умная, воспитанная, съ вензелемъ; ...занятія ея жизни были новостію для пензенскихъ барынь; она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ выписывая рѣдкія растенія. Но..." — Вигель приводитъ это „какъ примѣръ разницы между просвѣщеніемъ и образованностію" — она была „груба, ибо не подчинилась и ей казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони заведенное въ губернскихъ городахъ, съѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ" [1]).

О женѣ малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, бывшей воспитанницы Екатерининскаго института выпуска 1817 года и потомъ классной дамы въ харьковскомъ, племянникъ Квитки говоритъ въ 1820 году, что Квитка „совѣтовался съ женою въ литературныхъ работахъ, слѣпо довѣрялъ ея мнѣніямъ, а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности, то рѣшительно подчинялся ея приговорамъ" [2]). Другой современникъ, также лично знавшій жену Квитки, описываетъ ее какъ женщину добрую и образованную. Она, по его словамъ, „слѣдила за французской литературой и даже политикой, отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ... Постоянно можно было застать ее за чтеніемъ легитимистскаго журнала „La Mode", хотя она вовсе не была femme à la mode... Она гордилась славою своего мужа" [3]). Вообще, о воспитанницахъ женскихъ институтовъ при Императрицѣ Маріи, Вигель говоритъ, что благодаря имъ, почти ежегодно внутреннія губерніи населялись „примѣрными супругами и матерями", что онѣ „распространяли добрые нравы въ семействахъ" [4]).

Въ обществѣ представленіе о воспитанницахъ институтовъ, особенно въ первое время ихъ учрежденія, было связано съ понятіемъ о чемъ-то изящномъ, утонченномъ. Одинъ учитель оренбургскаго главнаго народнаго училища, жалуясь на то, что директоръ пришелъ въ классъ „не имѣя ничего на себѣ кромѣ ха-

---

[1]) Губернаторшей въ то время была мать Вигеля (Воспоминанія. Ч. 1-я, стр. 224).

[2]) *Г. Н. Данилевскій.* Основьяненко (Г. Ф. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы („Отеч. Зап." 1855 г., ноябрь и декабрь).

[3]) Тамъ же. Изъ письма Н. П. Ка—рова о жизни Основьяненко.

[4]) Воспоминанія, Ч. 7, стр. 123.

лата, рубашки и порванныхъ башмаковъ, кривлялся, произносилъ непристойныя выраженія", прибавлялъ, что это ему еще болѣе чувствительно потому, что онъ „женатъ на воспитанницѣ заведенія, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества" [1]).

Въ качествѣ воспитательницъ, институтки также удовлетворяли своими знаніями требованіямъ публики. „Должно признаться —говоритъ о нихъ „Московскій Телеграфъ", —что изъ нашихъ отечественныхъ писателей рѣдко кто знаетъ правила россійской грамматики лучше сихъ питомицъ Монаршаго великодушія" [2]).

Если вникнуть въ требованія тогдашняго общества, то именно такое образованіе, какое давалось въ институтахъ, при „изящномъ", какъ выразился одинъ князь въ письмѣ къ Императрицѣ, воспитаніи, должно было казаться тогда идеаломъ и вполнѣ удовлетворять современнымъ взглядамъ. Этимъ требованіямъ отвѣчали и подробности институтской системы воспитанія и образованія; въ нихъ Императрица только слѣдовала общественному мнѣнію. За сословность въ дѣлѣ образованія стояли не только родители, но и литература, въ лицѣ даже лучшихъ своихъ представителей, а дворяне не отдавали своихъ сыновей въ гимназіи главнымъ образомъ потому, что туда допускались дѣти всѣхъ сословій. Что касается огромной важности, какую придавали обученію дѣтей иностраннымъ языкамъ, то этого требовали даже провинціальные жители. Въ черниговскомъ народномъ училищѣ ученики и ученицы затверживали на память „Зрѣлище вселенныя" по-нѣмецки [3]). Директоръ благороднаго пансіона при вологодской гимназіи уже въ 1828 году писалъ попечителю: „для того, чтобы пріохотить дворянъ, надо на первый разъ имѣть хотя двухъ, при хорошемъ произношеніи, хорошо знающихъ французскій и англійскій языки надзирателей", а также „устранить изъ гимназіи дѣтей мѣщанъ, почтальоновъ и т. п.". Дворянство поставило непремѣннымъ условіемъ существованія пансіона — нахожденіе въ немъ „иностранца съ чистѣйшимъ французскимъ произношеніемъ и танцмейстера" [4]).

Показная сторона ученія вездѣ и въ провинціи играла

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1865 г.

[2]) „Московскій Телеграфъ". Журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. Москва. 1828 г. Ч. 25.

[3]) *Сухомлиновъ.* Школы въ черниг. губерніи (Ж. М. Н. Пр. 1864).

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1865 г.

большую роль. Публичные экзамены въ гимназіяхъ и даже въ главныхъ народныхъ училищахъ были похожи на театральныя представленія; на нихъ директоры и учителя изощрялись въ изобрѣтеніи чего-нибудь такого, что могло бы произвести на публику впечатлѣніе. Въ 1816 году директоръ училищъ саратовской губерніи высказалъ мнѣніе, что такъ какъ учитель русской словесности болѣе всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе публики, то надо требовать, чтобы онъ зналъ французскій языкъ и свободно на немъ говорилъ; а на русскомъ не только съ живостью читалъ бы лекціи, но имѣлъ бы даръ сочинять и публично произносить рѣчи, говорить чисто русскимъ языкомъ, а не провинціальнымъ; кромѣ того ему нужна ловкость, пріятная наружность и чистый голосъ [1]).

По всей вѣроятности даже сѣченіе розгами въ институтахъ было допущено Императрицею отчасти и потому, что за розги открыто высказывались какъ воспитатели, такъ и сами родители; тѣлесныя наказанія розгами примѣнялись и въ казенныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ частныхъ пансіонахъ [2]).

Что касается собственно образованія, дававшагося въ институтахъ, то не только публика, но и просвѣщенные люди того времени, въ числѣ которыхъ былъ профессоръ А. Никитенко, находили, что воспитанницы, особенно Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, „гораздо образованнѣе барышень, воспитанныхъ въ гостиныхъ“ [3]).

Вообще же характеръ институтскаго образованія, по преимуществу литературный, былъ совершенно въ духѣ тогдашнихъ аристократическихъ нравовъ общества, когда вопросы эстетическіе стояли на первомъ планѣ. Такое же образованіе давалось дома, и въ частныхъ пансіонахъ, и дворянскимъ юношамъ. „Чтобы считаться благовоспитаннымъ,—говоритъ „Московскій Телеграфъ“ [4])—

---

[1]) Е. Шмидъ. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Ж. М. Нар. Пр. 1877).

[2]) Это выяснилось изъ оффиціальной переписки министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго въ 1811—1814 гг. съ попечителями учебныхъ округовъ (Ж. М. Н. Пр. 1864).—П. Снигиревъ говоритъ о своемъ воспитаніи въ московской университетской гимназіи (1805—1810): „Метода сѣченія въ училищахъ не только свѣтскихъ, но еще болѣе въ духовныхъ, тогда была общеупотребительная. Она входила въ кругъ преподаванія и занятія учителей... Намъ привелось слыхать благодарность отъ испытавшихъ ее въ школѣ“ („Р. Арх.“, 1866 г., стр. 742).

[3]) Дневникъ А. В. Никитенко („Р. Стар.“, 1889 г., іюль).

[4]) О системѣ и методахъ въ педагогіи. 1832 г. Ч. 4-я, стр. 71.

достаточно пройти обычный тогда курсъ домашняго или пансіоннаго воспитанія, состоявшій изъ чтенія, письма, катехизиса, считанія, исторіи, географіи, основаній словесности по выборкамъ изъ Лагарпа, миѳологіи по выборкамъ Ліонне или Шомпрэ, рисованія (немножко) танцованія въ обширномъ смыслѣ, музыки (немножко), иностранныхъ языковъ, т.-е. французскаго до составленія записочки на немъ, нѣмецкаго до выученія наизусть нѣсколькихъ стиховъ и фразъ изъ діалоговъ, латинскаго до хрестоматіи, для вступленія, если то понадобится, на университетскія лекціи".

Но если основываться на программахъ женскихъ учебныхъ заведеній послѣдняго десятилѣтія жизни Императрицы Маріи при условіи, конечно, что предписанный программами курсъ проходился серьезно [1]), если имѣть въ виду усиленныя заботы Императрицы въ это десятилѣтіе объ ученіи воспитанницъ, хорошій выборъ инспекторовъ и учителей, то можно было бы ожидать, что воспитанницы институтовъ будутъ выходить изъ нихъ не только литературно образованными, но и съ достаточнымъ среднимъ общимъ образованіемъ.

Конечно, подъ громкимъ названіемъ „статистика" имъ вѣроятно сообщались тѣ свѣдѣнія (о числѣ жителей, пространствѣ и т. п.), которыя входятъ теперь въ элементарные учебники географіи. Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ, какъ преподавались, и какія имѣлись въ виду цѣли при преподаваніи воспитанницамъ научныхъ предметовъ. Объ этомъ можно нѣсколько судить по оставленному профессоромъ А. Никитенко, въ его дневникѣ, свидѣтельству, относящемуся хотя и къ 1830 году, т.-е. два года спустя послѣ смерти Императрицы Маріи, но когда въ учебномъ дѣлѣ институтовъ не произошло еще никакихъ перемѣнъ, и начальницами и инспекторами оставались тѣ же лица, которыя были при ней.

Приглашенный преподавать русскую словесность въ старшемъ классѣ Екатерининскаго училища, а потомъ и Смольнаго, Ники-

[1]) На послѣднемъ при Императрицѣ Маріи экзаменѣ воспитанницы Общества экзаменовались изъ слѣдующихъ предметовъ: на благородной половинѣ — закона Божія и нравоученія, всеобщей географія математической, физической и политической, географіи и статистики россійской имперіи, статистическихъ данныхъ о главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, исторіи древней, средней, новой и русской, словесности трехъ языковъ, геометріи и головного исчисленія, физики, естественной исторіи; на мѣщанской половинѣ, кромѣ закона Божія, изъ: словесности трехъ языковъ, ариѳметики, всеобщей и россійской географіи, всеобщей и россійской исторіи.

тенко серьезно взглянулъ на свои обязанности и заслужилъ сначала одобреніе инспектриссы за то, что онъ „заботится не объ одномъ томъ, чтобы дѣвицы умѣли проболтать на экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизусть правилъ риторики и піитики“ [1]). Хотя Никитенко нашелъ, что его ученицы, которымъ оставался только одинъ годъ до выпуска, почти ничего не знаютъ изъ словесности, такъ что въ этотъ годъ,—говоритъ Никитенко,—„надо сдѣлать то, на что обыкновенно полагается три года“, но онъ увлекся мыслью „вселить хоть одну изъ своихъ идей въ сердца матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества“ [2]). Начальница совѣтовала ему затвердить фамиліи лучшихъ воспитанницъ, „чтобы при случаѣ показывать ихъ чужимъ людямъ“; но онъ не захотѣлъ послѣдовать этому совѣту и тѣмъ не менѣе оставался сначала очень доволенъ и своими ученицами, и своими занятіями съ ними. Не прошло, однако, и двухъ мѣсяцевъ, какъ Никитенко замѣтилъ перемѣну въ обращеніи съ нимъ Германа, который наконецъ прочелъ ему „длинное наставленіе о томъ, что его лекціи въ институтѣ должны быть, сколь возможно, кратче; что, читая ихъ, не должно слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотою или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености и т. д.“... Это такъ подѣйствовало на Никитенко, что онъ сталъ думать объ отставкѣ; но объясненіе съ инспектриссой нѣсколько успокоило его. Она ему сказала, что онъ, „какъ и господинъ Плетневъ, какъ и законоучитель“, слѣдовавшіе одной методѣ съ Никитенко, не разъ будутъ подвергаться непріятностямъ; но просила его „идти своей стезей“, говоря, что ученицы его понимаютъ, что онъ „возбудилъ ихъ энтузіазмъ, а съ этимъ и экзаменъ не страшенъ“.

Скоро Никитенко узналъ и отъ Плетнева, долго при Императрицѣ Маріи преподававшаго въ нѣсколькихъ институтахъ, объ ихъ порядкахъ „такую правду, что хуже всякой лжи“. Затѣмъ и самому Никитенко пришлось убѣдиться, что для того, чтобы, преподавая въ институтѣ, не подвергаться непріятностямъ, нужно не столько знать хорошо свое дѣло, сколько удовлетворять требованіямъ отъ преподаванія со стороны присутствовавшихъ на урокахъ классныхъ дамъ, а также преподавать по руководствамъ, составленнымъ помощникомъ инспектора, на что онъ не хотѣлъ согласиться. Кон-

---

[1]) Дневникъ А. В. Никитенко. 1830—1832 („Р. Стар.“ 1889 г., іюль).
[2]) Тамъ же.

чилось тѣмъ, что Никитенко рѣшился отказаться отъ преподаванія и въ Смольномъ, и въ Екатерининскомъ институтахъ, хотя ему казалось, что „главное достигнуто... души ихъ (дѣвицъ) раскрылись къ принятію тѣхъ идей, которыя—говоритъ Никитенко—я желалъ бы вдохнуть въ нихъ; между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ“ [1]).

Изъ разсказа Никитенко можно видѣть нѣкоторыя изъ условій женскихъ институтовъ, при которыхъ инспекторамъ классовъ, назначавшимся въ послѣднее время Императрицею большею частью изъ профессоровъ и вообще людей съ научнымъ образованіемъ, было бы невозможно, еслибы они того и хотѣли, поставить учебное дѣло въ институтахъ какъ слѣдовало. Едва ли Германъ, дѣлая внушеніе Никитенко о томъ, какъ онъ долженъ преподавать воспитанницамъ, руководствовался собственными взглядами, а не тѣмъ общимъ направленіемъ, какое было дано образованію въ институтахъ самою Императрицею. Къ тому же начальницамъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать за духомъ преподаванія [2]), а начальницами назначались, въ большинствѣ случаевъ, преимущественно иностранки, отъ которыхъ не требовалось иного образованія, кромѣ умѣнья говорить на иностранныхъ языкахъ, хотя бы даже на одномъ французскомъ. Имъ же предоставлялось право не только совѣщательнаго, но рѣшающаго голоса въ подробностяхъ учебнаго дѣла. На представленный Императрицѣ въ 1806 году планъ ученія въ Екатерининскомъ училищѣ, она сдѣлала замѣчаніе, что въ старшемъ классѣ на преподаваніе исторіи назначено всего два урока въ недѣлю, а на нѣмецкій языкъ четыре. „Мнѣ кажется—писала Императрица,—что исторія полезнѣе для воспитанницъ, нежели нѣмецкій языкъ, но предоставляю это на вашу волю“ [3]). Это такъ оставалось и послѣ реформы учебнаго дѣла 1815 года.

Настоятельное требованіе Императрицы, чтобы нѣкоторые предметы, и при томъ изъ наиболѣе важныхъ, преподавались на французскомъ языкѣ, не противорѣчило, правда, тогдашней практикѣ, когда и въ университетахъ большинство профессоровъ были иностранцы, не знавшіе русскаго языка и читавшіе лекціи на

---

[1]) Дневникъ. 1833 г. „Р. Стар.“ 1889 г., августъ.

[2]) Собственноручная инструкція Императрицы Совѣту моск. Ек. уч. 1803 г. (Ист. зап. о моск. уч., стр. 17).

[3]) Письмо отъ 28-го іюля 1806 г. (Переп. по Ек. уч.).

иностранномъ. Но это условіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитанницы не имѣли никакихъ способовъ пополнять внѣ классовъ свои свѣдѣнія инымъ путемъ, должно было сводить къ нулю ихъ знанія въ наукѣ, преподававшейся имъ не по-русски. Хотя французскій языкъ былъ главнымъ предметомъ всего институтскаго курса, но едва ли большинство воспитанницъ даже старшихъ классовъ на столько хорошо его знали, чтобы свободно понимать изложеніе на немъ такихъ наукъ, какъ географія, исторія, геометрія, физика. Впрочемъ главная при этомъ цѣль заключалась не въ томъ, чтобы воспитанницы усвоили себѣ эти науки, а чтобы онѣ усовершенствовались во французскомъ языкѣ. Эта цѣль ставилась совершенно прямо и открыто. Совѣтуя начальницѣ московскаго Екатерининскаго училища ввести такую систему, Императрица писала: „Мы ввели здѣсь очень хорошее средство усовершенствовать воспитанницъ во французскомъ языкѣ; это—преподавать на немъ одинъ изъ предметовъ, напр. физику и естественную исторію, и успѣхъ оправдалъ наши ожиданія. Желательно, чтобы вы послѣдовали этому примѣру относительно тѣхъ же наукъ или какой-либо другой“ [1]).

Наконецъ ранній возрастъ, въ которомъ воспитанницы институтовъ должны были оканчивать свое образованіе,—тотъ возрастъ, 16—17 лѣтъ, когда только и могло начинаться развитіе ихъ ума и усвоеніе научныхъ знаній,—также долженъ былъ неблагопріятно отзываться на окончательномъ результатѣ всего ихъ ученія. Бывали, и притомъ не особенно рѣдко, случаи, что вслѣдствіе ли того, какъ объясняли начальницы, что родители, при отдачѣ дѣтей, невѣрно показывали ихъ года, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но воспитанницъ выпускали тринадцати-лѣтними.

И въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ тогда рано кончали курсъ; но тѣ изъ бывшихъ воспитанниковъ, которые желали продолжать ученіе, имѣли къ тому полную возможность; между тѣмъ образованіе воспитанницъ въ женскихъ институтахъ не имѣло уже при Императрицѣ Маріи характера подготовительнаго къ будущему ихъ самообразованію, какъ это было при Екатеринѣ, а должно было считаться совершенно законченнымъ. Сама Императрица Марія такъ на него смотрѣла и при второмъ пріемѣ въ Екатерининское училище, когда Совѣтъ принялъ нѣкоторыхъ дѣвочекъ, имѣвшихъ болѣе одиннадцати лѣтъ, писала графу Завадовскому: „Не хотѣла я однако отмѣнить выборъ Совѣта и одобряю

---

[1]) Recueil. 1-re livr. Письмо отъ 2-го сентября 1827 г.

оный симъ, почитая, что даже полезнѣе по шестилѣтнемъ пребываніи въ училищѣ выпускать дѣвицъ совершенныхъ лѣтъ, окончившихъ уже совсѣмъ свое образованіе, нежели слишкомъ молодыхъ, не утвердившихъ еще довольно правъ и разсудокъ" [1]). Крайній возрастъ для выпуска изъ всѣхъ институтовъ былъ опредѣленъ семнадцатью годами, при чемъ, въ послѣднюю половину жизни Императрицы Маріи, изъ институтовъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, выпускали и ранѣе, „если дѣвица достаточно успѣла въ предметахъ, которые изучала".

Надо взять во вниманіе еще и то, что въ институтахъ праздники, вакаціи, частные экзамены передъ выпусками, самые выпуски, поглощали столько времени, что, по исчисленію Германа, въ 1824 году „въ трехлѣтнемъ курсѣ приходилось всего 100 учебныхъ недѣль" [2]). Докладывая Императрицѣ о затрудненіяхъ при осуществленіи ея желанія, чтобы въ младшемъ классѣ Екатерининскаго училища были отдѣлены, какъ это дѣлалось въ московскихъ, часы для уроковъ по хозяйству („leçons d'Economie"), Брейткопфъ писала въ 1818 году: „большинство воспитанницъ вступаетъ плохо читающими по-русски и не имѣющими ни о чемъ понятія (n'ayant notion de rien). Онѣ вступаютъ въ апрѣлѣ и, слѣдовательно, остается только пять съ половиною лѣтъ на изученіе всего... Четыре вечера въ недѣлю, отъ пяти до восьми часовъ, посвящаются на пѣніе и танцы".

При всѣхъ этихъ условіяхъ нельзя было и требовать, чтобы воспитанницы выходили изъ институтовъ съ сколько-нибудь основательнымъ общимъ образованіемъ. Лучшія изъ нихъ могли еще на нѣкоторое время послѣ выпуска удержать въ памяти заученныя наизусть хронологическія данныя, могли, даже внезапно разбуженныя ночью, сказать наизусть всю таблицу умноженія, или, какъ разсказываетъ одна изъ бывшихъ институтокъ, при словѣ „бостонъ" (игра въ карты), отвѣтить скороговоркой: „Бостонъ—главный городъ провинціи Массачузетсъ въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣетъ гавань, корабельныя верфи, разныя учебныя и благотворительныя заведенія и 40.000 жителей" [3]).

Не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ геометрія, физика, естественная исторія, изъ которыхъ воспитанницамъ предлагались лишь обрывки свѣдѣній безъ всякой системы, преподава-

[1]) Письмо отъ 16-го іюля 1802 г. (Переп. по Ек. уч.).

[2]) Учр. по В. О. 1824 г.

[3]) *Закревская*. Институтка. Романъ въ письмахъ („Отеч. Зап.", 1841 г., кн. XIX).

ніе и словесности сводилось къ однимъ стилистическимъ упражненіямъ.

Понятно, что объ умственномъ развитіи, о какомъ-нибудь запасѣ идей, который воспитанницы выносили бы изъ пройденнаго институтскаго курса, не могло быть и рѣчи.

А между тѣмъ въ самомъ началѣ нашего столѣтія уже была извѣстна не только въ Европѣ, но и у насъ, метода Песталоцци, изложенная въ его сочиненіяхъ [1]), а также въ цѣломъ рядѣ учебниковъ, облегчавшихъ учителямъ и учительницамъ примѣненіе этой методы. Казалось бы, что метода Песталоцци, приноровленная къ цѣли развитія и укрѣпленія всѣхъ способностей и дарованій будущаго человѣка, основанная на наглядности въ обученіи, тѣмъ болѣе должна была отвѣчать требованіямъ Императрицы Маріи отъ воспитанія въ институтахъ „хорошихъ матерей, хорошихъ супругъ, хорошихъ воспитательницъ, хорошихъ хозяекъ", что обученіе по ней „было проникнуто воспитательной идеей, для которой метода служила только средствомъ въ примѣненіи къ тому или другому учебному предмету" [2]). Она упрощала и учебное дѣло, правильная постановка котораго, во все время управленія Императрицы Маріи женскими институтами, сопровождалась большими трудностями.

Примѣненіе у насъ этой методы облегчалось тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ журналовъ печатались переводы сочиненій Песталоцци [3]), а Мартыновъ, лично извѣстный и пользовавшійся довѣріемъ Императрицы, излагалъ его методу въ своемъ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ" [4]), относясь къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Наконецъ, съ 1800 года уже существовалъ основанный на средства швейцарскаго правительства Бургдорфскій институтъ, гдѣ учились дѣти и знатныхъ родителей и въ курсъ ученія входили: отечественный и французскій языки, геометрія, ариѳметика, отечественная исторія, музыка [5]). Отъ воли Императрицы всецѣло зависѣло примѣнить эту методу къ преподаванію въ институтахъ; но Императрица, очевидно, имѣла при об-

---

[1]) „Лингардтъ и Гертруда", „Книга матерей", „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей" и др.

[2]) Л. *Модзалевскій.* Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. С.-Пет., 1887. Ч. 2-я, 32.

[3]) *Аглая*, издав. К. П. Шаликовымъ. Москва. 1809. Ч. V. „Письмо къ нѣжной матери при посылкѣ Песталоцціевой книги о воспитаніи".

[4]) 1804. Ч. IV.

[5]) *Модзалевскій*, стр. 18.

разованія воспитанницъ не тѣ цѣли, какія преслѣдовалъ Песталоцци.

Объяснить направленіе, какое было дано женскому образованію не только въ институтахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ Императрицы Маріи, но и въ находившихся подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы, а также полтавскомъ, которымъ всецѣло управляла княгиня Репнина, можно, конечно, тѣмъ, что въ первой четверти нашего вѣка вообще имѣли очень смутное понятіе о томъ, въ чемъ должно заключаться хорошее образованіе и какимъ путемъ оно можетъ вліять на умъ, сердце и характеръ человѣка, о чемъ такъ много тогда говорили. Но еще болѣе такое направленіе обусловливалось особыми обстоятельствами, при которыхъ возникали и организовывались женскія учебныя заведенія.

Императрица Марія гораздо болѣе, чѣмъ Екатерина, держалась въ дѣлѣ женскаго образованія принципа сословности, которому неуклонно слѣдовала, не смотря даже на то, что правительство, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, организовало мужскія учебныя заведенія „для всѣхъ сословій“ [1]). Хотя она очень заботилась о томъ, чтобы воспитанницы разныхъ институтовъ получали воспитаніе и образованіе соотвѣтственно ихъ будущему состоянію, но такъ какъ большинство ею основанныхъ институтовъ предназначалось для дочерей дворянства, то, при организаціи учебной части въ институтахъ по личной иниціативѣ Императрицы, она имѣла главнымъ образомъ въ виду воспитаніе дворянскихъ дѣтей; а образованіе мѣщанскихъ должно было имѣть характеръ профессіональный, т.-е. приготовлять воспитательницъ и учительницъ въ дворянскихъ домахъ. Руководствуясь искреннимъ желаніемъ дать дворянкамъ самое лучшее образованіе и воспитаніе, Императрица должна была естественнымъ образомъ находить это „лучшее“ въ томъ, какое получали дѣвушки, принадлежавшія къ высшему кругу общества. Идеаломъ образованной дѣвушки этого круга была такая, которая отлично говорила по-французски и имѣла вообще литературное образованіе; въ остальномъ у нея не только могли, но должны были быть самыя поверхностныя знанія, ибо въ воззрѣніяхъ этого круга на первомъ мѣстѣ стояла боязнь учености, подъ которою и теперь часто понимается сколько-нибудь основательное образованіе, — учености, бросающей, въ глазахъ людей свѣтскихъ, тѣнь смѣшного и скуч-

---

[1]) Уставъ 1804 г.

наго на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на женщину. Такое образованіе было совершенно достаточно для той жизни, къ которой готовились дѣвушки высшаго круга; но въ институтахъ, даже въ Смольномъ, онѣ составляли совсѣмъ ничтожное меньшинство, а большинству предстояла не только жизнь „въ свѣтѣ и обществѣ", но и болѣе трудныя задачи. Вотъ для нихъ казалось бы необходимымъ образованіе, направленное на воспитаніе внутренняго человѣка, такое, которое, развивая ихъ мыслительныя способности, пріучало бы ихъ думать и понимать окружающіе ихъ предметы, цѣнить не внѣшнюю ихъ сторону, а вникать въ ихъ сущность, однимъ словомъ, имѣющее цѣлью умственное развитіе воспитанницъ.

Все это не считалось, однако, устроительницами первыхъ женскихъ учебныхъ заведеній дѣломъ первостепенной важности, хотя именно такія качества особенно требовались для главной цѣли, которую Императрица Марія поставила женскому образованію. По крайней мѣрѣ она ни разу не высказала даже намекомъ такой мысли въ своихъ многочисленныхъ письмахъ и инструкціяхъ начальницамъ. Императрица часто въ нихъ говорила о необходимости привить воспитанницамъ такія свойства, которыя сдѣлали бы ихъ способными найтись при трудныхъ обстоятельствахъ жизни, находить счастье въ самихъ себѣ и т. п.; но достигнуть этого она считала возможнымъ привитіемъ воспитанницамъ скромности, покорности судьбѣ, довольства малымъ. Мысль о благотворномъ, именно въ этомъ смыслѣ, вліяніи развитого знаніемъ ума—ей не являлась, и данное ею направленіе женскому образованію прочно и на долго привилось въ институтахъ.

Въ то время и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ показная сторона играла большую роль; воспитанниковъ гимназій, такъ же, какъ это дѣлалось въ институтахъ, особо подготовляли къ публичнымъ экзаменамъ; на выпускныхъ актахъ они говорили рѣчи на иностранныхъ языкахъ; даже губернаторы сочиняли при такихъ случаяхъ стихи, которые воспитанники пѣли и объ этомъ печаталось въ оффиціальномъ журналѣ [1]). Но въ институтахъ не на однихъ только экзаменахъ, выражаясь словами Никитенко, „все дѣлалось для парада и показа", а вообще, въ теченіе всего учебнаго года, преслѣдовались цѣли внѣшнія; зная это, сами учителя

---

[1]) Открытіе екатеринославской гимназіи (Періодическое сочиненіе о успѣхахъ нар. просвѣщенія. 1805).

держались такой системы въ преподаваніи воспитанницамъ и не смотрѣли на дѣло серьезно.

Одинъ изъ лучшихъ преподавателей Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ, Мартыновъ, описывая въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" выпускной экзаменъ въ Екатерининскомъ училищѣ и перечисливъ предметы, изъ которыхъ воспитанницы экзаменовались, говоритъ: „во всѣхъ учебныхъ предметахъ представлены были превосходные опыты успѣховъ, особливо-жъ въ предметахъ, составляющихъ исключительныя занятія прекраснаго пола... Нужно только наименовать учителей, чтобы представить до какой степени очарованіе могло быть доведено въ пѣніи и танцахъ. Первому обучаетъ г. Кавосъ, который и управляетъ хоромъ; танцамъ – знаменитая Розъ-Колинетъ". Онъ перечисляетъ представленныя воспитанницами картины, изображающія: исторію Стратоники и Селевка—чернымъ карандашомъ; „Англинскаго" короля Едуарда и лэди Грей съ дѣтьми, просящую его о возвращеніи ей имѣнія умершаго ея мужа — красками; Виргилія, читающаго Энеиду передъ Августомъ и Ливіею, которая падаетъ въ обморокъ — красками; человѣка, показывающаго дѣтямъ оптическое зрѣлище въ саду—чернымъ карандашомъ и цвѣтными красками. И, наконецъ, рукодѣлія воспитанницъ: большой коверъ, на которомъ вышита картина, взятая изъ баней Титовыхъ; большія кресла въ египетскомъ вкусѣ, „вышитой вазъ съ 4 антиками", щитъ для камина [1].

Такъ какъ въ литературное образованіе входило тогда непремѣннымъ условіемъ умѣнье сочинять стихи, то это очень поощрялось въ институтахъ. Даже въ харьковскомъ институтѣ, со времени поступленія его подъ покровительство Императрицы, воспитанницы должны были читать на выпускныхъ актахъ стихи собственнаго сочиненія [2]). А въ столичныхъ, онѣ читали стихи на трехъ языкахъ и въ присутствіи Жуковскаго [3]), который, по просьбѣ Императрицы, и самъ писалъ для нихъ стихи, исполнявшіеся воспитанницами хоромъ.

Два стихотворенія, сочиненныя въ 1804 году воспитанницами московскаго Екатерининскаго училища на смерть почетнаго опекуна, князя А. М. Голицына, были представлены Императрицѣ,

---

[1]) „Сѣв. В.", 1805 г. Ч. V.

[2]) „Укр. В.", 1819 г., іюль. Отчетъ по харьковск. институту.

[3]) Воспоминанія А. О. Смирновой о Жуковскомъ и Пушкинѣ („Р. Арх.", 1871 г., декабрь).

которая поручила Вилламозу дать ихъ прочесть графу Завадовскому. Послѣдній отвѣтилъ Вилламову письмомъ, въ которомъ говорилъ: „стихи, сочиненные воспитанницами Каменевою и Роговою, воспалили мое воображеніе до того, что я, не будучи стихотворецъ, наслаждаюсь парнасскимъ пѣніемъ и духомъ зрю будущее время, какъ россійскія дѣвы стройными пѣснями заглушатъ Сафы гремящую лиру". Завадовскій, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, велѣлъ напечатать эти стихи въ издававшемся при главномъ правленіи училищъ журналѣ: „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ Россіи" [1]).

Такой отзывъ графа Завадовскаго могъ быть вызванъ желаніемъ его сдѣлать удовольствіе Императрицѣ. Но образчикомъ крайне снисходительнаго отношенія учителей къ стихотворнымъ упражненіямъ воспитанницъ можетъ служить слѣдующій разборъ одного стихотворенія, сдѣланный преподавателемъ русской словесности въ Екатерининскомъ училищѣ, Петромъ Калайдовичемъ въ 1821 году:

РЕЦЕНЗІЯ

Стихотворенія *Варвары Михайловны Симоновской*, „Мысли воспитанницы Екатерининскаго Института при приближеніи ея выпуска".

Сіе стихотвореніе принадлежитъ къ лирическому роду Поэзіи. Первое, что должно показать при разборѣ всякаго сочиненія, есть планъ его.

„Какъ быстро протекаютъ годы!"

Вотъ мысль, служащая основаніемъ стихотворенія! Она развертывается мало-по-малу. Прошло мое младенчество; я вступила въ святилище наукъ; здѣсь я получила воспитаніе; годы, проведенные въ ученіи, уже протекли и наступаетъ время выхода. Сочинительница прощается съ своими подругами и съ мѣстомъ своего воспитанія и симъ оканчивается стихотвореніе.

Планъ натуральной и прекрасной и выдержанъ отъ начала до конца. Мысль о скоротечности жизни внушаетъ Сочинительницѣ горестное чувство, которое усиливается отъ представленія скорой разлуки; но Сочинительница сама себя утѣшаетъ *мысленнымъ* свиданіемъ съ подругами—и горесть уступаетъ мѣсто благодарности, которую Сочинительница, прощаясь, изъявляетъ мѣсту своего воспитанія. Что можетъ быть натуральнѣе и прекраснѣе такого расположенія? Все сказано въ свое время и все на своемъ мѣстѣ. Единство чувства

---

[1]) „Р. Старина", 1875 г., декабрь. Стихи институтокъ и отзывъ о нихъ гр. Завадовскаго. 1807 г.

соблюдено строжайшимъ образомъ; восторгъ, господствующій въ стихотвореніи, есть тихій: иначе и быть не можетъ. Горестное чувство разлуки, конечно, сильное чувство и могло бы внушить высокій восторгъ; но оно растворяется утѣшеніемъ — и горесть превращается въ унылое чувство меланхоліи.

Теперь очевидно, что въ отношеніи къ плану, качеству чувства и степени восторга сіе стихотвореніе выдерживаетъ самую строгую критику. Войдемъ въ подробности.

„Какъ быстро протекаютъ годы!
„Давноль съ безпечностью дѣтей
„Играла жизнію моей
„Я на рукахъ самой природы?“

Безподобно! Здѣсь жизнь представлена дѣтскою игрушкою, которою младенецъ забавляется на рукахъ природы-матери. Въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ младенца жизнь, которой цѣны онъ еще не знаетъ, есть игрушка. Мысль истинно піитическая! Это такъ прекрасно, что я забываю упомянуть о маленькихъ погрѣшностяхъ. Вмѣсто съ *безпечностію дѣтей* надлежало бы сказать: съ *дѣтскою безпечностію*, по крайней мѣрѣ, съ *безпечностію дитяти*. Мѣстоименіе *самой* пустое слово и ничего не придаетъ мысли. Но Сочинительница щедро награждаетъ за малые недостатки. Пойдемъ далѣе.

„Давно ли отъ своихъ Пенатъ
„Вошла въ жилище благодатно,
„Въ сей безмятежный вертоградъ,
„Надъ коимъ Солнце *беззакатно*?“

Прекрасная Аллегорія и величественная картина! Солнце въ полномъ блескѣ сіяетъ надъ цвѣтущимъ вертоградомъ и живитъ его благотворными своими лучами. Слово *беззакатно* прекрасно изображаетъ никогда не престающую попечительность Чадолюбивой Монархини. Это слово, мнѣ кажется, новое и весьма удачное. Пиндаръ и Державинъ также творили новыя слова.

„Гдѣ [1]), какъ лоза, живима имъ,
„Росла, отъ праха возвышалась,
„И *возъюнѣвъ* образовалась
„Подъ надзираніемъ благимъ
„Наставницъ бдительныхъ, избранныхъ,
„Царицей-Солнцемъ намъ посланныхъ“.

Аллегорія продолжается. Сочинительница изображаетъ собою благое дѣйствіе воспитанія: подобно виноградной лозѣ, оживляемой теплотою солнечною, я возростала въ семъ безмятежномъ вертоградѣ и *возвышалась отъ праха*. Прахъ въ піитическомъ языкѣ означаетъ ничтожество. Въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ безъ воспитанія?

Здѣсь встрѣчается еще новое слово *возъюнѣть*! Теперь я не дѣлаю о немъ рѣшительнаго приговора. Я увлекаюсь красотою слѣдующихъ стиховъ:

---

[1]) Въ вертоградѣ.

„Давноль въ Святилищѣ наукъ
„Среди возлюбленныхъ подругъ
„Всю сладость дружбы я познала?
„И вотъ мнѣ скорбь ея предстала:
„Рокъ всѣхъ готовъ насъ разлучить —
„И близокъ, близокъ день прощанья!"

Какое смѣлое и счастливое выраженіе: *скорбь дружбы*! Ежели есть сладость дружбы, когда друзья вмѣстѣ, то есть и скорбь ея въ разлукѣ. Какъ кстати здѣсь фигура усугубленія

„И близокъ, близокъ день прощанья!"

Слѣдуетъ лирическій порывъ; ибо чувство горести усилилось, а сильное чувство способно произвести его. Разстояніе времени между настоящимъ и будущимъ исчезло въ глазахъ Сочинительницы; для нея уже насталъ день прощанія. Вотъ что имѣла Сочинительница въ умѣ: „я съ вами разстаюсь, можетъ быть, на вѣки, но разлука не охладитъ моей къ вамъ дружбы, я никогда васъ не забуду, ибо можно ли позабыть любезныхъ подругъ моего дѣтства?"

„Но можно-ль милыхъ позабыть?"

Стихъ нѣжный и трогательный! Слѣдующіе стихи золотые: сама Муза ихъ диктовала.

„Но къ нимъ всегда мои мечтанья
„И отсюду полетятъ,
„И съ ними мысленны свиданья
„Тоску разлуки утолятъ".

Мысленныя свиданья: новое и прекрасное выраженіе. Можетъ быть слишкомъ строгой критикъ замѣтитъ, что свиданіе мало употребляется въ числѣ множественномъ; но Вы сами, ММ. ГГ., можете видѣть, какъ много потеряетъ мысль, ежели перемѣнить число. Языкъ долженъ покорствовать поэту!

Наконецъ, обращеніе къ Институту:

„А ты, о кровъ для насъ священный!
„Къ тебѣ признательность мою
„Въ желаньи пламенномъ пролью:
„Цвѣти красою неизмѣнной!
„Преемницъ нашихъ осѣняй,
„Рости, лелѣй и просвѣщай
„И сѣвью будь благословенной!"

Въ семъ обращеніи я замѣчу двѣ черты, дѣлающія честь характеру Сочинительницы: признательность къ мѣсту воспитанія и желаніе, чтобы и другія воспользовались въ немъ образованіемъ, которое она сама получила. Доброе сердце любитъ дѣлить свои блага; оно и другимъ желаетъ того же счастія, которымъ наслаждается. Какъ хорошо здѣсь слово *признательность:* благодарность показала бы гордое чувство. Благодѣянія воспитанія можно только

чувствовать; а нельзя достойно возблагодарить за оныя. Но Сочинительница хочетъ показать знакъ своей признательности: черта благородная! Въ чемъ же состоитъ онъ? въ пламенномъ желаніи:

„Цвѣти красою неизмѣнной!
„Преемницъ нашихъ осѣняй,
„Рости, лелѣй и просвѣщай
„И сѣнью будь благословенной!"

Прекрасно, превосходно! безподобно! Можетъ быть обвинятъ меня въ пристрастіи, почтутъ мои похвалы неумѣренными и докажутъ тѣмъ, что Аллегорія въ обращеніи къ Институту неправильна; ибо, ежели дѣлать повѣрку значенія словъ метафорическаго съ собственнымъ, то кровъ (т.-е. кровля) не можетъ *ростить, лелѣять и просвѣщать*, онъ можетъ быть только сѣнью. Еще могутъ замѣтить, что въ семъ же обращеніи встрѣчается тавтологія (тождесловіе):

„Преемницъ нашихъ *осѣняй*!
„*И сѣнью* будь благословенной!"

Все это правда; но, ММ. ГГ., простимъ охотно сіи погрѣшности Госпожѣ Сочинительницѣ и окажемъ уваженіе къ юному таланту.

„Сей нѣжный цвѣтъ—говоритъ нашъ Карамзинъ—отъ знаковъ холодности и невниманія часто безъ всякаго плода увядаетъ".

Я съ своей стороны поздравляю съ такимъ стихотвореніемъ и Госпожу Сочинительницу, и всѣхъ ея соученицъ, и самого себя.

Петръ Калайдовичъ.

15-го марта, 1821 г.
Вторникъ.

Поощряемыя къ писанію стиховъ, воспитанницы часто выходили (по крайней мѣрѣ такъ было до 1820 года) съ самымъ жалкимъ знаніемъ русскаго языка, на которомъ писали безграмотно, даже для тогдашняго времени. Вотъ письмо бывшей воспитанницы Екатерининскаго училища къ Императрицѣ: „пеподая костапамъ Вашего Императорскаго Величества коавгустейшей царицѣ... воспитапъница Екатеринепъскава училища... мая прозба какъ мать мая приежала впетербурхъ 1808 года въ феврале... дажидатца да марта месеца...—Подъданьная Раба Марья Каломнина [1]).

Письмо бывшей воспитанницы Общества не многимъ грамотнѣе. Извѣщая свою, находившуюся еще въ Обществѣ, сестру о томъ,

---

1) Письмо отъ 24-го ноября 1809 г. (Учр. по уч. орд. св. Ек.).

что мать не можетъ взять ее при выпускѣ 1812 года, бывшая воспитанница Смольнаго пишетъ: „...старайся себя устроить. Можетъ быть какая знатнѣйшая особа или какая богатая захочетъ взять къ себѣ, а то проси Вдовствующую Императрицу чтобъ она приняла тебя въ свой штатъ. Можетъ быть черезъ тебя всѣ будемъ щастливы... Не огорчайся, Богъ все къ лутчему делаетъ... Нетли у тебя канвовыхъ или что по кисеи вышиваютъ узоровъ... Пожалуста старайся устроить; повѣрь милая что маменькѣ тягосно и одну меня содержать, чтоже мы будимъ съ тобой въ стенахъ сидѣть чему и знали, то все забудѣмъ... Ежели получишь награжденіе при выпускѣ, т.-е. деньги, то здѣлай что тебѣ понужнѣе хотя шынельку или салопъ навати чтобъ не стыдно было тебѣ выѣхать ежели куда случится" [1]). Въ 1819 уже году бывшая воспитанница Смольнаго посвятила Императрицѣ свой переводъ съ французскаго на русскій книги, составленной учителемъ французскаго языка Жоффрэ и просила Императрицу велѣть напечатать этотъ переводъ. Просматривавшій его, по порученію Императрицы, Лодій отозвался, что не нашелъ въ переводѣ „ничего противнаго нравственности. Сравнительныя метафоры — писалъ онъ — хороши, но надо переводчицѣ нѣкоторыя выраженія и смыслъ поправить и наблюдать правописаніе" [2]).

На сколько можно судить по сохранившимся въ архивѣ IV-го Отдѣленія письмамъ нѣкоторыхъ воспитанницъ, знаніе и французскаго правописанія было не лучше. Даже выпущенныя изъ Смольнаго съ благородной половины съ золотою медалью писали по-французски съ большими ошибками. Вѣроятно въ отвѣтъ на замѣчаніе объ этомъ Императрицы, Брейткопфъ оправдывалась, говоря: „мы и теперь не можемъ отвѣчать, что всѣ будутъ правильно писать по-французски; у насъ есть такія, которымъ никакъ не удается понять грамматику" [3]).

Что касается мѣщанскихъ воспитанницъ, то онѣ сами были очень скромнаго мнѣнія о своихъ знаніяхъ вообще, и одна изъ нихъ въ письмѣ къ Императрицѣ охарактеризовала свои знанія словами: „соотвѣтственныя полу нашему для общежитія познанія" [4]).

Не смотря на то, что учрежденіемъ институтовъ родителямъ предоставлялась возможность дать дочерямъ образованіе, при томъ

---

[1]) Учр. по В. О. бл. д. 1812 г.
[2]) Учр. по В. О. бл. д. 1819 г.
[3]) Письмо отъ 7-го декабря 1809 г.
[4]) Учр. по В. О. бл. д. 1813 г.

даровое, а можетъ быть вслѣдствіе того, что въ отдаленные углы глухихъ уѣздовъ не доходили, разсылавшіяся Совѣтами по всѣмъ губерніямъ, къ предводителямъ дворянства, а гдѣ ихъ не было— къ губернаторамъ, объявленія объ условіяхъ пріема въ институты; но было много губерній, въ которыхъ не оказывалось родителей, желавшихъ отдать туда своихъ дочерей. Въ 1806 году, когда еще нигдѣ, кромѣ Петербурга и Москвы, не было институтовъ и вообще никакихъ женскихъ учебныхъ заведеній, не оказалось желающихъ отдать дѣтей въ Общество и Екатерининское училище въ одиннадцати губерніяхъ [1]), и кромѣ того не получено отвѣтовъ отъ предводителей 18-ти. Почти то же повторилось и въ 1809 году, и при томъ въ числѣ губерній, гдѣ не оказалось желающихъ отдать дочерей въ институты, была московская. Но въ 1809 году уже существовали два училища въ Москвѣ, и надо думать, что 140 вакансій въ этихъ двухъ училищахъ удовлетворяли требованіямъ цѣлой московской губерніи.

Судя по этимъ даннымъ, можно сказать, что въ первой четверти нашего столѣтія только Петербургъ и ближайшія къ нему губерніи воспользовались случаемъ дать дочерямъ образованіе, предлагавшееся имъ безплатно и обставленное всевозможными выгодами.

Еще въ самомъ началѣ своего управленія женскими институтами, Императрица Марія пыталась положить начало педагогической подготовкѣ воспитанницъ учрежденіемъ пепиньеръ. Мысль объ ихъ учрежденіи возникла у нея въ 1803 году, когда при выпускѣ изъ Общества оказалось много бѣдныхъ и способныхъ воспитанницъ, а съ другой стороны уже выяснилась трудность пріискивать хорошихъ классныхъ дамъ для институтовъ. Въ первоначальномъ планѣ Императрицы о пепиньеркахъ предполагалось, чтобы онѣ иногда, въ случаѣ отсутствія учителей, могли замѣнять ихъ [2]). Но скоро она, по видимому, отказалась отъ этой мысли. Впослѣдствіи Императрица считала пепиньерокъ способными обучать въ низшихъ и среднихъ возрастахъ чтенію на трехъ языкахъ, письму „съ голоса“, чистописанію; хотя въ 1816 году и была одна учительница переводовъ съ русскаго на французскій и нѣмецкій языки во второмъ классѣ старшаго воз-

---

[1]) Тамбовской, пензенской, слободо-украинской, орловской, полтавской, калужской, томской, кавказской, екатеринославской, херсонской.

[2]) Projet d'un établissement qui servira de pépinière pour les Instituts. 28-го февраля 1803 г. (Арх. IV Отд.).

раста Общества, но на предложеніе Совѣта поручить пепиньеркѣ преподаваніе французскаго языка въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ старшаго возраста на мѣщанской половинѣ, Императрица согласилась неохотно: „Я подписала предложеніе Совѣта — писала она Адлербергъ — о назначеніи Сафроновой, но не могу воздержаться отъ сомнѣнія: можетъ ли она и будетъ ли, какъ дѣвица (Frauenzimmer), удовлетворительно замѣнять учителя“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, при учрежденіи пепиньеръ, въ виду первоначальной цѣли Императрицы, она велѣла особо обучать ихъ математикѣ, исторіи и географіи по одному уроку въ недѣлю на каждый изъ этихъ предметовъ, которые должны были преподаваться на французскомъ языкѣ [2]). Въ классѣ пепиньеръ воспитанницы должны были оставаться одинъ годъ, послѣ чего могли поступать или въ классныя дамы, или гувернантками и учительницами въ частные дома, или же, въ случаѣ желанія, могли возвращаться къ родителямъ. Число пепиньеръ въ Обществѣ было опредѣлено двѣнадцатью „изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ воспитанницъ“ благородной половины. Три года спустя былъ учрежденъ пепиньеръ и на мѣщанской половинѣ изъ шести воспитанницъ. Имъ также положены были уроки изъ географіи и исторіи, на французскомъ языкѣ, по шести часовъ въ недѣлю на всѣ [3]).

Мало-по-малу, пепиньеры были учреждены почти при всѣхъ институтахъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Маріи, кромѣ дѣвичьяго училища, изъ котораго, по ея приказанію, одна изъ кончившихъ курсъ въ первомъ отдѣленіи воспитанницъ могла поступать въ пепиньеръ Общества. Число пепиньеръ въ петербургскомъ Екатерининскомъ училищѣ было ограничено шестью, въ московскомъ — пятью, въ московскомъ Александровскомъ — тремя. Предметы, имъ преподаваемые, были почти тѣ же, что и въ Обществѣ, т.-е. исторія, географія и математика, и также на французскомъ языкѣ. Въ московскомъ Александровскомъ имъ преподавали еще по два раза въ недѣлю французскую литературу, миѳологію и „краткое теоретическое объясненіе физики“ [4]).

Съ 1808 года на пожертвованный митрополитомъ римско-католическихъ церквей, Сестренцевичемъ, капиталъ въ 20.000 р. должны были приготовляться четыре воспитанницы, кончившія курсъ на мѣщанской половинѣ Общества, для поступленія въ гувернантки въ

---

[1]) Учр. по В. О. 1810 г.

[2]) Запасное отдѣленіе изъ 12 дѣвицъ для опредѣленія въ классныя дамы (Учр. по В. О. 1803 г.).

[3]) Протоколы Сов. В. О. 1806 г.

[4]) Ист. зап. о моск. уч., стр. 177.

частные дома бѣлорусскихъ губерній. Ихъ должны были обучать и музыкѣ, знаніе которой непремѣнно требовалось отъ гувернантки, а для усовершенствованія въ наукахъ Императрица велѣла, чтобы эти воспитанницы, смотря по знаніямъ, слушали курсъ или въ мѣщанскомъ пепиньерѣ, или въ старшемъ классѣ мѣщанскаго училища. Условіе ихъ поступленія непремѣнно въ бѣлорусскія губерніи, было впослѣдствіи отмѣнено по предложенію Совѣта и съ согласія Сестренцевича, который написалъ Императрицѣ, что его желаніе, также какъ и ея, состоитъ лишь въ томъ, чтобы „знать воспитанницъ щастливыми и среди семействъ по благонравію извѣстныхъ" [1]).

Желающихъ оставаться въ пепиньерѣ, въ первое время его учрежденія, было не много, такъ что въ Обществѣ не было полнаго комплекта. Можетъ быть этому и надо отчасти приписать измѣненіе первоначальной цѣли, съ которою Императрица учреждала въ 1803 году пепиньеръ при Обществѣ. По крайней мѣрѣ, не одобривъ въ цѣломъ представленный ей Германомъ въ 1824 году новый планъ ученія пепиньерокъ, Императрица писала Адлербергъ: „Еслибы наши пепиньерки предназначались быть гувернантками, могли бы замѣнять учителей и давать уроки, то его (Германа) планъ былъ бы цѣлесообразенъ и полезенъ. Но немногія изъ нихъ остаются даже классными дамами, а для этихъ обязанностей не нуженъ такой курсъ; поэтому онъ былъ бы напраснымъ (vergeblich). Надо только усилить нѣмецкій языкъ, хотя я признаю французскій болѣе нужнымъ" [2]).

Къ концу жизни Императрицы комплектъ пепиньеръ не только уже наполнился, но въ Обществѣ на благородной половинѣ были даже своекоштныя, не смотря на то, что плата съ нихъ была очень высока; въ 1828 г. она составляла 994 рубля въ годъ [3]). Это надо приписать вѣроятно тому, что пепиньерки, благодаря Императрицѣ и Совѣтамъ, помѣщались на мѣста при очень выгодныхъ условіяхъ, а также, что въ Обществѣ имъ опредѣлено было жалованье по 200 руб. въ годъ за ихъ занятія, состоявшія въ помощи класснымъ дамамъ, обученіи маленькихъ воспитанницъ и присутствованіи въ классахъ во время уроковъ учителей; въ другихъ институтахъ пепиньерки не получали жалованья, кромѣ экстренныхъ случаевъ, напр. когда имъ поручались особые уроки въ классахъ—чистописанія или пѣнія.

Цѣль учрежденія пепиньеръ въ смыслѣ снабженія институ-

---

[1]) Учр. по В. О. благ. дѣв. 1819 г.

[2]) Учр. по В. О. 1824 г.

[3]) Прот. Сов. В. О. 1828 г.

товъ классными дамами была достигнута вполнѣ; онѣ стали занимать эти мѣста и въ Воспитательныхъ Домахъ, и въ провинціальныхъ институтахъ, гдѣ пепиньеръ не было, а потомъ дѣлались инспектриссами; онѣ же назначались и учительницами музыки и пѣнія въ институты. Нѣкоторыя поступали учительницами въ частные пансіоны и гувернантками въ частные дома, при чемъ имъ было поставлено условіемъ обязательство прослужить въ одномъ домѣ не менѣе двухъ лѣтъ [1]).

Но въ смыслѣ улучшенія институтскаго образованія курсъ, который проходили пепиньерки въ особо учрежденныхъ для нихъ классахъ, имѣлъ очень мало значенія, потому что и этотъ курсъ былъ главнымъ образомъ направленъ къ усовершенствованію пепиньерокъ во французскомъ языкѣ.

Не одобренный Императрицею во всемъ его объемѣ, проектъ Германа курса для пепиньерокъ состоялъ въ томъ, чтобы языки были главнымъ предметомъ ученія ихъ, „ибо — писалъ Германъ — это знаніе облегчаетъ средства пріобрѣтать всякія другія, и чрезъ него пепиньерки могутъ быть полезны заведенію, которому обязаны своимъ воспитаніемъ“ [2]); Германъ предлагалъ еще, кромѣ исторіи, географіи и математики, преподавать пепиньеркамъ и русскую, французскую и нѣмецкую литературы особымъ для каждой учителемъ, а на мѣщанской—только одну нѣмецкую; это въ виду того,—писалъ Германъ—что „нѣмецкій языкъ въ послѣднее время сдѣлалъ значительные успѣхи“. Подъ уроками литературы долженъ былъ проходиться, по проекту Германа, не новый курсъ, уже пройденный воспитанницами и который онѣ легко могутъ расширить чтеніемъ, а „практическое упраженіе въ языкахъ, усовершенствованіе въ произношеніи, въ свободномъ выраженіи мыслей, въ выработкѣ стиля посредствомъ чтенія, переводовъ и сочиненій, которыя учитель будетъ поправлять и разбирать въ классѣ“.

Относительно преподаванія исторіи и географіи, Германъ полагалъ нужнымъ, „на томъ основаніи, что эти науки суть собраніе фактовъ и данныхъ, сохраняемыхъ памятью и могущихъ легко изъ нея улетучиться“, доставлять пепиньеркамъ случаи и способы возобновлять ихъ въ памяти „столько же для собственнаго ихъ блага, сколько и въ видахъ доставленія имъ возможности быть полезными чрезъ эти науки воспитанницамъ голубого и бѣлаго

---

[1]) Учр. по В. О. 1825 г.

[2]) Protocole de la séance du Comité des études établi à la Communauté des demoiselles nobles et de l'Institut de S-te Catherine tenue le 28 d'Avril 1824 (Учр. по В. О.).

класса, отстававшимъ отъ другихъ и слабымъ". Съ этою цѣлію учителя литературъ должны были чаще брать темы для сочиненій пепиньерокъ изъ исторіи и географіи. При этомъ учитель долженъ былъ всегда предварительно требовать, чтобы ученица разсказала о событіи или „памятномъ дѣйствіи", или сдѣлала краткій сводъ исторіи какого-нибудь народа въ политическомъ отношеніи или въ отношеніи цивилизаціи, его правовъ, литературы или статистической картины государства, физическаго или политическаго состоянія земного шара, или отдѣльнаго государства.

Къ этой части проекта Германа, по всей вѣроятности, и относится приведенное выше замѣчаніе Императрицы въ письмѣ къ Адлербергъ о безполезности такого курса для пепиньерокъ.

Гораздо основательнѣе, чѣмъ въ пепиньерахъ, было поставлено учебное дѣло—и въ смыслѣ педагогической подготовки воспитанницъ —въ классахъ наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 1811 года было предписано усилить курсъ въ классахъ наставницъ преподаваніемъ имъ „главнѣйшихъ познаній изъ геометріи и физики, не съ тѣмъ, чтобы были въ сихъ частяхъ учеными, но чтобы могли растолковать будущимъ своимъ воспитанницамъ употребительнѣйшія названія, какъ-то: кругъ, трехугольникъ, квадратъ и пр., съ главнѣйшими ихъ свойствами, и объяснить обыкновенныя воздушныя и естественныя явленія для искорененія ложныхъ и суевѣрныхъ понятій". Преподаваніе должно было вестись путемъ диктованія учителей воспитанницамъ „существенныхъ правилъ, положеній, дѣяній, примѣровъ, а не подробнаго изложенія какой-либо науки" [1]).

По новому плану ученія, составленному Императрицею въ 1816 году, всѣхъ классовъ для питомицъ Воспитательныхъ Домовъ было пять, въ каждомъ изъ которыхъ питомицы оставались по два года, и по окончаніи десятилѣтняго общеобразовательнаго курса переходили въ высшій, практическій классъ. Здѣсь воспитанницы, называвшіяся „кандидатками" къ выпуску, занимались преподаваніемъ въ младшихъ классахъ подъ руководствомъ учителей; а для того, чтобы онѣ не забыли пройденнаго курса, имъ должны были, каждый день по два часа, преподавать „энциклопедическіе уроки наукъ"; на этихъ урокахъ особо выбранные учителя должны были указывать кандидаткамъ „руководства для чтенія полезныхъ книгъ". Для практическаго же навыка въ преподаваніи онѣ опредѣлялись на нѣкоторое время классными да-

---

[1]) Учр. по С.-Пет. и Моск. В. Домамъ 1804—1817 гг. VII.

мами въ другіе институты; а для пріученія ихъ къ обращенію съ людьми, главной надзирательницѣ не только разрѣшалось, но рекомендовалось брать по очереди нѣкоторыхъ изъ нихъ въ хорошіе частные дома, также на экзамены въ частные пансіоны по извѣщенію директора училищъ.

По окончаніи одиннадцатилѣтняго курса ученія, наставницы помѣщались черезъ Опекунскіе Совѣты на мѣста. Въ объявленіи, напечатанномъ въ 1817 году, о первомъ выпускѣ изъ класса наставницъ, значилось, что онѣ могутъ обучать: закону Божію и правоученію, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, физикѣ, искусствамъ, входящимъ въ составъ благороднаго воспитанія, и женскимъ рукодѣліямъ [1]).

До 1827 года, и наставницамъ нѣкоторые предметы, напр. физика, естественная исторія, географія, преподавались только на иностранномъ языкѣ; но за годъ до смерти Императрицы, въ 1827 году, по предложенію инспектора классовъ Фуса, было постановлено повторять эти уроки и на русскомъ [2]). По предложенію же Фуса, въ программу курса наставницъ было включено преподаваніе въ старшемъ классѣ „самоважнѣйшихъ политико-экономическихъ понятій о народонаселеніи и народномъ богатствѣ“.

Кромѣ классовъ наставницъ, Императрица, Высочайшимъ повелѣніемъ 1817 года, предписала, при переводѣ въ старшій классъ, образовать особый музыкальный классъ изъ десяти питомицъ Воспитательныхъ Домовъ, проявившихъ способности къ музыкѣ, предназначая ихъ къ занятію мѣстъ учительницъ музыки.

Наставницы назначались для поступленія на мѣста исключительно въ губерніяхъ; учительницамъ музыки разрѣшалось оставаться въ столицахъ, „такъ какъ частные люди не берутъ обыкновенно въ дома учительницъ единственно для музыки, а учителя и учительницы сего художества пропитаніе имѣютъ отъ уроковъ, въ разныхъ домахъ и заведеніяхъ даваемыхъ“ [3]).

Учрежденіемъ классовъ наставницъ Императрица Марія положила прочное основаніе педагогическому образованію женщинъ. Эти наставницы или, какъ ихъ чаще называли, „кандидатки“ были при ней самыми образованными дѣвушками во всей Россіи; онѣ распространяли среди молодого поколѣнія, въ теченіе почти полустолѣтія, полученное ими образованіе совершенно въ томъ же объемѣ и духѣ, какое сами получили въ учебномъ заведеніи, гдѣ воспитывались. По всей вѣроятности, еще при Императрицѣ Маріи

[1]) Объявленіе къ „С.-П. Вѣдомостямъ“, № 36. 1817 г.

[2]) Арх. IV отд. Дѣла Опек. Сов., мартъ, 1827 г.

[3]) Положеніе 1817 г.

изъ нихъ выработался, часто потомъ изображавшійся въ нашей литературѣ, типъ „гувернантки съ музыкой", долго сохранявшійся во всей своей неприкосновенности.

Такимъ образомъ Императрица Марія, не стремившаяся вообще руководить общественнымъ мнѣніемъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія, а скорѣе желавшая удовлетворять современнымъ ей требованіямъ русскаго общества, тѣмъ не менѣе вліяла на него. Установленнымъ ею кругомъ занятій и дѣятельности, отведеннымъ для женскаго образованія, приданнымъ этому образованію характеромъ, она на долго опредѣлила норму, за предѣлы которой никто и не мечталъ перейти.

Императрица Марія является истинной благодѣтельницею тѣхъ воспитанницъ институтовъ, которыя, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, должны были собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Не говоря о денежномъ вознагражденіи при выпускахъ, дарованное институткамъ и наставницамъ право во всѣхъ случаяхъ своей жизни обращаться за помощью къ Совѣтамъ и прямо къ Императрицѣ, часто ограждало ихъ отъ посягательствъ лишить ихъ возможности зарабатывать свой хлѣбъ уроками. Въ мрачную эпоху нашего просвѣщенія, въ 1820 году, казанскій университетъ, „ревнуя о народномъ просвѣщеніи", хотѣлъ изгнать изъ Тамбова двухъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанницею московскаго Екатерининскаго училища. Эта учительница отстояла себя, написавъ тамбовской полиціи: „чтобы не вздумали воспретить мнѣ воспитаніе дѣтей, единственный способъ моего пропитанія, съ нынѣшнею почтою препровождаю просьбу къ вдовствующей Императрицѣ по праву всякой воспитанницы института и позволенію Императрицы относиться къ ней во всякой личной обидѣ" [1]).

Особенно Императрица старалась оградить наставницъ отъ всякихъ случайностей. Обязанныя прослужить, по окончаніи курса, шесть лѣтъ гувернантками въ частныхъ домахъ, онѣ, въ случаѣ потери или неимѣнія мѣста, могли на время помѣщаться на полномъ содержаніи въ Воспитательномъ Домѣ; то же право было дано и учительницамъ музыки. Даже при пріѣздѣ наставницы „съ хозяевами" въ столицу, Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома былъ обязанъ „оказывать ей всю нужную въ семъ случаѣ помощь" [2]). Точно также, въ случаяхъ неуплаты взявшими къ себѣ въ домъ наставницу слѣдуемыхъ ей денегъ, Опекунскіе

[1]) Древняя и новая Россія. 1878 г., № 12. Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. *Н. Дубасова.*

[2]) Дѣла Опек. Сов. 1816 г.

Совѣты должны были требовать должную сумму через министра полиціи. Иногда такія дѣла доходили до самой Императрицы, которая всегда принимала участіе въ судьбѣ наставницы. Плоды заботъ Императрицы Маріи въ этомъ отношеніи и донынѣ отчасти сохранились для воспитанницъ состоявшихъ подъ ея покровительствомъ учебныхъ заведеній.

Не отрицая того, что и въ то время были родители, отдававшіе своихъ дочерей въ институты съ цѣлью дать имъ образованіе, для чего дома не имѣли средствъ и способовъ, большинство ихъ все-таки имѣло въ виду главнымъ образомъ возможную перспективу обезпечить будущность своихъ дочерей. Впрочемъ такъ же смотрѣла на дѣло и сама Императрица. Преобразовывая Общество, она истолковала, въ 1797 г., Совѣту указъ Екатерины, 5-го мая 1764 года, такъ, что „главный предметъ его учрежденія заключается въ томъ, чтобы доставить настоящему бѣдному россійскому дворянству способы къ воспитанію дѣтей и облегченію черезъ то ихъ состоянія“ [1]). Поэтому родители имѣли даже нѣкоторое право смотрѣть на институты какъ на благотворительныя заведенія. Нѣкоторые изъ нихъ не сразу брали своихъ дочерей домой, все надѣясь, что Императрица устроитъ ихъ судьбу, о чемъ писали не только дочерямъ, но и начальницамъ, прося ихъ избавить дочь „отъ горестнаго положенія снискивать ненадежную постороннюю помощь“. Другіе прямо просили Императрицу взять ихъ дочь ко Двору. Въ одномъ письмѣ мать говорила, что совсѣмъ „уступаетъ начальницѣ свои права на дочь“, ибо не можетъ содержать ее „по приличію, согласно полученному ею въ Обществѣ воспитанію“. Даже среди воспитанницъ находились такія, которыя, соглашаясь остаться въ пепиньеркахъ, и стало быть продолжать еще на годъ учиться, дѣлали это не ради собственнаго блага, а ожидая вознагражденія за такое согласіе. Особенно въ первое время учрежденія пепиньера въ Обществѣ, было нѣсколько случаевъ, что непробывшія и полугода въ пепиньеркахъ, уходя изъ него по собственному желанію, ходатайствовали у Императрицы о назначеніи имъ получавшагося въ пепиньерѣ жалованья, 200 р. въ годъ, въ пенсію. Въ такихъ случаяхъ Императрица обыкновенно отказывала, но просительницамъ всегда при этомъ подтверждала, что въ случаѣ нужды онѣ могутъ поступить въ одинъ изъ институтовъ классными дамами.

[1]) Въ указѣ Екатерины 1764 года эта цѣль была объяснена такъ: „Для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества. Равное имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли Мы учредить такое жъ воспитаніе“ (П. Собр. XVI. 12154).

При Императрицѣ Маріи почти во всѣхъ, состоявшихъ подъ ея покровительствомъ, институтахъ, за исключеніемъ дѣвичьяго училища и класса наставницъ, выдавались воспитанницамъ при выпускахъ знаки отличія или шифры. При Екатеринѣ было назначено всего шесть шифровъ въ Обществѣ; при Императрицѣ Маріи число ихъ было увеличено до десяти. Въ Екатерининскихъ училищахъ шифровъ было шесть, въ харьковскомъ—два. Съ полученіемъ трехъ первыхъ шифровъ въ Обществѣ была соединена пенсія въ 200, 150 и 100 рублей въ годъ, которую, до 1825 года, можно было получать лишь до выхода замужъ, а съ этого года разрѣшалось даже передавать другому лицу по смерть воспитанницы, которой она первоначально была назначена [1]). Кромѣ того во всѣхъ институтахъ выдавались медали, и — чего не было при Екатеринѣ—медали выдавались и воспитанницамъ мѣщанскаго училища, по 15-ти серебряныхъ при каждомъ выпускѣ; также похвальные листы, книги, а въ 1827 году нѣкоторымъ воспитанницамъ Общества было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Денежныя награды выдавались во всѣхъ безъ исключенія институтахъ, въ томъ числѣ и „наставницамъ“, при чемъ Опекунскимъ Совѣтамъ было вмѣнено въ обязанность вносить на имя каждой изъ нихъ по 300 рублей въ сохранную казну на приращеніе. Эти деньги выдавались наставницѣ лишь по прошествіи шести лѣтъ отъ времени выпуска, а при самомъ выпускѣ она получала особо 300 рублей, изъ которыхъ 50 р. на руки, а 250 р. должны были употребляться на одежду и бѣлье, какъ сказано въ повелѣніи Императрицы 2-го октября 1816 года—„по даннымъ отъ меня образцамъ“, также и на книги.

Форма свидѣтельствъ, выдаваемыхъ воспитанницамъ по окончаніи ими курса, осталась, за небольшими измѣненіями, прежняя. Но Императрица Марія установила три рода аттестатовъ: лучшимъ воспитанницамъ они выдавались на пергаментѣ, съ приложеніемъ большой печати заведенія; слѣдующимъ за ними—на бумагѣ, съ приложеніемъ печати; третьимъ—безъ печати.

---

[1]) Прот. Сов. В. О. 7-го апрѣля 1825 г.

VII.

Образованіе женщинъ въ первой трети нашего столѣтія. — Частные женскіе пансіоны.—Женское училище въ Харьковѣ на общественныя средства.—Женскія училища.—Пансіонъ графини Чернышевой.—Женское образованіе въ западномъ краѣ. — Дѣятельность Эдукаціонной коммиссіи по женскому образованію.—Генеральныя визитаторки.—Проектъ женской учительской семинаріи въ Кременцѣ. — Система кн. Чарторыйскаго. — Институтъ для приготовленія гувернантокъ.—Народныя училища въ западномъ краѣ.—Училища по уставу 1804 года.—Число учащихся дѣвушекъ въ народныхъ школахъ.—Общее число ихъ въ имперіи въ 1824 году.—Домашнее воспитаніе и образованіе женщинъ.—Вопросъ объ образованіи въ литературѣ.—Сословность въ дѣлѣ образованія.—Отношеніе журналовъ первыхъ годовъ нашего столѣтія къ женщинамъ и ихъ образованію.—Участіе женщинъ въ литературѣ.—Образованіе женщинъ высшихъ классовъ общества.—Ученая женщина.—Отношеніе Карамзина къ женщинамъ и ожидаемая имъ польза отъ ихъ участія въ литературѣ. — Пріемы журналовъ по отношенію къ писательницамъ.—„Московскій Телеграфъ“ и его отношеніе къ нимъ. — Вопросъ о женскомъ образованіи въ рѣчахъ профессоровъ.—Публичныя лекціи въ московскомъ университетѣ.—Женщины на лекціяхъ профессоровъ.—Участіе женщинъ въ обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи.—Образованіе женщинъ среднихъ классовъ общества.—„Дамскій журналъ“.—„Московскій Телеграфъ“ о журналѣ для женщинъ. — Число писательницъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ.—Нравы тогдашняго общества.—Сужденія иностранцевъ объ образованіи русскихъ женщинъ. — Сужденія о немъ русскаго общества.

Сказавъ, что воспитанницы институтовъ гораздо образованнѣе, нежели барышни, воспитанныя въ гостиныхъ, А. Никитенко этимъ сказалъ не много. Въ началѣ первой трети нашего столѣтія большинство дворянокъ, особенно въ провинціи, не получало никакого образованія. Объ этомъ есть непосредственныя заявленія отъ нѣкоторыхъ женщинъ, имѣвшихъ потомъ случай говорить о себѣ въ литературѣ. Онѣ чистосердечно и наивно признавались, что не получили никакого образованія. Въ приведенномъ уже нами изъ „Сѣвернаго Вѣстника“ 1805 года письмѣ

женщины, предлагавшей обложить всѣхъ получающихъ жалованье пятипроцентнымъ сборомъ въ пользу вдовъ и сиротъ, авторъ письма говоритъ, что рѣшается на этотъ шагъ только потому, что „сильно чувствуетъ", а то никогда не осмѣлилась бы выдать въ свѣтъ своихъ мыслей, сознавая свои „слабыя познанія грамматическихъ и Авторскихъ правилъ" [1]).

Харьковская писательница, Кричевская, сочиненія которой были изданы Квиткою въ пользу харьковскаго института [2]), говоритъ о себѣ: „не науки и познанія настраивали мою лиру; даже и сіе, самое обыкновенное, выраженіе: „я училась на мѣдныя деньги" нейдетъ ко мнѣ, потому что я ни за какія деньги не училась. Сокращенный Катехизисъ, преподанный мнѣ нѣжною, доброю матерью, составлялъ всѣ мои науки. Слава Богу,—прибавляетъ она—я чувствую, что сего довольно для истинно-христіанской жизни; но какъ мало для того, кто захотѣлъ бы присвоить себѣ громкое названіе писателя"! [3])

По мѣрѣ того, какъ въ столицахъ, вслѣдствіе все усиливавшейся эмиграціи французовъ обоего пола въ Россію, явилась возможность выбора между ними; отвергнутые тамъ учителя и учительницы размѣщались въ провинціи, благодаря чему даже небогатые люди глухихъ уголковъ Россіи имѣли иногда случай приставить къ дочери француженку, которая должна была выучить ее говорить по-французски и обучить манерамъ. Это считалось достаточнымъ для того, чтобы вывозить дочь въ гостиныя, гдѣ она и получала окончательное образованіе.

Въ концѣ первой трети нашего столѣтія, кромѣ институтовъ, харьковскаго и полтавскаго, были въ провинціи и частные пансіоны для дворянокъ, а также правительственныя низшія учебныя заведенія, куда, впрочемъ, дворяне не охотно помѣщали своихъ дочерей, такъ какъ эти заведенія предназначались для дѣтей всѣхъ сословій. Всѣ эти заведенія, также какъ и частные пансіоны, по уставу 1804 года, были подчинены надзору директоровъ училищъ.

Большая часть и пансіоновъ находилась въ столицахъ. Въ 1803 году въ Петербургѣ ихъ было 28, — въ томъ числѣ были пансіоны для обоего пола; съ запрещеніемъ, въ 1804 году, такихъ пансіоновъ, число женскихъ постоянно колебалось: въ 1808 году ихъ было 38; учившихся въ нихъ, а также въ частныхъ школахъ—625. Изъ общаго числа 45-ти пансіоновъ въ 1820 году

[1]) „Сѣв. В." 1805 г. Ч. V.

[2]) Они продавались по 5-ти рублей за экземпляръ и, по словамъ Квитки, расходились хорошо („Укр. В." 1817 г., декабрь).

[3]) „Укр. В." 1817 г., апрѣль.

женскихъ было 25; въ 1824—30 изъ 49-ти; въ 1828—45 изъ 69-ти [1]). Въ Москвѣ въ 31-мъ пансіонѣ и частныхъ училищахъ было въ 1808 году всего 238 учащихся дѣвушекъ [2]), а въ 1820 году—362.

Провинціальные пансіоны находились преимущественно въ губернскихъ городахъ; но они не были прочны и немногіе изъ нихъ существовали долго. Большинство содержателей и содержательницъ пансіоновъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, были иностранцы, преимущественно французы. Изъ 23-хъ женскихъ и для обоего пола пансіоновъ, содержатели которыхъ въ встрѣтившихся намъ извѣстіяхъ названы по фамиліямъ, было только четыре русскія: маіоръ Константиновичъ (въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ 1803 году), поручица Гиммелева (въ Петербургѣ), Аничкова и Логиновская (въ Москвѣ) [3]). Въ числѣ содержателей пансіоновъ былъ отставной капитанъ Компаньонъ (въ Кіевѣ) и—бывшій частнымъ приставомъ, а потомъ содержателемъ манежа и берейторомъ—Пото (въ Казани).

Конечно, были и хорошіе пансіоны. Какъ о такомъ „очень хорошемъ" пансіонѣ въ Елисаветградѣ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Е. фонъ-Брадке. Пансіонъ этотъ содержался весьма почтенной, по его словамъ, француженкой Бурковской [4]). Но такихъ, да и вообще женскихъ пансіоновъ, въ провинціи было очень мало. Въ 1808 году во всемъ харьковскомъ округѣ было 8 пансіоновъ, въ казанскомъ—3. Къ концу первой трети нашего столѣтія частные пансіоны были почти во всѣхъ губерніяхъ, но женскіе—лишь въ немногихъ изъ нихъ.

Понятно, что при трудности, особенно въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, помѣщать дочерей въ институты, которые существовали тогда только въ столицахъ, при недостаточномъ числѣ частныхъ пансіоновъ, при томъ слишкомъ дорогихъ для небогатыхъ людей, большинству родителей оставалось только или пригласить къ себѣ въ домъ гувернантку,—между которыми тогда было мало хорошихъ,—или обходиться домашними средствами при обученіи дѣтей, а то и совсѣмъ не обучать ихъ.

---

[1]) *Вороновъ*. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній с.-пет. уч. округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. С.-Пет. 1849, стр. 153.

[2]) Вѣдомость, составленная по послѣднимъ донесеніямъ, вступившимъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о числѣ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи м—ва состоящихъ, 1808 г. (Арх. М. Н. Пр.).

[3]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія—Журналы деп. нар. пр. 1803—1822 г.

[4]) Автобіографическія записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке („Р. Арх." 1875 г., кн. 1-я).

Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ [1]) помѣщено письмо одной помѣщицы, любопытное и потому, что въ немъ она дѣлится съ издателемъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее столицею въ 1804 году, а также высказываетъ свой взглядъ на образованіе женщинъ. По ея словамъ, до пріѣзда въ Петербургъ, она прилагала всевозможныя старанія, чтобы пріискать хорошую воспитательницу и учителя для своихъ дочерей, но напрасно, ибо губернія, гдѣ находилось ея имѣніе, „весьма скудна въ таковыхъ людяхъ“. Видя, что время идетъ, а дѣти остаются безъ образованія, она рѣшилась ѣхать въ Москву, въ надеждѣ помѣстить ихъ въ институтъ или даже въ пансіонъ. Проживъ въ Москвѣ два года и не добившись ничего, она пріѣхала въ Петербургъ. „Странствовать такимъ образомъ—говоритъ она—съ дѣтьми, питаться неизвѣстностью, терпѣть безконечныя неудовольствія и безпокойства, сопряженныя съ величайшими издержками, все это если не вовсе истребляетъ желаніе пещись о воспитаніи дѣтей, то конечно нисколько уже не возбуждаетъ и не воспламеняетъ сего желанія. Должности, безъ сомнѣнія, имѣютъ великую силу надъ благородными душами, незнающими никакихъ мѣръ въ пожертвованіяхъ; но за то надобно, чтобы возможность всегда предшествовала исполненію оныхъ, не приводила человѣка въ уныніе и не отнимала у него духа“.

Петербургъ поразилъ автора письма тѣмъ, что „въ большей части благородныхъ обществъ“ говорятъ не по-русски, а по-французски, а также что французскій театръ всегда полонъ, а русскій пустъ, за исключеніемъ представленій „Русалки“. Послѣднее глубоко возмущаетъ автора [2]). „Наблюдательный путешественникъ,—говоритъ она—увидя сію піесу и такое множество зрителей, можетъ заключить справедливо о вкусѣ и характерѣ здѣшней публики. Я не понимаю, какъ возможно позволить играть такую вздорную, нелѣпую сказку; въ ней столько оскорбительнаго для зрѣнія и слуха, для цѣломудрія и невинности, что если чаще представлять будутъ подобныя ей піесы, то напрасно будутъ уже стараться внушать молодымъ невиннымъ дѣвицамъ правила скромности и стыдливости, сихъ любезнѣйшихъ и украшеніе женскаго пола составляющихъ добродѣтелей“. Къ этому она прибавляетъ: „... Согласна, что „Русалка“ приноситъ доходъ театру, но ни-

[1]) 1804 г. Ч. IV.

[2]) Это была дѣйствительно нелѣпая опера, въ которой, по словамъ Жихарева, „главная роль составлена большею частью изъ вальсовъ, національныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ и танцевъ, гдѣ „полунагая вертлявая нимфа“ изображала русалку“ (Записки Ст. Ив. Жихарева, 1805 г., январь).

когда не соглашусь, чтобы государственный доходъ могъ собираться на счетъ нравственности и чтобы Правительство желало развращенія"...

За то автора порадовали „повсечасно возростающіе успѣхи нашей словесности". — „Сколько журналовъ въ одно время!— восклицаетъ она — какая дѣятельность вдругъ умы возбудила!.. Всѣмъ состояніямъ открывается свободный путь въ храмъ наукъ; и самый земледѣлецъ, столько вѣковъ несправедливо презираемый, наконецъ получаетъ ключъ въ сіи святилища!.. Какое сердце матери можетъ быть чуждо признательности, видя какъ Правительство прилагаетъ старанія по части воспитанія!.. Какъ мать, могу ли не благодарить за сіе Правительство, какъ россіянка, могу ли не восхищаться, что Геніи просвѣщенія и блаженства вскорѣ поселятся между нами и сдѣлаются гражданами нашего Отечества... Но... сколь ни приятно смотрѣть на новыя постановленія, касающіяся до мужского воспитанія... сколь ни ощутительны пользы таковыхъ заведеній", они, по мнѣнію автора письма, всегда будутъ несовершенны, потому что правительство, обращая все своe вниманіе на образованіе мужчинъ, не довольно удѣляетъ его на образованіе женщинъ. „Если образованные граждане — говоритъ авторъ — нужны государству, то не менѣе того нужны для него и образованныя женщины... Образованіе тѣхъ и другихъ должно быть равноцѣнно для Правительства"...

Далѣе авторъ высказываетъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ „благонамѣренныхъ соотечественниковъ нашихъ, чувствуя всю важность, всю необходимость женскаго воспитанія, и тронувшись несчастнымъ положеніемъ бѣдныхъ матерей, обремененныхъ семействомъ и душевно соболѣзнующихъ, что не могутъ дать дочерямъ, по бѣдности своей надлежащаго воспитанія, представилъ Правительству по сему предмету планъ съ изображеніемъ въ немъ всѣхъ существенныхъ и величайшихъ выгодъ, могущихъ произойти Государству, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ учреждены будутъ для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ общественныя училища на такомъ основаніи, какъ оныя учреждены въ обѣихъ столицахъ" [1]). Тотъ, кто занялся бы такимъ „трудомъ, получилъ бы благодарность женщинъ и розовый вѣнокъ въ награду".

„Домашнее воспитаніе женщинъ —говорится въ томъ же письмѣ

¹) Выноска редакціи „Сѣв Вѣстника": „Есть Геній, который печется и о сей любезной половинѣ человѣческаго рода. Сочинительницѣ сего письма конечно извѣстно, что чадолюбивая Марія желаетъ открыть таковыя училища въ нѣсколькихъ губерніяхъ".

—всюду недостаточно и пренебрежено... оно находится между двухъ крайностей: между *совершеннымъ невѣжествомъ и пагубнѣйшею суетностію*".

Свое письмо авторъ кончаетъ обращеніемъ къ издателямъ журнала: „Въ прочемъ, вамъ, милостивые государи мои, отдаю я на судъ, позволительно ли женщинѣ, находящейся въ моемъ положеніи, разсуждать о необходимости женскаго воспитанія, о учрежденіи обществъ для дѣвичьихъ училищъ, въ которыя бы безъ дальнѣйшихъ затрудненій можно было бы опредѣлять ихъ и наконецъ о томъ, что порядокъ въ цѣломъ не иначе существовать можетъ, какъ когда части, его составляющія, будутъ оному соотвѣтствовать" [1]).

Вигель разсказываетъ о московскомъ пансіонѣ француженки Форсевиль, гдѣ онъ учился еще въ царствованіе Императора Павла. Пансіонъ былъ для дѣтей обоего пола; дѣвочки жили отдѣльно, но обѣдали и учились вмѣстѣ съ мальчиками; между ними были 14—15-ти-лѣтнія. Ученіе въ пансіонѣ, по словамъ Вигеля, было хуже, чѣмъ въ народныхъ школахъ; но въ первомъ преподавали иностранные языки. Учителя народныхъ училищъ обыкновенно спѣшили скорѣе кончить урокъ въ пансіонѣ, разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ... „Мы были настоящее училище попугаевъ"—прибавляетъ онъ [2]).

Программы всѣхъ женскихъ пансіоновъ были болѣе или менѣе одинаковы; вездѣ, особенно послѣ 1811 года, когда было предписано содержателямъ пансіоновъ знать русскій языкъ и преподавать на немъ всѣ науки, преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій (не во всѣхъ пансіонахъ), русскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, исторія, географія, музыка, танцы, рукодѣлія, чистописаніе (не во всѣхъ), рисованіе. Въ немногихъ, преимущественно столичныхъ, пансіонахъ, къ этой обычной программѣ прибавлялись: миѳологія, естественная исторія, эстетика, итальянскій и англійскій языки, пѣніе. Плата колебалась между 250 и 800 рублями въ годъ для полныхъ пансіонерокъ и 60 р. и 300 р. для приходящихъ.

Въ двадцатыхъ годахъ была напечатана афиша съ программою вновь открываемаго г-жею Руссетъ женскаго пансіона въ Нѣжинѣ. Послѣ перечня предметовъ преподаванія, въ числѣ которыхъ была и „мифтологія", а также перечня вещей, которыя

[1]) На это издатели „Сѣвернаго Вѣстника" отвѣтили въ выноскѣ: „Чувствительно благодаримъ особу, подарившую нашихъ читателей этой піэсою".

[2]) Воспоминанія. Ч. 1-я, стр. 113.

должна была съ собою принести каждая пансіонерка, было сказано: „выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ неженатыхъ господъ, а во время классическаго преподаванія никто такъ же не принимается“ [1]).

На публичныхъ экзаменахъ и въ частныхъ пансіонахъ, женскихъ и мужскихъ, преобладалъ декоративный элементъ; воспитанницы пѣли, играли въ четыре руки, танцовали, читали стихи, чужіе и собственнаго сочиненія.

Къ концу двадцатыхъ годовъ самыми блестящими изъ женскихъ пансіоновъ были московскіе: Дежарни, Вошэ и Шумахеръ. Въ первомъ изъ нихъ преподавались почти тѣ же предметы, которые стояли въ программѣ институтовъ. По крайней мѣрѣ на публичномъ экзаменѣ 1826 года воспитанницы отвѣчали изъ закона Божія, русской грамматики и словесности, исторіи, географіи, ариѳметики, логики, риторики, изъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Присутствовавшій на экзаменѣ, попечитель московскаго округа, предлагалъ, по словамъ „Дамскаго Журнала“, въ которомъ время отъ времени помѣщались извѣстія объ этихъ трехъ наиболѣе аристократическихъ пансіонахъ, вопросы „о нѣкоторыхъ знаменитыхъ Женахъ нашей Исторіи и, какъ нѣжный отецъ посреди интереснаго семейства, веселился удовлетворительными отвѣтами“ [2]). Кромѣ того воспитанницы декламировали стихи изъ русской, французской, нѣмецкой литературы. „Это — говоритъ „Дамскій Журналъ“ —было самымъ цвѣтущимъ полемъ для разцвѣтающихъ Грацій, на немъ отличались онѣ преимущественно: не служитъ ли такой успѣхъ яснымъ доказательствомъ вообще ихъ врожденной способности къ сему роду искусства, столь восхитительнаго въ существахъ, одаренныхъ особенною живостью чувствъ и воображенія?“ Тутъ же были представлены рисунки воспитанницъ и образцы ихъ рукодѣлій. Экзаменъ окончился ужиномъ.

На публичномъ экзаменѣ въ пансіонѣ Шумахеръ воспитанницы декламировали преимущественно басни на трехъ языкахъ и играли въ четыре руки. Одна изъ нихъ, княжна Шаликова, прочла сочиненные ею стихи къ попечителю, наставникамъ и наставницамъ. Въ пансіонѣ Вошэ воспитанницы играли передъ извѣстнымъ піанистомъ Фильдомъ и пѣли итальянскія аріи, также танцовали характерные танцы „всѣхъ или почти всѣхъ націй“. Объ экзаменѣ изъ научныхъ предметовъ въ послѣднихъ двухъ пансіонахъ въ отчетѣ „Дамскаго Журнала“ ничего не сказано;

---

[1]) „Кіевская Старина“, январь, 1884 г.

[2]) „Дамскій Журналъ“, издаваемый княземъ Шаликовымъ. Январь, 1826 г.

за то упомянуто, „что свѣжесть лица и красота туалета воспитанницъ доказываютъ попеченіе о здоровьѣ и о вкусѣ будущихъ матерей-наставницъ“ [1]).

Болѣе серьезное образованіе давалось дѣвушкамъ въ петербургскомъ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, подчиненномъ, наравнѣ со всѣми частными пансіонами, уставомъ 1804 года, надзору директора училищъ округа. Въ 1811 году въ курсъ женскаго отдѣленія этого училища входили: законъ Божій, языки русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, физика, исторія, миѳологія, географія, чистописаніе, рукодѣлія; кромѣ того были особые классы, гдѣ ученики и ученицы упражнялись въ разговорѣ на нѣмецкомъ языкѣ, учились танцамъ и рисованію [2]).

Въ 1820 году въ Харьковѣ была сдѣлана попытка организовать общественными средствами училище для дѣвицъ. Иниціатива дѣла принадлежала обществу харьковскихъ учителей и „другихъ чиновниковъ“ [3]). Это общество открыло „частное училище дѣвицъ“ въ Харьковѣ, съ цѣлію доставить „легчайшіе способы и посредственнаго достатка гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ прилично образовать дочерей своихъ“. Въ училище допускались дѣти и духовныхъ, также купцовъ; стало быть оно предназначалось для дѣтей всѣхъ сословій. Бѣдныхъ предполагалось обучать даромъ, а съ другихъ была назначена плата по 200 рублей въ годъ. Учителя и учительницы преподавали безплатно.

Съ самаго начала были открыты два класса съ курсомъ уѣздныхъ училищъ, съ прибавленіемъ къ нему языковъ французскаго и нѣмецкаго и словесности этихъ языковъ. Музыкѣ обучали за особую плату. При поступленіи отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, ученицы должны были умѣть читать и писать по-русски. Училище состояло въ вѣдѣніи дирекціи училищъ слободско-украинской губерніи. Хозяйственная часть была ввѣрена особому комитету, состоявшему изъ учителей, попечителя, членовъ изъ дворянъ, духовенства и купечества; этому же комитету ввѣрялся надзоръ за порядкомъ ученія и нравственностію. Ему было предписано строго наблю-

[1]) „Дамск. Журн.“, январь 1827 г.

[2]) Період. соч., № XX.

[3]) Вообще учителя въ началѣ нашего столѣтія проявляли безкорыстное желаніе содѣйствовать успѣхамъ образованія; одинъ изъ учителей владимірской гимназіи даже представилъ, въ 1809 г., проектъ обложенія „вольныхъ“ учителей и учительницъ налогомъ въ 1/20 получаемыхъ ими доходовъ для содержанія при гимназіяхъ бѣдныхъ воспитанниковъ. Главное правленіе училищъ отклонило это предложеніе на томъ основаніи, что домашніе учителя, учительницы и дядьки воздаютъ Государству личными способностями и трудами, но не составляютъ особаго класса гражданъ, и не могутъ быть облагаемы новыми повинностями (Арх. М. Н. Пр. Дѣла Гл. Пр. учил.).

дать, чтобы избытки отъ поступавшихъ съ учениць и отъ пожертвованій суммъ были обращаемы на умноженіе учебныхъ пособій и улучшенія по училищу съ тѣмъ, чтобы оно „мало по малу дошло до такого состоянія, чтобы наставники и наставницы со временемъ получали постоянное жалованье и училище стало бы прочнымъ“ [1]). При открытіи, въ училище поступило всего 10 дѣвочекъ и было собрано 2.643 рубля, пожертвованныхъ разными лицами; но это училище удержалось и на будущее время.

Мѣстами сами обыватели въ началѣ нашего вѣка, въ виду вѣроятно трудности и дороговизны помѣщенія дѣтей въ институты и частные пансіоны, открывали училища для своихъ дочерей, необходимость образованія которыхъ уже, очевидно, входила въ сознаніе нѣкоторой части общества. Въ Архангельскѣ, городѣ по преимуществу торговомъ, гдѣ тогда еще не было дворянства, но преобладало иностранное купечество,—благодаря чему, а также сношеніямъ съ Англіею и другими европейскими торговыми государствами, и наше купечество усвоило себѣ нѣкоторые европейскіе взгляды,—было еще въ 1800 году нѣсколько нѣмецкихъ пансіоновъ [2]), а впослѣдствіи и училище для приходящихъ дѣвицъ, существовавшее до 1811 года при мѣстной гимназіи, а потомъ и самостоятельно [3]).

Въ другихъ мѣстахъ училища открывались благодаря содѣйствію начальствующихъ лицъ. Такъ въ Одессѣ было учреждено въ 1817 году, по мысли графа Ланжерона, городское дѣвичье училище на средства города, обязавшагося ежегодно отпускать на его содержаніе по 10.000 рублей. Оно назначалось для приходящихъ дѣтей всѣхъ „свободныхъ“ сословій отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ; ученіе было даровое, но учебныя пособія должны были доставлять родители. Въ училищѣ преподавались: законъ Божій и священная исторія, чтеніе на русскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, русская грамматика, начальныя основанія всеобщей географіи и географіи русской, обозрѣніе всеобщей исторіи и краткая исторія россійскаго государства, чистописаніе, рисованіе, рукодѣліе. Курсъ долженъ былъ продолжаться четыре года [4]). При торжественномъ открытіи этого училища, 12-го марта 1817 года, директоръ одесской коммерческой гимназіи Флуки произнесъ рѣчь о необходимости воспитанія дѣвицъ, доказывая это тѣмъ, что „дитя проводитъ время больше съ матерью, нежели съ отцомъ“, а также

[1]) Журналъ Деп. Нар. Просв. 1821 г. (Арх. Мин. Нар. Просв.).

[2]) А. Я. *Бутовская*. Разсказы бабушки („Р. Стар.“, декабрь, 1884 г.).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1869 г.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1836 г.

„для образованія ума и сердца... чтобы сдѣлать ихъ (дѣвицъ) добродѣтельными и полезными членами общества“ [1]).

Въ Витебскѣ было открыто въ 1811 году училище для бѣдныхъ дѣвицъ при содѣйствіи герцога Виртембергскаго, бывшаго тогда бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ. Мѣстная городская дума обязалась отпускать училищу по 280 р. ежегодно; плата съ учащихся была опредѣлена въ 20 р. въ годъ. Этому училищу гражданскій губернаторъ подарилъ фортепіано въ 300 р., а герцогиня Виртембергская, покровительница училища, внесла 100 р. за двухъ своихъ пенсіонерокъ [2]).

Въ Дерптѣ, гдѣ вообще было всего больше женскихъ пансіоновъ и частныхъ училищъ, въ 1805 году, въ день рожденія Императрицы Маріи, торжественно было открыто новое училище для дѣвицъ, на средства города. Программа училища состояла изъ закона Божія и нравоученія, исторіи, географіи, естественной исторіи, нѣмецкаго языка, ариѳметики, рукодѣлій [3]).

Движимыя, можетъ быть, желаніемъ содѣйствовать Императрицѣ Маріи въ ея стремленіи распространить женское институтское образованіе и въ провинціи, а можетъ быть и изъ собственнаго рвенія содѣйствовать успѣхамъ женскаго образованія, были и частныя лица, учреждавшія, въ началѣ нашего столѣтія, маленькіе, иногда даровые пансіоны для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. Такой пансіонъ устроилъ въ своемъ домѣ, въ Полтавѣ, Кочубей въ 1808 году. Подъ надзоромъ его жены 12-ть благородныхъ дѣвицъ, сиротъ отъ семи до одиннадцати лѣтъ, даромъ обучались закону Божію, чтенію и письму, нѣмецкому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію [4]).

Нѣсколько позже, въ 1821 году, князь Ѳ. С. Голицынъ учредилъ въ своемъ имѣніи, саратовской губерніи, въ селѣ Зубриловкѣ, пансіонъ для благородныхъ дѣтей обоего пола, съ платою по 600 р. въ годъ съ каждаго учащагося. Во время осмотра этого пансіона директоромъ народныхъ училищъ, въ немъ жили и воспитывались 66 мальчиковъ и 46 дѣвочекъ, въ отдѣльныхъ для каждаго пола флигеляхъ. Женскимъ отдѣленіемъ завѣдывала иностранка, православнаго исповѣданія, г-жа Мансардъ. Дѣтямъ преподавали: законъ Божій, исторію, географію, чистую матема-

[1]) „Укр. Вѣстн.“ 1816 г., апрѣль.

[2]) Дѣла Гл. Пр. уч. 1811.

[3]) Період. соч. № IV.

[4]) Період. соч., № IV. Впослѣдствіи этотъ пансіонъ перешелъ къ француженкѣ Реньи, а въ 1819 году преобразованъ въ полтавскій институтъ.

тику, русскій, французскій и нѣмецкій языки, пѣніе, танцы. Пансіонъ закрылся со смертью князя, въ 1825 году [1]).

Графиня Чернышева (вдова фельдмаршала, урожденная Редель), еще при Екатеринѣ, устроила въ своемъ имѣніи, могилевской губерніи, пансіонъ для 24-хъ дѣвочекъ и нѣсколькихъ мальчиковъ, которыхъ учитель, учительница и музыкантъ обучали русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, хронологіи, миѳологіи, географіи, ариѳметикѣ, рисованію, музыкѣ (играть на гитарѣ и на фортепіано), танцамъ, рукодѣліямъ.

Въ 1805 году, по просьбѣ графини Чернышевой, государь далъ свое согласіе на учрежденіе — „по множеству бѣдной шляхты въ Бѣлоруссіи“ — училища въ Могилевѣ для дѣвицъ, подъ названіемъ Александровскаго. На его содержаніе графиня Чернышева обязалась „на вѣки“ выдавать по 6.000 рублей въ годъ и въ обезпеченіе выдачи этой ежегодной суммы отъ себя и своихъ наслѣдниковъ представила залогомъ недвижимыя имѣнія „съ крестьянами“ въ разныхъ губерніяхъ, приносившія дохода, „при обыкновенномъ оброкѣ“, до 15.000 р. въ годъ. При этомъ графиня Чернышева выразила волю, чтобы послѣ ея смерти крестьянамъ была дана свобода, но при условіи, чтобы они вносили ежегодно 6.000 рублей на училище. Въ своемъ письмѣ къ графу Кочубею, она писала, что могла бы представить теперь же въ училище болѣе ста дѣвицъ, которымъ она должна постоянно отказывать въ помѣщеніи въ своемъ пансіонѣ. По желанію графини, при училищѣ должны были находиться разные мастеровые для обученія „приличнымъ благородной дѣвицѣ искусствамъ и рукодѣліямъ, необходимымъ въ хозяйствѣ“ [2]).

Вообще въ западномъ краѣ, еще до присоединенія его къ Россіи, были женскія школы, низшія и среднія, содержимыя разными духовными орденами, и маленькіе монастырскіе пансіоны, содержавшіеся на фундуши, завѣщанные, съ цѣлію воспитанія дѣвицъ, женскимъ монастырямъ разныхъ духовныхъ орденовъ. Въ этихъ пансіонахъ Визитки, Сакраментки, Базиліянки и др. сами учили. При Императорѣ Павлѣ, по его повелѣнію, Визиткамъ, въ пансіонахъ которыхъ воспитывались преимущественно дѣвушки высшихъ классовъ общества, отпускалось по 3.000 р. въ годъ изъ доходовъ поіезуитскихъ имѣній. Кромѣ того были свѣтскія школы и пансіоны, устроенные по образцу монастырскихъ, конгрегаціями свѣтскихъ женщинъ, въ числѣ которыхъ наи-

---

1) „Р. Арх.“ 1873 г., кн. 2-я.

2) Письмо гр. Кочубея гр. Завадовскому, 1805 г. (Арх. М. Пар. Пр.).

болѣе дѣятельною была конгрегація Марьявитокъ, посвятившая себя воспитанію убогихъ дѣвицъ и обращаемыхъ въ христіанство евреекъ [1]). Были и совсѣмъ свѣтскіе частные пансіоны. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ женскихъ школахъ, не исключая и монастырскихъ, дѣвушкамъ давалось самое поверхностное образованіе во французскомъ духѣ и вкусѣ, т. е. ихъ обучали французскому языку и знакомили съ французскою литературою.

Съ учрежденіемъ, вслѣдъ за упраздненіемъ ордена іезуитовъ въ 1773 году, Эдукаціонной Комиссіи, бывшей первымъ въ своемъ родѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Европѣ, этой комиссіи были подчинены, какъ по надзору, такъ и по управленію, всѣ безъ исключенія училища и школы, свѣтскія и духовныя, правительственныя и частныя, мужскія и женскія. Послѣднія, по составленному комиссіею плану народнаго образованія, были поставлены паравнѣ со всѣми другими *отдѣленскими* (тоже, что гимназіи) школами въ главныхъ городахъ, подъ власть завѣдывавшихъ всѣми учебными заведеніями округа, Совѣтовъ краковскаго и виленскаго университетовъ, въ лицѣ ректоровъ.

Какъ видно изъ отчетовъ визитаторовъ, назначавшихся университетами изъ среды профессоровъ и почетныхъ своихъ членовъ для обозрѣнія и женскихъ школъ, на ряду съ другими училищами округа, визитаторы вынесли неблагопріятное о нихъ впечатлѣніе, а о свѣтскихъ частныхъ пансіонахъ въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ визитаторъ Гуго Колонтай отозвался, что въ этихъ пансіонахъ воспитываются „комедіянтки и танцорки“ [2]). Поэтому комиссія предписала цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія женскаго воспитанія и образованія, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ школахъ, давъ при этомъ инструкціи не только въ томъ, какіе предметы должны быть преподаваемы въ этихъ школахъ, но даже какъ ихъ слѣдуетъ преподавать. Въ предписанную комиссіею програму женскаго обученія вошли: чтеніе и письмо на польскомъ языкѣ, ариѳметика, исторія, географія, религія, мораль, рукодѣлія. Содержательницами пансіоновъ должны были допускаться лишь подготовленныя къ дѣлу лица; вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія постановила не разрѣшать учрежденіе такихъ пансіоновъ, въ которыхъ обучали бы только французскому языку, танцамъ, рисованію, музыкѣ, рукодѣліямъ, какъ это до нея обыкновенно было.

---

[1]) Большая часть приводимыхъ о западномъ краѣ свѣдѣній взята изъ 2-го тома сочиненія І. Лукашевича: Historya szkoł w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. Poznań. 1849—1852.

[2]) Лукашевичъ. Ч. 2-я, стр. 437.

Такъ какъ постановленія комиссіи встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны содержательницъ частныхъ пансіоновъ и, частью, духовнаго начальства, то она рѣшила возложить наблюденіе за исполненіемъ своихъ предписаній въ женскихъ пансіонахъ и школахъ на женскій „эфоратъ", составленный изъ извѣстныхъ въ каждомъ воеводствѣ своею образованностію и разумностію, высокопоставленныхъ дамъ, по приглашенію завѣдывавшей народнымъ образованіемъ власти.

Послѣдовавшій затѣмъ, въ 1794 году, послѣдній раздѣлъ Польши прекратилъ существованіе Эдукаціонной комиссіи, не успѣвшей довершить начатаго дѣла. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ произведенныхъ ею реформъ по народному образованію сохранились въ отошедшихъ къ Россіи (также и къ Пруссіи) частяхъ и подъ русскимъ владычествомъ. Въ числѣ намѣченныхъ комиссіею по женскому образованію мѣръ, которыя она не успѣла осуществить, была принята и введена при Александрѣ I въ герцогствѣ Варшавскомъ и Царствѣ Польскомъ организація женскаго эфората, членамъ котораго, подъ именемъ визитаторокъ, былъ ввѣренъ надзоръ за всѣми женскими учебными заведеніями края.

Обративъ главное свое вниманіе на устройство учебнаго дѣла въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Эдукаціонная комиссія успѣла издать и уставъ для учителей этихъ заведеній; въ женскихъ, за которыя комиссія принялась лишь за годъ до своего упраздненія, эта сторона оставалась нетронутою даже въ первые годы послѣ учрежденія виленскаго учебнаго округа въ 1803 году [1]).

При попечителѣ округа князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ былъ составленъ визитаторомъ Гуго Колонтаемъ проектъ женской учительской семинаріи съ пансіономъ въ Кременцѣ; это встрѣтило противодѣйствіе со стороны римско-католическаго духовенства, и въ женскихъ школахъ, остававшихся по прежнему въ вѣдѣніи монастырей, продолжали учить монахини. Но въ уставѣ 1807 года для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ волынской, кіевской и подольской, было сохранено учрежденіе для приготовленія учительницъ этихъ училищъ. При этомъ было положено открывать при уѣздныхъ училищахъ, по выбору училищнаго начальства, особое заведеніе, во главѣ котораго должна была стоять „начальствующая" уѣздная учительница, выбираемая изъ приходскихъ; пробывъ въ заведеніи три года, она должна была завер-

¹) Въ составъ округа вошли 9 губерній: виленская, минская, ковенская, витебская, могилевская, волынская, подольская, кіевская и гродненская, а съ присоединеніемъ къ Россіи, въ 1810 г., и Бѣлостокская область.

шать свое образованіе въ Кременцѣ, „въ особо предназначаемомъ для сего домѣ, въ вѣдомствѣ школы гувернантокъ“. Уѣздной учительницѣ были подчинены всѣ приходскія училища губерніи и всѣ учительницы ихъ [1]). Для приготовленія учительницъ и гувернантокъ въ частные дома и пансіоны, князь Чарторыйскій прибѣгъ къ системѣ частныхъ женскихъ пансіоновъ, которые и были открыты въ большихъ городахъ.

Слѣдуя этой системѣ, русское правительство уже въ 1825 году разрѣшило г-жѣ Вильчковской открыть въ Варшавѣ училище для приготовленія гувернантокъ, которыхъ обучали даромъ. Это училище было преобразовано въ 1827 году въ казенный институтъ „для образованія гувернантокъ“ съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 37.000 злотыхъ; при этомъ было положено имѣть въ институтѣ десять воспитанницъ на счетъ казны, двадцать приходящихъ даровыхъ, а бѣднѣйшимъ еще полагалось пособіе отъ института; кромѣ того допускались пенсіонерки съ платою по тысячѣ злотыхъ въ годъ [2]). Послѣ смерти Вильчковской, правительство поручило главный надзоръ надъ институтомъ генеральной визитаторкѣ высшихъ учебныхъ заведеній, полковницѣ Матильдѣ Абрамовичъ [3]).

Со включеніемъ и пансіоновъ западнаго края, во всѣхъ частныхъ женскихъ пансіонахъ Россіи, въ 1824 году, было всего 3.420 учащихся, изъ которыхъ 1.284 находились въ училищахъ дерптскаго учебнаго округа, 511—въ западномъ краѣ, 235—въ нѣмецкихъ училищахъ св. Петра и Анны. Такимъ образомъ на долю чисто русскихъ губерній приходилось 1.390 учащихся въ пансіонахъ дѣвушекъ [4]).

Кромѣ институтовъ и частныхъ пансіоновъ, родители могли обучать своихъ дочерей въ народныхъ училищахъ, которыя, по уставу 1804 года, были раздѣлены на гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Гимназіи должны были замѣнить бывшія при Екатеринѣ главныя народныя училища съ значительно повышеннымъ курсомъ, вслѣдствіе чего два высшихъ класса главныхъ училищъ должны были служить двумя низшими классами гимназій. Послѣднія предназначались только для мальчиковъ. Уѣздныя училища, преобразованныя изъ малыхъ, хотя и имѣли цѣлію

1) П. Собр. Т. XXXIX, 22605.

2) Александрійскій институтъ воспитанія дѣвицъ въ Варшавѣ (Учрежденія институтовъ XXXVIII. Арх. IV Отд.).

3) Тамъ же.

4) Вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній по вѣдомству департ. нар. просв. 1824 г. (Арх. М. Н. Пр.).

приготовленіе желающихъ къ поступленію въ гимназію, но рядомъ съ этимъ они предназначались для „доставленія дѣтямъ разнаго состоянія необходимыхъ познаній, сообразно ихъ состоянію и промышленности“ [1]). Курсъ уѣздныхъ училищъ былъ также шире, чѣмъ малыхъ, и былъ почти равенъ курсу прежнихъ главныхъ училищъ, такъ что второй (высшій) классъ малыхъ училищъ преобразовывался въ первый уѣздный. Наконецъ приходскія училища, замѣнившія малыя, имѣли цѣлію приготовленіе въ уѣздныя, а также „доставленіе дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній приличныхъ свѣдѣній, чтобы сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, столь вредные ихъ благополучію, здоровью и состоянію“.

Преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи и малыхъ въ уѣздныя началось тотчасъ же послѣ изданія устава 1804 года; но оно продолжалось почти двадцать лѣтъ, отчасти вслѣдствіе недостатка въ учебныхъ пособіяхъ и преподавателяхъ гимназическаго курса [2]), а также потому, что во многихъ гимназіяхъ совсѣмъ не находилось учениковъ, желавшихъ въ нихъ поступить, ибо въ гимназіи, также какъ въ уѣздныя и приходскія училища, принимались дѣти всѣхъ сословій.

Изъ поименованныхъ въ уставѣ 1804 года трехъ разрядовъ училищъ, только о приходскихъ было прямо сказано, что туда принимаются и дѣвочки. Но такъ какъ при преобразованіи однихъ училищъ въ другія, старшіе два класса отдѣлялись въ училище высшаго разряда, а низшіе классы въ училище низшаго, то учившіяся до тѣхъ поръ въ главномъ народномъ училищѣ дѣвочки попадали не только въ уѣздныя училища, но и въ гимназіи. Назначавшіеся университетами визитаторы рѣдко, особенно въ первое время послѣ изданія устава 1804 года, обозначали въ своихъ донесеніяхъ полъ учащихся; въ дѣлахъ же главнаго правленія училищъ сохранилось нѣсколько свѣдѣній, показывающихъ, что дѣвочки въ провинціи нѣкоторое время учились вмѣстѣ съ мальчиками и въ уѣздныхъ училищахъ, и въ гимназіяхъ. Въ 1808 году въ гимназіи новгородской ихъ было три, въ псковской—семь, въ могилевской—тринадцать, въ витебской—двадцать [3]).

Но большинство учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ училось въ приходскихъ училищахъ, т.-е. получало лишь элемен-

---

[1]) Уст. 5-го ноября 1804 г.

[2]) *Вороновъ*. Ист. стат. обозр., стр. 139.

[3]) Вѣдомость, составленная по послѣднимъ донесеніямъ, вступившимъ въ деп. мин. нар. просв. о числѣ учебныхъ заведеній. 1808 г. (Арх. М. Н. Пр. XXIII).

тарное образованіе. Число ихъ также было невелико, даже по сравненію съ учившимися мальчиками. Въ 1802 году всѣхъ учившихся въ народныхъ училищахъ, частныхъ пансіонахъ и школахъ дѣвочекъ было въ 29-ти губерніяхъ 2.007 (мальчиковъ 22.057); изъ нихъ 344 учились въ главныхъ народныхъ училищахъ, 1.446 —въ малыхъ [1]). Въ 1820 году число учившихся дѣвочекъ возросло до 5.791 (мальчиковъ 56.127); въ 1824 году ихъ было 5.835 (мальчиковъ 55.021). Въ этомъ числѣ 338 учились въ уѣздныхъ училищахъ, 1.482—въ приходскихъ, 3.420—въ частныхъ пансіонахъ, остальныя—въ училищахъ взаимнаго обученія, дѣвичьихъ и городскихъ [2]).

Такъ какъ въ пансіонахъ воспитывались почти исключительно дворянскія дѣти, а въ нихъ число учившихся дѣвочекъ составляло болѣе, нежели половину общаго числа учившихся женскаго пола въ имперіи, и такъ какъ большинство пансіоновъ находилось въ столицахъ, то отсюда ясно, что получавшія въ то время образованіе женщины принадлежали преимущественно къ дворянскому сословію, а для другихъ его почти не существовало.

Это подтверждаетъ и Вороновъ, отмѣчая въ таблицѣ числа учащихся въ періодъ 1810—1828 годовъ, что за это время въ Петербургѣ и его губерніи число учащихся женскаго пола замѣтно увеличилось; но это онъ приписываетъ тому, что, особенно съ 1820 года, значительно возросло число женскихъ пансіоновъ въ столицѣ. „Собственно въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ —говоритъ онъ о числѣ учащихся женскаго пола — оно постепенно уменьшилось даже въ столицѣ, а въ гимназіи совсѣмъ не принимали дѣтей женскаго пола, между тѣмъ какъ прежде онѣ поступали въ главныя народныя училища“ [3]).

Конечно если судить объ успѣхахъ женскаго образованія по числу учившихся въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ пансіонахъ дѣвушекъ, то можно бы сказать, что его въ первой четверти нашего столѣтія почти не было. Это число, считая и воспитывавшихся въ институтахъ, не превышало къ 1828 году 12.000 — цифра, по отношенію къ народонаселенію имперіи, совсѣмъ ничтожная [4]). Но къ концу двадцатыхъ годовъ,

[1]) Вѣдомость за 1802 г.

[2]) Вѣдомость о состоящихъ по вѣд. деп. н. п. уч. зав. за 1824 г. (Арх. М. Н. Пр.).

[3]) Ист. стат. обозр. Ч. 1-я, стр. 167.

[4]) Въ 1834 году народонаселеніе Россіи исчислялось въ 50.585.857 душъ (Таблицы уч. зав. всѣхъ вѣдомствъ Росс. Имп., съ показаніемъ отношенія числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высоч. повелѣнію отъ министерства нар. просв. С.-Пет. 1838).

по крайней мѣрѣ въ столичныхъ достаточныхъ семьяхъ, обученіе дочерей было уже не рѣдкимъ исключеніемъ; очень многіе родители прилагали заботы о томъ, чтобы дочери ихъ не оставались безъ тѣхъ знаній, которыя понимались тогда подъ образованіемъ.

При учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году, въ средѣ образованныхъ сотрудниковъ Императора Александра велись споры о томъ, что надо понимать подъ образованіемъ [1]). Въ обществѣ и литературѣ высказывались по этому поводу самыя смутныя понятія; многіе находили просвѣщеніе вообще опаснымъ и вреднымъ, приписывая ему развращеніе нравовъ; другіе находили его просто лишнимъ и ненужнымъ. Графъ Завадовскій писалъ въ 1804 году графу С. Воронцову: „напрасно ты загребаешь въ кучу *безплодныхъ* расходовъ и чинимыя издержки для просвѣщенія народнаго“... Защищая необходимость учрежденія народныхъ училищъ, онъ писалъ: „злословіе всегда устремляется и на самые полезнѣйшіе подвиги. Не спорю, что мало учениковъ, но потому, что еще малъ у насъ вкусъ къ наукамъ. А чѣмъ поселить вкусъ къ наукамъ, какъ не заведеніемъ общественныхъ училищъ“? [2]) Посылая министру народнаго просвѣщенія произнесенную при открытіи харьковскаго университета рѣчь, попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Потоцкій, писалъ, что говорилъ ее по просьбѣ профессоровъ и „сообразуясь съ настроеніемъ мѣстныхъ жителей.., а съ ними—прибавлялъ онъ —нужно быть крайне осторожнымъ, чтобы не отвратить ихъ отъ наукъ, которыхъ они и безъ того не долюбливаютъ“ [3]). Въ 1815 году митрополитъ Евгеній жаловался, что „просвѣщеніе дешево, а жизнь дорога“. Были и такіе, которые, не отрицая пользы просвѣщенія, признавали однако вредными нѣкоторыя науки.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ даже въ 1821 году разбирался вопросъ: нужна ли математика въ жизни? „Какая нужда судьѣ, министру, гражданскому и духовнымъ состояніямъ, до свойства круга и треугольника?—говоритъ авторъ статьи: *Какая наука нужнѣе прочихъ для мыслящаго человѣка?*—земледѣльцу, что земля состоитъ изъ частицъ или однородныхъ или разнородныхъ, дровосѣку, что дерево состоитъ изъ вещества горючаго? Одна краснорѣчивая страница Боссюэта о нравственности полезнѣе цѣлаго тома фило-

---

[1]) *В. Стоюнинъ.* Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія („Др. и Нов. Р.“ 1878 г., № 1).

[2]) Арх. кн. Воронцова. Т. 12.

[3]) *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1865 г., октябрь).

софскихъ отвлеченностей... Математика есть не иное что, какъ общіе знаки понятій, которые избавляютъ насъ отъ труда имѣть свои понятія... Если учить ребенка одной математикѣ, сей наукѣ, раскрывающей столь мало понятій, то источникъ его собственныхъ понятій изсякнетъ; вы испортите лучшее природное расположеніе, обуздаете силы умственныя, пріучите довольствоваться только уже даннымъ при каждомъ шагѣ руководствомъ какою-то теоріею, не знать и не любить ничего, кромѣ сихъ строгихъ правилъ и непремѣнныхъ истинъ, которыя нарушаютъ спокойствіе общества".

Въ такомъ же духѣ произносились публичныя рѣчи при разныхъ торжественныхъ случаяхъ попечителями учебныхъ округовъ и даже, иногда, профессорами университетовъ.

Въ литературѣ разсуждали и о томъ, нужно ли вообще образованіе; съ нимъ мирились лишь ставя ему утилитарную цѣль. Дворянину оно признавалось нужнымъ для государственной службы, купцу для торговыхъ дѣлъ, и т. д., и сообразно съ этимъ назначались тѣ или другія науки, изъ которыхъ могли быть получены нужныя каждому сословію свѣдѣнія. Женскому образованію также была поставлена цѣль — сначала, въ пору господства сантиментальнаго направленія въ обществѣ и литературѣ, — широкая: женщина, это чудесное созданіе, которому тогда удивлялись, должна вліять облагораживающимъ образомъ на все общество, на все человѣчество. Поэтому, не отрицая способностей женщины къ наукамъ, но ограждая ее отъ вреднаго ихъ вліянія, ей отводилась по преимуществу область эстетики и изящныхъ искусствъ, къ чему и должно было быть направлено ея образованіе. Для достиженія этой цѣли признавалось достаточнымъ знакомство съ словесностью, преимущественно французскою, и занятія искусствами; музыкою, пѣніемъ, танцами.

Въ Карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы" 1802 года набросанъ портретъ женщины, отвѣчавшей требованіямъ лучшей части тогдашняго общества. „Такая женщина—по изображенію автора—никого не ослѣпитъ съ перваго взгляда. Умъ ея не столько блестящъ, сколько тонокъ и основателенъ; однакожъ довольно живъ, пріятенъ и способенъ къ острымъ отвѣтамъ; но все это покрывается безпримѣрною скромностью". У нея есть склонность къ романамъ, но „она знаетъ и всѣхъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и почерпнула изъ разныхъ сочиненій нравоучительныхъ и принадлежащихъ до воспитанія все то, чѣмъ только можетъ пользоваться пріятная въ обществѣ женщина, добрая жена и нѣжная мать. Она никогда не упражнялась въ авторствѣ, но ея письма

украшены легкимъ слогомъ, исполнены чувствительности, философіи; христіанская набожность, безъ суевѣрія, есть первая ея добродѣтель. Вы примѣтите въ церкви на глазахъ ея слезы, которыя она украдкой обтираетъ... Но не думайте, чтобы не было въ ней и кокетства; напротивъ, и она любитъ тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе... Она соединяетъ свою судьбу съ другомъ не по выбору своего сердца, но покорствуя обстоятельствамъ. Супругъ не зналъ на комъ онъ женится; она не знала за кого выходитъ; видѣла только мущину молодого, красиваго и не безъ разума; но довольно ли сего для той, которая мечтала объ Аркадіи? Хотя послѣ открылись въ немъ и другія достоинства, но со всѣмъ тѣмъ нравы ихъ несходны. „Нужды нѣтъ, — сказала она — мнѣ должно почитать и любить мужа; есть ли я не въ силахъ перемѣнить его, такъ постараюсь сама перемѣниться“, и съ той минуты удалила навсегда романическія мечтанія, начала примѣняться къ его обычаю и ни въ чемъ ему не противорѣчила; оставила для него прежнія свои связи, любимыя свои упражненія, словомъ: отказалась отъ собственныхъ склонностей, вкусовъ, желаній; одна только воля его стала пружиной всѣхъ ея дѣйствій... Къ увѣнчанію похвалы ея скажу — говоритъ авторъ, — что она совершенная послѣдовательница *Оптимизма*; какая бы ни случилась ей непріятность, задумается... и всегда скажетъ потомъ: „можетъ быть это къ лучшему“ [1]).

Другіе журналы первыхъ годовъ нашего столѣтія, изъ которыхъ бо̀льшая часть посвящалась женщинамъ, „Московскій Меркурій“ [2]), „Журналъ для милыхъ“ [3]) шли гораздо дальше „Вѣстника Европы“; эти журналы, а также болѣе поздніе: „Аглая“ [4]) „Дамскій Журналъ“, вплоть до тридцатыхъ годовъ, рядомъ съ высказываемыми на женщинъ, кажущимися теперь намъ пошлыми, комическими и обидными для нихъ взглядами, много занимались и вопросомъ объ ихъ образованіи.

Въ первой своей книжкѣ „Московскій Меркурій“, одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени, обратился къ женщинамъ съ воззваніемъ, чтобы онѣ, по примѣру француженокъ, „перенесли тронъ философіи въ свои будуары... сдѣлали бы свои дома лучшими школами вкуса и просвѣщенія, въ отборныхъ собраніяхъ судили бы Авторовъ“; въ этихъ собраніяхъ „безъ гордости, безъ чванства всякій старался бы превзойти другого не нарядомъ, не

---

[1]) „В. Европы“ 1802 г. „Портретъ милой женщины“.

[2]) Издавался Макаровымъ въ Москвѣ въ 1805 г.

[3]) „Журналъ для милыхъ“. Издаваемый молодыми людьми. Москва, 1804 г.

[4]) Издавался К. П. Шаликовымъ. Москва, 1808 г.

экипажемъ, не грубою наглостью, но блескомъ ума — естественнаго и пріобрѣтеннаго". Еслибы русскія женщины послѣдовали примѣру француженокъ, то онѣ, по мнѣнію автора, „безъ сомнѣнія" заставили бы всѣхъ учиться, а то молодые люди, „рано окончивъ свое ученіе и вступивъ въ свѣтъ, не находятъ побудительныхъ причинъ обогащать свой умъ, ибо общество, которое они посѣщаютъ, не требуетъ отъ нихъ знаній, а видъ отдаленной пользы слабо дѣйствуетъ на ихъ сердца".

Авторъ думаетъ, что женщины, „овладѣвъ единожды полемъ литературы, пошли бы скорыми шагами и повлекли бы всѣхъ за собою", а сами быстро сдѣлались бы „нашими учительницами". Въ благодарность за это, „воздвигли бы имъ алтари и слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ". Этого мало; еслибы женщины послушались такого совѣта, то можетъ быть „къ щастію человѣчества возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ!!" И нравы измѣнились бы, ибо „воспитанные въ святилищахъ двадцатилѣтнихъ Музъ, образованные подъ ихъ вліяніемъ, привыкшіе мыслить, дѣйствовать и говорить по ихъ правиламъ—не имѣли бы конечно развращеннаго сердца нынѣшнихъ молодыхъ Діогеновъ".

Но для того, чтобы женщины съ успѣхомъ могли выполнить такое дѣло и, говоря словами автора, „найти ту щастливую средину, на которой Добродѣтель и Любезность соединяются и взаимно одна другой сообщаютъ прелести свои, нужно Просвѣщеніе". Оно нужно имъ и потому, что „самыя слабости женщины просвѣщенной, всегда прикрытыя колоритомъ ума и нѣжности, имѣютъ какой-то особливый характеръ, который дѣлаетъ ихъ любезными". Удивляясь, что, перенимая всѣ французскія моды, русскія женщины не переняли моды посѣщать лицеи, музеи, лекціи профессоровъ, авторъ сожалѣетъ, что у насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни „дружескихъ ученыхъ собраній", но все бы это, думаетъ онъ, явилось, еслибы женщины захотѣли. „Ахъ!—восклицаетъ онъ—какихъ чудесъ не произвели бы сіи всемогущія Феи! Онѣ и въ грубую душу Камчадала вложили бы склонности Лафара или Сент-Эвремонта". За это авторъ обѣщаетъ женщинамъ и славу!.. „славу—говоритъ онъ—женскому сердцу столь милую, почтеніе всѣхъ людей благомыслящихъ, благодарность современниковъ и потомства!!!" Тѣхъ, кто не раздѣляетъ этихъ взглядовъ, кто не желаетъ, чтобы женщины были просвѣщенными, „Московскій Меркурій" называетъ врагомъ ихъ; такой человѣкъ, „эгоистъ-любовникъ онъ или мужъ, хочетъ удержать себѣ право сказать

нѣкогда женѣ своей, въ которой онъ искалъ ключницу, няньку. „я тебя умнѣе".

Женщинъ онъ убѣждаетъ еще тѣмъ, что хотя „имперія красоты не имѣетъ предѣловъ, но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука Времени обезобразитъ ангельскія, небесныя черты, что будетъ съ женщиною. привыкшею къ сладости видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинѣ лица своего, не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость?"

Въ способностяхъ женщины къ изученію наукъ авторъ не сомнѣвается. „И почему не быть ей столько же ученою, сколько и мущина"? — спрашиваетъ онъ. Женщину онъ признаетъ даже выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ мужчину: „ея способности превышаютъ наши,—говоритъ авторъ —но ей не достаетъ развитія этихъ способностей, а между тѣмъ для женщины это легче, чѣмъ для мущины, потому что пятнадцатилѣтній мальчикъ уже разстается съ мирными Пенатами и летитъ за границу", или „искать вѣнка среди бурь военныхъ", а въ двадцать продолжаетъ то же ремесло или „держитъ Ѳемидины вѣсы". Но сестра его, „подъ тихимъ небомъ любезнаго отечества, подъ дружественною кровлею родительскаго дома, окруженная всѣмъ, что мило сердцу, безъ должностей, безъ заботъ, имѣетъ ли другое дѣло, кромѣ того, чтобы сохранять и нѣжить юныя свои прелести, чтобы украшать въ себѣ дары природы — физическіе и нравственные, чтобы приготовлять себя быть кроткою, благоразумною владычицею и полезною наставницею?"

Женщинѣ нечего и бояться выступать въ литературу, потому что „тоже самое упражненіе, — говоритъ авторъ, — которое весьма часто тиранитъ насъ острѣйшими иглами, представляетъ для женщинъ однѣ только розы безъ шиповъ... ибо какой педантъ, какой варваръ осмѣлится не похвалить того, что нѣжная, бѣлая, прекрасная рука написала?" Приводя, согласно обычному тогда въ такихъ случаяхъ пріему, имена и примѣры великихъ женщинъ всѣхъ вѣковъ въ опроверженіе мысли, будто пріобрѣтая знанія женщина теряетъ „всѣ пріятности пола своего", авторъ заключаетъ: „женщины всегда были и будутъ первою, хотя иногда невидимою пружиною всего изящнаго и великаго; какъ скоро власть ихъ ослабѣетъ, какъ скоро почтеніе къ нимъ уменьшится—не будетъ честолюбія, не будетъ великихъ добродѣтелей, не будетъ истиннаго геройства и, смѣемъ сказать, не будетъ истинной любви къ отечеству: сухой, обнаженный эгоизмъ, даже неукрашенный и мишурою нынѣшней модной филантропіи, по-

грузить свѣтъ опять въ прежнее варварство. . Любезныя, милыя повелительницы! вы, которымъ сама натура поручила щастіе людей и блистательную должность украшать собою свѣтъ! коснитесь нѣжной струны сердецъ вашихъ и услышите божественные звуки лиры Аполлоновой, скажите одно слово — и храмъ Литературы вмигъ воздвигнется. Тамъ—на нетлѣнныхъ памятникахъ—напишутся ваши имена для Вѣчности; тамъ — на основаніяхъ непоколебимыхъ — утвердится ваше владычество, тамъ — преклоняя передъ вами колѣна свои — мы въ восторгѣ благодарности скажемъ: *женщины просвѣтили Россію!*" [1])

Такъ же восторженно относились къ женщинамъ и другіе журналы перваго десятилѣтія нашего вѣка. Только „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ", едва ли не единственный изъ всѣхъ, отрицалъ въ то время (1800 г.) даже способность женщинъ къ изученію наукъ. Впрочемъ, онъ утверждалъ это голословно, безъ доказательствъ, а просто говоря: „женщина сотворена единственно для того, чтобы нравиться мущинѣ... углубленіе въ наукахъ совсѣмъ ей не принадлежитъ". Ученіе женщинъ, по мнѣнію журнала, должно состоять въ томъ, чтобы „слѣдовать положеннымъ мущинами правиламъ и все познаніе, неотносящееся къ должностямъ женщинъ, должно состоять въ распознаніи мужского нрава и свойства или въ предмѣтахъ вкуса... Свѣтъ для женщинъ книга, а потребныя для нихъ науки — присутствіе духа, проницаніе и тонкое замѣчаніе" [2]).

Но и преклонявшіеся передъ женщиною журналы, за небольшими исключеніями, предупреждали ихъ о вредномъ дѣйствіи для нихъ науки. Статьи въ такомъ духѣ брались преимущественно изъ французскихъ источниковъ. Въ журналѣ „Патріотъ" [3]) помѣщенъ рядъ переводныхъ статей, въ которыхъ говорилось о вредѣ набивать женщинѣ голову наукой, ибо книги и учителя „помрачаютъ еще на зарѣ тотъ душевный цвѣтокъ, который такъ радуетъ любимца молодой дѣвушки—невинность чувствъ и мыслей"; также, что мужъ „не любитъ находить въ женѣ соперника или профессора и что всѣ ученыя женщины были въ любви нещастливы" [4]).

Въ одной изъ переведенныхъ съ французскаго статей, помѣщенныхъ „Патріотомъ" — о воспитаніи дѣвицъ и объ ученыхъ

[1]) „Московскій Меркурій" 1805 г. Ч. 1-я. Смѣсь. „Нѣкоторыя мысли издателей".

[2]) „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ". Еженедѣльное изданіе Ник. Осипова. Суббота 20-ая, стр. 310.

[3]) „Патріотъ". Журналъ Воспитанія, издаваемый Влад. Измайловымъ. Москва.

[4]) „Патріотъ". Т. I, январь, февраль, мартъ.

женщинахъ [1])—авторъ, въ формѣ письма матери къ дочери, говоритъ, что смертельно боится, какъ бы она не воспитала изъ своей дочери „рѣдкой женщины“ и особенно писательницы. „Я не понимаю, — пишетъ мать — какъ можно желать разговора женщины, которая сказала конечно все, что имѣла лучшаго въ книгѣ, напечатанной числомъ до двухъ тысячъ экземпляровъ, которой чувства самыя тонкія продаются за сходную цѣну во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; ...и для самаго мужчины, восхищеннаго болѣе другихъ живостью ея идей и откровенностью ея характера, не лестно думать, что, разставшись съ нимъ, она войдетъ, можетъ быть, въ такое же свободное сообщеніе со всею публикою черезъ своего типографщика... Женщина въ печати тоже, что женщина въ худой славѣ, которой приключенія извѣстны; странно если она показываетъ себя робкою; едва позволительно для нея быть даже скромною“. Поэтому авторъ совѣтуетъ дочери обратить склонности своего ребенка на „основательныя наслажденія, а самолюбіе на успѣхи блестящіе; пусть она наряжается для свѣта, а занимается только для своего удовольствія“. Помѣстивъ это письмо, издатель „Патріота“ сдѣлалъ къ нему примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что „хотя это и не касается до насъ, ибо мы не имѣемъ еще 150-ти женщинъ-Авторовъ, какъ теперь во Франціи по исчисленію любопытныхъ, но не худо упредить зло, которое, можетъ быть, насъ ожидаетъ скоро“.

„Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго (1811 г.), признавая „разумъ“ мужчины и женщины одинаковымъ, задумывается надъ практическими послѣдствіями, могущими произойти отъ занятій женщинъ наукою. „На какое употребленіе дала натура разумъ женщинамъ? — спрашиваетъ онъ. — Упражненіе въ наукахъ и словесности есть ли необходимая принадлежность женщинъ? Не охладитъ ли любовь къ словесности въ женщинѣ любви супружеской? Захочетъ ли ученая женщина заниматься мелочами хозяйства? Имѣя мужа, не столь просвѣщеннаго, не нарушитъ ли иногда законъ, предписывающій ей подчиненіе и покорность?“ [2])

Кромѣ журнальныхъ статей, въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка появлялись и отдѣльныя, большею частью переводныя изданія по вопросу объ образованіи женщинъ. Въ нихъ высказывались тѣ же мысли. Одна изъ такихъ книжекъ, „Другъ женщинъ“, была издана въ 1806 году женщиною. „Это не пе-

---

[1]) 1804 г., сентябрь.

[2]) „В. Европы“, 1811 г., сентябрь. По поводу книжки г-жи Жанлисъ: „De l'influence des femmes sur la littérature Française comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes Françaises les plus célèbres“.

реводъ, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — а изложеніе французскаго сочинителя съ присовокупленіемъ собственныхъ моихъ мыслей, казавшихся мнѣ соотвѣтствующими мнѣнію Автора, а болѣе моимъ чувствамъ" [1]). Какъ во всѣхъ подобныхъ французскихъ произведеніяхъ, и въ „Другѣ женщинъ" проводятся взгляды на вредъ, происходящій для женщинъ отъ занятій науками, которыя „притупили бы остроту, дѣлающую женщинъ столь превосходными". Но авторъ удѣляетъ имъ область, въ которой онѣ могутъ даже превзойти мужчинъ. Къ этой области онъ относитъ физику и естественную исторію, живопись, музыку, поэзію, домашнія рукодѣлія, „но не узелки и спурочки". Географія, исторія, миѳологія и ботаника, по его мнѣнію, могутъ служить женщинамъ забавою. Вообще же авторъ выражаетъ желаніе, чтобы онѣ, „прибѣгнувъ къ своимъ правамъ и почерпнувъ изъ наукъ полезные совѣты, почерпали правила къ пріятному препровожденію времени и щастливой жизни". Онъ желаетъ, чтобы женщины занимались указанными имъ науками еще и потому, что онѣ имѣютъ даръ разговаривать пріятно, „а присоединивъ къ этому познанія, — говоритъ онъ — будутъ разсуждать съ нами о глубокомысленныхъ матеріяхъ съ милою своею простотою и возбудятъ тѣмъ наше краснорѣчіе, котораго мы никогда не имѣемъ въ нашихъ кабинетахъ".

Къ концу перваго десятилѣтія, сантиментальное направленіе, господствовавшее у насъ почти двадцать лѣтъ, стало замѣтно исчезать, а вмѣстѣ съ этимъ стало измѣняться отношеніе литературы къ образованію женщинъ, которыми переставали восхищаться; голоса противъ ихъ образованія, а уже въ особенности противъ ихъ „учености" стали раздаваться свободнѣе, призывы къ старымъ воззрѣніямъ на нихъ повторялись чаще.

Ученыхъ женщинъ у насъ, впрочемъ, и не было, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ единицъ, но уже были женщины — въ тогдашнемъ смыслѣ образованныя, а главное, онѣ, конечно не всѣ, не въ массѣ, стали проявлять стремленіе къ умственнымъ интересамъ и къ литературѣ. Такія стремленія сосредоточивались по преимуществу въ высшихъ классахъ общества. Изъ этихъ классовъ являлись большею частью и женщины-писательницы. Еще при жизни Екатерины, въ журналѣ „Муза", издававшемся Мартыновымъ, великая княжна Александра Павловна помѣщала свои переводы [2]), а позже, Императрица Елизавета Алексѣевна

[1]) „Другъ женщинъ", 1806 г. С.-Петербургъ. Переводъ съ французскаго одной знаменитой особы изъ прекраснаго пола.

[2]) *Колбасинъ*. Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Пет., 1859 г., стр. 47.

и великая княгиня Екатерина Павловна занимались литературою, отдавая свои произведенія на просмотръ Карамзину [1]). Среди женщинъ этихъ классовъ были и такія, которыя, слѣдуя завѣту Екатерины, продолжали ея традиціи, и въ своемъ образованіи шли въ уровень съ временемъ, не уступая мужскому ни въ объемѣ, ни въ направленіи, носившемъ у нихъ, какъ и у мужчинъ, исключительно литературный характеръ.

Образчикомъ такого образованія можетъ служить изображенная въ запискахъ одной русской высокопоставленной дамы, напечатанныхъ въ „Современникѣ" Пушкина [2]), ея подруга. Разсказъ относится къ 1811 году и описываетъ—какъ говоритъ авторъ — быль, а не вымыселъ. Эта подруга, которую онъ назвалъ княжной Полиной, была, по его словамъ, впослѣдствіи „подлинная героиня романа Загоскина: „Рославлевъ". Она принадлежала къ высшей аристократіи; отецъ ея былъ заслуженнымъ человѣкомъ, „т.-е.,—говоритъ авторъ записокъ,—ѣздившій цугомъ и носившій ключъ и звѣзду". Мать Полины была „дама степенная, отличавшаяся важностью и здравымъ смысломъ". Полина очень много читала и безъ всякаго разбора. Библіотека ея отца состояла изъ сочиненій писателей восемнадцатаго вѣка, съ которыми Полина, „начиная съ Монтескьё до романовъ Кребильона", была знакома, а Руссо знала наизусть. Но въ библіотекѣ не было русскихъ книгъ, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не развертывала; „она признавалась,—говоритъ авторъ записокъ—что съ трудомъ разбирала русскую печать и, вѣроятно, ничего по-русски не читала, не считая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами".

Дочь Сперанскаго (родилась въ 1799 году), получившая подъ руководствомъ отца самое тщательное образованіе, изучала, кромѣ французскаго, еще нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки съ ихъ литературами, но плохо знала русскій и писала на немъ съ большими ошибками, которыя отецъ ей поправлялъ. Онъ не особенно и настаивалъ на ея занятіяхъ русскимъ языкомъ и въ одномъ изъ писемъ 1816 года, стало быть когда дочери было уже 17 лѣтъ, говорилъ ей, чтобы она „не заботилась слишкомъ о невѣрностяхъ русскому языку и чтенію вообще" [3]) Будучи еще дѣвушкой, она писала сочиненія, и между прочимъ на темы „размышленія о славѣ женщины и размышленія вообще", также

[1]) *Галаховъ*. Ист. р. слов., др. и новой. Т. II, стр. 84 и 86.

[2]) „Современникъ", 1836 г. Т. 3. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы.

[3]) Письма М. М. Сперанскаго къ его дочери („Р. Арх.", 1868 г. №№ 7 и 8). Письмо отъ 4-го декабря 1816 г.

стихи. Впослѣдствіи, будучи уже замужемъ, за сенаторомъ Фроловымъ-Багрѣевымъ, много писала на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [1]).

Французскій языкъ и французская литература, преимущественно романы и стихи, очень долго составляли у насъ необходимое условіе для всякаго претендовавшаго на образованіе человѣка, мужчины или женщины, къ какому бы кругу онъ ни принадлежалъ. Татьяна Пушкина, не принадлежавшая по происхожденію къ аристократіи и жившая въ деревнѣ,

По-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ [2]).

Она зачитывалась Грандиссономъ, Руссо, романами мадамъ Cottin, Крюднеръ.

Описывая дочери пензенское общество, Сперанскій говоритъ, что почти всѣ женщины и многіе мужчины говорятъ по-французски „и—прибавляетъ онъ—что еще горестнѣе, говорятъ весьма изрядно“ [3]).

Въ видѣ исключеній, еще въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, были женщины, если не серьезно образованныя, то, можетъ быть изъ подражанія модѣ, интересовавшіяся не одними литературными, но и другими вопросами. Въ „Аглаѣ“ князя Шаликова помѣщено письмо одной дамы, жалующейся на то, что „свѣтъ, куда она стала вывозить племянницу, сталъ требователенъ и хочетъ, чтобы женщина была не только хороша, но и умна“. Почтенная дама недовольна этимъ и объясняетъ такія требованія тѣмъ, что „женщины ужъ немолодыя стараются распространять ихъ среди мужчинъ, чтобы самимъ нравиться болѣе молодыхъ“. Но и издатель „Аглаи“ высказался противъ тѣхъ женщинъ, которыя „полагаютъ умъ и пріятности въ явномъ презрѣніи закона и почли бы себя слабоумными, еслибъ не были одного мнѣнія съ Гельвеціемъ и авторомъ „Системы натуры“. Онъ хотѣлъ бы, чтобы его жена читала Грандиссона и Жильблаза, „который—говоритъ онъ

[1]) *Кн. Н. Н. Голицынъ.* Библіографическій словарь русскихъ писательницъ (Журн. М. Нар. Пр. 1889, апрѣль).

[2]) „Евгеній Онѣгинъ“. Глава 3, стр. XXVI. Эту главу Пушкинъ писалъ въ 1825 году.

[3]) 65 писемъ М. М. Сперанскаго къ его дочери изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь („Р. Арх.“ 1868. 7 и 8).

о послѣднемъ—представляетъ ей въ картинахъ слабости и дурачества существъ, свѣтъ составляющихъ“ [1]).

Вообще, женщина, рѣшавшаяся говорить въ свѣтскомъ обществѣ вмѣсто „des petits riens“ о серьезныхъ, а тѣмъ болѣе о научныхъ предметахъ, не только тогда, но и долго потомъ, считалась явленіемъ ненормальнымъ, нарушающимъ установленные кѣмъ-то для нея законы, несимпатичнымъ и даже смѣшнымъ. Всѣмъ извѣстны строфы Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ—
Съ семинаристомъ въ черной шалѣ,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ [2])!

Но въ то время, когда Пушкинъ писалъ Онѣгина, въ 1823—1827 годахъ, онъ вообще находилъ скучнымъ большой свѣтъ, „высшій тонъ“ и разговоры дамъ въ этомъ свѣтѣ.

Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама,
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ [3])

—говоритъ онъ о „причудницахъ большого свѣта“.

Несомнѣнно однако, что такія женщины были и что Пушкинъ бралъ ихъ изъ жизни.

Какую диковину въ то время представляла ученая женщина, видно изъ примѣра А. А. Турчаниновой, которую описали знавшіе ее Вигель и князь И. М. Долгоруковъ. По словамъ Вигеля, Турчанинова, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, избѣгала общества, одѣвалась небрежно, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки, собиралась учиться по-еврейски и „даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно“.—„У насъ—говоритъ Вигель—ее знали подъ именемъ философки“. Свое образованіе Турчанинова получила, по словамъ его, у профессоровъ кіевской духовной Академіи; она сохраняла связи съ профессорами московскаго университета и „хвалилась любовью и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой“ [4]).

Вигель, какъ и князь И. Долгоруковъ, сходятся въ томъ, что у Турчаниновой не было и тѣни педантства, что она была всегда веселая, любила шутить, „объяснялась съ дѣтской простотой“, а

---

[1]) Ч. III. 1808 г., сентябрь.
[2]) Гл. 3. XXVIII.
[3]) Тамъ же. XLII.
[4]) *Вигель*. Воспоминанія. Ч. I, стр. 119.

князь Долгоруковъ, видѣвшій Турчанинову въ 1810 году, говоритъ, что она „пишетъ прекрасно, изъясняется просто и вразумительно, ...бесѣда ея занимательна“ [1]). Вообще онъ признаетъ Турчанинову „достойною быть извѣстною въ отечествѣ своемъ по рѣдкимъ ея дарованіямъ и учености“. По его словамъ, „память ея исчерпала всѣ источники Словесности; иностранные языки, даже Академическіе, греческій и латинскій, ей не незнакомы“ [2]). Рисуя портретъ такой необыкновенной дѣвушки, онъ разсказываетъ, что она такъ любитъ уединеніе, что начинала скучать въ Одессѣ отъ двухъ или трехъ сдѣланныхъ ею тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ знакомствъ, и чтобы дальше уѣхать отъ людей, собиралась совершить путешествіе въ Грецію и Италію. Турчанинова жила въ лучшей части Одессы, хотя почти внѣ города; „домъ ея—говоритъ князь Долгоруковъ — хорошо прибранъ, въ немъ есть тѣнь и убѣжище, прямо отборная, не огромная библіотека, нѣсколько картинъ, передъ которыми любитель живописи постоялъ бы съ удовольствіемъ. Словомъ,—заключаетъ князь Долгоруковъ — въ домѣ госпожи Турчаниновой образованный человѣкъ найдетъ все то, что можетъ дѣйствовать на умъ, глаза и сердце“.

Вообще же князь Долгоруковъ, много видѣвшій и много писавшій о женщинахъ, отзывался очень пренебрежительно о даваемомъ имъ образованіи: „Очарованіе сердецъ — единственная наука женщинъ — писалъ онъ въ 1813 году. — Онѣ воспитываются только для любви, только какъ „невѣсты, до чахотки“ [3]). Но рядомъ съ такой общей характеристикой, въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются отзывы о знакомыхъ ему женщинахъ, въ тогдашнемъ смыслѣ образованныхъ, т.-е. умѣющихъ пріятно вести разговоръ на французскомъ языкѣ, обладающихъ „хорошими поверхностными знаніями, умомъ достаточнымъ для общежитія, начитавшихся романовъ, стихотвореній“. Такихъ женщинъ онъ встрѣчалъ даже въ провинціальныхъ захолустьяхъ.

Изъ біографій нѣкоторыхъ женщинъ того времени, т.-е. перваго десятилѣтія XIX вѣка [4]), видно, что многія изъ нихъ сами довершали едва начатое образованіе чтеніемъ, изученіемъ ино-

---

[1]) „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда“. 1810 года. Соч. кн. И. М. Долгорукаго, стр. 134.

[2]) О Турчаниновой см. *Кн. Н. Н. Голицынъ*: Библіографическій словарь русскихъ писательницъ (Журн. М. Нар. Прос. 1889, мартъ).

[3]) Путешествіе въ Нижній. 1813.

[4]) Ишимовой, Волковой и др. („Др. и Нов. Р.“ 1878.—*Макаровъ*. Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ).

странныхъ языковъ или учились подъ руководствомъ отцовъ, пріятелей, знакомыхъ, вообще окружавшей ихъ среды. Въ семьѣ, гдѣ выросъ нашъ поэтъ Жуковскій, во главѣ которой стояла М. Г. Бунина, ея внучки А. П. Зонтагъ и А. П. Кирѣевская (во второмъ бракѣ Елагина) хотя и воспитывались подъ руководствомъ гувернантки-француженки, но, вращаясь въ средѣ Жуковскаго, Карамзина, Дмитріева, Дашкова, Блудова, заинтересовывались не только литературою, но и вообще тѣмъ, что занимало тогдашнее образованное общество [1]).

Еще при жизни Екатерины, Карамзинъ, въ издаваемомъ имъ „Московскомъ Журналѣ", всячески поощрялъ женщинъ къ занятіямъ литературою и одобреніе ихъ считалъ „драгоцѣннымъ своимъ вѣнкомъ" [2]). Такое отношеніе его къ женщинамъ объясняется отчасти личнымъ его характеромъ, склоннымъ ко всему нѣжному и чувствительному, а также вліяніемъ французскаго общества и литературы XVII вѣка—вѣка расцвѣта салоновъ, въ которыхъ французскія женщины играли выдающуюся роль, не оставшуюся безъ вліянія на выработку языка и литературы, а также на нравы современнаго имъ общества.

Сантиментальное направленіе, водворенное у насъ Карамзинымъ, истекало не изъ пустого подражанія французскимъ образцамъ; у Карамзина оно исходило изъ убѣжденія въ томъ, что участіе женщинъ въ литературѣ полезно для всего общества въ смыслѣ распространенія образованности, вѣжливости, большей утонченности вкусовъ, облагораживающаго вліянія на нравы. Съ этимъ было связано условіе, чтобы литературныя произведенія были написаны не книжнымъ языкомъ, доступнымъ однимъ ученымъ, а языкомъ легкимъ, разговорнымъ, доступнымъ и женщинамъ. Въ этомъ смыслѣ названіе „дамскаго писателя" было тогда лестнымъ. Дѣлая отзывъ о сочиненіяхъ князя И. Долгорукова, „Московскій Меркурій" приводитъ въ числѣ похвалъ автору его „величайшую преданность къ любезному полу, которому всѣ стихотворные досуги нашего Автора были исключительно посвящаемы".

Послѣдователи Карамзина: Макаровъ, въ „Московскомъ Меркуріи" и „Журналѣ для милыхъ", Остолоповъ въ „Любителѣ словесности" и другіе, поддерживали его традиціи, доводя свою любезность къ дамамъ до каррикатуры. На оберткѣ „Журнала для милыхъ" стоялъ эпиграфъ: „Прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ насъ отъ злыхъ насмѣшекъ критики".

---

[1]) См. „Авдотья Петровна Елагина". Біографическій очеркъ („Р. Арх." 1877 г. № 8).
[2]) „Аглая". 1794 г. Книжка 1-я.

Приводя стихотворенie князя Долгорукова:

„Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеньи каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit jour.
Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей нибудь да щотъ.
Вотъ въ ней-то подлинно ведется
И лисiй хвостъ и волчiй ротъ“...

„Меркурiй“ восклицаетъ: „говоря о женщинѣ!!...“ [1])

Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ „Журнала для милыхъ“ была напечатана поправка одной дамы на помѣщенную раньше статью другой. По этому поводу издатели объясняютъ: „милая женщина говоритъ, что пiэса, помѣщенная въ нашей книжкѣ подъ заглавiемъ „Любимъ и Катерина“, есть тотъ же парень, только въ вывороченномъ тулупѣ. Мы не смѣемъ противорѣчить нашимъ милымъ... Правда, Любимъ и Катерина, мы сами знаемъ, есть переводъ французской пiэсы „Пирамъ и Тизбе“, но ее переводила прелестная дѣвица и просила, чтобы мы ее помѣстили такъ, какъ ей было угодно съ перемѣненными имянами. И ей, любезный критикъ, надобно было отказать? Это будетъ противно нашему обѣщанiю служить, угождать прекрасному полу... Въ заключенiе скажемъ то: намъ прiятно что вы, любезная, критикуете нѣкоторые мѣста нашего журнала; это служитъ къ усовершенствованiю нашихъ талантовъ“. Къ помѣщаемымъ въ журналѣ статьямъ женщинъ издатели часто дѣлали примѣчанiе, что „пiэса сiя помѣщена въ удовольствiе и по приказанiю“ такой-то.

Отдѣломъ критики въ „Журналѣ для милыхъ“ завѣдывали двѣ сестры, княжны Трубецкiя (или Трубеска̀; старшая изъ нихъ по мужу Безнина). Онѣ полемизировали съ „Вѣстникомъ Европы“. „Намъ дѣлаетъ большое занятiе „Вѣстникъ Европы“,—говоритъ женщина-критикъ—мы рѣшились, есть ли не попрепятствуетъ что либо непредвидѣнное, его разсматривать и дѣлать нѣкоторыя свойственныя женскому разуму замѣчанiя. Надѣясь вѣрно, что вы будете помѣщать ихъ въ издаваемомъ для насъ журналѣ“ [2]). Къ своимъ обязанностямъ журнальнаго критика женщины относились властно, какъ повелительницы. „Я женщина, — говоритъ Е. Тр—я въ одной изъ своихъ статей — ваша читательница, и вы обязаны

[1]) „Моск. Мерк.“ 1805 г., августъ.
[2]) „Журналъ для милыхъ“. 1804 г., iюль.

мнѣ повиноваться!“ О стихахъ князя Шаликова онѣ отказались дать отзывъ, сказавъ, что „женщины любятъ князя Шаликова и мы не послѣднія его почитательницы... И такъ — откровенно признается Безнина — пристрастіе запрещаетъ разбирать стихи молодого человѣка... Ни я, ни сестра моя, не захотѣли бы находить недостатки въ стихахъ любезнаго Поэта и для того мы ихъ опускаемъ“ [1]).

Издатели не только „Московскаго Меркурія“ и „Журнала для милыхъ“, но и другихъ журналовъ обыкновенно помѣщали къ статьямъ женщинъ-авторовъ какое-нибудь пріятное для нихъ примѣчаніе: „мы съ своей стороны — напечатано въ „Меркуріи“ — цѣлуя мысленно сію руку и любя воображать ее прелестнѣе руки Анадіомены Апелессовой, увѣряемъ любезную Сочинительницу, что ко всѣмъ произведеніямъ пера ея наша критика всегда будетъ имѣть самое набожное почтеніе“. Почти всегда издатели благодарили женщинъ-авторовъ, поощряли ихъ, поздравляли „съ успѣхомъ въ литературныхъ занятіяхъ“, хвалили за выраженныя въ ихъ статьяхъ чувства и мысли. „Кто не поблагодаритъ почтенную незнакомку — говоритъ издатель „Сѣвернаго Вѣстника“ — за ея благородныя упражненія въ словесности и нѣжныя чувствованія состраданія къ страждущему человѣчеству“ [2]). Позволяя себѣ поправлять грамматическія ошибки въ статьяхъ женщинъ, дѣлали это въ самой деликатной формѣ. „За дѣепричастіемъ въ русскомъ языкѣ имя или мѣстоименіе должно быть въ падежѣ именительномъ“ — замѣчаетъ издатель „Аглаи“ въ выноскѣ къ помѣщенному въ журналѣ письму женщины, и сейчасъ же прибавляетъ: „благодарю любезную Грацію-Россіянку за прекрасное письмо ея и прошу извиненія въ грамматическомъ замѣчаніи“ [3]).

Объявляя въ 1816 году объ изданіи въ пользу харьковскаго института сочиненій Л. Кричевской подъ названіемъ „Мои свободныя минуты“, Квитка говорилъ: „Мы видѣли съ какимъ восторгомъ приняты они на ея родинѣ; но одинъ изъ издателей („Украинскаго Вѣстника“) имѣлъ случай и въ отдаленіи быть свидѣтелемъ подобныхъ восторговъ такихъ читателей, которые страну нашу знаютъ только по слуху“. Въ числѣ достоинствъ сочиненій Л. Кричевской, Квитка указываетъ на то, что она „всегда была водима собственнымъ чувствомъ; у ней нѣтъ ничего заимствованнаго, кромѣ нѣсколькихъ подражаній“. Когда, уже въ 1827 году,

[1]) „Журн. для милыхъ“ 1804 г., іюль.
[2]) Ч. V. 1805 г.
[3]) 1809 г. Ч. VIII, октябрь.

рецензентъ „Московскаго Телеграфа“ поставилъ передъ словомъ „драмма“ въ сочиненіяхъ Кричевской вопросительный знакъ, Квитка выступилъ на защиту автора и напечаталъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ статью, въ которой сказалъ, что хотѣлъ „послать Рецензенту большой вопросительный знакъ, но какъ сочиненія Л. Кричевской раскупаются хорошо, то не сдѣлалъ этого“ [1]).

Такіе пріемы держались въ нашей литературѣ долго, даже тогда, когда участіе въ ней женщинъ высшихъ классовъ ослабѣло и отношеніе ея къ женщинамъ-авторамъ измѣнилось.

Въ первые годы нашего столѣтія сами литераторы искали знакомства съ женщинами-писательницами, стараясь всячески ободрять ихъ. Коронованныя лица охотно принимали посвященія имъ произведеній женщинъ и выражали иногда свою признательность подарками. Императоръ Павелъ назначилъ писательницѣ Волковой пенсію за посвященную ему оду [2]). Поэтессѣ А. Буниной была дана ежегодная пенсія въ 400 рублей за первое изданіе ея стихотвореній „Неопытная Муза“ въ 1809 году [3]). Одна изъ двухъ сестеръ Свиньиныхъ, дочерей сенатора, сочинила „Польской для всерадостнаго прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Благородное Московское Собраніе 29-го апрѣля 1797 года“ [4]). „Этотъ польской,—разсказываетъ Макаровъ—приноровленный, кажется, къ огромной музыкѣ Козловскаго, обратилъ особенное вниманіе государя; когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ:

Громы славы раздаются!
Громы радости несутся! и пр.

государь спросилъ: кто авторъ мотива? и узнавъ, что дѣвица Свиньина, приказалъ изъявить ей свое особенное благоволеніе... Почти шесть тысячъ лучшаго московскаго общества—восклицаетъ Макаровъ — были свидѣтелями сего Высочайшаго благоволенія!“ Императоръ Павелъ изъявилъ благоволеніе и дѣвицѣ Поспѣловой, издавшей въ 1798 году во Владимірѣ-на-Клязьмѣ свои сочиненія: „Лучшіе часы жизни моей“, посвященныя великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

---

[1]) „Московск. Тел.“ 1827 г., ч. 16.

[2]) „Дамскій Журналъ“ 1827 г., октябрь.

[3]) *Кн. Голицынъ*. Словарь (Журн. М. Н. Пр. 1888, авг. и сент.). Въ „Аглаѣ“ кн. Шаликова авторъ „Неопытной Музы“ названъ „истинной Сафо“. „Вамъ, Граціи-Россіянки,—говоритъ рецензентъ—принадлежитъ въ особенности сія книга... въ ней нѣтъ подражанія, но всѣ черты, но всѣ оттѣнки прелестной стихотворицы Лезбійской“ (Ч. VIII. 1809, окт.).

[4]) Тамъ же (1889, февраль).

Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ познакомились съ молодой писательницей и „какъ бы принудили ее—говоритъ Макаровъ—напечатать въ Москвѣ въ 1806 году второе изданіе полнаго собранія ея сочиненій подъ названіемъ „Нѣкоторыя черты природы и истины, или оттѣнки мыслей и чувствъ моихъ“ [1]). Карамзинъ охотно печаталъ „и обращалъ вниманіе“ въ своихъ „Аонидахъ“ на произведенія женщинъ. На одно изъ такихъ произведеній упомянутой выше Свиньиной—„Любезному уединенію“—отвѣчалъ Херасковъ стихами же, въ которыхъ говорилъ:

Ты, можетъ быть, прелестна,
Ты, можетъ быть, нехороша;
Но мнѣ душа твоя извѣстна;
О! коль мила твоя душа!
Твое Уединенье
Чувствительнымъ сердцамъ
Приноситъ утѣшенье
И дамскимъ честь умамъ.
Цвѣты, цвѣты Парнасски
Въ стихахъ твоихъ цвѣтутъ;
И Грёизовы краски
И кисть видна мнѣ тутъ...

Херасковъ кончаетъ:

Тамъ Сюзы, тамъ Корины,
Мой тамъ лицей гдѣ ты! [2])

Женщины-авторы были очень чувствительны къ такому отношенію къ нимъ писателей. Когда Херасковъ отвѣтилъ на обращенное „къ его бюсту“ стихотвореніе дѣвицы Магницкой (сестры печально прославившагося потомъ попечителя казанскаго учебнаго округа), она и ея сестра, тоже поэтесса, „въ ту же минуту полетѣли къ Хераскову сами и съ личною за себя благодарностью [3]). Онѣ, вмѣстѣ съ двумя другими сотрудницами журнала, издававшагося профессоромъ Сохацкимъ, княгинею Щербатовою и Боске, переводили письма Дюпати [4]). Но Сохацкій, по словамъ Макарова, „полѣнился просмотрѣть этотъ переводъ“, а между тѣмъ въ 1800 году вышелъ переводъ того же сочиненія, сдѣланный И. Мартыновымъ. „Жаль! — прибавляетъ Макаровъ — красоты Дюпати намъ лучше бы могли быть переданы перомъ пламенныхъ и

[6]) *Макаровъ*. Мат. для исторіи р. женщинъ-авторовъ („Дамскій Журналъ“ 1830 г., апрѣль). *Кн. Голицынъ*. Словарь (1889 г., февраль).

[1]) Пріятное и полезное препровожденіе времени.

[2]) *Макаровъ*. „Д. Журн.“, апрѣль, 1830 г.

[3]) Французскій авторъ, прославившійся въ XVIII вѣкѣ своими „Письмами изъ Италіи“.

краснорѣчивыхъ юныхъ писательницъ... Нельзя охуждать перевода, изданнаго ученымъ Мартыновымъ, но кто запретитъ сказать, что какъ бы щастливъ былъ Дюпати и многіе изъ другихъ подобныхъ писателей, являясь на чужомъ языкѣ изъ подъ прекраснаго пера прекрасныхъ!"

Чрезвычайно снисходительно относясь, въ первые годы XIX вѣка, къ женщинамъ-писательницамъ, принадлежавшимъ бо́льшею частію къ высшимъ кругамъ общества, литераторы, продолжая и потомъ расшаркиваться, говорить комплименты и приглашать женщинъ „Грацій-Россіянокъ" въ литературу, стали мало-по-малу относиться къ нимъ неблагосклонно, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которыя, не принадлежа къ высшему кругу, выступали на литературное поприще самостоятельно, не заручившись поддержкою какого-нибудь извѣстнаго въ литературѣ имени, или не указавъ на руководство учителя при составленіи своего труда. „Когда дѣвица Извѣкова—разсказываетъ Макаровъ—пріѣхала въ Москву, то въ городѣ стали говорить, что дѣвица съ весьма достаточнымъ состояніемъ прибыла въ столицу для того только, чтобы издавать свой романъ, писанный во вкусѣ г-жи дё-Жанлисъ. При обыкновенной холодности большей части нашихъ читателей не знаемъ даже кто и между литераторами нашелся преклонить свое вниманіе къ такимъ слухамъ; но пошли, однакожъ, сужденія, догадки и прочее тому подобное, и дѣвица Извѣкова еще не должна была спѣшить изданіемъ своихъ романовъ; ей бы слѣдовало искать связей у двора литературнаго" [1]).

Князь И. М. Долгоруковъ мѣтко замѣтилъ, говоря о своей сестрѣ, писавшей стихи, что она не могла воспользоваться его эпиграфомъ: „угоденъ—пусть меня читаютъ, противенъ—пусть въ огонь бросаютъ", ибо — говоритъ князь — „всякая женщина должна искать похвальной трубы".

Можетъ быть вслѣдствіе такого взгляда па авторство женщинъ, онѣ выступали въ литературѣ робко, жеманясь, извиняясь и оправдываясь въ своей смѣлости какими-нибудь посторонними литературѣ, личными причинами. Подъ своими статьями въ журналахъ онѣ часто подписывались: „ваша покорная услужница—Россіянка". Авторъ приведенной выше книжки: „Другъ женщинъ", говоритъ, что долго не рѣшалась взяться за литературную работу; „не имѣя ни средствъ, ни способовъ—оправдывается она—получить хотя нѣкоторое познаніе въ литературѣ, я удерживала въ себѣ склонность къ переводу и старалась занять себя болѣе

---

[1]) Макаровъ. „Дам. Ж." 1831 г., окт.

свойственными моему полу упражненіями. Но потеря друга заставила меня прибѣгнуть къ сему занятію, дабы разсѣять грусть, меня снѣдающую“.

Упомянутая уже выше дѣвица Извѣкова предпослала своему роману „Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви“, посвященному Императрицѣ Маріи, подарившей ей за это перстень, объясненіе, въ которомъ говоритъ: „я увѣрена, что первые труды, выдаваемые мною въ свѣтъ, будутъ приняты не съ строгимъ разсмотрѣніемъ ихъ недостатковъ и что почтенная публика извинитъ великодушно неопытность молодой дѣвушки, которая безъ руководства учителя, но единственно по природной склонности къ литературѣ, написала сей Романъ. Я совсѣмъ не думала выдавать его въ свѣтъ,—прибавляетъ она — но повинуясь волѣ любезнѣйшей и достойнѣйшей матери и уважая просьбу родныхъ и друзей своихъ, рѣшилась подвергнуться, можетъ быть, строгой критикѣ“ [1]).

Со временемъ, такихъ пріемовъ стали держаться и покровители женщинъ въ литературѣ. „Не смѣлая увѣренность въ дарованіяхъ своихъ — говоритъ Квитка объ изданіи сочиненій Кричевской въ пользу харьковскаго института въ 1817 году, — чтобы здѣлать извѣстными свѣту свои сочиненія; но единственно благородное желаніе чѣмъ-нибудь вспомоществовать нещастнымъ побудили ее, несмотря на всѣ могущія произойти сужденія о достоинствахъ ея Сочиненій принести жертву сію Обществу“ [2]). Къ переводамъ двухъ харьковскихъ писательницъ издатели „Украинскаго Вѣстника“, принося въ выноскѣ „искреннюю благодарность почтеннѣйшимъ переводчицамъ, благоволившимъ украсить журналъ своими произведеніями“, говорятъ, что если и другія женщины послѣдуютъ примѣру переводчицъ, то обитатели края увидятъ, что и Харьковъ „по многимъ отношеніямъ замѣняетъ столичное воспитаніе“. Къ этому они прибавляютъ, что харьковскія барышни, „готовящіяся въ тишинѣ своего семейства въ укромномъ уголкѣ, для бóльшаго круга, принесутъ туда, кромѣ познаній, и робкую недовѣрчивость къ самимъ себѣ, а не смѣшную самонадѣянность“ [3]).

Требованіе скромности и покорности, „робкой недовѣрчивости къ себѣ“ отъ женщинъ, распространялось не только по отношенію къ ихъ участію въ литературѣ, но вообще ко всякому ихъ общественному и публичному шагу. Эту мысль, еще въ 1808 году,

---

[1]) „Дам. Журналъ“, 1830 г., іюль.

[2]) „Укр. В.“, 1817 г., декабрь.

[3]) „Укр. В.“, 1816 г., Ч. I.

выразила, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, лучшая поэтесса того времени. Обращаясь къ своей племянницѣ, А. Бунина говоритъ:

„Еще простой подамъ тебѣ урокъ.
Ты женщина! учись быть съ юности покорна,
Въ своихъ желаніяхъ неупорна;
Упорство въ женщинѣ порокъ;
Упорство ей къ напасти!
Надъ нами всюду власти".

Когда харьковское Общество благотворенія задумало для усиленія своихъ средствъ устроить концертъ, то затрудненіе явилось въ отсутствіи желающихъ взять на себя исполненіе партіи фортепіано. „Никто не рѣшался— говорится въ отчетѣ о концертѣ [1])— на сію новость, здѣсь еще никогда небывалую". Наконецъ согласилась играть А. И. Каменская, дочь харьковскаго профессора и доктора медицины, „та самая,—сказано въ отчетѣ—которая извѣстна читателямъ нашимъ по прекраснымъ своимъ переводамъ"... Отрекомендовавъ такимъ образомъ Каменскую, составитель отчета подробно объясняетъ и оправдываетъ ея поступокъ. „Рѣшимость сей дѣвицы — говоритъ онъ — заслуживаетъ всякое уваженіе: не дорожа толками, могущими произойти отъ мнѣній различно понимающихъ ея намѣреніе и отнюдь не отъ самонадѣянности на свой талантъ, а имѣя единственное желаніе вспомоществовать сиротамъ, воспитывающимся въ Институтѣ, она рѣшилась участвовать въ концертѣ. И въ самомъ дѣлѣ многимъ, которые или не любятъ благотворить такимъ образомъ, или не думаютъ о намѣреніи, съ какимъ предпринимается что-нибудь, многимъ казалось неприлично благородной дѣвицѣ играть передъ публикою и еще за деньги. Но эта мысль не заслуживаетъ никакого возраженія и опровергается всеобщею похвалою во всѣхъ подобныхъ случаяхъ". Далѣе слѣдуютъ указанія „такъ мыслящимъ журналамъ", на примѣръ г-жи Франкъ, жены „знаменитаго въ Европѣ молодого доктора", которая „содержала своими концертами цѣлый клиническій Институтъ Виленскаго университета и сей поступокъ доведенъ даже до свѣдѣнія начальства и принятъ съ отмѣнной признательностью". Въ заключеніе авторъ прибѣгаетъ, въ защиту Каменской, къ высшему аргументу: „И чѣмъ даже мы—спрашиваетъ онъ—можемъ облагородствовать искусства наши, для коихъ при воспитаніи дѣвицъ употребляется теперь столько времени и издер-

[1]) „Укр. В.", 1816 г., мартъ.

жекъ, какъ не обращеніемъ сихъ искусствъ на дѣла общеполезныя, благотворныя?"

Выставляя на видъ отсутствіе самонадѣянности и тщеславія въ женщинахъ, печатавшихъ свои произведенія или вообще принимавшихъ какое-либо участіе въ общественной жизни, ихъ покровители имѣли цѣлію оградить ихъ отъ слишкомъ строгой критики. Съ другой стороны это позволяло болѣе требовательнымъ рецензентамъ вѣжливо отклонять отъ себя долгъ сказать правду о плохихъ женскихъ сочиненіяхъ. Этимъ пользовался Полевой. Говоря о сочиненіяхъ одной писательницы, объяснившей въ предисловіи, что она издаетъ ихъ „не для того, чтобы снискать славу или имя писательницы, но съ самой благородною цѣлью — въ пользу матери своей", Полевой ограничивается короткимъ отзывомъ, сказавъ: „для чувствительныхъ душъ довольно сей причины; никто не будетъ взыскивать недостатковъ въ ея сочиненіяхъ и упрекать въ тщеславіи и самонадѣянности" [1]).

По поводу элегіи одной поэтессы „на смерть супруга и болѣзнь сестры" Макаровъ, находя элегію слишкомъ длинною, спѣшитъ прибавить: „впрочемъ, какое пространство ограничитъ горесть неутѣшной супруги?" [2]) Вообще, посвященіе мужу литературнаго произведенія женщины, къ концу двадцатыхъ годовъ, считалось смягчающимъ обстоятельствомъ для автора; этого было довольно, чтобы не судить его строго. Къ этому времени только одинъ „Дамскій Журналъ" продолжалъ старыя традиціи. Помѣстивъ въ 1830 году статью Маргариты Спиридоновой: „Историческое преданіе объ основаніи Москвы", издатель замѣтилъ въ выноскѣ: „юная любезная Сочинительница тѣмъ болѣе имѣетъ право на благодарность издателя, что подаетъ юнымъ читательницамъ его журнала прекрасный примѣръ упражненіемъ въ Исторіи" [3]).

Самый лучшій журналъ конца первой трети нашего вѣка, „Московскій Телеграфъ" Полевого, относившійся къ женщинамъ и ихъ литературнымъ произведеніямъ серьезнѣе другихъ, благодаря авторовъ за каждую почти помѣщенную въ журналѣ статью и поощряя ихъ, все же болѣе всего цѣнилъ въ женскихъ произведеніяхъ „пламенныя чувства" и нравственныя побужденія. Даже хваля нѣкоторыя изъ стихотвореній поэтессъ, онъ замѣчалъ, что эти сочиненія „не должно подвергать суду разсудка холоднаго, а надо читать сердцемъ; тогда критика пока-

---

1) „Московскій Телеграфъ" 1826 г. Ч. 12.

2) „Д. Ж." 1830 г., іюнь.

3) „Дам. Журн." 1830 г., октябрь.

жется вамъ несообразною привязчивостью" [1]). При оцѣнкѣ „Пiитическихъ опытовъ" Елизаветы Кульманъ, изданныхъ въ 1833 году Россійскою Академіею „въ пользу ея семейства, очень бѣднаго", критикъ „Московскаго Телеграфа" руководствовался тѣмъ, что „въ нашъ вѣкъ убійственнаго эгоизма, даже намѣренія и порывы благородные, чистые, поэтическіе, стали такою рѣдкостью, что въ этомъ отношеніи нельзя читать безъ сильнаго чувства „Опыты" Кульманъ... Не всякій созданъ быть поэтомъ,—прибавляетъ онъ— но кто не отдастъ справедливости порывамъ души поэтической?" Впрочемъ „Московскій Телеграфъ" всегда привѣтствовалъ дѣйствительно хорошее произведеніе женщины и сожалѣлъ, что женщина-авторъ сдѣлалась явленіемъ рѣдкимъ.

Вопросъ о женскомъ образованіи обсуждался и въ оффиціальныхъ рѣчахъ, произносившихся профессорами при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. На публичномъ собраніи въ харьковскомъ университетѣ 1810 года, адъюнктъ по каѳедрѣ французской словесности, Паки-де Савиньи, произнесъ рѣчь „объ усовершенствованіи, пріобрѣтаемомъ черезъ упражненіе въ словесныхъ наукахъ молодыми людьми обоего пола" [2]). Указавъ на то, что изящныя науки „препровождаютъ прямо къ истинной славѣ, къ достоинствамъ, почестямъ и выгодамъ, споспѣшествуютъ благосостоянію общества и семействъ, образуютъ сердце для добродѣтели, украшаютъ и обогащаютъ разумъ, умягчаютъ нравы мужчинъ, усовершаютъ врожденную разборчивость женщинъ, наконецъ усыпаютъ цвѣтами удовольствій путь жизни человѣческой", Паки дѣлаетъ такое различіе между науками, нужными мужчинѣ, и тѣми, какія требуются отъ женщины въ силу вліянія ея въ обществѣ и семьѣ. „Свѣдѣнія обширнѣйшія,—говоритъ онъ—глубокія, основанныя на точныхъ сужденіяхъ, нужны мужчинѣ. Пріятности, благопристойность, скромность, тихость нрава, кротость, разборчивость во всемъ добромъ, изящность, благоприличность, словомъ—пріятныя знанія съ хорошимъ разсудкомъ приличествуютъ женщинѣ". Въ условія хорошаго воспитанія женщинъ, кромѣ обученія пріятнымъ искусствамъ, танцамъ и музыкѣ, способствующимъ къ украшенію жизни, должно входить, по мнѣнію Паки, „обученіе и нѣкоторымъ наукамъ, знанію правилъ своего языка и словесности, географіи и исторіи по крайней мѣрѣ своего отечества, ариѳме-

---

[1]) Ч. 52, 53. Стихотворенія Надежды Тепловой.—Пiитическіе опыты Елизаветы Кульманъ.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1812 г., февраль. Рѣчь Паки-де-Савиньи произнесена по-французски. „Переводъ ея—сказано въ „В. Европы", сдѣлалъ одинъ изъ прилежнѣйшихъ его воспитанниковъ, г. Богдановъ".

тики, миѳологіи и достаточнаго разумѣнія какого-нибудь иностраннаго языка, особливо же французскаго, который сдѣлался весьма нужнымъ для всякой благородной женщины въ нынѣшнемъ вѣкѣ". Въ заключеніе, Паки говоритъ: „Скажутъ: не смѣются ли надъ ученостью женщинъ? и не лучше ли желать находить въ нихъ добродѣтели подъ охраненіемъ счастливаго невѣдѣнія и пріятнаго бездѣйствія?.. Оставимъ черни судить о знаніи по своимъ предразсудкамъ... Добродѣтель не есть даръ природы, а даръ науки". Въ такомъ же духѣ говорилъ въ 1816 году и ректоръ с.-петербургскаго университета французъ де-Гуровъ [1]).

Высказывавшійся въ этихъ рѣчахъ взглядъ на характеръ нужнаго женщинамъ образованія ничѣмъ не отличался отъ того, какой высказывался въ литературѣ. Въ первой четверти нашего вѣка элементъ эстетическій и въ мужскомъ образованіи преобладалъ надъ умственнымъ. Въ изящныхъ наукахъ, т.-е. словесности, видѣли высшую науку въ смыслѣ образованія сердца и обогащенія ума, при томъ науку легкую, пріятную и доступную для каждаго. Въ объявленіи 1813 года объ открытіи частнаго мужского пансіона, о словесности даже сказано, что „она-то и есть самый умъ, исходящій изъ устъ и воплощающійся въ словахъ" [2]).

Впрочемъ наше ученое сословіе съ самаго начала XIX вѣка относилось къ женскому образованію безъ предразсудковъ и—въ лицѣ московскаго университета—продолжало традиціи Екатерининскаго времени. Устраивая публичныя лекціи, московскій университетъ приглашалъ на нихъ не только любителей, но и любительницъ. Такія лекціи читались въ 1804 году профессорами: Политковскимъ—по натуральной исторіи, Страховымъ—опытной физики, Геймомъ—коммерческихъ наукъ и Шлецеромъ (на нѣмецкомъ языкѣ)—исторіи европейскихъ государствъ. Въ обращеніи университета къ „почтеннѣйшимъ любителямъ и любительницамъ наукъ" приглашались „кому только угодно будетъ" присылать на лекціи своихъ *дѣтей*, лишь бы они имѣли предварительныя познанія, нужныя къ слушанію лекцій. При этомъ родителямъ разрѣшалось даже самимъ сопровождать своихъ дѣтей на лекціи или посылать съ ними наставниковъ и выражалось желаніе, чтобы всякій, начавшій слушать лекціи, кончилъ весь курсъ, который профессора будутъ читать „въ самомъ удобномъ, краткомъ и

---

[1]) „Моск. Тел." Ч. 9-я, 1826 г. Рѣчь о дѣйствіи просвѣщенія на состояніе народовъ, произнесенная на торжественномъ собраніи Имп. С.-Пет. унив. ректоромъ его, стат. сов. и кавал. де-Гуровымъ 20-го мая 1816 г.

[2]) „Вѣстн. Европы" 1813 г.

ясномъ обозрѣніи“ [1]). Можетъ быть, ни одно женское имя не было внесено въ „нарочно приготовленную книгу“, въ которую университетъ приглашалъ родителей заносить имена своихъ дѣтей, желающихъ прослушать весь курсъ; но это уже не зависѣло отъ университета.

На отдѣльныя лекціи, напримѣръ профессора Страхова по опытной физикѣ, а также читавшіяся въ 1807 году лекціи профессора Буле по исторіи, археологіи и изящнымъ искусствамъ, дамы ходили, также какъ и на лекціи профессора Мерзлякова о русской словесности, читанныя въ 1812—1816 годахъ. Въ 1823 году было даже десять дамъ, изъ общаго числа 30-ти слушателей, на лекціяхъ академика Шерера, который читалъ на нѣмецкомъ языкѣ курсы „физико-химическій и минералогическій“, а „физико-химическій съ технологическимъ примѣненіемъ“—на русскомъ. Эти лекціи были платныя—по 100 рублей за полный курсъ [2]).

Сами женщины не оставались пассивными при обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи. Имъ преимущественно принадлежатъ переводы съ иностранныхъ языковъ (большею частью съ французскаго) статей, касавшихся предмета. Онѣ высказывались и самостоятельно.

Кромѣ приведеннаго уже письма провинціальной дамы къ издателю „Сѣвернаго Вѣстника“, была напечатана въ „Аглаѣ“ статья Екатерины Пучковой „о женщинахъ“ [3]), перепечатанная нѣсколько позже въ „Вѣстникѣ Европы“ [4]). Статья написана по поводу рѣчи „о вліяніи женщинъ на изящныя искусства“, произнесенной Воейковымъ на литературной бесѣдѣ у княгини Волконской, въ Рязани. Въ формѣ разговора между „Ипполитомъ“ и „Всемилой“ эта статья представляетъ нѣчто въ родѣ протеста противъ мнѣнія о неравноправности въ умственномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ. Ипполитъ нападаетъ на женщинъ, упрекая ихъ между прочимъ въ томъ, что онѣ управляютъ мужчинами, которые отъ этого порочны; онъ сомнѣвается, чтобы женщины могли образовать вкусъ общества. „И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусомъ? — спрашиваетъ онъ...— Обыкновенныя женщины скучны, просты, сварливы а „сіи“ притворны, хитры, мстительны. Вотъ плоды просвѣщенія!“ заключаетъ Ипполитъ. Всемила возражаетъ ему съ удивительною кро-

---

[1]) Начертаніе о новоучреждаемомъ при Имп. моск. унив. преподаваніи нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ для почтенной московской публики (Період. соч. 1804).

[2]) „Отеч. Записки“, издаваемыя Павломъ Свиньинымъ. 1823 г. Ч. 16.

[3]) „Аглая“. 1810 г. Ч. X.

[4]) „В. Европы“, 1812 г., май. Изъ первыхъ опытовъ въ прозѣ. Соч. Ек. Пучковой.

тостью и скромностью, признается, что имѣетъ „весьма ограниченныя познанія въ словесности, не философка и не ученая", объясняетъ, почему женщины любятъ вздохи и слезы, въ чемъ упрекнулъ ихъ Ипполитъ: „онѣ ищутъ при чтеніи вымышленныхъ страданій,—говоритъ Всемила—потому что главная ихъ добродѣтель—сострадание". Но вмѣстѣ съ тѣмъ она высказываетъ и такую мысль, что если мужчины обладаютъ твердостью духа и другими качествами, то это потому, что ихъ разумъ обогащаютъ познаніями, „а у насъ—прибавляетъ Всемила—отнимаютъ всѣ способы къ пріобрѣтенію свѣдѣній; можно сказать, что съ первою волею, съ первою каплею молока, поселяютъ въ насъ обо всемъ ложныя понятія и притворство... Напрасно вы зовете насъ—говоритъ она—хитрыми и притворными; рабы и люди угнетенные по неволѣ дѣлаются хитрецами и притворщиками" [1]).

На обвиненіе въ литературѣ женщинъ въ томъ, что онѣ не читаютъ русскихъ книгъ, возражала Шумлянская въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" [2]). „У насъ нѣтъ такихъ книгъ,—говоритъ она—изъ которыхъ можно бы научиться тонкостямъ русскаго языка... Мужъ, которому нѣкогда и который иногда не хочетъ по происхожденію своему заняться образованіемъ вкуса, покупаетъ у разнощиковъ за дорогую цѣну рѣдкости и ставитъ ихъ на полочки въ своихъ шкафахъ.. Жена, которая по большей части разборчивѣе другой своей половины, находитъ книгу, смотритъ заглавіе, перевертываетъ страницу, читаетъ нѣсколько строкъ и, вышедши изъ терпѣнія, бросаетъ. Она берется за другую, третью и т. д... Чтожъ ей дѣлать? Она отдыхаетъ на какомъ-нибудь порядочно переведенномъ романѣ; хорошій французскій, рѣдко, рѣдко нѣмецкій, успокаиваетъ ее; наконецъ при чтеніи нѣсколькихъ лучшихъ піэсокъ русскихъ она мирится съ нашею Словесностью... Но — прибавляетъ Шумлянская—ей негдѣ найти сильный, выразительный и краткій языкъ... Исторіи наши, въ которыхъ читатель и читательница могли бы почерпнуть столько сокровищъ для своего языка, написаны не такъ, чтобы могли льстить слуху и очаровывать его"... Ее не удовлетворяетъ и наша лирика, которую однако авторъ находитъ прекрасною. „Гдѣ-жъ у насъ—спрашиваетъ она въ заключеніе—языкъ простой, натуральный, не богословскій, не юридическій, не лирическій. Гдѣ языкъ сердца?"...

Это было написано въ 1816 году; тогда Карамзинъ только-

[1]) Печатая эту статью, издатель „Аглаи" благодарилъ „съ живѣйшимъ удовольствіемъ сердца любезную, достойную защитницу своего пола за прекрасное наставленіе нашему".

[2]) „Укр. В.", 1816 г., февраль.

что началъ печатать свою Исторію и хотя у насъ была уже оригинальная литература, но она большею частью состояла изъ такихъ произведеній, которыя Шумлянская подводитъ, по видимому, подъ рубрику лирики.

Въ 1802 году Карамзинъ, говоря о томъ, что вкусъ къ литературѣ вошелъ у насъ въ моду и что „по всѣмъ угламъ рапсоды продаютъ книги сельскимъ дворянамъ“ [1]), писалъ: „молодой свѣтскій человѣкъ желаетъ имѣть знанія, чтобы говорить съ пріятностію въ обществѣ и даже при случаѣ философствовать, а нѣжное сердце милыхъ красавицъ находитъ въ книгахъ ту чувствительность, тѣ приливы страсти, которыхъ напрасно ищутъ въ обожателяхъ; матери читаютъ, чтобы исполнить тѣмъ лучше священный долгъ свой“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1815 году, если вѣрить тому же „Вѣстнику Европы“, во многихъ домахъ можно было найти только три книги: календарь въ спальнѣ у отца или матери, сонникъ — въ углу у барышни, „Кумъ Матвѣй“—за перегородкой у сына [2]).

Но еще около 1812 года у насъ стало проявляться сочувствіе къ русской литературѣ; возникли литературныя общества: „Бесѣда любителей русскаго слова“ (1811 года), „Арзамасъ“ (1815 года), были дружескіе литературные кружки; наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ, явились Пушкинъ, Грибоѣдовъ, которые читались всѣми образованными людьми. Ихъ читали и женщины. Слова Пушкина въ 1823 году: „чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ“,—къ чему онъ прибавилъ; „да и жалѣть не о чемъ“ [3]),—были справедливы развѣ по отношенію къ женщинамъ высшихъ классовъ, которыхъ Пушкинъ, какъ и всѣ писатели первой четверти нашего вѣка, преимущественно имѣлъ въ виду. Даже въ 1830 году Загоскинъ въ романѣ „Юрій Милославскій“, упрекалъ женщинъ въ томъ, что онѣ не читаютъ русскихъ книгъ и плохо говорятъ по-русски. Одна высокопоставленная дама отвѣчала въ „Современникѣ“ Пушкина Загоскину, что его упрекъ не заслуженъ и что „автору „Юрія Милославскаго“ грѣхъ повторять пошлыя обвиненія... Мы всѣ прочли его—говоритъ она—и кажется одной изъ насъ онъ обя-

---

[1]) „В. Европы“, 1802 г., № 1.

[2]) „Кумъ Матвѣй или превратности человѣческаго ума“. Москва. 1801 г. Это сочиненіе, въ родѣ „Жильблаза“, было переведено съ французскаго и одобрено директоромъ народныхъ училищъ; московскій гражданскій губернаторъ Аршеневскій долженъ былъ оправдываться передъ московскимъ военнымъ губернаторомъ гр. Салтыковымъ въ томъ, что разрѣшилъ ея изданіе (Арх. кн. Воронцова. Т. 20).

[3]) Письмо къ Дельвигу 1823 г.

занъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ... Мы и рады бы читать по-русски, — говоритъ авторъ, разумѣя очевидно лишь людей своего круга — да нечего. Одними стихами довольствоваться нельзя, въ прозѣ есть только Исторія Карамзина, и переводовъ даже мало. Мы принуждены извѣстія и понятія черпать изъ иностранныхъ книгъ; поэтому — прибавляетъ она—мы и мыслимъ на языкѣ иностранномъ". Авторъ увѣряетъ, что такъ дѣлаютъ и всѣ извѣстные литераторы и образованные люди [1]).

Въ среднемъ кругу женщины, конечно говоря о меньшинствѣ, какъ это было вообще относительно людей читающихъ, не только читали по-русски, но упомянутая уже Пучкова убѣждала ихъ еще въ 1809 году читать и славянскія книги [2]).

Пучкова участвовала въ одномъ изъ частныхъ литературныхъ кружковъ, о которомъ В. Козловъ писалъ кн. Шаликову въ 1819 году. „У насъ завелось занятіе или лучше сказать увеселеніе; мы пишемъ другъ другу записки на славянскомъ языкѣ. Нѣкоторыя выраженія сдѣлались общими въ домахъ, гдѣ мы бываемъ". Между другими, Козловъ приводитъ слова, которыми они замѣнили прежнія: трапеза, вечерять, притещи (придти), сонмище (общество). Въ числѣ членовъ этого кружка онъ называетъ графа Хвостова, моряка Синявина, морехода Крузенштерна и московскаго комика Ильина, который—говоритъ онъ—написалъ комедію „Монастырка" и читалъ въ кружкѣ. Изъ женщинъ были двѣ: Пучкова и Ребиндеръ [3]).

Судя по отрывочнымъ извѣстіямъ, встрѣчающимся въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ, литературныя общества съ участіемъ женщинъ были и въ другихъ домахъ. Одно изъ нихъ собиралось, въ началѣ нашего столѣтія, въ Рязани у жены генералъ-лейтенанта, княгини Е. А. Волконской. Тамъ Воейковъ читалъ свою рѣчь „о вліяніи женщинъ на изящныя искусства", въ которой, ссылаясь на примѣръ француженокъ, убѣждалъ русскихъ женщинъ заниматься русскимъ языкомъ и словесностью, учить мужчинъ языку и вкусу [4]). Вигель упоминаетъ о петербургскомъ салонѣ А. П. Хвостовой, автора „Камина и Ручейка" [5]).

---

[1]) „Современникъ", 1836 г. Т. 3.

[2]) „Аглая", 1809 г. Ч. VIII, октябрь.

[3]) Письма В. И. Козлова къ К. П. И. Шаликову. 29 іюля 1819 г. („Дам. Журн." 1830, мартъ).

[4]) „В. Европы", 1810 г.

[5]) *Вигель*. Ч. I, 233.—О Хвостовой, см.: *Е. Лихачева*, Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи 1086—1796, стр. 269.

У нея, по словамъ Вигеля, великосвѣтскіе авторы читали въ 1806 году свои сочиненія; на этихъ вечерахъ читались и русскія произведенія, въ томъ числѣ стихотворенія А. Буниной [1]). Въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ было нѣсколько литературныхъ кружковъ, между которыми болѣе извѣстны собиравшіеся въ домѣ Оленина, также Пономарева; послѣдній собирался подъ предсѣдательствомъ С. Д. Пономаревой [2]). Въ самомъ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ славился кружокъ, въ которомъ участвовали литераторы и ученые и который собирался въ домѣ Елагиной (по первому браку Кирѣевской). Хозяйка, отличавшаяся, по словамъ ее знавшихъ, умомъ и начитанностью, впослѣдствіи пользовалась извѣстностью, какъ писательница.

Измайловъ писалъ Дмитріеву, что надѣется найти въ своей дочери, воспитывавшейся въ Патріотическомъ институтѣ, помощницу въ литературныхъ трудахъ [3]).

Вообще литературное образованіе женщинъ къ концу первой трети нашего вѣка замѣтно распространялось и въ среднемъ кругу, а рядомъ съ этимъ, и даже можетъ быть вслѣдствіе того, что къ этому времени женщины средняго круга преимущественно выступали въ литературѣ, въ высшихъ кругахъ стали несочувственно относиться къ авторству женщинъ, всего болѣе опасаясь обвиненій въ педантствѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ дочери, употребившей въ своемъ письмѣ фразу: „ничто не мѣшаетъ желать намъ событія того, что имѣемъ въ виду", Нелединскій-Мелецкій писалъ въ 1817 году: „Сохрани Богъ, коли употребишь слово *событіе*, писавши къ женщинѣ! Назовутъ тебя педанткой" [4]).

Сперанскій, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за образованіемъ дочери и просматривавшій ея сочиненія, былъ противъ авторства женщинъ, и по весьма страннымъ мотивамъ. „Трудно, любезная моя Елисавета,—писалъ онъ ей въ 1820 году — опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ m-me Staël сидящею за большимъ бюро и за кипою бумагъ. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, которое изъяснить трудно, но нельзя его не чувствовать. Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть быть m-me Sévigné; это ихъ родъ, nec plus ultra женскаго генія; изрѣдка можно написать и пѣсенку и стишки; но все не

---

[1]) Записки Жихарева, 1807 г., мартъ.

[2]) „Современникъ", 1850 г.

[3]) Письмо 15-го апр. 1826 г. („Р. Арх." 1871 г., 7 и 8).

[4]) Хроника недавней старины.

болѣе одного полулиста" [1]). Онъ одобрялъ занятія дочери музыкою и танцами, хотя относительно первой былъ того мнѣнія, что женщина должна „забавляться и забавлять музыкой, но не дѣлать изъ нея ремесла".

Поэты двадцатыхъ годовъ воспѣвали женщинъ и посвящали имъ свои произведенія; но когда, въ 1823 году, князь Шаликовъ основалъ особый, имъ посвященный, „Дамскій Журналъ", на него напали всѣ тогдашніе журналы. Въ объявленіи о „Дамскомъ Журналѣ" было сказано, что онъ основывается „по желанію нѣкоторыхъ читателей а особливо читательницъ", и что главная его цѣль будетъ состоять въ томъ, чтобы „замѣнить дорого стоющую выписку подобныхъ журналовъ изъ-за границы и чрезъ то большему числу любезныхъ соотечественницъ доставить удовольствіе знать новѣйшія изобрѣтенія Моды въ истинной ея столицѣ — Парижѣ; а сверхъ того по возможности угодить нѣжному полу хотя минутнымъ, но пріятнымъ чтеніемъ". Обращаясь къ дамамъ, издатель говорилъ, что „почтетъ себя счастливымъ, если будетъ удостоенъ и отъ любезныхъ писательницъ нашихъ лестнымъ порученіемъ помѣщать въ „Дамскомъ Журналѣ" произведенія нѣжнаго пера ихъ". За поднесеніе въ 1824 году журнала Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, она подарила издателю бриллiантовый перстень.

„Дамскій Журналъ" издавался десять лѣтъ; въ немъ помѣщались переводныя повѣсти, преимущественно г-жи де Жанлисъ, много статей о женщинахъ и къ женщинамъ, стихи самого издателя по разнымъ случайнымъ поводамъ: „къ молодой дамѣ, которая спрашиваетъ меня въ какомъ родѣ я пишу" или „поднесшей мнѣ цвѣты", или той, которая „получивъ отъ меня экземпляръ журнала, хотѣла непремѣнно подписаться на него" [2]). Печатались также біографіи западныхъ и русскихъ женщинъ; въ 1827 году „по образцу иностранныхъ списковъ" былъ напечатанъ дамскій Адресъ-календарь на 1827 годъ [3]). Въ числѣ помѣщенныхъ въ немъ именъ „ученыхъ дамъ и дѣвицъ, споспѣшествовательницъ образованности, благотворительницъ, придворныхъ", по спискамъ 1826 года „ученыхъ россійскаго Общества", почетнымъ членомъ „Общества исторіи и древностей россійскихъ" значилась княгиня З. Ал. Волконская (дочь министра); въ числѣ почетныхъ членовъ Вольнаго Общества Императорской Академіи художествъ — г-жа Лебренъ. Бывшія членами Бесѣды Любителей

[1]) Письмо отъ 27-го ноября 1820 г.

[2]) Эти стихи были посвящены Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

[3]) „Дамск. Журн." 1827 г., августъ.

россійскаго слова и С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей россійскаго слова—А. П. Бунина, А. Волкова и Е. Пучкова [1]). Для продолженія этого списка „Дамскій Журналъ" просилъ самихъ женщинъ доставлять ему свѣдѣнія о себѣ. Можетъ быть, эти свѣдѣнія и послужили Макарову при составленіи имъ „Матеріаловъ для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ", напечатанныхъ въ журналѣ 1830 — 1831 годовъ. Въ одномъ изъ нумеровъ „Дамскаго Журнала" напечатана статья женщины-автора подъ заглавіемъ: „Чувства и мысли при чтеніи ручной книжки" [2]). Эта книжка, подъ названіямъ „Ѳемида, о правахъ женщинъ въ Россіи", была издана, по словамъ „Дамскаго Журнала", по мысли попечителя московскаго учебнаго округа, Писарева, и представляла собою выборки изъ свода законовъ статей, касающихся женщинъ.

Но воскресить времена первыхъ годовъ нашей литературы было уже нельзя. Съ выходомъ первой же книжки „Дамскаго Журнала", „Вѣстникъ Европы" напалъ на него съ серьезными обвиненіями въ томъ, что онъ распространяетъ „роскошную суетность", поддерживаетъ привычку подражать иностранцамъ, а въ этомъ „Вѣстникъ Европы" видѣлъ одну изъ причинъ цѣлаго ряда семейныхъ несчастій, которыя, по его словамъ, часто происходятъ отъ „невиннаго желанія имѣть токъ или блонду". Авторъ статьи изобразилъ при этомъ цѣлую картину женской свѣтской жизни. „Убивъ—говоритъ онъ—всю молодость котильонами, суета такой женщины въ лѣтахъ зрѣлыхъ приноситъ въ семейство пустоту въ головѣ и сердцѣ... всякія занятія, кромѣ свѣтскихъ, кажутся ей отвратительными... въ старости, когда розовыя уста ужъ не украшаютъ выходящаго изъ нихъ вздора — положеніе такой женщины дѣлается ужаснымъ". Она молодится „истощаетъ все свое имѣніе, передаетъ въ наслѣдство дѣтямъ одну суетность, дѣлается ужасомъ семейства и въ награду за столь сильное желаніе нравиться получаетъ одно презрѣніе". Такая женщина въ семьяхъ съ небольшимъ достаткомъ становится еще ужаснѣе. Въ заключеніе „Вѣстникъ Европы" приходитъ къ тому, что „сколь благородно хотя чѣмъ-либо способствовать исправленію нравовъ, распространенію свѣдѣній полезныхъ, столь не похвально хотя и *малымъ чѣмъ* участвовать въ противномъ" [3]).

О литературной части „Дамскаго Журнала" „Вѣстникъ Европы"

---

[1]) Въ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы" Н. Греча (1822 г.) помѣщена и кн. Урусова, какъ почетный членъ „Бесѣды".

[2]) „Дамск. Журн." 1827 г., сентябрь.

[3]) „В. Е." 1823 г., № 5.

отозвался также съ порицаніемъ. „Какъ рука ваша не дрогнула—обращается онъ къ издателю—переводить изъ Journal des Dames? такіе переводы были хороши въ тѣ времена, когда мы охали и вздыхали подъ тѣнію кусточковъ, при нѣжномъ запахѣ фіялки и прислушивались къ унылому стуку кузнечика“.

Въ защиту издателя „Дамскаго Журнала“ выступила г-жа П. В—ва, которая въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества“ прямо объявила, что вступается за „Автора, который ея полу посвятилъ труды свои и теперь претерпѣваетъ строгое и несправедливое нападеніе“. Въ обвиненіяхъ „Вѣстника Европы“ она видитъ „натяжки и желаніе огорчить новаго Журналиста“. Она согласна съ тѣмъ, что излишняя страсть къ нарядамъ вредна, но спрашиваетъ: „въ чемъ излишество не вредно?“ Страсть нравиться авторъ не только считаетъ врожденною и „въ надлежащихъ предѣлахъ“ простительною, но даже „похвальнымъ свойствомъ всякой женщины“. Что касается модныхъ журналовъ, то они даже способствуютъ экономіи, „ибо—говоритъ П. В—ва—по картинкѣ я сама могу сшить платье“. Она находитъ весьма естественнымъ печатаніе въ „Дамскомъ Журналѣ“ переводовъ изъ „Journal des Dames“. „Неужели—спрашиваетъ она—помѣщать статьи изъ Journal des Savants, изъ Іенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей?“ Не защищая бывшую прежде въ модѣ „приторную чувствительность“, она признаетъ, однако, вреднымъ только ея излишества. „Выиграли ли мы—спрашиваетъ она—отъ того, что эта чувствительность теперь рушилась?.. Теперь явилась другая крайность“. Проводя параллель между прежними и современными ему нравами, авторъ говоритъ: „молодые люди не опрыскиваются духами, но окружаютъ себя вмѣсто того облакомъ сигарнаго дыма; прежде они едва касались полу въ легонькихъ башмачкахъ, а нынѣ стучатъ подкованными каблуками огромныхъ сапоговъ. Бывало дамы изрѣдка признавались, что съ удовольствіемъ читали Повѣсти и Письма Карамзина, Сказки и Басни Дмитріева; нынѣ женщины и дѣвицы, молодыя и старыя, судятъ и рядятъ о Словесности, толкуютъ объ экзаметрахъ, о спондеяхъ, ссылаются на Горація, котораго и въ переводѣ не читали, подписываютъ приговоры новымъ театральнымъ піесамъ и объявляютъ себя если не начальницами, то приверженцами той или другой школы“. Авторъ того мнѣнія, что если въ „Дамскомъ Журналѣ“ будутъ помѣщаемы „пьесы занимательныя содержаніемъ и слогомъ, хорошія повѣсти, любопытные анекдоты, пріятные стихи и—говоритъ она—для чего не прибавить?—интересныя для женщинъ извѣстія о модахъ, то онъ принесетъ и пользу и удовольствіе... Предоставляя мужьямъ нашимъ—заклю-

чаетъ авторъ — ученыя разысканія и важныя статьи по части любомудрія, мы съ благодарностью будемъ читать то, что для насъ не слишкомъ высоко и учено". Кстати отвѣчая и Пушкину, письмо котораго о томъ, что женщины ничего не читаютъ, было помѣщено тогда въ „Полярной Звѣздѣ", В—ва говоритъ: „но что намъ читать? Неужели однѣ шарады? Дайте намъ пищу въ отечественной литературѣ и мы откажемся отъ иностранной" [1]).

Пища въ отечественной литературѣ тогда уже была и именно такая, какой желалъ авторъ приведеннаго письма. Въ двадцатыхъ годахъ, и даже нѣсколько раньше, издавались Альманахи, сборники, журналы, наполнявшіеся именно такими произведеніями (за исключеніемъ хорошихъ повѣстей, которыхъ не было), какія, по мнѣнію г-жи В—вой, могли удовлетворять вкусу женщинъ. Начавшійся издаваться въ 1818 году журналъ А. Измайлова, „Благонамѣренный", былъ посвященъ „Друзьямъ, сотрудникамъ, любительницамъ и любителямъ отечественной словесности". Но содержаніе журналовъ было таково, что Полевой, въ первой же книжкѣ основаннаго имъ въ 1825 году „Московскаго Телеграфа", признался, что ему стыдно бывало читать журналы, особенно для женщинъ назначаемые" [2]).

„Неужели—спрашиваетъ онъ—милая, умная женщина (а кто же не предполагаетъ, что онѣ всѣ умны и милы?) не возвышается понятіемъ далѣе водевильнаго куплета или водяного мадригала?" Но и Полевой желалъ, чтобы журналистъ говорилъ съ дамами не такъ, какъ говоритъ вообще съ читателемъ, а какимъ-то *ихъ* языкомъ, и даже пересказывалъ имъ о парижскихъ театрахъ и модахъ. Къ своему журналу Полевой также прилагалъ моды, съ объясненіями, оправдываясь тѣмъ, что читатель двадцатаго вѣка будетъ въ состояніи по нимъ судить о минувшемъ. Этотъ отдѣлъ журнала назывался: „Лѣтописи модъ".

Къ мысли о журналѣ для женщинъ, и вообще о чтеніи для нихъ, Полевой возвращался нѣсколько разъ. Въ общемъ, его взгляды на предметъ сходились съ взглядами г-жи П. В—ой. „Никто не велитъ — говорилъ онъ въ 1827 году — подчивать милыхъ читательницъ историко-статистическо-Археологическими статьями; но для чего думать, что дамы не прочитаютъ съ удовольствіемъ хорошо написанной повѣсти, изящнаго стихотворенія, не поблагодарятъ издателя за шутку, за анекдотъ умно разсказанный, не взглянутъ на разборъ романа, на извлеченіе изъ

[1]) „Сынъ Отечества". Историческій, политическій и литературный журналъ, издаваемый Николаемъ Гречемъ. С.-Пет. 1823 г. Ч. 85. Антикритика.

[2]) „Моск. Тел." 1825 г. Ч. 1. Письмо издателя къ NN.

него?“ Такая программа удовлетворила бы, по мнѣнію Полевого, и читателя вообще, а потому Полевой приходитъ къ заключенію: „словомъ,—говоритъ онъ—для чего, вмѣсто *дамскаго* журнала, не издавать просто *литературнаго* изящнаго журнала?“ [1]).

Негодуя на пренебреженіе, съ какимъ тогда (въ 1825 г.) относилась къ русской литературѣ публика вообще, и въ особенности женщины, Полевой говоритъ: „пока русская публика будетъ чуждаться русскаго чтенія, пока званіе ученаго будетъ пугать свѣтскія общества, пока большой свѣтъ не сблизится съ русскимъ языкомъ, не будетъ радоваться успѣхамъ, успѣхамъ нашимъ въ словесности, наукахъ и художествахъ, до того времени мы не уравняемся съ другими народами и всегда отстанемъ отъ нихъ“ [2]). Обращаясь къ женщинамъ, онъ говоритъ: „посмотрите, милыя читательницы, посмотрите на ваши собранія, гдѣ французскія фразы леденѣютъ въ стужѣ большого свѣта, гдѣ скука бьетъ въ тактъ зѣванью; если вы не вѣрите, прочитайте то, что говорятъ о вашихъ обществахъ умные французы, нѣмцы, англичане... Согласитесь, что знакомство съ русскою ученостью необходимо для изгнанія скуки, холода и жалкаго commérage ennobli par les grands noms qu'on prononce, mais qui a pourtant le même fond que celui des gens du peuple“... По его увѣренію, въ обществахъ „малаго свѣта“ ничего не читаютъ и скупятся на книги. Однако, онъ самъ сознается, что, „наслышавшись о Пушкинѣ въ большомъ свѣтѣ, куда этотъ малый свѣтъ иногда является, странная скупость малаго свѣта выдумала *списывать* Пушкина и „Кавказскій Плѣнникъ“ ходитъ по рукамъ обезображенный ошибками всякаго рода“.

Во всѣ тридцать-четыре года, считая отъ смерти Императрицы Екатерины до 1830 года включительно, женщинъ-писательницъ было не много. По словарю князя Голицына, общее ихъ число за это время было нѣсколько болѣе двухъ сотъ. Изъ нихъ всего болѣе поэтессъ (68) и переводчицъ (47). Но и въ это число писательницъ входятъ у князя Голицына пансіонскія сочиненія 12—14-тилѣтнихъ учениць. Къ послѣднимъ принадлежитъ „Плутархъ для прекраснаго пола“, особую часть котораго составили, по словамъ Руссова, „молодыя Россіянки ученицы одного благоучрежденнаго заведенія, занимаясь словесностью“, подъ заглавіемъ: „Галлерея Россіянокъ, упоминаемыхъ въ Исторіи по достоинствамъ“ [3]).

Литературныя произведенія женщинъ этого времени носили характеръ сентиментальности, туманности, отличались цвѣтистымъ

[1]) „Моск. Тел.“ 1827 г. Ч. XV.
[2]) „Моск. Тел.“ 1825 г., февраль.
[3]) *Руссовъ.* Библіографическій каталогъ россійскихъ писательницъ. 1826 г.

слогомъ, были пересыпаны французскими словами, что, впрочемъ, было тогда въ модѣ.

Непосредственное участіе женщинъ въ литературѣ первой четверти нашего вѣка прошло безслѣдно для нея. Нѣкоторыя изъ ихъ произведеній въ свое время славились и читались даже на литературныхъ бесѣдахъ; но среди женскихъ произведеній не было ни одного крупнаго, сохранившагося для потомства.

Содѣйствовали ли женщины выработкѣ русскаго языка? — объ этомъ трудно судить; хотя нашъ языкъ началъ вырабатываться еще при Карамзинѣ, по главнымъ образомъ Пушкину и его школѣ всецѣло принадлежитъ эта заслуга.

Оправдали ли женщины ожиданія Карамзина въ отношеніи облагороженія вкусовъ и нравовъ современнаго имъ общества?— Доказать это фактами невозможно. Несомнѣнно, что сами женщины много выиграли, сдѣлавшись образованнѣе; но наши нравы были такъ еще грубы, что въ 1813 году одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени, князь, принадлежавшій къ свѣтскому обществу и весьма высоко ставившій правила общежитія, прибилъ жившую у него въ домѣ „барышню", приведя въ свое оправданіе лишь то, что онъ за картами „лютъ" [1]. Положимъ, единичный случай не можетъ имѣть общаго значенія, но у насъ есть свидѣтельства современниковъ, русскихъ и иностранныхъ, которые подтверждаютъ эту мысль.

Посѣтившая въ 1812 году Россію г-жа Сталь говоритъ о русскихъ, что они гостепріимны, но молчаливы, не умѣютъ и не любятъ разговаривать, а задаютъ лишь пиры [2]. Она разсказываетъ, что на обѣдѣ, данномъ ей однимъ титулованнымъ, высокопоставленнымъ лицомъ, разговоръ не вязался и оживился лишь тогда, когда она сказала двусмысленность, которой всѣ обрадовались. „Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ продолженіе трехъ часовъ"—прибавляетъ она.

Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому говоритъ: „Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича, передъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! Забавляй Гекторку (Датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику" [3].

---

[1]) Кн. И. М. *Долгоруковъ*. Журналъ путешествія въ Нижній 1813 года, стр. 112.

[2]) Mémoires.

[3]) Письма А. С. Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому („Р. Арх." 1884 г., № 2). Письмо 1826 г., іюнь.

Сперанскій въ своихъ письмахъ къ дочери часто употребляетъ, въ смыслѣ ласкательнаго, выраженіе: „моя дура“, „моя милая дура“, „мои большія дуры“.

О нравахъ литературнаго міра, въ томъ же письмѣ къ князю Вяземскому, Пушкинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы знать, прочитавъ въ газетахъ о пріѣздѣ въ Петербургъ французскаго путешественника и поэта Ancelot, которому „30 словесниковъ“ давали обѣдъ, „кто эти безсмертные“ и проситъ князя „овладѣть Ancelot и не пускать его по кабакамъ отечественной словесности“. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи, Ancelot разсказалъ въ изданной имъ, въ 1827 году, книгѣ „Six mois en Russie“. Онъ нашелъ, что у насъ женщины образованнѣе мужчинъ, потому что многія изъ нихъ говорятъ на иностранныхъ языкахъ и знакомы съ литературою. Къ этому онъ добавляетъ, что „обширность познаній у русскихъ женщинъ, ихъ превосходство нравственное, объясняютъ, можетъ быть, причину одиночества, въ которомъ молодые люди оставляютъ женщинъ въ обществѣ и не желаютъ сближаться съ ними“.

По поводу этой книги издатель „Московскаго Телеграфа“ говоритъ, что онъ радъ тому, что иностранецъ гласно призналъ превосходство образованности женскаго пола надъ нашимъ въ Россіи... „Я всегда былъ этого мнѣнія—прибавляетъ онъ—и увѣренъ, что наши свѣтскія общества холодны и безжизненны отъ нашей братіи. Если просвѣщеніе нашихъ женщинъ и не утверждено на истинныхъ основаніяхъ, то по крайней мѣрѣ согласиться должно, что изящныя искусства, чтеніе иностранныхъ книгъ и отечественныхъ, сколько ихъ есть, входятъ въ число любимыхъ занятій новаго поколѣнія. И если молодыя дѣвицы, поступивъ въ званіе супруги, нерѣдко охлаждаются къ симъ просвѣщеннымъ вкусамъ, то по большей части виноваты мужья, которые нерѣдко не умѣютъ ни поддерживать, ни цѣнить благородныхъ склонностей подругъ своихъ...“ Такое сужденіе Полевой не ограничиваетъ столичными женщинами; напротивъ, говоря, что „довольно ѣздилъ по Россіи“, онъ вездѣ находилъ „безъ всякаго лицепріятія, что сумма, какова бы она ни была, мыслей, утонченныхъ чувствъ, образованности и свѣдѣній, перетянетъ всегда на сторонѣ женской“ [1]).

Эта оцѣнка женскаго образованія конца первой трети нашего вѣка, сдѣланная умнымъ и передовымъ человѣкомъ современнаго ему общества, какимъ былъ Полевой, вѣрна и справедлива. Пуш-

[1]) „М. Телеграфъ“, 1827 г. Ч. XV.

кинъ, съ такимъ пренебреженіемъ отозвавшійся въ 1823 году о читательницахъ, нѣсколько лѣтъ спустя „замышлялъ дѣйствовать посредствомъ своего журнала на русскихъ женщинъ, которыхъ онъ уважалъ несравненно болѣе, чѣмъ мужчинъ, признавая нашихъ женщинъ несравненно просвѣщеннѣе“ [1]).

Вообще, въ сужденіяхъ современниковъ разныхъ эпохъ нашей исторіи о женскомъ образованіи, къ формулѣ „хорошо воспитана“ для эпохи Петра,—„мила, любезна, весела“, къ чему иногда прибавлялось: „и образована“—для времени Екатерины,—въ концѣ первой трети нашего вѣка прибавилась, уже не въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія, формула: „очень хорошо образована“. Примѣромъ такого, дѣйствительно очень хорошаго образованія можетъ служить графиня А. Блудова. Подъ руководствомъ просвѣщеннаго отца и при вліяніи лучшихъ въ умственномъ отношеніи людей своего времени, она получила серьезное образованіе: была хорошо знакома со всѣми европейскими литературами, занималась исторіею и русскою литературою, интересовалась философіею и принимала живое участіе во всѣхъ современныхъ ей общественныхъ и политическихъ вопросахъ.



[1]) *Князь П. П. Вяземскій.* А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. („Р. Арх.“ 1884 г., № 4).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Указъ Императора Павла I Императрицѣ Маріи начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ.—Пожертвованіе Императрицы Обществу.—Пожертвованія великихъ княгинь и княженъ.—Первыя распоряженія Императрицы по Обществу.—Приведеніе въ порядокъ хозяйственной части.—Увеличеніе средствъ на его содержаніе.—Инструкція должностнымъ лицамъ.—Приготовленія къ первому при Императрицѣ пріему въ Общество.—Предложеніе Совѣта сократить число воспитанницъ.—Проектъ Императрицы о переустройствѣ всей организаціи Общества. — Увеличеніе числа вакансій на благородной половинѣ для дворянскихъ дѣтей и уменьшеніе числа мѣщанскихъ. — Указъ Императора Павла и ассигнованіе имъ суммы на содержаніе прежняго числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Измѣненіе системы Императрицы Екатерины II по женскому образованію.—Личныя свойства характера Императрицы Маріи.—Ея молодость, воспитаніе и образованіе.—Объясненіе характера реформъ, предпринятыхъ Императрицею Маріею въ женскомъ образованіи и воспитаніи. —Выдѣленіе женскаго образованія изъ общей системы воспитанія и образованія русскаго юношества въ отдѣльную часть. — Первый выпускъ изъ Общества при Императрицѣ Маріи.—Награды воспитанницамъ.—Смерть Делафонъ.—Новая начальница Пальменбахъ.—Члены Совѣта.—Составленныя Императрицею правила пріема въ Общество.—Измѣненіе первоначальной цѣли его учрежденія. —Стоимость содержанія воспитанницы на благородной и на мѣщанской половинахъ.—Пенсіонерки особъ царской фамиліи и частныя.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Кассетная сумма.—Добавленіе отпускаемой изъ государственнаго казначейства суммы на содержаніе Общества. —Нарушеніе правилъ пріема, предписанныхъ Императрицею Маріею.—Дочери купца на благородной половинѣ по повелѣнію Императора Павла. — Классныя дамы . . . . 1— 20

ГЛАВА ВТОРАЯ. Указъ Императора Павла о начальствованіи Императрицы Маріи надъ Воспитательными Домами въ Петербургѣ и Москвѣ. — Пожертвованіе имъ Императрицы. Цѣль учрежденія этихъ Домовъ и ихъ устройство.—Смертность среди при-

СТРАН.

носимыхъ дѣтей.—Безпорядки въ администраціи.—Планъ Императрицы переустройства Домовъ. — Ограниченіе числа питомцевъ и питомицъ. -Программа ихъ обученія.—Характеръ реформъ Императрицы.—Отмѣна дарованной Екатериною питомцамъ и питомицамъ Домовъ привилегіи.—Отраженіе этой мѣры на мѣщанскихъ воспитанницахъ Общества.— Основаніе Сиротскаго училища (Маріинскій институтъ) для сорока бѣдныхъ сиротъ на личныя средства Императрицы.—Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ.—Докладъ князя Куракина.—Обязанности кавалерственныхъ Дамъ ордена св. Екатерины.—Пожертвованія Императрицы, великихъ княгинь и княженъ на училище для бѣдныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.—Его доходы.—Дѣвичье училище военносиротскаго Дома, основанное Императоромъ Павломъ (Павловскій институтъ).—Положеніе о немъ.—Права воспитанницъ по окончаніи курса.—Измѣненіе характера отношенія правительства къ воспитанію дѣтей низшихъ сословій. — Вносъ въ кассу училища восьмой части получаемаго бывшими его воспитанницами жалованья. -Примѣненіе этого правила къ Воспитательнымъ Домамъ. — Обезпеченіе судьбы воспитанницъ всѣхъ заведеній. — Практическій Акушерскій институтъ въ Москвѣ. — Училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ; его цѣль и средства.—Гатчинскій сельскій Воспитательный Домъ.—Проектъ Императрицы учредить пять женскихъ училищъ въ губерніяхъ. — Александровское училище въ Москвѣ; его средства.—Принятіе Императрицею Маріею въ свое вѣдѣніе дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома. — Прежняя его организація.—Суммы на его содержаніе.—Данныя ему Императрицею „Учрежденія". — Основаніе французскихъ классовъ въ Воспитательныхъ Домахъ. — Повивальный институтъ въ Петербургѣ.—Измѣненіе правилъ пріема на мѣщанскую половину Общества.—Военное отдѣленіе.—Сокращеніе числа мѣщанскихъ воспитанницъ.—Увеличеніе вакансій во всѣхъ заведеніяхъ для дочерей военнаго дворянства. — Пріемный возрастъ воспитанницъ. — Принятіе Императрицею подъ свое покровительство харьковскаго института.—Училище для солдатскихъ дочерей.—„Учрежденіе" для дочерей черноморскаго флота. — Положеніе, данное имъ Императоромъ Николаемъ.—Тѣлесныя наказанія.—Раздѣленіе женскихъ учебныхъ заведеній на категоріи по происхожденію воспитанницъ. — Новыя правила пріема на мѣщанскую половину Общества.—Денежныя средства женскихъ учебныхъ заведеній.—Пожертвованныя Императрицею Маріею суммы.—Пенсіонные капиталы. —Пожертвованія разныхъ лицъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ и на содержаніе пенсіонерокъ.— Награды воспитанницамъ.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ. — Итоги суммъ, отпускавшихся при Императрицѣ Маріи разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ изъ государственнаго казначейства.—Итоги денежныхъ пожертвованій самой Императрицы . . . . 21 — 69

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Уставъ 1804 года.—Отношеніе къ женскому образованію Императора Александра I.—Пожертвованія на муж-

СТРАН.

скія и женскія учебныя заведенія.—Пожертвованіе тверского дворянства на женское учебное заведеніе.—Указъ Императора Александра о благотворительности.—Частная благотворительность.—Пожертвованіе камергера Свистунова.—Домъ Трудолюбія въ Петербургѣ (Елизаветинское училище).—„Положеніе", ему данное.—Измѣненіе цѣли его основанія; его средства.—Принятіе Дома подъ покровительство Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Харьковское Общество благотворенія.—Харьковскій институтъ.—Уставъ харьковскаго института и его отличіе отъ дѣйствовавшихъ въ институтахъ Императрицы Маріи правилъ.—Доходы института.—Бытъ воспитанницъ.—Отчеты объ институтѣ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ".—Посѣщеніе института великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Посѣщеніе государя.—Принятіе института подъ покровительство Императрицы Маріи.—Торжественное открытіе харьковскаго института.—Отношеніе къ нему харьковскаго общества.—Пожертвованія.—Награды воспитанницамъ.—Измѣненіе программы ученія.—Средства.—Измѣненіе устава.—Возвышеніе платы съ пенсіонерокъ.—Назначеніе учителямъ жалованья.—Расширеніе института.—Высочайшее повелѣніе приказамъ общественнаго призрѣнія о суммахъ на содержаніе института.—Завѣщанный ему Императрицею Маріею капиталъ.—Петербургское Патріотическое Общество Дамъ.—Пожалованіе ему 50.000 р. ежегодно Императоромъ Александромъ.—Пожертвованія особъ царской фамиліи.—Указъ объ оставленіи Общества подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Совѣтъ.—Женскія Патріотическія Общества въ Рязани и Москвѣ.—Средства Общества.—Училище для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей въ войну 1812 года (Патріотическій институтъ).—Частныя школы Патріотическаго Общества.—Принятіе Патріотическаго института подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны.—Положеніе и штатъ 1827 года.—Суммы, опредѣленныя Императоромъ Николаемъ на содержаніе института.—Полтавскій институтъ.—Сравненіе его устава съ уставомъ харьковскаго.—Отношеніе полтавскаго дворянства къ институту.—Первый выпускъ.—Средства на содержаніе института.—Записка князя Репнина В. П. Кочубею о положеніи института.—Мнѣніе государя.—Суммы на содержаніе института изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и изъ государственнаго казначейства.—Дозволеніе принимать въ институтъ дочерей купцовъ 1-ой и 2-ой гильдіи.—Положеніе 1828 года.—Дома Трудолюбія въ Симбирскѣ (Елизаветинское училище) и Москвѣ (Елизаветинское училище).—Положеніе 1825 года.—Пожертвованіе московскому Дому Трудолюбія.—Пожертвованіе помѣщицы М. Н. Родіоновой на учрежденіе института въ Казани.—Одесскій институтъ и его уставъ . . . . 70—126

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Отношеніе Императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ.—Ея переписка съ начальницами.—Отношеніе Императрицы къ воспитанницамъ.—Ея напутствія выпускнымъ.—Характеръ ея наставленій воспитанницамъ.—

СТРАН.

Улучшеніе матеріальнаго быта начальницъ и классныхъ дамъ.— Инструкція начальницѣ Воспитательнаго Общества. — Отношеніе Императрицы къ родителямъ воспитанницъ.—Заботы о больныхъ воспитанницахъ.—Письма Императрицы о пищѣ воспитанницъ.— Тоска по дому у нихъ.—Отношеніе начальницъ и классныхъ дамъ къ воспитанницамъ. — Условія институтской жизни. — Донесенія начальницъ. — Вѣра Императрицы въ достоинства институтскаго воспитанія.—Помѣщеніе въ женскія учебныя заведенія, какъ награда за заслуги родителей. — Устройство судьбы воспитанницъ.— Разсказъ Императрицы Александры Θедоровны. — Любовь воспитанницъ къ Императрицѣ Маріи.—Закрытая система воспитанія.— Собранія. — Приготовленія къ пріему гостей, пріѣзжавшихъ въ институты.—Сужденія объ институтскомъ воспитаніи.—Выпускные экзамены.—Заботы о внѣшности воспитанницъ. — Балетъ въ Воспитательномъ Обществѣ. — Инструкція Императрицы начальницамъ.—Ея взглядъ на внѣшніе знаки отличія для воспитанницъ.— Тѣлесныя наказанія въ институтахъ.—Занятія воспитанницъ хозяйствомъ. — Книга „Отеческіе совѣты моей дочери". —„Нравоученіе" протоіерея Воскресенскаго. — Внутренняя жизнь институтовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны . . . . 127 — 184

ГЛАВА ПЯТАЯ. Взглядъ Императрицы Маріи на образованіе.—Начертанный ею планъ ученія въ Обществѣ.—Сравненіе программы плана съ программою Коммиссіи народныхъ училищъ. — Учителя и ихъ жалованье.—Записка инспектора объ учителяхъ.— Программа ученія въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины.—Программа мѣщанскихъ училищъ.—Планъ ученія для дѣвичьяго училища военно-сиротскаго Дома.—Затрудненія при введеніи плана Императрицы. — Донесенія инспектора классовъ. — Преподаваніе физики и учителя. — Требованія Императрицы отъ учителя физики. — Взглядъ инспектора на обученіе мѣщанокъ. — Предметы, преподававшіеся на иностранныхъ языкахъ. — Повышеніе требованій при помѣщеніи воспитанницъ въ институты. — Инспекторъ классовъ Лодій. — Его докладъ Императрицѣ. — Его поиски учителя физики на французскомъ языкѣ.—Учебныя руководства въ женскихъ заведеніяхъ. — Печатаніе фамилій учителей въ Адресъ-календарѣ.—Третные рапорты учителей.—Отмѣтки воспитанницамъ.—Учебный планъ Лодія.—Повышеніе программы мѣщанскаго училища.—Знанія воспитанницъ.—Заботы Императрицы объ ученіи.—Присылаемыя ею книги.—Инспекторъ классовъ Германъ.—Его донесенія. —Приглашеніе лучшихъ учителей. — Комитетъ по учебной части. — Отмѣна экзаменовъ при переводѣ изъ одного класса въ другой. — Табель о жалованьѣ учителей. — Правила о наградахъ и пенсіяхъ имъ. — Особенныя требованія отъ учителей для женскихъ учебныхъ заведеній. — Программа курса для пепиньеръ. — Сочиненія воспитанницъ. — Отраженіе на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по мужскому образованію.—Цѣль учрежденія Комитета по

СТРАН.

учебной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Учебный Комитетъ при главномъ правленіи училищъ. — Руководство по исторіи. — Диктованіе въ классахъ. — Бесѣды въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Библіотека Общества. — Самостоятельное отношеніе Императрицы Маріи къ мѣрамъ правительства по мужскому образованію. — Положеніе учебнаго дѣла въ Патріотическомъ институтѣ и петербургскомъ Домѣ Трудолюбія.—Программа полтавскаго института.—Донесеніе Гулакъ-Артемовскаго объ ученіи въ этомъ институтѣ . . . . 185 — 220

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отношеніе литературы къ образованію въ институтахъ.—Сужденія о воспитанницахъ ихъ. — Требованія общества отъ образованія вообще и въ частности отъ воспитанія и образованія женщинъ. — А. Никитенко объ образованіи институтокъ. — Условія, предъявлявшіяся къ преподаванію въ институтахъ.—Возрастъ, въ которомъ институтки кончали свое образованіе. — Знанія, съ какими онѣ выходили изъ заведенія. — Метода Песталоцци. — Показная сторона институтскаго образованія. — „Сѣверный Вѣстникъ“ о знаніяхъ воспитанницъ. — Стихотворныя сочиненія ихъ.—Рецензія П. Калайдовича.—Письма бывшихъ воспитанницъ.—Начало педагогическаго образованія женщинъ.—Пепиньерки.—Приготовленіе гувернантокъ въ бѣлорусскія губерніи. —Императрица объ ученіи пепиньерокъ. — Курсъ пепиньерскихъ классовъ. — Классы наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ. — Планъ ихъ ученія, начертанный Императрицею. — Помѣщеніе наставницъ на мѣста. — Програма инспектора классовъ Фусса. — Музыкальные классы при Воспитательныхъ Домахъ. — Значеніе дѣятельности Императрицы Маріи въ дѣлѣ женскаго образованія. — Ея заслуги по обезпеченію судьбы воспитанницъ. — Отношеніе къ ней бывшихъ воспитанницъ. — Цѣль большинства родителей при отдачѣ въ женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы. — Награды воспитанницамъ при выпускахъ.—Форма свидѣтельствъ . . . . 221 — 249

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Образованіе женщинъ въ первой трети нашего столѣтія.—Частные женскіе пансіоны.—Женское училище въ Харьковѣ на общественныя средства. — Женскія училища. — Пансіонъ графини Чернышевой.—Женское образованіе въ западномъ краѣ. — Дѣятельность Эдукаціонной коммиссіи по женскому образованію.—Генеральныя визитаторки. — Проектъ женской учительской семинаріи въ Кременцѣ.—Система кн. Чарторыйскаго.— Институтъ для приготовленія гувернантокъ. — Народныя училища въ западномъ краѣ.—Училища по уставу 1804 года. — Число учащихся дѣвушекъ въ народныхъ школахъ. — Общее число ихъ въ имперіи въ 1824 году. — Домашнее воспитаніе и образованіе женщинъ.—Вопросъ объ образованіи въ литературѣ.—Сословность въ дѣлѣ образованія.—Отношеніе журналовъ первыхъ годовъ нашего столѣтія къ женщинамъ и ихъ образованію.—Участіе женщинъ въ литературѣ.—Образованіе женщинъ высшихъ классовъ общества.—

СТРАН.

Ученая женщина — Отношеніе Карамзина къ женщинамъ и ожидаемая имъ польза отъ ихъ участія въ литературѣ. - Пріемы журналовъ по отношенію къ писательницамъ. — „Московскій Телеграфъ“ и его отношеніе къ нимъ. — Вопросъ о женскомъ образованіи въ рѣчахъ профессоровъ. — Публичныя лекціи въ московскомъ университетѣ.— Женщины на лекціяхъ профессоровъ.—Участіе женщинъ въ обсужденіи вопроса объ ихъ образованіи.—Образованіе женщинъ среднихъ классовъ общества. — „Дамскій Журналъ“.—„Московскій Телеграфъ“ о журналѣ для женщинъ.—Число писательницъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ. — Нравы тогдашняго общества.—Сужденія иностранцевъ объ образованіи русскихъ женщинъ.— Сужденія о немъ русскаго общества . . . . 250 — 301

Цѣна 1 р. 50 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086 — 1796 гг.) съ основанія перваго женскаго училища до смерти Императрицы Екатерины II.

Цѣна за обѣ книги 3 рубля.

Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Фурштатская ул. 56.


2007098456